

Эммануил Сведенборг

О Небесах, о мире духов и об аде

Эммануил Сведенборг
О Небесах, о мире духов и об аде

«Public Domain»

1758

Сведенборг Э.

О Небесах, о мире духов и об аде / Э. Сведенборг — «Public Domain», 1758

«Слог Сведенборга во всех его богословских сочинениях отличается математической точностью употребляемых выражений и простотой, доходящей даже до сухости; в подобного рода сочинениях это скорее достоинство, чем недостаток. Я старался передать подлинник как можно ближе, чтоб читатель мог получить верное понятие о слоге самого автора, но я не упустил из виду главную цель перевода, а именно его понятность и общедоступность...»

© Сведенборг Э., 1758

© Public Domain, 1758

Содержание

Объяснительный словарь	6
О Небесах, о мире духов и об аде	9
Введение	9
О Небесах	10
Господь есть Бог небес	10
Божественное (начало) Господа образует небеса	11
Божественное (начало) Господа на небесах есть любовь к Нему и любовь (charitas) к ближнему	12
Небеса разделяются на два царства	14
О троичности небес	15
Небеса состоят из бесчисленных обществ	18
Каждое общество образует небеса в малом виде, а каждый ангел в меньшем	20
Все небеса в совокупности изображают как бы одного человека	22
Каждое общество на небесах изображает человека	24
Внешний образ каждого ангела есть совершенно человеческий	25
Небеса, вообще и в частности, изображают человека вследствие Божественной человечности Господа	26
Все, что есть на небесах, соответствует всему, что есть в человеке	28
Все, что есть на земле, соответствует небесам	31
О небесном солнце	35
О небесном свете и тепле	38
О четырех сторонах света на небесах	42
Об изменениях внутреннего состояния ангелов на небесах	45
О времени на небесах	47
О предметах, изображаемых и видимых на небесах (de repraesentativis et apparentiis)	48
Об одеяниях ангельских	50
О жилищах и обителях ангельских	51
О пространстве на небесах	53
О небесном образе, согласно которому устроены сообщества и сообщения на небесах	54
О небесном управлении	58
О небесном Богослужении	59
О могуществе ангелов небесных	61
О речи ангельской	62
О разговоре ангелов с человеком	65
О небесном письме	69
О мудрости небесных ангелов	70
О состоянии невинности ангелов на небесах	75
О состоянии мира на небесах	78
О соединении небес с родом человеческим	80
О соединении небес с человеком посредством Слова	83

Небеса и ад образуются из рода человеческого	87
О состоянии на небесах язычников, или народов, находящихся вне церкви (<i>extra ecclesiam</i>)	89
О детях на небесах	93
О мудрых и простых на небесах	98
О богатых и бедных на небесах	103
О браках на небесах	107
Об ангельских занятиях на небесах	113
О небесной радости и небесном блаженстве	115
О необъятности небес	122
О мире духов и состоянии человека по смерти его	126
Что такое мир духов	126
Всякий человек по внутренним началам своим (<i>quoad interiora</i>) – дух	128
О восстании человека из мертвых и о вступлении его в жизнь вечную	131
Человек после смерти является в совершенном человеческом образе	133
Человек после смерти вполне сохраняет чувства, память, мысли и любовь (<i>affectiones</i>), принадлежавшие ему в миру, покидая одно только земное тело свое	136
Человек после смерти таков, какова была жизнь его на земле	141
Наслаждение каждого по роду жизни его превращается после смерти в соответствующее	148
О первом состоянии человека после смерти	151
О втором состоянии человека после смерти	153
О третьем состоянии человека после смерти, которое есть состояние наставления для поступающих в небеса	158
Никто не может сподобиться царства небесного по одному только непосредственному милосердию Господню	161
Не столь трудна, как полагают, жизнь, ведущая к небесам	164
Об аде	169
Господь управляет адом	169
Господь никого не ввергает в ад, но это делается самим духом	171
Все жители ада обретаются во зле и потому во лжи по любви к себе и к миру	173
Что такое адский огонь и скрежет зубов	178
О коварстве и ужасных ухищрениях адских духов	182
О виде, местоположении и множестве адов	184
О равновесии между небесами и адом	187
Человек свободен вследствие (<i>per</i>) равновесия между небесами и адом	190

Эммануил Сведенборг

О Небесах, о мире духов и об аде

Объяснительный словарь

Слог Сведенборга во всех его богословских сочинениях отличается математической точностью употребляемых выражений и простотой, доходящей даже до сухости; в подобного рода сочинениях это скорее достоинство, чем недостаток. Я старался передать подлинник как можно ближе, чтоб читатель мог получить верное понятие о слоге самого автора, но я не упустил из виду главную цель перевода, а именно его понятность и общедоступность. Поэтому, передавая почти всегда одинаково одни и те же выражения автора, я, однако, иногда заменял их другими, более общеупотребительными, когда по смыслу оказывалась в этом надобность. При этом я всегда сопоставлял и латинское выражение, делая то же самое и для всякого другого слова, когда для полнейшего уразумения его находил это полезным. Переводя с подлинника, я пользовался и французским, и английским переводами. Первый сделан с дословной точностью: в нем сохранены даже все частицы и почти вся пунктуация подлинника, которая весьма небрежна; вследствие этого перевод читается с трудом и кажется темным. Второй несравненно лучше: при такой же точности он ясен и легок, но, разбив все периоды на отдельные фразы, он впал, я нахожу, в другую крайность. Я избрал середину и старался сохранить, по возможности, полноту латинского периода. Нечего говорить о том, что перевод всякого философского сочинения на русский представляет немало трудностей; тем более было их в этом деле, что у Сведенборга встречаются слова, которые употребляются им в особом значении. Я старался приискать для них равнозначащие выражения в нашей письменной, народной или славянской речи, не прибегая к составлению новых слов, как вынуждены были это сделать французские и английские переводчики несмотря на сходство их языков с латинским. Главное дело в философском сочинении – точное определение выражений, поэтому я и счел должным представить здесь с некоторыми объяснениями список всех тех слов, которые употреблены мной в этом переводе в особом значении и которые могли бы для иных показаться непонятными, а для других быть вовсе неизвестными.

Благо. Bonum. Я принял это слово, а не добро, потому что оно может употребляться и во множественном числе, что весьма хорошо передает оттенок латинского bona. Выражениями благо по истине, благо по вере, зло по лжи и, наоборот, истина по благу, ложь по злу – я передавал латинские bonum veri, bonum fidei, malum falsi, verum boni, falsum mali, а иногда bonum ex vero и т. д. Русская частица по передает значение латинской ex и означает то основание, из которого вытекает понятие подлежащего; например, жить в истине по благу значит жить преимущественно во благе, или по благу, из которого вытекает и истина; это понятнее, чем сказать: жить в истине блага.

Благостыня. Charitas. У нас нет слова, которое бы с точностью передавало полноту латинского; иногда в этом смысле у нас говорят милосердие, но это выражение неправильно. Я нахожу, что слово благостыня вполне отвечает значению латинского charitas, но только не введено у нас в употребление. Как милостыня есть милость на деле, так благостыня есть благость на деле, деятельная любовь; благо или добро на деле; в этом значении оно употребляется иногда в наших славянских текстах. В некоторых случаях я переводил это слово любовью и очень редко милосердием (см. н. 112, 467).

Божественное начало. Divinum. Английский переводчик передает это выражение словом Божество на том основании, что оно ближе к понятиям автора, ибо содержит в себе понятие о личности, чего нет в отвлеченном выражении. Я нахожу такое понимание автора бук-

вальным; придерживаясь принятого мной слова, я изменял его только в некоторых случаях, когда того требовал смысл.

Божественная человечность Господа. Divinum Humanum Domini.

Видимость, во множ. числе *видимости*. Apparentiae. Образы и предметы, видимо являющиеся на небесах, но в действительности не существующие, имеющие одно только объективное, а не субъективное значение. Иногда это же слово употребляется и в отвлеченном значении, в смысле качества, свойства предмета (см. н. 175).

Внутренниеначала. Interiora, quae sunt mentis. Начала, относящиеся к внутреннему, или духовному, человеку; все начала разума и воли, принадлежащие духу человека. Иногда я выражал это одним словом внутреннее, внутренность, т. е. совокупность всех внутренних начал. **Самые внутренние начала, самое внутреннее.** Intima.

Внешние начала. Exteriora. Начала, относящиеся к внешнему, или природному, человеку, к плотскому и вещественному; иногда одним словом внешнее, внешность.

Душа и дух. На латинском четыре слова: spiritus, mens, animus, anima, для которых у нас только два – дух и душа; для первых трех – дух, для последнего – душа. Вот оттенки первых трех значений: spiritus – это дух, личность духовная, житель духовного мира; mens – совокупность духовных, сравнительно внутренних начал, образующих духовного человека, разум и воля его. Наше слово ум в значении славянских речений умы ангельские, умные тела ангельские соответствует латинскому mens, т. е. означает цельность духовного существа; в этом смысле я употребил это слово в н. 110, 170 для передачи выражений mens naturalis, mens spiritualis. Английское mind вполне передает латинское mens, а французские переводчики составили для него новое слово – Le mental. Animus относится более к природным, сравнительно внешним началам духа. Mens и animus почти то же, что pneuma и psyche, поэтому animus и anima я передавал словом душа, а mens и spiritus словом дух.

Естество. Essentia. Это слово, как одного корня с esse, тождественно и в значении со словами сущность и суть, которыми переводится esse. Но суть и сущность (esse) относятся к существу и естеству (essentia) как начало к последствию, как esse к existere (см. н. 89).

Наитие. Influxus. Влияние высшего начала на низшее: Божественного начала на небеса, одних небес на другие, духовного мира на мир природный, внутреннего человека на внешнего. От этого слова глагол *наитствовать*, influere.

Наваждение, насаждать. Infestatio, infestare. Говорится о тех нападениях и ухищрениях, которыми злые духи искушают и соблазняют человека.

Останки. Reliquiae. Те остатки добра и истины, которые Божественным провидением хранятся внутри человека как средство для будущего возрождения его.

Отщечение, отметиться. Vastatio, vastari. Опустошение, которому подвергается человек относительно благ и истин своих, чтоб он не уносил их с собой в ад; или относительно лжи и зла своего, чтоб он был свободен от них на небесах (см. н. 551). Слово славянское.

Понятия мышления. Ideaе cogitationis. У нас обыкновенно переводят idea – представление, но я нахожу первое слово проще и вернее.

Природный, – ое. Naturalis, – ia. Относящееся к природе или естеству человеческому; внешнее в сравнении с духовным. В природном мире природный человек; в природном человеке природные начала; в природных началах природный смысл: mundus, homo, sensus naturalis.

У нас, в богословии, принято слово естественный человек в значении его добродетельного состояния, но это слово не могло бы передать всех оттенков латинского в различных сочетаниях его; к тому же оно имеет у нас и другие значения, да и корень его естество (essentia) означает совсем иное.

Рассудок, рассудочный. Rationale, rationalis. Человек рассудочный, homo rationalis, занимающий среднюю ступень между человеком природным и духовным. **Разум, intellectus.** *Разу-*

мение, intelligentia. Указываю на эти латинские слова потому, что Сведенборг различает и употребляет их с точностью.

Служба. Usus. Назначение, цель и польза вещи. Все существует для известной службы, служба вещи соответствует ее пользе и употреблению. Исполнять службу, praestare usus – отправлять должность или служить смотря по назначению и по способностям своим; службы благостыни – дела любви, в которых она проявляется, благо на деле (см. н. 112).

Собь. Proprium. То, что собственно принадлежит человеку, т. е. одно зло, любовь к себе и любовь к миру. Слово это взято из народной речи, где собина, собь означает личную собственность, имущество.

Соответствие. Correspondentia. См. подробнее толкование этого слова в н. 87 и далее.

Степени сплошные и раздельные. Gradus continui et discreti. Первые суть степени прибыли и убыли, например света или тьмы; они заходят одна в другую и измеряются расстояниями. Вторые различны, как начало и конец, причина и следствие. Они не заходят одна в другую и хотя смежны, но имеют каждая свои определенные границы; они соответствуют природному, духовному и небесному началу (см. н. 33, 38, 211).

Суть, сущ. ж.р. Esse. **Самая суть.** Ipsum esse. Самая сущность чего-либо; в человеке – любовь и воля (см. н. 26, 447, 474).

Творить благо, истину. Facere bonum, verum. Жить в истине и благе; выражение славянское (см. Иоан. 3. 21).

Черёво. Viscus. Нутренность, особенно брюшная; во множ. ч. черёва, viscera – внутренности тела; все, что в брюшной полости.

Чувства. Affectiones. Наклонности, расположение, привязанность. У нас нет слова, которое бы передавало вполне значение латинского, как равно и на латинском нет слова, которое бы передавало то, что мы ныне разумеем под чувствами душевными. Вот почему я и принял это слово, говоря внутренние чувства или чувства любви там, где в подлиннике affectiones amoris, и чувства внешние, где sensus corporis. Собственно affectio est continuitas amoris, как выражается Сведенборг, длительное действие любви; прямое русское слово есть любление или возлюбление (см. н. 335), но оно у нас не употребляется.

А. Н. Аксаков

О Небесах, о мире духов и об аде

Введение

1. Господь, беседуя с учениками своими о скончании века как о последнем времени церкви, под конец предсказаний о последовательных состояниях ее относительно любви и веры говорит:

И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные, и увидят Сына человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою. И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною; и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их (Мат. 24. 29–31). Кто понимает эти слова в их буквальном смысле, тот думает, что все в них сказанное случится, как описано, под конец века, называемый последним судом; что, таким образом, не только солнце и луна померкнут, звезды падут с неба, и на небе явится знамение Господа, и Его самого узрят на облаках, а вместе с Ним и ангелов с трубами, но что даже, как местами предсказано в Священном писании, погибнет весь видимый мир и что после этого будет новое небо и новая земля.

В настоящее время весьма многие в церкви живут в этом убеждении; но кто так думает, тот не ведаёт тайн, сокрытых в каждом речении Слова Божия, ибо в каждом его речении есть внутренний смысл, в котором заключается не природное (*naturalia*) и мирское, как в буквальном смысле, но одно духовное и небесное. И это не только относительно смысла некоторых слов, но даже относительно каждого слова, ибо Слово Божие написано от начала до конца по соответствиям для той цели, чтобы в каждой частице его был внутренний смысл.

Каков этот смысл, можно видеть из всего, что писано и показано в нем о «Тайнах небесных», и также из того, что сказано о нем в сочинении «О белом коне Апокалипсиса». В этом же самом смысле надо разуметь сказанное Господом в вышеприведенном изречении о пришествии Его на облаках. Солнце, которое омрачится, означает Господа относительно любви; луна означает Господа относительно веры; звезды – познания блага и истины, или любви и веры; знамение Сына Человеческого на небесах – появление Божественной истины; племена земные, которые восплачутся, – все, что относится к истине и благу, или к вере и любви; пришествие Господа на облаках небесных с силою и славой – присутствие Его самого в Слове и откровение; облака означают буквальный смысл Слова, а слава – внутренний смысл его; ангелы с трубой громогласной означают небеса, откуда исходит Божественная истина. Из этого можно видеть, что значат эти слова Господа, а именно: что под конец церкви, когда не станет более любви, а затем и веры. Господь откроет Слово в его внутреннем смысле и объявит тайны небесные.

Тайны, открываемые в следующих страницах, относятся к небесам и аду и к жизни человека после его смерти. Ныне человек церкви едва ли что знает о небесах и об аде и о жизни своей после смерти, хотя обо всем этом писано в Слове. Даже многие принадлежащие к церкви все это отрицают, говоря себе: кто оттуда приходил и рассказывал? Но чтоб эта склонность к отрицанию, преимущественно свойственная многоученым мира сего, не заразила и не испортила простых сердцем и простых верой, мне дано было в течение 13 лет быть вместе с ангелами, говорить с ними, как человеку с человеком, и видеть, что происходит на небесах и в аду. В настоящее же время мне дано описать, что я видел и слышал, в той надежде, что невежество просветится и неверие уничтожится. Такое непосредственное откровение совершается ныне потому, что оно то самое, которое разумеется под пришествием Господа.

О Небесах

Господь есть Бог небес

2. Прежде всего надо знать, кто Бог небес, ибо все остальное от того зависит. Во всех небесах не признают другого Бога, кроме одного Господа; там говорят, как Он сам учит, что *Он един с Отцом; что Отец в Нем и Он в Отце; что кто видит Его видит Отца и что все святое от Него исходит* (Иоан. 10. 30, 38; 16. 13–15). Я часто говорил об этом с ангелами, и они постоянно отвечали мне, что на небесах они не могут делить Божественное (начало) на три, ибо знают и постигают, что Божественное (начало) одно и что оно едино в Господе. Они также сказали мне, что люди, принадлежащие к церкви и приходящие в тот мир с понятием о трояком Божестве, не могут быть приняты на небеса, потому что мысль их переходит от одного понятия к другому, а там нельзя думать о трех и говорить об одном. Всякий на небесах говорит как мыслит, ибо там речь мысленна или мысль словесна; вследствие чего те, кто в мире делил Божественное начало на три и составил себе о каждом отдельное понятие, не собрав их в одно и не сосредоточив их в Господе, не могут быть приняты. На небесах все мысли взаимно сообщаются; если б кто туда пришел, имея на уме понятие о трех началах, а говорил бы об одном, его бы тотчас разузнали и отвергли. Однако должно знать, что все те, кто не отделял истину от блага, или веру от любви, получают в той жизни, когда их тому научат, небесное понятие о Господе, т. е. что Он – Бог Вселенной. Не так бывает с теми, кто веру отделял от жизни, т. е. кто не жил по заповедям истинной веры.

3. Люди церкви, отрицавшие Господа и признававшие одного Отца и в такой вере утвердившиеся, находятся вне небес; а поскольку на таких людей нет никакого наития с небес, где поклоняются одному Господу, то они постепенно лишаются способности мыслить истину о чем бы то ни было. Они наконец делаются точно немые или говорят как безумные, ходят зря, и руки у них висят и качаются, как лишённые силы в сочленениях. Люди, которые отрицали Божественное (начало) Господа и признавали в Нем одно только человеческое начало, как сочинители, также находятся вне небес; они проносятся вперед¹, немного вправо и спускаются в глубину; таким образом, они отделены совершенно от прочих христиан. Но люди, говорившие, что верят в Божественное невидимое начало, называя это начало Существом Вселенной (Eus Universi), которым все стало, и отбрасывавшие всякую веру в Господа, оказались не верующими ни в какого Бога, потому что невидимое Божественное (начало) есть для них все та же природа в своих первоначалах. Но ни вера, ни любовь не постигают Божественного невидимого начала, потому что мысль не вмещает этого понятия. Такие люди отсылаются к тем, которые называются натуралистами, т. е. естественниками. Не так бывает с теми, которые родились вне церкви и называются язычниками; о них будет сказано впоследствии.

4. Все дети, из которых состоит одна треть небес, приводятся к признанию и вере, что Отец их Господь и затем что Он Господь всех, следовательно, Бог небес и земли. Что дети на небесах вырастают и совершенствуются в познаниях до степени разума и мудрости ангельской, это увидится впоследствии.

5. Что Господь есть Бог небес, в этом люди церкви сомневаться не могут, ибо Он сам учит: *Все, что имеет Отец, есть Мое* (Иоан. 16. 15; Мат. 11. 27). И далее: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мат. 28.18). Господь говорит: на небе и на земле, потому что кто управляет небесами, тот управляет и землей, ибо одно зависит от другого. Управлять небесами и землей значит получать от Господа всякое благо, принадлежащее любви, и всякую истину,

¹ См. для пояснения главу «О четырех сторонах света на небесах», н. 141 и далее.

принадлежащую вере, таким образом, всякое разумение и всякую мудрость и, следовательно, всякое блаженство – словом, жизнь вечную. Этому также учит сам Господь, говоря: *Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни* (Иоан. 3. 36). И в другом месте: *Я семь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек* (Иоан. 11. 25, 26). И далее: *Я есмь путь и истина и жизнь* (14. 6).

6. Были духи, которые, живя в мире, исповедовали Бога Отца, но о Господе думали как о человеке, а потому не верили, чтобы Он же был и Богом небес. По этой причине им было позволено идти во все стороны и искать где хотят, есть ли другие небеса, кроме Господних, но, проискавши в продолжение нескольких дней, нигде их не нашли. Они были из числа тех, которые полагали блаженство небес в славе и господстве; но, не достигнув желаемого и услышав, что небеса в этом не состоят, они пришли в негодование и требовали таких небес, в которых они могли бы господствовать над другими и блеснуть такой же славой, как в мире.

Божественное (начало) Господа образует небеса

7. Ангелы в совокупности называются небесами, потому что они собой составляют их; не менее того небеса, как вообще, так и в частности, образуются из Божественного начала, которое, исходя от Господа, наитствует ангелов и приемлется ими. Божественное (начало), исходящее от Господа, есть благо любви и истина веры, поэтому, по мере принятия ангелами от Господа блага и истины, они становятся ангелами и настолько же небесами.

8. Всякий на небесах знает и верит, даже постигает, что он сам собой не может ни хотеть, ни делать блага и что сам по себе никто не может ни мыслить истины, ни веровать в нее, но что все это исходит от Божественного (начала) и, следовательно, от Господа; равно всякий знает, что благо и истина ангельские не суть сами по себе благо и истина, потому что в них нет жизни, исходящей от Божественного начала. Ангелы самых внутренних небес даже постигают это наитие (*influxus*) Господне и чувствуют его. Насколько они принимают его, настолько им кажется, что они в небесах, потому что они в той же мере находятся в любви и вере и в той же мере в свете разумения и мудрости и в небесной оттоле радости. Так как все это исходит от Божественного (начала) Господа и небеса для ангелов состоят в этом, то ясно, что небеса образуются Божественным началом Господа, а не ангелами из какой-либо соби (*proprrium*) своей. По этой причине небеса в Слове Божиим называются жилищем Господа и также престолом Его, а живущие на небесах называются живущими в Господе. Каким образом Божественное (начало) исходит от Господа и наполняет собой небеса, об этом будет сказано впоследствии.

9. Ангелы в премудрости своей идут еще далее. Они говорят, что от Господа исходят не только всякое благо и истина, но даже всякая жизнь. Они подтверждают это следующим рассуждением: ни в чем нет бытия самого по себе; всякое бытие зависит от чего-либо ему предшествующего, следовательно, всякое *бытие* держится первым началом, которое ангелы называют самой сутью (*ipsum esse*) всякой жизни. Таким же образом *существует* и все прочее в мире, ибо *существование* есть непрестанное *бытие* (*subsistentia est perpetua existentia*), а то, что не держится промежуточным в непрерывной связи с первым началом, тотчас же распадается и разрушается.

Кроме того, ангелы говорят, что источник жизни только один, а жизнь человека – текущий от него ручей, который, если не будет постоянно питаться от своего источника, тотчас иссыкает. От этого единого источника жизни, который есть Господь, ничто иное не исходит, кроме Божественного блага и Божественной истины, которые каждый человек любит, насколько он принимает их. Кто принимает их верой и жизнью, тот живет жизнью небес, но кто отменяет или подавляет их, тот меняет их на ад, ибо обращает благо во зло, а истину в ложь, следовательно, жизнь в смерть. Что всякая жизнь исходит от Господа, ангелы подтверждают

еще следующим образом: все в мире относится ко благу и к истине; жизнь воли человека, т. е. жизнь любви его, относится ко благу, а жизнь разума человека, т. е. жизнь веры его, к истине. Итак, если всякое благо и истина идут свыше, то оттуда же исходит и всякая жизнь. Ангелы, веруя таким образом, отказываются от всякой благодарности за благо, которое они творят. Они даже приходят в негодование и удаляются, если кто приписывает им такое благо. Им удивительно, как человек может верить, что он мудр сам от себя и что он сам от себя же творит благо. Благо, которое человек творит ради себя самого, не признается ими за благо, ибо это значит делать его от себя, но благо, сделанное ради блага, они называют благом, исходящим от Божественного (начала), и говорят, что это самое благо образует небеса, ибо такое благо есть сам Господь.

10. Некоторые духи, живя в мире, утвердились в той вере, что благо, которое они делают, и истина, которой они верят, исходят от них самих или присвоены им как собственность. В такой вере живут все те, которые в добрых делах своих видят заслугу и требуют себе за них воздаяния. Такие духи не принимаются в небеса. Ангелы бегут от них и смотрят на них как на безумцев и татей; на безумцев, потому что они беспрестанно видят самих себя, а не Божественное (начало); на татей, потому что они отнимают от Господа то, что Ему принадлежит. Эти духи не принимают той небесной веры, что Божественное (начало) Господа, приемлемое ангелами, образует небеса.

11. Что жители небес и сыны церкви живут в Господе и Господь в них, этому учит и сам Господь, говоря: *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Иоан. 15. 4–7).

12. Из этого можно видеть, что Господь, обитая в небесных ангелах, обитает в том, что Ему принадлежит; и что, таким образом, Господь есть все во всем небесном по той причине, что благо, исходящее от Господа, есть для ангелов сам Господь, ибо что исходит от Него есть Он сам; следовательно, небеса для ангелов состоят из блага, исходящего от Господа, а не из какой-либо их соби.

Божественное (начало) Господа на небесах есть любовь к Нему и любовь (charitas) к ближнему

13. Божественное (начало), исходящее от Господа, называется на небесах Божественной истиной по причине, о которой будет сказано впоследствии. Эта Божественная истина, по Божественной любви Господней, наитствует от Него на небеса. Божественная любовь и исходящая от нее Божественная истина могут уподобиться солнечному огню и свету от Него: любовь подобна солнечному огню, а истина, исходящая от любви, подобна свету, исходящему от солнца; равно и по соответствию, огонь означает любовь, а свет – истину, от нее исходящую. Из этого можно видеть, какова Божественная истина, исходящая от Божественной любви Господней: она по естеству своему есть Божественное благо в соединении с Божественной истиной; и в силу этого соединения она живит все, что на небесах, подобно тому, как тепло солнца в соединении со светом вешней и летней порой оплодотворяет всю землю. Не то бывает, когда тепло не соединено со светом, т. е. при холодном свете: тогда все цепенеет и замирает. Это Божественное благо, которое было уподоблено теплу, есть в ангелах благо любви, а Божественная истина, уподобленная свету, есть та истина, через которую и от которой исходит благо любви.

14. Любовь потому есть то Божественное начало, из которого состоят небеса, что она есть духовное соединение; она соединяет ангелов с Господом и их самих соединяет взаимно, так что они перед Господом составляют одно целое. К тому же любовь есть для каждого сама

суть его жизни: любовью живет ангел, любовью живет и человек. Что самое внутреннее начало жизни в человеке исходит от любви, это при малом размышлении понятно всякому, и точно: человек от присутствия в нем любви воспаляется, при отсутствии ее он стынет, а лишаясь ее вовсе, умирает. Должно знать, что жизнь каждого человека такова, как и любовь его.

15. На небесах есть два различных рода любви: любовь к Господу и любовь к ближнему; в самых внутренних, или третьих, небесах – любовь к Господу, а во вторых, или средних, – любовь к ближнему. И та и другая исходит от Господа, и та и другая составляет небеса. Каким образом эти два рода любви между собой различаются и соединяются, это с большей ясностью видно на небесах и только смутно понимается на земле. На небесах любить Господа не значит любить Его личность, но любить благо, которое исходит от Него, а любить благо значит хотеть и делать его по любви; любить же ближнего не значит любить его личность, но любить истину, исходящую от Слова, а любить истину значит хотеть ее и жить по ней. Из этого очевидно, что эти оба рода любви различаются как благо от истины и что они соединяются как благо с истиной. Но все это с трудом доступно мысли человека, который не знает, что такое любовь, что благо и что такое ближний.

16. Я иногда говорил об этом с ангелами: они удивляются, что люди церкви не знают, что любить Господа и любить ближнего значит любить благо и истину и по воле делать то и другое; меж тем как люди могли бы знать, что всякий доказывает любовь свою к другому, когда он хочет и делает то, что желает другой, что тогда только он любим взаимно и соединяется с тем, кого любит; а что любить другого и не исполнять его воли не доказывает любви, а, напротив, в сущности есть нелюбовь. К тому же люди могли бы знать, что благо, исходящее от Господа, есть подобие Его, ибо Он сам в этом благе, и что те люди становятся подобиями Господа и соединяются с Ним, которые усваивают себе благо и истину тем, что хотят их и живут в них; хотеть значит и любить делать. Что все это так, тому учит Господь в Слове, говоря: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам* (Иоан. 14. 21, 23). *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (15. 10, 12).

17. Что любовь есть то Божественное (начало), которое, исходя от Господа, проникает (afficit) ангелов и образует небеса, это там доказывается на опыте, ибо все живущие на небесах суть образы любви и благодетели (charitas); они являются в несказанной красоте, и в их лице, в их словах и в каждой частности их жизни светится любовь. Кроме того, от каждого ангела и от каждого духа исходят и объемлют их духовные сферы жизни, посредством которых узнается, иногда даже на большом расстоянии, каковы эти духи относительно чувств любви своей (quoad affectiones amoris); ибо сферы эти истекают от жизни чувства и затем помыслов или от жизни любви и затем веры каждого из них. Сферы, истекающие от ангелов, так полны любви, что они проникают до самого внутреннего начала жизни тех духов, в обществе которых ангелы находятся; мне случалось иногда ощущать их, и они точно так же проникали и меня. Что ангелы получают жизнь свою от любви, это стало мне ясно также из того, что каждый в той жизни обращается лицом смотря по любви своей. Те, что живут в любви к Господу и в любви к ближнему, постоянно обращаются к Господу; те же, напротив, которые живут в любви к себе, постоянно обращаются в противоположную от Господа сторону. Это случается постоянно и каким бы образом они ни обращались телом, ибо в той жизни расстояния отвечают в точности внутреннему состоянию жителей, равно как и стороны света, которые там не определены раз навсегда, как на земле, но смотря по обращению лица жителей. Во всяком случае, не сами ангелы обращаются к Господу, но Господь обращает к себе тех, которые любят делать все, что исходит от Него. Об этом с большей подробностью будет сказано впоследствии, когда будет говориться о сторонах света в той жизни.

18. Божественное (начало) Господа на небесах есть любовь, потому что любовь есть приемник всего небесного, т. е. мира, разумения, мудрости и блаженства. В самом деле, любовь принимает, желает и ищет все, что ей сродно, питается этим и постоянно хочет обогащаться и

совершаться тем, что к ней относится. Это небезызвестно и человеку, ибо любовь в нем, так сказать, рассматривает все, что есть у него в памяти, и то, что тут находит сродного, извлекает, собирает и располагает в себе и около себя; в себе, чтобы оно было ее собственностью, и около себя, чтобы оно служило ей; а все остальное, не сродное ей, она откидывает и изгоняет. Что у любви есть способность принимать сродные ей истины и желание присоединять их к себе, это стало мне ясно через духов, вознесенных на небеса. Несмотря на то что они в мире были из числа простых, как только они вошли в общество ангелов, они достигли полной ангельской мудрости и блаженства небес. Это было дано им за то, что они любили благо и истину ради блага и истины и, усвоив то и Другое жизнью, приобрели через это возможность стать приемниками небес и всего, что есть там неизреченного. У тех же, которые живут в любви к себе и к миру, не только вовсе нет способности принимать благо и истину, но они даже им противны и отвергаются ими; так что при первом прикосновении или наитии благ и истин духи эти убегают и приобщаются в аду к тем, которые в одинаковой с ними любви. Некоторые духи сомневались, чтобы небесная любовь была такова, и желали знать, так ли это; вследствие чего по удалении препятствий они были приведены в состояние небесной любви и отнесены на некоторое расстояние вперед, к ангельским небесам. Они оттуда говорили со мной и сказывали, что испытывали внутреннее блаженство, которого они не могут выразить на словах, весьма сожалея, что им предстоит возвратиться в прежнее состояние. Другие были даже вознесены на небеса и по мере того, как уносились внутрь или выше, достигали такого разумения и мудрости, что постигали то, что прежде им было вовсе непонятно. Из всего этого ясно, что любовь, исходящая от Господа, есть приемник небес и всего, что в них есть.

19. Любовь к Господу и любовь к ближнему объемлют собой все Божественные истины. Это можно видеть из того, что сам Господь сказал о той и другой любви: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим; сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мат. 22. 37–40). В законе и пророках все Слово, а следовательно, и всякая Божественная истина.

Небеса разделяются на два царства

20. Так как небеса до бесконечности разнообразны и нет в них ни одного общества вполне сходного с другим, ни даже одного ангела с другим ангелом, то небеса и разделяются вообще на два царства, а в особенности на трое небес, в частности же на бесчисленные общества; обо всем этом будет сказано подробнее на своем месте. Здесь же общие отделы названы *царствами*, потому что небеса называются *Царством Божшим*.

21. Божественное (начало), исходящее от Господа, приемлется ангелами внутрь более или менее; приемлющие его более внутрь называются *небесными* ангелами, а те, что приемлют его менее внутрь, называются *духовными* ангелами; вследствие этого небеса разделяются на два царства, из которых одно называется *Царством Небесным*, а другое *Царством Духовным*.

22. Ангелы, составляющие небесное царство, принимая Божественное от Господа начало более внутрь, называются ангелами внутренними или высшими; по этому самому и небеса, которые они образуют, называются небесами внутренними или высшими. Ангелы, составляющие духовное царство, принимая Божественное от Господа начало менее внутрь, называются ангелами внешними и также низшими; по этому самому и небеса, которые образуются ими, называются небесами внешними или низшими. Сказано *высшими* и *низшими* потому, что они относительно могут быть также названы *внутренними* и *внешними*.

23. Любовь ангелов небесного царства называется небесной любовью, а любовь ангелов духовного царства называется духовной любовью; небесная любовь есть любовь к Господу, а духовная любовь есть любовь к ближнему. Так как всякое благо принадлежит любви (ибо

любимое считается каждым за благо), то и благо первого царства называется благом небесным, а благо второго царства благом духовным. Из этого ясно, что эти оба царства различаются между собой как благо любви к Господу и благо любви к ближнему (*charitas*); а так как благо любви к Господу есть благо внутреннее и эта любовь есть любовь внутренняя, то и небесные ангелы суть ангелы внутренние и называются высшими.

24. Небесное царство называется также царством Священства Господня, а в Слове – жилищем Его; духовное же царство называется Царским царством Его, а в Слове – престолом Его. По Божественному небесному (началу) своему Господь назван в мире Иисусом, а по Божественному духовному (началу) – Христом.

25. Ангелы небесного царства Господня в мудрости и славе своей стоят много выше ангелов духовного царства по той причине, что они более внутрь принимают Божественное (начало) Господа, ибо, пребывая в любви к Нему, они к Нему ближе и теснее с Ним соединены. Небесные ангелы таковы, потому что, будучи в мире, они принимали и теперь принимают Божественные истины немедленно в жизнь, не принимая их, как духовные ангелы, предварительно в память и мысль. Вследствие того истины эти начертаны в сердцах их; они постигают и, так сказать, видят их в себе самих, никогда не рассуждая, чтоб убедиться, истина это или нет. У Иеремии они описаны следующим образом: *Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его. И уже не будут учить друг друга, брат – брата и говорить: познайте Господа, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого* (31. 33, 34). У прор. Исаии они названы *наученные Иеговою* (54. 13); Что наученные Иеговою суть те же, кои научены Господом, сам Господь тому учит у Иоанна (6. 45, 46).

26. Было сказано, что эти ангелы по премудрости и славе своей много выше других, потому что они немедленно принимали и принимают в жизнь Божественные истины; услышав их, они тотчас же хотят и исполняют их на деле, не перенося их предварительно в память для обсуждения впоследствии: подлинно ли это истины? Такие ангелы тотчас знают по наитию от Господа, истина ли та истина, которую они слышат, или нет, ибо Господь влияет непосредственно на волю человека, а посредством воли на мысль его; или, что то же, Господь влияет непосредственно на благо, а через него на истину, ибо то называется благом, что принадлежит воле и затем делу, а истиной – что принадлежит памяти и затем мысли. Даже всякая истина обращается во благо и вселяется в любовь, как только она поселяется в волю; но, покуда истина в одной памяти и затем в мысли, она не становится благом, не жива и не усваивается человеком, ибо человек есть человек в силу воли своей и согласного с ней разума, а не в силу одного разума своего отдельно от воли.

27. Вследствие такого различия между ангелами небесного царства и ангелами духовного царства, они не живут вместе и между ними нет сообщения. Они сообщаются только через посредство ангельских обществ, называемых небесно-духовными; через эти общества небесное царство влияет на духовное, вследствие чего происходит, что небеса, хотя и разделяются на два царства, тем не менее составляют одно целое. Господь всегда радуется о таких ангелах-посредниках, через которых совершаются сообщения и соединения.

28. Так как далее немало будет сказано об ангелах того и другого царства, то подробности здесь опускаются.

О троичности небес

29. Небес трое, и весьма между собой различных, а именно: самые внутренние, или третьи, средние, или вторые, и последние, или первые. Они следуют одни за другими и относятся между собой как в человеке верхняя, средняя и нижняя части тела, т. е. голова, туловище и ноги; или как верхний, средний и нижний ярусы дома. В таком же точно порядке исходит и

нисходит Божественное от Господа начало, а потому и раздел небес на три части вытекает из необходимости порядка.

30. Внутренние в человеке начала, душе и духу его (*animo et menti*) принадлежащие, находятся в подобном же порядке: в них также есть самое внутреннее, среднее и последнее, ибо в состав человека при создании его вошли все начала Божественного порядка, так что сам человек стал образом этого порядка, а следовательно, и небес в малом виде. Вот почему человек посредством внутренних начал своих сообщается с небесами и после смерти переходит к ангелам: к ангелам самых внутренних, средних или последних небес, по мере принятия им в здешней жизни Божественного блага и истины, исходящих от Господа.

31. Божественное начало, наитием исходящее от Господа и принимаемое в третьих, или самых внутренних, небесах, называется *небесным*, а потому и ангелы этих небес называются *небесными*. Божественное начало, истекающее от Господа и приемлемое во вторых, или средних, небесах, называется *духовным*, а потому и ангелы этих небес называются ангелами *духовными*; наконец, Божественное начало, наитием исходящее от Господа и приемлемое в последних, или первых, небесах, называется *природным*. Так как природное начало этих небес не подобно природному здешнего мира, но включает в себе и духовное и небесное, то и небеса эти называются духовно-природными и небесно-природными; потому и ангелы этих небес называются духовно-природными и небесно-природными; духовно-природными называются те, что под наитием средних, или вторых, небес, т. е. духовных, а небесно-природными называются те, что под наитием самых внутренних, или третьих, небес, т. е. небесных. Хотя ангелы духовно-природные и отличны от небесно-природных, но тем не менее они составляют одни небеса, потому что они находятся в одной степени.

32. В каждом небесах есть внутреннее и внешнее; ангелы, живущие во внутреннем, называются ангелами внутренними, а те, что живут во внешнем, называются ангелами внешними. Внешнее и внутреннее на всех небесах, или в каждом из трех небес, в том же отношении между собой, как воля и ее разум в человеке: внутреннее отвечает воле, а внешнее – разуму ее. У всякой воли свой разум, одно без другого не бывает; волю можно уподобить пламени, а разум – свету от пламени.

33. Надо знать, что ангелы находятся в одних или других небесах смотря по своему внутреннему; чем более их внутреннее открыто к Господу, тем они в более внутренних небесах. В каждом ангеле, духе и человеке есть три степени внутреннего (начала); те, в которых открыта третья степень, находятся в самых внутренних небесах; те, в которых открыта вторая или только первая степень, находятся в средних или последних небесах. Внутреннее (начало) открывается через принятие Божественного блага и Божественной истины; кто любит Божественные истины и тотчас приемлет их в жизнь, следовательно, в волю и затем в дело, тот по мере принятия им блага из любви к истине находится в самых внутренних, или третьих, небесах; кто не приемлет Божественные истины тотчас в волю, но сперва в память, а потом в разум, и затем уже хочет и исполняет их на деле, тот находится в средних, или вторых, небесах; а кто живет нравственно и верит в Божественное начало, не заботясь преимущественно об учености, тот находится в последних, или первых, небесах. Из этого ясно, что небеса образуются различием состояний внутреннего (начала) в человеке и что небеса находятся не вне, а внутри каждого; этому также учит и Господь, говоря: *Не придет Царствие Божие приметным образом; и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лук. 17. 20, 21).

34. Точно так и всякое совершенство растет к нутру и умалется кнаружи, ибо внутреннее ближе к Божественному и в себе чище, внешнее же более удалено от Божественного и в себе грубее. Ангельское совершенство состоит в разумении, в мудрости, в любви, во всяком благе и затем в блаженстве, но не в блаженстве без разумения, мудрости, любви и блага, потому что без этого блаженство только внешнее, а не внутреннее. Внутреннее в ангелах самых внут-

ренных небес открыто в третьей степени, и потому совершенство их чрезмерно превосходит совершенство ангелов средних небес, чье внутреннее открыто во второй степени; таким же образом совершенство ангелов средних небес чрезмерно превосходит совершенство ангелов последних небес.

35. В силу такого различия ангелу одних небес нет входа к ангелам других небес, т. е. ангел низших небес не может подняться, а ангел высших небес спуститься. Кто подымается с низших небес, того объемлет беспокойство, доходящее до мучения, он никого не может видеть и еще менее – с кем-нибудь говорить; а кто нисходит с высших небес, тот лишается своей мудрости, говорит несвязно и приходит в отчаяние. Некоторые из живущих в последних небесах, еще не узнав, что небеса находятся внутри ангела, думали, что они достигнут высшего небесного блаженства, если только взойдут в те небеса, где ангелы наслаждаются таким блаженством. Им даже позволено было взойти туда, но когда они вошли, то, несмотря на все поиски и на большую толпу присутствовавших ангелов, они никого не могли увидеть; внутренние начала пришедших не были открыты в той же степени, как внутренние начала ангелов этих небес, а потому и зрение их было закрыто. Вскоре после того сердце их сжалось так, что они едва знали, живы они или нет, и потому тотчас перенеслись оттуда в свои небеса, радуясь, что очутились среди своих, и обещая себе впредь не желать того, что выше подходящего к их жизни. Я также видел ангелов, сходящих с высших небес в низшие и лишавшихся своей мудрости до того, что они не узнавали своих небес. Этого не случается, когда сам Господь возносит некоторых ангелов из низших небес в высшие, чтобы они видели славу этих небес, что бывает довольно часто; в таком случае ангелы прежде приготавливаются, а потом сопровождаются ангелами-посредниками, через которых они сообщаются. Из предшествующего видно, что все трое небес весьма различны между собой.

36. В одних и тех же небесах всякий может быть в сообществе с кем он хочет, но удовольствия от сообщества зависят от сходства блага, в котором кто находится; Впрочем, об этом будет сказано в последующих главах.

37. Хотя небеса столь различны между собой, что ангелы одних небес не могут сноситься с ангелами других небес, тем не менее Господь соединяет все небеса в одно наитием непосредственным и посредственным: наитием непосредственным, от Него идущим во все небеса и наитием посредственным – идущим от одних небес в другие. Вследствие того все трое небес составляют одно целое и все существующее в них находится во взаимной связи от первого до последнего, так что бессвязного нет ничего: что не связано промежуточным с первым, то не может существовать, но разрушается и уничтожается.

38. Кто не знает Божественного порядка относительно степеней, тот не может понять, каким образом небеса могут различаться между собой, и равно понять, что такое человек внутренний и человек внешний. Большею частью в мире не имеют другого понятия о внутреннем и внешнем, или о высшем и низшем, как о чем-то непрерывном или нераздельном, идущем от чистейшего до грубейшего; меж тем как внутреннее с внешним не связано, а раздельно. Степени бывают двоякого рода: сплошные и раздельные (*gradus continui et discreti*). Сплошные подобны степеням света от яркого пламени до потемок, или подобны степеням ясности предметов по мере их освещения, или еще подобны степеням чистоты воздуха от низших его слоев до высших; эти степени измеряются расстояниями. Напротив того, степени не сплошные, а раздельные различны, как начало и конец, как причина и следствие, как производитель и произведение. Всякий наблюдатель увидит, что каждая вещь в мире, как вообще, так и в частности, создается и образуется по этим степеням, т. е. что от одной вещи происходит другая, от другой третья и т. д. Кто не дойдет до постижения этих степеней, тому никак не понять ни различия одних небес от других, ни различия способностей внутреннего и внешнего человека, ни различия между миром духовным и природным, ни различия между духом человека и телом его, не уразуметь, что такое и откуда происходят соответствия и преобразования (представи-

тельства, repraesentativa) и что значит наитие. Люди чувственные не понимают этих различий; они даже в этих отдельных степенях видят одно сплошное, и потому, по их понятию, духовное есть не что иное, как природное, только более чистое. По этой причине такие духи стоят снаружи (как бы за порогом) и далеки от разума.

39. Вдобавок мне позволено об ангелах всех трех небес сказать тайну, которая доселе не приходила на ум никому за неразумием степеней. Тайна эта состоит в том, что в каждом ангеле и в каждом человеке есть самая внутренняя, или высшая, духовная степень, нечто самое внутреннее и высшее, или, так сказать, тайник (intimum), на который всего прежде или всего ближе влияет Божественное, исходящее от Господа начало, которое затем уже как бы из тайника этого располагает и все прочие внутренние начала, следующие по степеням порядка, как в ангеле, так и в человеке. Это внутреннее, высшее начало, или тайник этот, можно назвать в человеке и ангеле входом Господним и даже Господним в них жилищем. Через это внутреннее, или высшее, начало человек становится человеком и отличается от животных, у которых этого внутреннего начала, или тайника, нет. Вот почему человек, не как прочие животные, может через внутренние начала души и духа своего (mentis et animi) возноситься Господом до Него самого, верить в Него, проникаться любовью к Нему и через это видеть Его; по этому самому человек может стать приемником разума и мудрости, говорить по рассудку и, наконец, жить в вечности. Однако ни один ангел не может ясно постичь, что именно провидением Господним творится в тайнике его, ибо это выше всех понятий и премудрости ангелов.

40. Все это было сказано о всех трех небесах вообще; вслед же за этим будет говориться о каждом небесе в особенности.

Небеса состоят из бесчисленных обществ

41. Ангелы каждого небеса не живут все в одном месте, но делятся на малые и большие общества смотря по различию блага любви и веры каждого из них; сходные между собой по благу образуют одно общество. Благо на небесах разнообразно до бесконечности, и каждый ангел таков, каково его благо.

42. Ангельские общества на небесах находятся даже в некотором расстоянии друг от друга смотря по различию своего блага вообще и в частности. Расстояния в духовном мире происходят не от чего другого, как от различия состояний внутреннего (начала); следовательно, расстояния на небесах зависят не от чего иного, как от различия состояний любви. Духи, которые в этом отношении весьма различны между собой, находятся в большем расстоянии друг от друга; те же, напротив, которые мало между собой различны, находятся в меньшем расстоянии; но те, чьи состояния любви совершенно сходны, живут вместе.

43. Равно различны между собой и все члены одного и того же общества: ангелы более совершенные, т. е. превосходящие других благом и любовью, мудростью и разумением, находятся в середине; а менее совершенные – вокруг их в таком расстоянии, насколько уступают первым в совершенстве. В этом отношении они могут быть уподоблены свету, который убывает от середины к окружности: кто находится в середине, тот в наибольшем свете, а кто ближе к окружности, тот и в свете постепенно убывающем.

44. Ангелы как бы сами собой влекутся к подобным себе; с ними они как со своими и как дома, с другими же они как с чужими и как не у себя; в сообществе себе подобных они чувствуют себя свободными и потому находятся в полном удовольствии жизни.

45. Из этого видно, что всех живущих на небесах сближает благо и что ангелы различаются между собой по качеству его. Не сами ангелы, однако, сближаются таким образом, но сближает их Господь, от Которого исходит благо: Он сам ведет их, соединяет их и распределяет, даруя каждому свободу по мере блага его; таким образом Он каждому дает жить по своей любви, вере, разумению и мудрости и, следовательно, во блаженстве.

46. Все ангелы, живущие в сходственном благе, знают Друг друга точно так, как люди здешнего мира знают своих родителей, родственников и друзей; даже знают друг друга, никогда прежде не видавшись. Это происходит оттого, что в той жизни нет другого родства, сближения и дружбы, кроме духовного, принадлежащего любви и вере. Несколько раз мне дано было видеть это, когда я был в духе, т. е. отрешен от тела, и таким образом в сообществе ангелов; тогда иных я видел как бы знакомых мне с детства, другие же казались мне вовсе чужими: первые находились в подобном со мной состоянии духа, а вторые в различном.

47. Все составляющие одно ангельское общество вообще походят друг на друга лицом, но в частности не походят. Это общее сходство лиц и разнообразие их в частности может быть несколько понятно из того, что бывает на земле. Известно, что у каждого народа есть в лице и глазах какое-то общее сходство, по которому он узнается и отличается от других; еще более бывает это сходство у одного семейства с другим, но с гораздо большим совершенством бывает оно на небесах, где все внутренние чувства выражаются и просвечивают на лице: лицо на небесах есть внешнее изображение этих чувств; там нельзя иметь лицо не сходное с чувствами своими. Мне было даже показано, как общее сходство разнообразно в частностях каждого лица, принадлежащего одному обществу: передо мной являлось как бы ангельское лицо, которое в чертах своих разнообразно изменялось согласно чувствам блага и истины у ангелов одного общества. Эти изменения продолжались долго, но я замечал, что одно выражение лица оставалось общим основанием, а все прочие выходили и слагались из него же. Таким же образом и через это же лицо мне были показаны чувства целого общества, согласно которым видоизменяется лицо каждого из членов его, ибо, как сказано выше, лицо каждого ангела есть образ его внутренних начал, следовательно, и образ чувств, принадлежащих его любви и вере.

48. Вследствие того же происходит, что ангел высшей мудрости тотчас видит по лицу, каков другой ангел; на небесах никто не может скрыть на лице, каков он внутри, или притворяться; точно так же невозможно там лгать или обманывать хитростью и лицемерием. Случается иногда, что в ангельские общества вкрадываются лицемеры, которые привыкли искусно скрывать свое внутреннее и принимать внешность или образ того блага, в котором живут эти общества, и таким образом подражать ангелам света. Но они не могут тут долго оставаться: они вскоре начинают чувствовать внутреннюю тоску, мучиться, бледнеют и как бы задыхаются. Такая перемена совершается в них вследствие влияния и действия на них противоположной жизни, поэтому они немедля кидаются обратно в ад, к своим, и не пытаются более подниматься на небеса. Такого-то рода духи разумеются под именем человека, который среди званных на пир и возлежащих был найден одетым не в брачное платье и ввергнут во тьму кромешную (Мат. 22. 11 и далее).

49. Все небесные общества сообщаются между собой, но не прямым путем, т. е. не многие ангелы выходят из своего общества в другое, ибо выйти из своего общества значит как бы выйти из себя или своей жизни и перейти в другую, не столь подходящую; но все общества сообщаются между собой через распространение сферы, которая исходит от жизни каждого: сфера жизни есть сфера чувств любви и веры. Сфера эта распространяется вокруг обществ в длину и ширину, и тем более в длину и ширину, чем чувства ангельские более внутренни и совершенны. Распространение это соразмерно с разумением и мудростью ангелов. Сфера находящаяся в самых внутренних небесах и в середине их распространяется во все небеса; таким образом все небесные жители сообщаются с каждым и каждый со всеми. Но об этом распространении сфер будет сказано с большей подробностью ниже, в главе о небесном образе, согласно которому расположены ангельские общества, и также в главе о мудрости и разумении ангелов, ибо всякое распространение чувств и мыслей совершается по этому образу.

50. Выше было сказано, что на небесах есть большие и малые общества: большие состоят из мириад ангелов, малые из нескольких сотен тысяч, а меньшие из нескольких сотен. Есть также ангелы, живущие уединенно, немногими семьями или домами. Хотя они и живут

порознь, но они расположены в том же порядке, как и самые общества, т. е. мудрейшие из них находятся в середине, а самые простые на границах; живущие таким образом находятся под ближайшим наблюдением Господа и суть лучшие из ангелов.

Каждое общество образует небеса в малом виде, а каждый ангел в меньшем

51. Каждое общество образует небеса в малом виде, а каждый ангел в меньшем потому именно, что благо любви и веры образует небеса и что это благо присуще каждому небесному обществу и каждому ангелу такого общества. Хотя это благо всюду различно и разнообразно, тем не менее это одно и то же небесное благо; вся разница только в различии самих небес. Оттого и говорится про вознесшегося в какое-либо небесное общество, что он на небесах, равно и о тех, которые уже там, что они в небесах и каждый в своих. Это ведомо всем жителям того мира, поэтому те, что стоят вне небес или под ними и смотрят издали на жилища ангельских обществ, также говорят: вот небеса тут и там. Это можно сравнить с начальниками, должностными лицами и служителями при царском дворце: хотя они живут порознь, каждый в своем жилье или в своей горнице, иной наверху, другой внизу, тем не менее они в одном и том же дворце и при одном дворе, каждый при своей должности и на службе царской. Из этого ясно, что разумеется в словах Господа: *В доме Отца Моего обителей много* (Иоан. 14. 2), и у пророков под словами: *жилища небес и небеса небес*.

52. Что каждое общество образует небеса в малом виде, я мог видеть из того, что небесный образ каждого общества подобен образу всех небес: посредине каждых небес, как было сказано выше в н. 43, обретаются ангелы более совершенные, а вокруг них до самых пределов, в постепенном порядке, менее совершенные. Я мог убедиться в этом также из того, что Господь не только всех живущих на небесах, но точно так же и всех членов каждого общества ведет, как одного человека; вследствие этого целое ангельское общество является иногда как одно лицо в образе ангела, что и дано мне было Господом видеть. Равно и Господь среди ангелов не является окруженный сонмами их, но один в образе ангела: вот почему Господь и целые общества названы в Слове ангелом, ибо Михаил, Гавриил, Рафаил суть не что иное, как ангельские общества, которым даны эти имена по их должностям.

53. Как целое общество составляет само по себе небеса в малом виде, точно так же и каждый ангел составляет их в самом малом. Небеса не вне ангела, а внутри его; внутреннее в каждом ангеле, духу его принадлежащее начало расположено в нем по образу небес для принятия всего небесного, находящегося вне его; и ангел принимает это небесное по качеству блага, находящегося в нем от Господа: вот почему и каждый ангел сам по себе образует небеса.

54. Никак нельзя сказать о ком-нибудь, что небеса находятся вне его, но должно сказать, что они внутри его, ибо каждый ангел принимает небеса, которые вне его, по тем небесам, которые внутри его. Из этого ясно, сколько ошибается тот, кто думает, что ему, только стоит перенестись в среду ангелов, чтобы войти в небеса, какова бы ни была его внутренняя жизнь, и что поэтому небесная жизнь даруется каждому по непосредственному милосердию Господа, – тогда как ничто небесное, находящееся вне человека, не может влиять на него и не принимается им, если внутри его самого нет небес. Многие духи, державшиеся первого убеждения, были вследствие такой веры перенесены в небеса, но так как их внутренняя жизнь была противоположна ангельской, то разум их начал до того помрачаться, что они делались как бы полоумными, а воля их до того стала мучиться, что они как бы впадали в исступление. Словом, когда жившие дурно покушаются взойти в небеса, то они задыхаются и мучаются там, подобно рыбе, вынутой из воды и оставленной на воздухе, или подобно животным под колоколом насоса в безвоздушном эфире. Из этого ясно, что небеса находятся внутри каждого (человека), а не вне его!

55. Так как все ангелы принимают небеса, находящиеся вне их, по качеству небес, находящихся внутри их, то подобным же образом они принимают и Господа, потому что Божественное (начало) Господа образует небеса. Вот почему когда Господь является какому-нибудь обществу, то Его видят по качеству блага этого общества, т. е. не везде одинаково; не потому, чтобы эта разность была в Господе, но потому, что она в тех, которые видят Его по качеству своего блага. Даже самый вид Господа проникает их по качеству любви их к Нему: любящие Господа от всего сердца проникнуты Им до самой глубины души, а кто любит Его менее, тот и менее проникнут Им; для злых же, находящихся вне небес, присутствие Господа есть мучение. Господь, являясь какому-либо обществу, представляется ему в образе ангела, но тотчас отличается от других по Божественному свету, исходящему от Него.

56. Небеса находятся везде, где признают Господа, где верят в Него и любят Его; разнообразие поклонения Ему и разнообразие блага в том и другом обществе не предосудительно, а полезно, потому что из этого разнообразия слагается совершенство небес. Трудно объяснить это, не прибегнув к принятым и обычным в науке выражениям, которыми толкуют, каким образом совершенство единицы образуется из разнообразия частей. Всякая единица, говорит наука, состоит из разных частей, ибо единица, в которой их нет, сама ничто, не имеет формы, следовательно, не имеет качества; но когда единица состоит из различных частей и когда эти части составляют образ совершенный, в котором каждая из них дружно и стройно присоединяется к другой, тогда единица по качеству своему совершенна.

Таким же образом и небеса составляют единицу, состоящую из разнообразных частей, расположенных в совершеннейшем образе, ибо небесный образ (форма) есть совершеннейший из всех образов. Что в этом состоит всякое совершенство, это ясно видно по всему прекрасному и приятному, что поражает одинаково и внешние чувства и дух; ибо все прекрасное существует и происходит не от чего иного, как от сочетания различных, стройно составленных и согласованных частей, расположенных в совокупном (совместном) или последовательном порядке; никогда это качество прекрасного не принадлежит единице, неразнообразной в своих частях. На этом основании говорят, что разнообразие приятно, и известно, что от качества этого разнообразия зависит и его приятность. Из всего этого видно, каким образом совершенство, даже небесное, происходит от разнообразия частей, ибо из того, что существует в мире природном, можно, как бы в зеркале, видеть то, что существует в мире духовном.

57. Сказанное выше о небесах может быть одинаково сказано и о церкви, ибо церковь есть небеса Господни на земле. Церквей несколько, и несмотря на то каждая из них называется церковью и подлинно есть церковь настолько, насколько блага любви и веры царствуют в ней. Господь и тут из различных частей составляет одно целое, т. е. одну церковь из нескольких. О каждом человеке церкви можно сказать в частности то же, что о церкви вообще, а именно, что церковь внутри человека, а не вне его и что каждый человек, в котором Господь присущ во блага любви и веры, есть также церковь. Об ангеле, в котором находятся небеса, можно сказать то же самое, что и о человеке, внутри которого церковь: т. е. как ангел сам по себе образует небеса в малом виде, так и человек образует в малом виде церковь. Более того, тот человек, внутри которого церковь, образует собой такие же небеса, как и ангел, ибо человек создан для того, чтоб идти на небеса и быть ангелом; вот почему всякий приемлющий блага от Господа есть человек-ангел.

Кстати, должно сказать, что одинаково свойственно человеку и ангелу и что сверх того свойственно одному только человеку: *человеку и ангелу* одинаково свойственно то, что внутреннее их начало сотворено по образу небес и что тот и другой становятся образом небес, насколько они живут во блага любви и веры. Сверх этого *только одному человеку* свойственно, что его внешнее сотворено по образу мира, и что насколько он живет во блага, настолько мирское в нем подчинено небесам и служит им, и что тогда Господь присутствует во внутреннем

и внешнем его человеке как бы во своих небесах; в том и другом Господь находится в своем Божественном порядке, потому что Бог есть сам порядок.

58. Наконец, должно сказать, что небеса находятся внутри кого-либо не только в его общих или главных частях, но даже в малейших и мельчайших, потому что малейшая часть в нем изображает в себе и наибольшую. Это происходит оттого, что каждый человек есть олицетворение своей любви и таков, как царствующая в нем любовь, ибо господствующее начало влияет на все малейшие частицы, устрояет их и всюду вводит свое подобие. Царствующая любовь на небесах есть любовь к Господу, Он там любим выше всего, а потому Господь на небесах и есть все во всем. Он наитствует на всех ангелов вообще и на каждого в особенности, устрояет их, облакает их в свое подобие и присутствием своим образует небеса; вот почему каждый ангел образует небеса в малом виде, общество в большом, а все общества вместе в наибольшем.

Все небеса в совокупности изображают как бы одного человека

59. Эта тайна еще неведома в мире, но она весьма известна на небесах; знание этой тайны со всеми частностями и подробностями, относящимися к ней, есть главный предмет ангельского разумения. От этого знания зависит и многое другое, что без познания самой тайны как общего начала не могло бы отчетливо и ясно входить в ангельские понятия. Зная, что все небеса вместе с обществами изображают как бы одного человека, они называют небеса большим или Божественным человеком. Божественным потому, что Божественное начало Господа образует собой небеса (см. н. 7-12).

60. Люди без верного понятия о духовных и небесных предметах не могут постичь, чтоб духовное и небесное могло быть устроено и соединено в образ и подобие человека; они думают, что земное и вещественное, составляющее последнее в человеке, составляет и его самого и что без этого человек не есть человек. Но да будет им ведомо, что человек становится человеком не в силу земных и вещественных начал, из которых сложилось тело его, но в силу того, что он может разуметь истину и хотеть благо; это последнее и есть то духовное и небесное, что действительно составляет человека. Всякому известно, что человек таков, каковы его разум и воля, но, сверх того, человек мог бы знать, что земное тело его сотворено для земной службы разуму и воле и для отправления, согласно их требованиям, службы в последней сфере природы. По этому самому тело нисколько не действует само по себе, но вполне повинуетя разуму и воле, и до такой степени, что всякую мысль свою человек выражает языком и устами, а все, что желает волей, исполняет телом и членами; таким образом, все делается телом по разуму и воле, а само тело по себе ничего не делает. Из этого ясно, что начала разума и воли составляют человека и что, действуя на самомалейшие частицы тела, как внутреннее на внешнее, они в образе своем подобны человеку, который поэтому и называется внутренним, или духовным; такого именно человека в наибольшем и совершеннейшем виде изображают небеса.

61. При таком понятии о человеке ангелы никогда не обращают внимания на то, что он делает телесно, но смотрят на волю, по которой действует тело; эту волю они называют самим человеком; также и разум его, когда он с волей составляет одно целое.

62. Ангелы, однако, не видят всех небес вместе в образе одного человека, потому что ни один ангел не может обнять взглядом всех небес, но в этом образе они видят иногда целые общества, находящиеся вдали от них и состоящие из нескольких тысяч ангелов. По одному обществу как части они заключают и о целом, т. е. и о всех небесах, ибо в совершеннейшем образе целое отвечает части, а часть целому; одно различие в величине. Поэтому ангелы и говорят, что Господь видит все небеса в том образе, в котором им видно только одно общество, ибо Божество из глубины тайника своего (*ex intimo*) объемлет и видит все.

63. Вследствие такого человеческого образа небес Господь и управляет ими как одним человеком или единицей. Известно, что хотя человек состоит из несчетно разнообразных частей как в целом, так и в отдельности (в целом – из членов, органов и черев (viscera), а в отдельности – из волокон, нервов и кровеносных сосудов, следовательно, из членов внутри членов и из частиц внутри частей), – но тем не менее он действует как один человек; таковы и небеса под управлением и усмотрением Господа.

64. Несмотря на такое разнообразие частей, человек потому составляет одно целое, что в нем нет ни одной частицы, которая бы не содействовала целому и не отправляла службы; целое служит для частей своих, и части служат для целого, ибо целое состоит из частей и части составляют целое. Вследствие этого одна часть радеет о другой, соблюдает ее и, взаимно соединяясь, принимает такой образ, что они все вместе, как вообще, так и в частности, содействуют целому и благу его; таким образом, они действуют как единица. Таким же образом и общества на небесах соединяются в одно целое смотря по отправлению каждым из них службы своей; не отправляющие никакой службы для целого отстраняются как разнородные части: отправлять службу значит хотеть блага, а не отправлять службы значит хотеть блага другим не ради общего блага, а ради себя самого и при этом более всего любить себя, а в первом случае более всего любить Господа. Таким-то образом все живущие на небесах составляют как бы одно целое; не сами по себе, однако, но по Господу; на Него они взирают как на Единого, от которого исходит все, а на царство Его – как на общину, о которой должно печься. Это самое разумеется в словах Господа: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мат. 6. 33). Искать правды Его значит искать блага Его. Любящие в этом мире благо отечества более своего и благо ближнего как свое в той жизни любят и ищут царство Господне, ибо там царство Господне им заместо отечества; а любящие творить благо другим не ради себя, но ради блага любят там ближнего, ибо для них благо есть ближний; все такие люди находятся в большом человеке, т. е. на небесах.

65. Так как все небеса не только изображают одного человека, но, можно сказать, и составляют божественно-духовного человека в наибольшем образе даже по виду, то небеса и различаются, подобно человеку, на члены и части, которые и одинаково именуются. Ангелы знают, в каком члене находится то или другое общество, и говорят: такое-то общество находится в такой-то части или области головы, другое – в такой-то части или области груди, а третье – в такой-то части или области чресл и т. д. Вообще, высшие, или третьи, небеса составляют голову до шеи; средние, или вторые, небеса – грудь и туловище до колен; а последние, или первые, – ноги от колен до подошв и руки от плеч до пальцев, ибо руки с пальцами хотя они и с боков тела, но составляют последнее в человеке. Из этого еще раз видно, почему трое небес.

66. Духи, находящиеся под небесами, весьма дивятся слышать и видеть, что есть небеса над ними и под ними. Духи эти думают и верят, как люди в мире, что небеса только наверху; они не знают, что расположение небес подобно расположению членов, органов и черев в человеке, из которых некоторые лежат выше, другие ниже, и также подобно расположению частей в каждом члене, органе и череве, из которых некоторые снаружи, а другие внутри. Вот откуда происходит и сбивчивость понятий этих духов о небесах.

67. Эти подробности о небесах как о большом человеке потому приведены здесь, что без предварительного познания их никак нельзя было бы понять то, что будет сказано ниже о небесах, и составить себе ясного понятия о небесном образе (форме), о соединении Господа с небесами, о соединении небес с человеком, о влиянии духовного мира на природный, и вовсе никакого о соответствиях; а так как о всем этом будет сказано по порядку ниже, то все предшествующее и говорилось для ясности последующего.

Каждое общество на небесах изображает человека

68. Что каждое общество на небесах изображает человека и также подобно ему по образу своему, мне несколько раз дано было видеть. В одно общество вкралось несколько духов, которые сумели показаться ангелами света; это были лицемеры. По мере того как они отделялись от ангелов, я видел, как все общество сперва казалось чем-то темным, как затем оно постепенно принимало человеческий, еще не ясный образ и как, наконец, в полном свете стало подобным человеку. Все бывшие во благе данного общества находились в этом человеке и составляли его, прочие же, не находившиеся в нем и не составлявшие его, были лицемеры; последние были откинута, а первые оставлены; таким образом совершилось разделение. Лицемерами называются те, которые говорят и действуют хорошо, но которые во всем видят только самих себя. Они одинаково с ангелами говорят о Господе, о небесах, о любви, о жизни небесной и одинаково с ними поступают хорошо, чтоб показаться на деле такими же, как и на словах, но думают они иначе: ни во что не верят, никому не хотят блага, кроме себя, добро делают только для самих себя, а если и для других, то только напоказ и, следовательно, тоже для себя.

69. Мне дано было видеть и то, как целое общество в присутствии Господа является единицей в человеческом образе. На высоте, к востоку, появилось что-то вроде облачка, цвета, переходящего от белого к алому, со звездочками вокруг; оно опускалось, постепенно становилось светлее и наконец явилось мне в совершенном человеческом образе. Звездочки вокруг облачка были ангелы, которые казались звездами по свету, исходящему от Господа.

70. Надо знать, что хотя всякое общество, когда оно в сборе, является одним лицом в образе человека, тем не менее, ни одно общество в человеческом образе своем не подобно другому обществу; они различаются между собой, как лица одной семьи. Причина этому та же, что была изложена выше в н. 47, т. е. что общества различаются между собой по разнообразию блага, в котором они живут и от которого зависит их видимый образ: в совершеннейшем и прекраснейшем человеческом образе являются общества, находящиеся в самых внутренних, или высших, небесах и в центре этих небес.

71. Достойно замечания, что чем более ангелов составляют одно небесное общество и образуют одно целое, тем совершеннее человеческий образ этого общества. Как было сказано выше в н. 56, разнообразие, устроенное по небесному образу, производит совершенство, а где более ангелов, там и более разнообразия. Каждое небесное общество ежедневно растет в числе своем и вместе с этим становится совершеннее; вследствие этого совершенствуется не только одно общество, но и все небеса, ибо они все состоят из различных обществ. Если же небеса совершенствуются с приращением числа своих жителей, то из этого видно, сколь ошибаются те, что полагают, что небеса от полноты своей замкнутся; напротив, чем они будут полнее, тем они будут совершеннее, а потому и ангелы ничего не желают более, как принимать к себе новоприбывших ангелов.

72. Каждое общество, являясь в сборе своим единицей, потому принимает человеческий образ, что это, как было сказано выше, свойственно и целым небесам. В совершеннейшем образе, каков образ небес, части подобны целому и малейшие самым большим, а эти-то частицы и части суть не что иное, как общества, из которых состоят небеса; что эти общества такие же небеса в малом виде, см. н. 51–58. Такое постоянное сходство основано на том, что на небесах благо каждого исходит из единой любви и, следовательно, из одного источника. Эта единая любовь, от которой исходит всякое благо на небесах, есть любовь к Господу, исходящая от Него самого; вот почему все небеса, как одно целое, составляют Его подобие в общем виде, каждое общество в меньшем, а каждый ангел в частности.

Внешний образ каждого ангела есть совершенно человеческий

73. В двух предшествующих главах было показано, что небеса в совокупности своей изображают человека, равно как и каждое небесное общество в отдельности; по вышеизложенным причинам следует то же самое заключить и о каждом ангеле. Как небеса составляют человека в наибольшем образе и каждое небесное общество в меньшем, так и каждый ангел в наименьшем, ибо в образе столь совершенном, каков образ небес, целое подобно части, а часть подобна целому. Это происходит оттого, что небеса образуют общину, которая сообщает каждому все небесное и каждого наделяет всем тем, что в нем есть. Становясь таким образом приемником, ангел становится и небесами в малом виде. Точно так и человек: насколько он приемлет в себя небеса, настолько он становится таким приемником, затем небесами и ангелом (см. н. 37). Это самое сказано в Апокалипсисе следующим образом: *И стену его измерил (святого Иерусалима) во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела* (21. 17). Иерусалим здесь означает церковь Господню, а в высшем смысле небеса; стена обозначает истину, охраняющую от нападений лжи и зла; число 144 означает все блага и истины в совокупности; мера означает качество; человек означает того, в котором все эти блага и истины находятся вообще и в частности, следовательно, того, в ком находятся небеса. А как ангел, в силу принятия им этих благ и истин, есть также человек, то и сказано: *мера человека, какова мера и ангела*. Вот внутренний смысл этих слов, без которого никто не мог бы понять, что стена святого Иерусалима есть мера человека, т. е. ангела.

74. Теперь обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, т. е. что они такие же люди, это я видел до тысячи раз. Я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видал, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого. Иногда я дивился этому, но, чтобы это не было приписано обману чувств или воображения, мне дано было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения. Я часто рассказывал им, как люди в христианском мире по слепому невежеству своему думают, что ангел или дух есть один ум (*mens*, дух) без образа, или одна только мысль, или, наконец, нечто эфирное, одаренное началом жизни. Таким образом, не оставляя духу ничего человеческого, кроме способности мышления, люди думают, что дух не видит за неимением глаз, не слышит за неимением ушей и не говорит за неимением языка и рта.

На это ангелы отвечали мне, что они знают о существовании такого понятия у многих в мире, о преобладании его в особенности в ученом сословии и также, к удивлению их, в духовенстве. Они даже поясняли это тем, что ученые, находящиеся во главе прочих и первые подающие такое понятие об ангелах и духах, судят о них по чувственному началу внешнего человека, а кто мыслит на основании этого начала, а не по внутреннему свету и общему понятию, врожденному каждому человеку, тот не может мыслить иначе, потому что чувственное начало внешнего человека понимает одно только природное, а не то, что выше его, и, следовательно, не может иметь никакого понятия о духовном мире. От этих вождей и наставников ложное понятие об ангелах перешло и к тем, которые мыслили не своим разумом, но чужим; а кто берет свои мысли у другого, сперва убеждается в них и уже после того разбирает их своим разумом, тот трудно отстаёт от своих понятий и, утвердившись в них, большей частью успокаивается.

Далее ангелы сказали мне, что у людей простых сердцем и верой нет такого понятия об ангелах, но что они думают о них как о небесных людях, потому что они ученостью своей не потушили врожденного им свыше понятия и не могут себе представить чего-нибудь без образа; по этому самому ангелы в храмах, на картинах или в статуях никогда не изображаются иначе, как людьми. Об этой способности постижения, врожденной свыше, ангелы сказали мне, что это есть то самое Божественное начало, которое наитствует на тех, чья вера и жизнь во благе.

75. По всему, что мне дано было изведать на опыте в продолжение нескольких лет, я могу утвердительно сказать, что ангелы по внешнему образу своему такие же люди, как мы; что у них есть лицо, глаза, уши, грудь, руки, пальцы, ноги; что они друг друга видят, слышат и говорят между собой; словом, у них есть все, что принадлежит человеку, кроме вещественного тела. Я видел их в свете, который много превосходит полуденный свет здешнего мира, и в этом свете я различал все черты лица их гораздо отчетливее и яснее, чем лица людей на земле. Мне также дано было видеть ангела самых внутренних небес: лицо его блестело и сияло более, чем у ангелов низших небес; я рассмотрел его и могу сказать, что он был в совершеннейшем человеческом образе.

76. Однако должно знать, что человек не может видеть ангелов глазами плоти, но глазами духа, который внутри человека, потому что дух его принадлежит духовному миру, а все телесное природному; подобное видит только подобное, потому что оно состоит из подобного ему начала. К тому же орудие телесного зрения, т. е. глаз, так грубо, что, как известно каждому, оно не может рассмотреть малейших произведений природы без пособия оптических снарядов; еще менее может оно видеть то, что выходит из области внешней природы, т. е. все принадлежащее духовному миру. Тем не менее человек может прозреть в духовный мир, когда он отрешается от зрения телесного и ему открывается зрение духовное; если угодно Господу, это совершается в одно мгновение, и тогда человек вполне уверен, что он видит глазами тела. Таким образом ангелы были узрены Авраамом, Лотом, Маноахом и пророками; подобным образом Господь, по воскресении своем, был узран учениками своими, и, наконец, таким же образом я сам видел ангелов. Пророки, обладая такого рода зрением, были названы *прозорливцами* и *людьми, чьи очи отверзты* (1 Цар. 9. 9; 23. 3). Дать узреть, таким образом, выражалось словами: *отверзть очи*, что и было сделано с отроком Елисея, как видно из следующего: *И молился Елисей, и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея* (4 Цар. 6. 17).

77. Добрые духи, с которыми я говорил об этом предмете, соболезновали сердцем о таком невежестве церкви относительно небесного быта духов и ангелов; они с негодованием просили меня сказать, что они вовсе не умы (духи) без образа (формы) и не эфирные дыхания, но что они люди в человеческом образе и что они видят, слышат и чувствуют точно так, как и люди на земле.

Небеса, вообще и в частности, изображают человека вследствие Божественной человечности Господа

78. Это следует как заключение из всего сказанного и доказанного в предшествующих главах, а именно: 1. Что Господь есть Бог небес. 2. Что Божественное начало Господа образует небеса. 3. Что небеса состоят из бесчисленных обществ, из которых каждое образует небеса в малом виде, а каждый ангел в меньшем. 4. Что все небеса в совокупности изображают одного человека. 5. Что каждое общество на небесах также изображает одного человека. 6. Что поэтому и каждый ангел по образу своему есть совершенный человек. Из всего этого следует, что если Божественное (начало) образует небеса, то и сам образ его есть человеческий.

79. Эта истина была мне доказана многократным опытом, о котором я частью скажу теперь следующее. Ни один ангел на небесах не постигает Божественного начала в ином образе, как человеческом; и, что удивительно, даже ангелы высших небес не могут думать о Божественном начале иначе; они в необходимости мыслить таким образом вследствие наития на них самого Божественного начала и вследствие самого образа небес, согласно которому мысли их распространяются вокруг них, ибо каждая ангельская мысль распространяется на небесах и разумение и мудрость ангельские соразмерны этому распространению. Вот почему все, кто

на небесах, признают Господа, ибо нет Божественного человеческого начала ни в ком, кроме самого Господа. Все это не только было сказано мне ангелами, но и дано было постичь самому, когда я возносился во внутреннюю сферу небес; из чего видно, что ясность постижения этой истины зависит от степени мудрости ангелов. Вот почему и сам Господь является им видимо, ибо Он является в Божественном ангельском образе, т. е. в человеческом, только тем, которые признают и верят, что Божественное начало видимо, а не тем, по мнению которых оно невидимо; первые могут видеть его, а вторые не могут.

80. Так как ангелы постигают не Божественное невидимое начало, называя его Божеством без образа, но Божественное начало, видимое в человеческом образе, то они обыкновенно и говорят, что один Господь человек, что они люди только по Нем и что каждый становится человеком по мере принятия им Господа. Под принятием Господа они понимают принятие блага и истины, исходящих от Него, ибо Он сам пребывает в своем благе и в своей истине; они называют это мудростью и разумением, говоря: всякий знает, что разумение и мудрость составляют человека, а не личность его без этих начал. Что это так, то это видно по ангелам внутренних небес: будучи по Господу во благе и истине, а потому в мудрости и разумении, они являются в прекраснейшем и совершеннейшем человеческом образе, а ангелы низших небес в менее совершенном и менее прекрасном. В аду же наоборот: жители его кажутся при небесном свете не людьми, а чудовищами, потому что они живут не во благе и истине, а во зле и лжи, т. е. в противоположных мудрости и разумению началах; поэтому и жизнь их называется не жизнью, а духовной смертью.

81. Так как небеса в целом и в частности изображают человека вследствие Божественного человеческого начала Господа, то ангелы и говорят, что они пребывают в Господе, и даже в теле Его, как говорят некоторые из них; под этим они понимают пребывать во благе и любви Господней, как учит тому и сам Господь, говоря: *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне; ибо без Меня не можете делать ничего; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей (Иоан. 15. 4-10).*

82. Вследствие того что небеса не иначе постигают Божественное начало, каждому человеку, хоть несколько приемлющему небесное наитие, врождено понятие о Божестве в человеческом образе. Так было в древности, так и в настоящее время как внутри церкви, так и вне ее; простые люди мысленно представляют себе Божество в образе старца, окруженного сиянием. Но это врожденное понятие погасло во всех тех, кто своим разумением и жизнью во зле удалился от небесного наития; кто погасил в себе это понятие собственным разумом, тот признает невидимого Бога, а кто погасил это понятие жизнью во зле, тот не признает никакого Бога. Ни те, ни другие не знают о существовании этого врожденного понятия, потому что его нет в них; меж тем как это понятие есть то самое Божественное небесное начало, которое первое входит в человека наитием с небес, потому что человек рожден для небес, и никто не входит в небеса без понятия о Божественном начале.

83. Из этого следует, что у кого нет должного понятия о небесах, т. е. о Божественном начале, которым существуют небеса, тот не может и подняться к первому порогу их; как только он приближается к ним, он чувствует в себе сопротивление и оттолкновение. Это происходит оттого, что его внутреннее начало не открыто к принятию небес, а замкнуто, как неподходящее к небесному образу; и даже чем более такой человек приближается к небесам, тем крепче замыкается его внутреннее начало. Такова участь тех, которые, принадлежа к церкви, отрицают Господа и, подобно социнианцам, отрицают Божественность Его; какова же участь рожденных вне церкви, которым, за неимением Слова, Господь неведом, – об этом будет сказано впоследствии.

84. Что у древних было понятие о человечности Божества, это ясно из явлений Божества Аврааму, Лоту, Иисусу Навину, Гедеону, Маноаху, супруге его и другим, которые хотя видели

Бога как человека, тем не менее, поклонялись Ему как Богу Вселенной, называя Его самым Богом небес и земли и Иеговой; что Аврааму являлся Господь, это Он сам говорит (Иоан. 8. 56); а что Он же являлся и прочим, это ясно из слов Его: *А вы ни гласа Его (отца) никогда не слышали, ни лица Его не видели* (Иоан. 5. 37; 1. 18).

85. Но судящие обо всем по чувственному внешнего человека с трудом могут понять, что Бог есть человек. Чувственный человек может думать о Божестве не иначе как по мирскому и по предметам здешнего мира, а потому о Божественном и духовном человеке – не иначе как о человеке плотском и природном; на этом основании он заключает, что если Бог человек, то Он должен быть огромен, как Вселенная, и если Он управляет небесами и землей, то, вероятно, через многих помощников, подобно царям здешнего мира. Если сказать такому человеку, что на небесах нет пространства, как здесь, то он вовсе не поймет этого; ибо кто привык думать по природе и при одном свете ее, тот не может думать, отрешаясь от понятий о пространстве, в котором он живет; но весьма ошибается кто таким же образом думает и о небесах. Пространство на земле не подобно пространству на небесах: здесь оно определяемо и потому измеримо, а на небесах оно неопределяемо и потому неизмеримо². Всякий знает, как далеко простирается зрение глаза, даже до солнца и звезд, столь далеко отстоящих от нас; кто мыслит глубже, тот знает, что внутреннее, мысли принадлежащее, зрение простирается дальше и что поэтому зрение еще более внутреннее может простираться еще дальше; каково же должно быть зрение самое внутреннее и высшее, т. е. Божественное? Вследствие такой всеобъемлющей способности мысли все, что есть на небесах, равно и все относящееся к Божественному началу, которым образуются и исполняются небеса³, сообщается каждому живущему в них.

86. Небесные жители удивляются, что люди считают себя разумными, когда думают о Боге как о существе невидимом, т. е. ни в каком образе не постигаемом, и что мыслящих иначе они называют неразумными и даже простыми, меж тем как выходит наоборот. Ангелы говорят, пусть эти разумники испытают себя, не видят ли они вместо Бога природу: иные ту, которая перед их глазами, другие ту, которая не подлежит их зрению? Не слепы ли они до того, что не знают, что такое Бог, что такое ангел, что такое дух, что такое душа их, которая будет жить после смерти, что такое жизнь небесная в человеке и многое другое, принадлежащее разумению? Меж тем как всё это знают, понимая по-своему, те, которых они называют простыми. О Боге у них понятие как о Божестве в человеческом образе; об ангеле – как о небесном человеке; о душе, которая будет жить после смерти, – что она подобна ангелу; о небесной жизни человека – что она есть жизнь по заповедям Божественным. По всему этому ангелы называют этих простых разумными и готовыми для небес, а других, напротив, неразумными.

Все, что есть на небесах, соответствует всему, что есть в человеке

87. Ныне по многим причинам не знают, что такое соответствие. Одна из главных причин та, что человек удалился от небес любовью к себе и к миру; а кто более всего любит себя и мир, тот взирает на одно только мирское, потому что оно ласкает его внешние чувства и приятно его природным наклонностям. На духовное же он не взирает, ибо оно ласкает внутренние чувства и приятно для духа, поэтому люди и отбрасывают духовное, говоря, что оно выше их понимания. Древние поступали иначе: для них наука соответствий была главной из всех наук; в ней они черпали разумение и мудрость, и через нее люди, принадлежавшие к церкви, общались с небесами, ибо наука соответствий есть наука ангелов. Самые древние люди, будучи людьми небесными, мыслили вполне по соответствиям, подобно ангелам, поэтому они беседовали с

² О протяжении пространства на небесах будет сказано ниже, в главах о пространстве и времени в духовном мире.

³ Как показано в предыдущих главах.

ними, и сам Господь часто являлся им и поучал их. Но ныне наука эта до того утрачена, что даже неизвестно, что такое соответствие.

88. Итак, не постигнув, что такое соответствие, нельзя иметь никакого ясного понятия о духовном мире, о влиянии его на природный, о том, что такое духовное сравнительно с природным, ни ясного понятия о духе человеческом, называемом душой, ни о ее деятельности в теле, ни о состоянии человека после смерти; поэтому следует объяснить, что такое соответствие и в чем оно состоит. Таким образом проложится путь и к последующему.

89. Скажем прежде, что такое соответствие: весь природный мир соответствует духовному не только в общности, но даже и в каждой своей частности, поэтому все, что в мире природном существует вследствие духовного мира, называется соответствием. Должно знать, что природный мир есть и существует вследствие духовного мира совершенно так же, как последствие от своей причины. Природным миром называется все пространство, находящееся под солнцем и получающее от него свет и тепло; все от него существующее принадлежит этому миру. Духовным же миром называются небеса, и все существующее в небесах принадлежит тому миру.

90. Так как человек являет в себе небеса и мир в малом виде согласно большому образу их (см. н. 57), то в нем есть и то и другое: мир природный и мир духовный. Внутренние начала, принадлежащие духу его и относящиеся к разуму и воле, составляют его духовный мир; а внешние, принадлежащие его телу и относящиеся к его чувствам и действиям, составляют его природный мир. Итак, все, что находится в природном мире человека, т. е. в чувствах и действиях его тела, и происходит от его духовного мира, т. е. от разума и воли его духа, называется соответствием.

91. По свойству человеческого лица можно иметь понятие о соответствии: на лице, которое не привыкло к притворству, все чувства духа представляются в их естественном виде, как в первообразе; поэтому лицо и называется изобличителем духа. Таким образом духовный мир человека проявляется в его природном мире: т. е. мысли его разума в речи, а желания его воли в движениях тела; словом, все, что проявляется в теле, будет ли оно на лице, в речи или телодвижениях, называется соответствием.

92. Из этого также видно, что такое внутренний человек и что такое внешний: что внутренний человек – тот, который называется духовным, а внешний – тот, который называется природным; что один отличается от другого, как небеса от земли, и что все проявляющееся и существующее во внешнем, или природном, человеке проявляется и существует вследствие внутреннего, или духовного.

93. До сих пор говорилось о соответствии внутреннего, или духовного, человека с его внешним, или природным, человеком, а теперь будет сказано о соответствии всех небес со всеми частями человеческого тела.

94. Выше показано, что небеса в совокупности изображают одного человека, который потому и назван большим человеком. Было также сказано, что вследствие этого и ангельские общества, из которых состоят небеса, расположены в том же порядке, как члены, органы и черева в человеке, т. е. что некоторые общества находятся в голове, другие – в руках, третьи – в груди, а иные – в отдельных частях этих членов (см. н. 59–72). Поэтому общества, находящиеся в каком-либо члене небес, соответствуют такому же члену в человеке; например, находящиеся там в голове соответствуют голове человека; находящиеся там в груди соответствуют груди человека, а находящиеся в руках соответствуют рукам человека, и так далее в остальном. В силу этого соответствия человек существует (*subsistit*), ибо его существование зависит непосредственно от небес.

95. Перед этим было также сказано на своем месте, что небеса делятся на два царства, из которых одно называется царством небесным, а другое духовным. Небесное царство вообще соответствует сердцу и всему, что относится к нему в целом теле; духовное же царство соот-

ветствует легкому и всему, что относится к нему в целом теле. Сердце и легкое образуют два царства в человеке: сердце царствует в нем боевыми и чернокровными жилами, а легкое – нервными и мышечными волокнами; то и другое участвует в каждом его усилии и действии. В каждом человеке, в духовном мире его, который называется его духовным человеком, есть также два царства: одно принадлежит воле, другое разуму; воля царствует любовью (*per affectiones*) ко благу, а разум царствует любовью к истине; эти царства соответствуют царствам сердца и легкого в теле. То же самое и на небесах: небесное царство есть начало воли в небесах, и там царствует благо любви; а духовное царство есть начало разума в небесах, и там царствует истина. Вот что соответствует отправлениям сердца и легкого в человеке. Вследствие этого соответствия сердце в Слове Божиим означает волю и также благо любви, а дыхание легких означает разум и истину веры; по этому же самому чувства приписываются сердцу, хотя они не находятся в нем и не происходят от него.

96. Соответствие обоих небесных царств с сердцем и легкими есть общее соответствие небес с человеком; но, кроме того, есть и частное – с каждым его членом, органом и черевом, а именно: духи, находящиеся в голове большого человека, т. е. небес, более других пребывают во всяком благе, ибо живут в любви, мире, невинности, мудрости, разумении, а потому в радости и блаженстве; эти духи влияют на голову человека и на все ее части, соответствуя им. Находящиеся в груди большого человека, или небес, пребывают во благе милосердия и веры, и влияние их обращено на грудную полость человека, которой они соответствуют. Находящиеся в чреслах большого человека, т. е. небес, или в детородных тут частях, живут в супружеской любви. Находящиеся в ногах пребывают в низшем небесном благе, называемом благом природно-духовным. Находящиеся в руках пребывают в силе истины по благу. Находящиеся в глазах – в разуме. Находящиеся в ноздрях – в послушании. Находящиеся в устах и языке – в витийстве по разуму и постижению. Находящиеся в почках – в истине испытующей, разлагающей и исправляющей. Находящиеся в печени, в поджелудочной железе и в селезенке – в различном очищении блага и истины. Так и относительно всех прочих частей небес: они все влияют на подобные же части в человеке и соответствуют им. Небеса влияют на отправления и службы членов, а службы, имея свое начало в духовном мире, облакаются в видимый образ посредством веществ, находящихся в природном мире, и таким образом проявляются в действии; от этого и соответствие между ними.

97. По этой же причине члены, органы и черева, упоминаемые в Слове Божиим, имеют то же самое значение, ибо в Слове Божиим все имеет значение по соответствию: так, голова означает разумение и мудрость; грудь – благостыню; чресла – супружескую любовь; руки – силу истины; ноги – природное; глаза – разум; ноздри – постижение; уши – послушание; почки – исследование истины и т. д. По этой же самой причине мы обыкновенно говорим о разумном и мудром человеке, что он с головой; о том, кто полон благостыни, что он человек сердца; о том, кто скоро понимает, что он тонкого чутья (тонкий нос); о человеке умном – про остроту его зрения; о том, кто силен, что у него широкие плечи; о том, кто говорит или желает по любви, что он делает это от сердца. Такого рода поговорки и многие другие сложились по соответствию, ибо начало их в духовном мире, хотя человек этого вовсе не знает.

98. Что все, что есть на небесах, соответствует, таким образом, тому, что есть в человеке, мне было доказано многократным опытом, и даже так часто, что я убедился в этом, как в истине очевидной и не подлежащей никакому сомнению. Но нет надобности приводить здесь все эти опыты, тем более что по большому количеству их им бы здесь не было и места (См. об этом в сочинении *Тайны Небесные* (*Arcana Coelestia*), в главах: О соответствиях, о преобразованиях, о влиянии Духовного мира на природный и о сношений Души с телом).

99. Хотя все, что есть телесного в человеке, соответствует всему, что есть на небесах, тем не менее человек не есть образ небес по внешности своей, а по внутренности. Внутреннее начало его есть приемник небес, а внешнее – приемник мира; и потому насколько внутреннее

принимает небеса, настолько человек во внутреннем начале своем становится образом небес в малом виде по образу большого человека; насколько же его внутреннее удаляется от небес, настолько он не становится образом небес и большого человека. При всем этом внешнее начало человека, как приемник мира, может быть в образе своем согласно с порядком мира и потому в различной степени красоты. Внешняя красота, т. е. телесная, зависит от родителей и от сложения ребенка в утробе, а после того поддерживается общим влиянием мира на тело; вследствие этого внешний, или природный, человек в образе своем весьма отличен от духовного человека. Мне было показано несколько раз, каков в образе своем дух человека, и я видел, как в некоторых людях, с красивой и приятной наружностью, дух был безобразен, черен и чудовищен, так что этот образ был скорее адский, чем небесный; напротив же, в других людях, с некрасивой наружностью, дух был прекрасен, светел и подобен ангелу. Дух человека после смерти является в том виде, каким он был в теле, когда обитал в нем на земле.

100. Но соответствие не ограничивается одним человеком, а идет еще далее и простирается на все небеса: третьим, или самым внутренним, небесам соответствуют вторые, или средние; вторым, или средним, соответствуют первые, или последние; последним же соответствуют в человеке все части его телесного образа, т. е. члены, органы и черева. Таким образом, крайний предел небес оканчивается в плотском начале человека, которое и служит им как бы основанием. Тайна эта будет изложена полнее в другом месте.

101. Необходимо знать, что все соответствующее небесам соответствует и Божественному человеческому (началу) Господа, ибо Им стались небеса и Он сам есть небеса, как было показано в предыдущих главах; если б Божественное человеческое начало Господа не сходило наитием на все существующее на небесах и потому по соответствию на все существующее в мире, то не было бы ангела и не было бы человека. Из этого опять видно, почему Господь стал человеком и облек Божественное свое начало в человеческое, от первых начал и до последних; а именно потому, что когда человек, служащий основанием небес, извратил и разрушил порядок, то к сохранению всего существующего уже стало недостаточно того Божественного человеческого начала, которым существовали небеса до пришествия Господа.

102. Ангелы изумляются, когда узнают, что есть люди которые все приписывают природе и ничего не относят к Божественному началу; которые думают, что тело их, в котором собрано столько чудно-небесного, есть также произведение природы; даже думают, что рассудочное начало человека происходит от того же источника. Меж тем им стоило бы только вознестись умом, чтоб увидеть, что эти чудеса происходят от Божественного начала, а не от природы; что природа создана только для того, чтоб облекать духовное и соответственно изображать его в последней степени порядка. Таких людей духи сравнивают с совами, которые видят во мраке, но ничего не видят при свете.

Все, что есть на земле, соответствует небесам

103. В предшествующей главе было сказано, что такое соответствие, и также, что все части животного тела, как вообще, так и в особенности, суть соответствия; теперь по порядку следует показать, что все существующее на земле и вообще все существующее в мире есть соответствие.

104. Все, что есть на земле, относится вообще к одному из трех видов природы, называемых царствами, т. е. к животному, растительному или ископаемому. Предметы царства животного составляют соответствия первой степени, потому что они живут; предметы растительного царства суть соответствия второй степени, потому что они только растут; предметы царства ископаемого суть соответствия третьей степени, потому что они и не живут, и не растут. Соответствия в животном царстве суть разного рода живые существа, как ходящие и ползающие по земле, так и летающие по воздуху; исчислять их виды нет надобности, потому что

они известны. К соответствиям царства растительного принадлежит все, что растет и цветет в садах, лесах, полях и равнинах; это также не требует отдельного поименования. К соответствиям царства ископаемого принадлежат все благородные и неблагородные металлы, простые и драгоценные камни, разного рода земли и также воды. Кроме этих произведений природы, все, что из них промыслом человека изготовлено для службы, как-то: разного рода пища, одеяния, жилища, постройки и тому подобное, – также принадлежит к соответствиям.

105. Все небесные тела: солнце, луна, звезды, также облака, тучи, дождь, гром, молния – суть соответствия. Явления, зависящие от солнца, от его присутствия или отсутствия, как-то: свет и тьма, тепло и холод, равно и зависящие от этих явлений времена года, называемые весной, летом, осенью и зимой, и времена дня, т. е. утро, полдень, вечер и ночь, суть также соответствия.

106. Словом, все, что есть в природе, от самого малого предмета и до самого большого, есть соответствие, потому что мир природный, со всеми своими принадлежностями, заимствует свое бытие и существование (*existit et subsistit*) от мира духовного, а тот и другой – от Божественного. Здесь сказано бытие и существование, потому что существование исходит от того же источника, от которого и первоначальное бытие: существование (*subsistentia*) есть непрестанное бытие (*existentia*); ничто не может существовать само по себе, но только от чего-либо предшествующего, следовательно, от первого начала, от которого если оно отделяется, то совершенно гибнет и уничтожается.

107. Все, что в природе имеет бытие и существует согласно Божественному порядку, есть соответствие. Божественный порядок строится Божественным благом, исходящим от Господа; он зачинается в самом Госпде, постепенно исходит от Него через небеса на землю и тут оканчивается в своих последних степенях. Все, что в мире согласно с порядком, есть соответствие; с порядком же согласно всякое добро и все, что вполне годно к службе, ибо всякое добро становится добром по мере его службы; образ же его относится к истине, потому что истина есть образ добра. Вот почему все, что в целом мире и природе его находится в Божественном порядке, относится к добру и к истине.

108. Все, что мы встречаем в царствах животном и растительном, служит очевидным доказательством того, что все в мире заимствует свое бытие от Божественного начала и облачается в такие элементы, посредством которых может находиться в природе, отправлять службу и таким образом быть соответствием. В том и другом царстве есть такие предметы, что всякий, размыслив внутренне, легко убедится в их происхождении от небесного начала; из бесчисленного количества данных возьмем немного для пояснения. Начнем с *животного царства*. Всем известно, какое удивительное знание дано каждому животному от рождения. Пчелы знают, как собирать мед на цветах и как строить из воска те ячейки, в которых они хранят свой мед, чтоб таким способом себя и своих снабдить пищей на предстоящую зиму. Их самка кладет яйца, а другие при этом прислуживают ей и замазывают их, чтоб родилось новое поколение. Они живут под каким-то управлением, образ которого им всем известен от рождения; полезных членов общины сохраняют, а бесполезных исключают, лишая их крыльев. Кроме того, в их управлении есть еще много чудного, данного им свыше ради службы: так, воск их служит для освещения целому роду человеческому, а мед их – для подслащения пищи. Каких чудес не видим мы в жизни гусениц, которые стоят на низшей ступени животного царства! Они умеют питаться соком листьев известных им растений, затем в определенный срок запрячься в оболочку (куколку), в которой сидят, как бы в утробе, возрождая таким образом породу свою. Некоторые из них превращаются сперва в личинки и златницы и прядут ткань; по окончании работы облачаются в другое тело и украшаются крыльями; летают по воздуху, как бы в своих небесах, совершают браки, кладут яички и заботятся о своем потомстве. Кроме этих особенностей, все вообще животные, летающие по воздуху, не только знают пищу, которой им следует питаться, но даже и где ее найти; умеют, каждая порода по-своему, вить себе гнезда, класть

в них яйца, высиживать их, выводить своих птенцов, кормить их и, наконец, когда они окрылятся, выгонять их из гнезда. Они также знают, каких врагов им избегать и с какими товарищами им водиться; все это знают они от самого детства. Не говорю уже про их яйца, в которых все готово в должном порядке для образования и питания зачинающегося птенца; умолчу также и о многих других чудесах природы, потому что их не исчислить. Кто после этого, мысля хоть несколько по здравому рассудку, скажет, что все эти чудеса не от духовного мира, которому природный служит телесной оболочкой, или для того, чтоб духовную причину представить в ее вещественном проявлении? Человек, несмотря на то что он много выше всех животных, обитающих землю и воздух, не родится, подобно им, с полным знанием необходимой для него науки, потому что животные живут в законах порядка своей жизни и за неимением рассудка не могут разрушить в себе того, что им дано из духовного мира. Человеку же дана от духовного мира способность мышления; извратив в себе эту способность жизнью, противной порядку, чему потворствовал рассудок его, он не может родиться иначе как в полном неведении и уже потом Божественными путями возвращаться к небесному порядку.

109. Что касается предметов *растительного царства*, то по многим его особенностям можно видеть, в чем состоят его соответствия. Например, из семян вырастают деревья, которые сперва покрываются листьями, а потом дают цвет и плод и в плодах этих образуют новые семена. Все это делается так последовательно и в таком удивительном порядке, что нельзя этого передать в нескольких словах; можно исписать целые книги, и все-таки внутренние тайны, относящиеся к ближайшим службам растительного царства, не будут исчерпаны наукой. Так как эти произведения происходят от духовного мира, или от небес, которые в образе своем подобны человеку (что было показано выше на своем месте), то и все принадлежащее этому царству несколько относится и к тому, что принадлежит человеку, как это уже известно некоторым ученым. Соответственность всего, что есть в растительном царстве, стала для меня очевидной из многих опытов. Рассматривая в садах деревья, плоды, цветы и овощи, я часто замечал их соответствия на небесах, беседовал с духами, находившимися в этих соответствиях, и научался их источнику и свойствам.

110. Никто в настоящее время не может иным путем, кроме небесного, изведать все духовные, небесам принадлежащие начала, которым соответствуют все природные, миру принадлежащие начала, потому что ныне наука соответствий вовсе утрачена; в чем, однако, состоит соответствие духовного с природным, я намерен пояснить несколькими примерами. Животные нашей земли вообще соответствуют чувствам (*affectio*); животные кроткие и полезные – чувствам добрым, дикие и бесполезные – чувствам злым. В частности же, быки и тельцы соответствуют чувствам, свойственным уму (*mens*) природному; овцы и ягнята – чувствам, свойственным уму духовному; птицы, смотря по породе своей, соответствуют разумным началам того и другого ума. По этой причине различные животные, как-то: быки, тельцы, овцы, козы, козлы, агнцы и ягнята, равно голуби и горлицы – употреблялись в церкви преобразовательной (*repraesentativa*) для священных служб, жертвоприношений и всесожжения; при таком их употреблении они соответствовали духовным началам, которые по соответствию понимались на небесах. Животные, смотря по родам и видам своим, суть действительно чувства (*affectiones*) по той причине, что они живут, а всякая жизнь от чувства и согласна с ним; на этом основании каждому животному прирождено знание, согласное с чувством его жизни. А как сам человек относительно природного своего человека походит на животное, то в обыкновенном разговоре он и уподобляется ему: если человек кроток, его называют овцой или агнцем; если он свиреп, его называют медведем или волком; если хитер – лисой или змеей и т. д.

111. Такая же ответственность находится и в предметах растительного царства. Сад вообще соответствует небесам относительно разумения и мудрости, поэтому в Слове небеса именуется вертоградом Божиим и раем и сам человек называет их раем небесным. Деревья, смотря по породам своим, соответствуют постижению и познанию блага и истины, через это

даются разумение и мудрость; вот почему древние, обладавшие наукой соответствий, совершали свои священнослужения в рощах. По этой же причине мы так часто встречаем в Слове названия деревьев, как-то: виноградной лозы, маслины, кедра и других, которым уподобляются небеса, церковь и человек; плодам же древесным уподобляются добрые дела человеческие. Пища, получаемая из растений, в особенности зерно, снятое с поля, соответствует чувствам любви ко благу и к истине, потому что чувства эти (*affectiones*) питают жизнь духовную, подобно тому как пища земная питает жизнь природную. Хлеб вообще соответствует любви ко всякому благу потому, что он лучше всякой другой пищи поддерживает жизнь и что под его названием разумеется пища вообще. На основании этого соответствия сам Господь называет Себя хлебом жизни; по этой же причине хлебы употреблялись в священном служении Церкви израильской: они возлагались в скинии на престол и назывались хлебами предложения; поэтому и всякое Божественное служение, которое совершалось жертвоприношениями и всесожжениями, называлось хлебом. Ради этого самого соответствия священнейшее служение в Церкви христианской есть святая вечеря, в которой предлагаются хлеб и вино. Из этих немногих примеров можно видеть, в чем состоит соответствие.

112. Скажу теперь в немногих словах, каким образом совершается соединение небес с миром посредством соответствий. Царство Господне есть царство целей (*finis* – конец, цель), т. е. служб (*usus*), или, что то же, царство служб, т. е. целей. Поэтому Вселенная была создана и устроена Божественным началом таким образом, чтобы службы облакались везде в такие предметы, посредством которых они могли бы представиться в действии или проявлении сначала на небесах, а потом на земле, т. е. постепенно и последовательно до самых последних ступеней природы. Из этого ясно, что соответствие природных начал с духовными, или земного с небесным, совершается посредством служб, что службы соединяют то и другое и что внешние образы (или формы), в которые облакаются службы, настолько служат соответствиями и средствами соединения, насколько они суть образы, т. е. формы, служб. Все предметы, существующие в природном мире и его тройном царстве согласно с Божественным порядком, суть образы служб или проявления, образовавшиеся вследствие службы и ради службы; поэтому все эти предметы и суть соответствия. Что же касается человека, то насколько он живет согласно Божественному порядку, т. е. насколько он живет в любви к Господу и в милосердии к ближнему, настолько действия его суть службы в образе и соответствия, которыми он соединяется с небесами; любить Господа и ближнего значит вообще отправлять службу (*usus praestare*). К тому должно знать, что мир природный соединяется с духовным через человека, или, другими словами, что человек есть посредник (*medium*) этого соединения, потому что он причастен не только миру природному, но и духовному (см. н. 57); вследствие чего насколько он становится человеком духовным, настолько он становится и посредником этого соединения, и, наоборот, насколько он становится не духовным, а природным человеком, настолько он перестает быть таким посредником. Тем не менее, независимо от его посредства, Божественное наитие непременно сходит в мир и во все мирское в человеке, но только не в рассудочное начало его.

113. Как все согласное с Божественным порядком соответствует небесам, так все противное Божественному порядку соответствует аду. Все соответствующее небесам относится ко благу и истине, а соответствующее аду – ко злу и лжи.

114. Скажу теперь несколько слов о науке соответствий и о службе ее. Перед этим говорилось, что духовный мир, т. е. небеса, соединяются с миром природным посредством соответствий и что, следовательно, через них человек общается с небесами. Небесные ангелы не мыслят, как человек, по-природному, а по-духовному, и потому человек, знакомый с наукой соответствий, может мысленно быть вместе с ангелами и путем этим соединяться с ними относительно своего духовного, или внутреннего, человека. С той целью, чтоб человек мог соединяться с небесами, Слово Божие написано одними соответствиями: все, что содержится в нем до последней частицы, есть соответствие; поэтому если б человек был знаком с наукой соот-

ветствий, то он мог бы разуметь Слово в его духовном смысле и познать такие тайны, которых по смыслу буквы вовсе не видно. В Слове есть два смысла: один буквальный, а другой духовный. Смысл буквальный говорит о земном, а духовный о небесном; а так как соединение небес с миром совершается через соответствия, то и Слово дано было в таком виде, чтоб в нем все, до последней йоты, имело свое соответствие.

115. Мне было сказано на небесах, что древнейшие жители нашей земли, как люди небесные, мыслили по самым соответствиям и что земная природа, бывшая пред их глазами, служила им средством для такого мышления. Люди эти общались с ангелами и беседовали с ними, так что через них небеса соединялись с землей. На этом основании то время и было названо золотым веком; древние писатели говорят даже, что в тот век небесные жители обитали с людьми и находились в сообществе их, как друзья с друзьями. Затем, как мне было сказано, возникло Другое поколение людей, которые не мыслили по самым соответствиям, но по науке соответствий; соединение небес с человеком все еще продолжалось, но уже не было столь внутренним; это время названо серебряным веком. После того настало поколение, которое хотя и знало соответствия, но не мыслило по науке их, потому что жило в природном благе, а не в духовном, как предшественники его; это время названо медным веком. После этого человек стал постепенно внешним и наконец плотским; тогда наука соответствий совершенно утратилась, а с ней познание небес и многого к ним относящегося. Века эти были названы золотым, серебряным и медным по соответствиям, ибо золото означает небесное благо, в котором жило древнейшее поколение людей; серебро – духовное благо, в котором жило наставшее затем древнее поколение; а медь – благо природное, в котором находилось следующее потомство; что же касается железа, по имени которого был назван последний век, то оно означает истину жесткую без блага.

О небесном солнце

116. На небесах не видать солнца здешнего мира и всего, что происходит от этого солнца, потому что все это природное. Природа зачинается от видимого нами солнца, и все, что им производится, называется природным; духовное же солнце, в области которого находятся небеса, выше природного, совершенно от него отдельно и сообщается с ним не иначе, как через соответствия. В чем состоит это отличие, можно видеть из сказанного выше о степенях в н. 38, а в чем состоит это сообщение, видно из сказанного в двух предшествующих главах о соответствиях.

117. Но хотя на небесах не видать здешнего солнца и ничего происходящего от него, тем не менее, там есть и солнце, и свет, и тепло – словом, все то, что мы видим в здешнем мире, и даже несравненно более того; но только оно не одинакового происхождения, потому что все, что есть на небесах, принадлежит духовному началу, а все, что на земле, природному. Солнце на небесах есть Господь, свет небесный есть Божественная истина, а тепло небесное – Божественное благо, исходящее от Господа как солнца: от этого источника исходит все, что ни есть на небесах; но о свете и тепле и о том, что от них там происходит, будет сказано в следующих главах, здесь же – только о небесном солнце. Господь на небесах является солнцем потому, что Он есть Божественная любовь, которая дает бытие всему духовному, так же как здешнее солнце – всему природному; эта любовь и светится, как солнце.

118. Я узнал это не только от ангелов, но и мне самому дано было несколько раз видеть, что Господь на небесах действительно является солнцем, а потому я и скажу здесь в нескольких словах все, что я видел и слышал о Господе как солнце. Господь является солнцем не в небесах, но высоко над небесами и не над головой или отвесно, но перед лицом ангелов, на средней высоте. Он является в большом расстоянии перед правым глазом или перед левым: перед правым глазом Он является совершенно подобным солнцу, как бы такого же огня и такой

же величины, как здешнее солнце; перед левым же глазом Он является подобным не солнцу, а луне, такой же белизны и величины, как наша луна, но с большим блеском, и посреди нескольких маленьких лун такой же белизны и такого же блеска. Господь является в двух местах так различно по той причине, что Он является каждому смотря по тому, как Он принят им; т. е. Он является иначе приемлющим Его как благо любви и иначе приемлющим Его как благо веры. Приемлющим Его как благо любви Он является согласно этому принятию подобно огненному и пламенному солнцу; такие духи находятся в Его небесном царстве. Приемлющим Его как благо веры Он является подобно луне, чья белизна и блеск также согласны с качеством принятия Его⁴; духи этого разряда находятся в царстве духовном. Такое различие происходит оттого, что благо любви соответствует огню, почему и огонь в духовном смысле есть любовь, а благо веры соответствует свету, почему и свет в духовном смысле есть вера. Господь потому является перед глазами, что внутренние, духу человеческому принадлежащие начала видят через орудие глаза: через правый глаз, когда они основаны во благе любви, а через левый, когда они основаны во благе веры. Все, что у ангелов или у человека находится с правой стороны, соответствует благу, от которого исходит истина; а все, что с левой стороны, – истине, от которой исходит благо. Благо веры есть в сущности истина, исходящая от блага.

119. На этом основании в Слове Божиим Господь относительно любви уподобляется солнцу, а относительно веры – луне; на том же основании любовь, исходящая от Господа и к Нему же обращенная, названа солнцем, а вера, исходящая от Господа и к Нему же обращенная, названа луной. Так в следующих изречениях: *И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемерно, как свет семи дней, в тот день* (Ис. 30. 26). *И когда ты угаснешь, закрою небеса, и звезды их помрачу, солнце закрою облаком, и луна не будет светить светом своим. Все светила, светящиеся на небе, помрачу над тобою и на землю твою наведу тьму* (Иез. 32. 7, 8). *Солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим* (Ис. 13. 10). *Солнце превратится во тьму и луна – в кровь* (Иоил. 2. 10, 31; 3.15). *И солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю* (Откр. 6. 12, 13). *И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба* (Мат. 24. 29). В этих изречениях солнце означает любовь, луна – веру, а звезды – познания блага и истины; когда их более нет, то сказано, что они помрачатся, не дают света своего и падают с небес. Что Господь является на небесах подобно солнцу, видно также из того, что, когда Он преобразился перед Петром, Иоанном и Иаковом, *просияло лице Его, как солнце* (Мат. 17. 2). Таким видели Его ученики, когда были отрешены от тела и находились в небесном свете. Вот почему древние, принадлежавшие к церкви преобразовательной, обращались в богослужении своим лицом к солнцу, на восход; от них же произошло и обыкновение при постройке церкви обращать ее алтарь к востоку.

120. Как велика Божественная любовь и какова она, можно заключить из сравнения ее с солнцем нашей земли: любовь эта так пламенна, что она, как ни трудно этому поверить, гораздо пламеннее нашего солнца. По этому самому Господь как солнце не влияет непосредственно на небеса, но пламенность любви Его постепенно в пути своем умеряется; эта постепенно умеряемая пламенность является лучезарными поясами вокруг солнца, а, чтобы ангелы могли вполне свободно выносить это Божественное влияние, они, кроме того, прикрыты сверху легким облачком. Таким образом, небеса находятся в расстоянии от солнца, соразмерном принятию ангелами Божественного наития: высшие небеса, как пребывающие во благе любви, всего ближе к Господу-солнцу; низшие небеса, как пребывающие во благе веры, более удалены от Него; а те, что вовсе не живут во благе, как жители ада, находятся в самом дальнем от Него расстоянии, и тем далее, чем более они противоположны благу.

⁴ Те и другие видят Его как солнце, но сравнительно с солнцем небесного царства Он кажется для ангелов духовного царства луной. – Примеч. пер.

121. Когда Господь является на небесах, что случается часто, Он не является среди солнца, но в образе ангельском, отличаясь от ангелов сиянием Божественным. В этом образе личного присутствия Господа нет, ибо самая личность Его окружена солнцем; присутствие же Его есть одна видимость. На небесах весьма часто случается, что человек кажется присутствующим в том месте, где останавливается или оканчивается взгляд его, хотя бы он сам находился весьма далеко от этого места; это присутствие называется присутствием внутреннего зрения, о котором будет сказано впоследствии. Я также видел Господа вне солнца в образе ангельском на большой высоте, немного ниже солнца; я видел Его и ближе в таком же образе, с лицом, исполненным сияния; и однажды, среди ангелов, как луч пламенного света.

122. Земное солнце всегда кажется ангелам чем-то темным, в противоположность небесному солнцу, а луна чем-то мрачным, в противоположность небесной луне. Это происходит оттого, что земной огонь соответствует любви к себе, а свет этого огня – лжи этой любви. Любовь же к себе совершенно противоположна Божественной любви, а ложь этой любви совершенно противоположна Божественной истине; а что противоположно Божественной любви и Божественной истине, то для ангелов тьма и мрак. Вот почему обожать земное солнце и луну и поклоняться им означает в Слове любить себя и ложь, которая от этой любви; поэтому и о живущих таким образом сказано, что они будут истреблены (Втор. 4. 19; 17. 3–5; Иер. 8. 1, 2; Иез. 8. 15, 16, 18; Откр. 16. 8; Мат. 13. 6).

123. Так как Господь на небесах является солнцем по Божественной любви, которая пребывает в Нем и исходит от Него, то все живущие на небесах и обращаются постоянно к Нему: живущие в небесном царстве обращаются к Нему как солнцу, а живущие в духовном царстве обращаются к Нему как луне; живущие же в аду обращаются ко тьме и мраку, т. е. в противоположную сторону и, таким образом, тылом к Господу. Это делается по той причине, что все находящиеся в аду живут в любви к себе и к миру и следовательно, противоположны Господу. Обращающиеся ко тьме, которая им служит вместо здешнего солнца, находятся в аду позади и называются гениями; а обращающиеся ко мраку, который им служит вместо луны, находятся в аду впереди и называются духами; на этом основании говорят о находящихся в аду, что они во мраке, а о находящихся на небесах, что они в свете; мрак означает ложь, происходящую от зла, а свет – истину от блага. Все обращаются таким образом потому, что в той жизни всякий взирает на то, что царствует внутри его, т. е. на любовь свою, и что лицо ангела, или духа, складывается по его внутренним началам; также и потому, что в той жизни стороны света не определены раз навсегда, как в природном мире, но определяются по обращению лица жителей того мира. Таким же образом обращается и человек относительно духа своего: живущий в любви к себе и к миру обращается к Господу тылом, а живущий в любви к Господу и ближнему обращается к Господу лицом; но человек этого не знает, потому что он живет в мире природном, в котором стороны света определяются по восходу и заходу солнца. Так как человеку трудно это понять, то это будет пояснено в последующих главах: о сторонах света, о пространстве и о времени на небесах.

124. Вследствие того, что Господь есть солнце небес и что все происходящее от Него обращается к Нему, Он и есть общий центр, который дает всему свое направление и определение; а потому Его же присутствию и усмотрению подлежит и все остальное как на небесах, так и на земле.

125. Из всего этого можно яснее понять все сказанное о Господе в предшествующих главах, а именно: что Господь есть Бог небес (н. 2–6); что Божественное начало Его образует небеса (н. 7–12); что Божественное начало Господа на небесах есть любовь к Нему и любовь к ближнему (н. 13–19); что все находящееся на земле соответствует небесам и через небеса Господу (н. 89–115); и, наконец, что здешнее солнце и луна суть также соответствия (н. 105).

О небесном свете и тепле

126. Привыкшие мыслить и судить по внешней природе не понимают, что может быть свет на небесах, между тем как свет на небесах так велик, что он много раз превосходит здешний полуденный свет; я часто видел его даже в вечернюю пору и ночью. Вначале я удивлялся, когда слышал от ангелов, что свет нашего мира едва только тень в сравнении с небесным светом, но, когда я увидал его, могу засвидетельствовать, что белизна и блеск его превосходят всякое описание. Все, что я видел на небесах, я видел в этом свете, и потому яснее и отчетливее того, что на земле.

127. Свет небес не природный, как свет нашего мира, но духовный, потому что он исходит от Господа как солнца и солнце это есть Божественная любовь (как было сказано в предшествующей главе). То, что исходит от Господа как солнца, называется на небесах Божественной истиной; в сущности же своей это Божественное благо в соединении с Божественной истиной: отсюда для ангелов источник света и тепла, потому что свет их истекает от Божественной истины, а тепло от Божественного блага. Из этого ясно, что свет небесный, равно как и тепло, по такому происхождению своему не природны, а духовны.

128. Свет для ангелов есть Божественная истина, потому что ангелы существа духовные, а не природные; духовные существа видят при своем солнце, а природные при своем. Ангелы заимствуют свой разум от Божественной истины, и разум их есть внутреннее зрение, которое влияет на их внешнее зрение и производит его; поэтому все, что является на небесах от Господа-солнца, является в свете. Вследствие такого происхождения небесного света он разнообразен по мере принятия ангелами Божественной истины, исходящей от Господа, или, что то же, по мере разумения и мудрости ангелов. Потому свет этот в небесном царстве отличен от света в духовном царстве и также различен в каждом обществе: в небесном царстве свет кажется огненным, потому что ангелы этого царства получают свет свой от Господа-солнца; свет в духовном царстве кажется блестящей белизны, потому что ангелы этого царства получают его от Господа как от луны (см. н. 118). Неодинаков свет и в каждом обществе, и даже различен в одном и том же обществе: обитающие в середине его живут в большем свете, а обитающие в окружных пределах общества живут в меньшем свете (см. н. 43). Словом, свет дается ангелам по мере принятия ими Божественной истины, т. е. по степени их разумения и мудрости от Господа. Вот почему небесные ангелы называются ангелами света.

129. Так как Господь на небесах есть Божественная истина, а Божественная истина — свет, то Господь в Слове и назван светом, равно как и всякая истина, исходящая от Него; так, например, в следующих изречениях: *Иисус сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Иоан. 8. 12). *Доколе Я в мире, Я свет миру* (9. 5). *Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма. Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света. Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме* (12. 35, 36, 46). *Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет* (3. 19). *Иоанн говорит о Господе: Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека.* (1. 4, 9). *Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет* (Мат. 4. 16). *И поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников* (Ис. 42. 6). *Но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли* (49. 6). *Спасенные народы будут ходить во свете его* (Откр. 21. 24). *Пошли свет Твой и истину Твою; да ведут они меня* (Пс. 42. 3). Во всех этих изречениях и в других Господь называется светом по Божественной истине, исходящей от Него, равно и сама истина называется светом. Так как свет на небесах исходит от Господа, как от солнца, то, когда Господь преобразился перед Петром, Иаковом и Иоанном, *просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет; или сде-*

лались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить (Мат. 17. 2; Мар. 9. 3). Одежания Господни показались такими вследствие того, что они изображали Божественную истину, исходящую от Него на небесах; также и в Слове одежания означают истины, почему и сказано у Давида: Господи, *Ты одеваешься светом, как ризою* (Пс. 103. 2).

130. Что свет на небесах духовный и что свет этот есть Божественная истина, можно заключить также из того, что и для человека есть духовный свет, который просвещает его по мере того, насколько сам человек, заимствуясь от Божественной истины, находится в разумении и мудрости. Духовный свет в человеке есть свет его разума, предметы которого суть истины, располагаемые им в аналитическом порядке, на основании которых он рассуждает и выводит последовательные заключения. Человек не знает того, что свет, в котором разум его видит эти предметы, есть действительный свет; не знает, потому что не видит его своими глазами и, мысля, не замечает его.

Тем не менее, однако, многие знают об этом свете и различают его от природного света, в котором живут люди, мыслящие природно, а не духовно. Природно мыслить – значит взирать только на мирское (земное) и относить все к природе; взирать же на небесное и все относить к Божественному началу – значит мыслить духовно. Мне несколько раз дано было постичь и видеть, что свет, просвещающий разум, есть истинный свет, совершенно отличный от света, который называется природным. Внутренне и постепенно я возносился к этому свету; по мере возвышения моего разум мой просветлялся до того, что я постигал, чего прежде не мог постичь, и даже такие вещи, которые для мысли в природном свете были вовсе недоступны. И иногда я негодовал на себя за то, что в обыкновенном состоянии своем не понимал того же самого, что при небесном свете постигал ясно и отчетливо. Так как для разума есть свой особенный свет, то, говоря о нем, и употребляются те же выражения, как и о глазе, например, когда разум понимает, говорят: он видит, ему ясно; а когда он не понимает, тогда говорят, что ему неясно и темно и т. д.

131. Так как небесный свет есть Божественная истина, то свет этот есть также Божественная мудрость и Божественное разумение. Поэтому то же самое значит: вознестись до небесного света, или возвыситься в разумении и мудрости, или просветиться; вот почему и свет у ангелов совершенно соответствует степени их разумения и мудрости. Вследствие того что свет на небесах есть Божественная мудрость, каждый в этом свете немедленно познается таким, каков он есть: внутренность каждого видна на лице его во всей своей полноте, без утайки малейшей безделицы. Ангелы внутренних небес любят, чтоб у них все было открыто, потому что они ничего не хотят, кроме блага; напротив же, те, что живут под небесами и не хотят блага, боятся по этому самому, чтоб на них не посмотрели при небесном свете. И, что удивительно, находящиеся в аду между собой кажутся людьми, а при небесном свете – чудовищами со страшным лицом и страшным телом, т. е. в полном образе своего собственного зла. То же самое бывает и с человеком относительно духа его, когда ангелы смотрят на него: если он благ, то он кажется им человеком соответственной с его благом красоты; если же он зол, то чудовищем, безобразие которого соответствует его злу. Из этого ясно, что при небесном свете все становится явным, потому что небесный свет есть Божественная истина.

132. Вследствие того что Божественная истина на небесах есть свет, все истины, где бы они ни были, в самом ли ангеле или вне его, внутри (intra) небес или вне (extra) их, светятся. Впрочем, истины вне небес не светятся так, как истины внутри небес: они дают холодный свет, подобно снегу, в котором нет тепла, потому что эти истины не заимствуют своей жизни от блага, подобно истинам внутри небес; потому холодный свет этот при первом прикосновении небесного света пропадает, а если под ним скрывается зло, то обращается во мрак. Я часто видел это и равно много другого достопримечательного относительно света истины, но говорить здесь об этом не стану.

133. Скажу теперь несколько слов о небесном тепле. Небесное тепло в сущности своей есть любовь, оно исходит от Господа как солнца, которое, как было показано в предшествующей главе, есть Божественная любовь, в Господе пребывающая и от Господа исходящая; из этого ясно, что тепло и свет небесные, происходя от одного источника, одинаково духовны. Две вещи исходят от Господа как солнца: Божественная истина и Божественное благо. Божественная истина на небесах проявляется в свете, а Божественное благо в тепле; но Божественная истина и Божественное тепло до того между собой неразлучны, что они не составляют двух вещей, но одно целое. В ангелах, однако, они раздельны, потому что некоторые из них более приемлют Божественное благо, чем Божественную истину, а другие – более Божественную истину, чем Божественное благо. Приемлющие более Божественное благо живут в небесном царстве Господа, а приемлющие более Божественную истину живут в духовном Его царстве; но совершеннейшие из ангелов принимают то и другое в одинаковой степени.

134. Небесное тепло, как и свет небесный, везде различно: в небесном царстве оно не такое, как в духовном, и равно различно в каждом обществе этих царств; различно не только по количеству своему, но даже и по качеству. Оно сильнее и чище в небесном царстве Господнем, потому что ангелы этого царства более приемлют Божественное благо; менее сильно и чисто в духовном царстве Господнем, потому что ангелы этого царства более приемлют Божественную истину; точно так оно различно и в каждом обществе смотря по тому, как его принимают. Есть тепло и в аду, но нечистое. Тепло небесное есть то, которое разумеется под словами: священный и небесный огонь; а под словами: нечестивый и адский огонь разумеется адское тепло. Тот и другой относится к любви, но небесный огонь означает любовь к Господу и любовь к ближнему, как и всякое чувство этих любовей; адский же огонь означает любовь к себе и любовь к миру, как и всякое чувство этих любовей. Что любовь есть тепло духовного происхождения, это очевидно из того, что она воспламеняет: и действительно, человек воспламеняется и горячится смотря по степени и качеству любви своей; в особенности же весь пыл ее обнаруживается, когда нападают на нее. Вот откуда произошли выражения: горячиться, воспламеняться, гореть, кипеть, пылать, когда речь идет о чувствах, принадлежащих любви к добру или о чувствах любви ко злу.

135. Любовь, исходящая от Господа-солнца, потому чувствуется теплом на небесах, что внутренние начала ангельские полны любви от Божественного блага, исходящего от Господа; вследствие чего и внешние начала их, согреваясь от этого источника, чувствуют теплоту. Вот почему тепло и любовь на небесах взаимно себе соответствуют, так что каждому ангелу там тепло по мере того, насколько он сам живет в любви; но об этом было уже сказано выше. Земная теплота вовсе не проникает в небеса, потому что она слишком груба, природна и недуховна; но не так бывает с человеком на земле, потому что он в одно и то же время живет в мире духовном и в мире природном. Вследствие того дух его воспламеняется только по мере и качеству любви своей, а тело его от того и другого источника, т. е. не только от теплоты духовной, но и от природной; первая влияет на вторую, потому что они одна другой соответствуют. В чем состоит соответствие той и другой теплоты, можно видеть из наблюдений над животными, а именно из того явления, что любовь их, для которой главное есть воспроизведение породы своей, проявляется и действует по мере присутствия и прилива земного солнечного жара, который велик только в весеннюю и летнюю пору. Весьма ошибочно думают иные, что любовь возбуждается влиянием природного тепла; природное не влияет на духовное, но духовное на природное; это влияние согласно с Божественным порядком, а первое противно ему.

136. У ангелов, равно как и у людей, есть воля и разум. Разум их получает жизнь свою от небесного света, потому что свет небесный есть Божественная истина и потому Божественная мудрость; воля же их получает жизнь свою от небесной теплоты, потому что теплота небесная есть Божественное благо и потому Божественная любовь. Сама сущность жизни ангелов получается от этого тепла, а не от света, разве только когда в нем есть и тепло; что жизнь исходит

от тепла, это очевидно из того, что за отсутствием его жизнь пропадает. То же самое бывает и с верой без любви, или с истиной без блага, потому что истина, называемая истиной веры, есть свет, а благо, называемое благом любви, есть тепло. Это видно еще яснее из сравнения с нашим светом и теплом, которым соответствуют свет и тепло небесные. От здешнего тепла в соединении его со светом все, что есть на земле, оживает и цветет, соединение же это бывает вешней и летней порой. Но от света без тепла ничто не оживает и не цветет, напротив, все цепенеет и умирает; отсутствие этого соединения бывает зимой: в эту пору теплоты нет, а свет остается. Вследствие такого соответствия небеса и названы были раем, ибо там истина в союзе с благом, или вера с любовью, как и здесь вешней порой свет с теплом. Из этого еще яснее становится вышесказанная истина (см. н. 13–19), что на небесах Божественное начало Господа есть любовь к Нему и любовь к ближнему.

137. У Иоанна сказано: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. В мире был, и мир чрез Него начал быть. И Слово стало плотью, и обитало с нами; и мы видели славу Его* (1. 1, 3, 4, 10, 14). Ясно, что под именем Слова разумеется Господь, ибо сказано, что Слово стало плотью, но неизвестно, что особенно разумеется под словом, и потому следует это сказать: Слово в этом изречении означает Божественную истину, в Господе пребывающую и от Господа исходящую; поэтому она и названа здесь также светом, который, как было уже сказано, есть Божественная истина. А каким образом все было создано и сотворено посредством Божественной истины, это будет теперь объяснено.

На небесах вся сила принадлежит Божественной истине; без этой последней вовсе нет и первой. Все ангелы называются силами вследствие принятия ими Божественной истины; ею они властны над адом и над теми, что противятся им, ибо там тысячи врагов не выдерживают и одного луча небесного света, т. е. Божественной истины; а как ангелы становятся ангелами вследствие принятия ими Божественной истины, то все небеса, состоя из ангелов, происходят от того же источника. Что так велика сила Божественной истины, этому не верят те, которые не имеют об истине другого понятия, как о мысли или слове, которые сильны сами по себе, насколько другие, повинувшись им, исполняют их; меж тем как Божественной истине присуща сила сама по себе, и даже столь великая, что ею были созданы небеса, и мир, и все, что в них есть.

Что такая сила присуща Божественной истине, можно пояснить двумя сравнениями, а именно: силой истины и блага в человеке и силой света и тепла, исходящих от здешнего солнца. *Силой истины и блага в человеке* можно пояснить это так: все, что человек делает, он делает по разуму и воле; действие воли его проявляется во благе, а действие разума его в истине, ибо все принадлежащее воле относится к благу, а все принадлежащее разуму относится к истине. Таким образом, посредством того и другого человек приводит в движение все свое тело, в котором тысячи вещей приходят в действие по приказанию и желанию вышесказанных начал; из этого ясно, что все тело было сотворено так, чтобы быть в распоряжении блага и истины и, следовательно, чтоб действовать по благу и истине.

Было сказано, что сила истины объясняется еще *сравнением ее с силой тепла и света здешнего солнца*. Все, что растет на земле: деревья, растения, цветы, травы, плоды и семена, — существует только посредством солнечного тепла и света; если же этим началам присуща столь великая производительная сила, то какова же должна быть эта сила в *свете* Божественном, т. е. в Божественной истине, и в *тепле* Божественном, т. е. в Божественном благе, которыми сотворены не только небеса, но и мир, ибо, как было сказано выше, мир существует вследствие небес. Из этого видно, как понимать, что все было создано словом, что без него ничего не было сотворено и что мир стался им же, т. е. это значит, что все было создано Божественной истиной, исходящей от Господа. На этом основании в книге Бытия сперва говорится о свете, а затем о том, что происходит от него (Быт. 1. 3, 4). Поэтому также все что ни есть в мире,

как на небесах, так и на земле, относится к благу и к истине и к соединению их, без чего не может быть и бытия.

139.⁵ Заметим, что Божественное благо и Божественная истина, исходящие на небесах от Господа как солнца, не находятся в самом Господе, но исходят от Него. В самом Господе одна только Божественная любовь, которая есть самая суть (*esse*), дающая бытие этому благу и истине; получать бытие от сути (*existere ab esse*) – это то, что разумеется под словом происходить (*procedere*). Это можно пояснить и сравнением с нашим солнцем: тепло и свет земные не находятся в солнце, но исходят от него; в солнце есть только огонь, а от этого огня происходят и существуют начала света и тепла.

140. Так как Господь-солнце есть Божественная любовь и она есть само Божественное благо, то Божественное начало, исходящее от Господа и составляющее на небесах Его Божественность (*divinum in coelo*), называется для отличия Божественной истиной, хотя (в сущности) оно есть Божественное благо в соединении с Божественной истиной. Эта Божественная истина есть то, что называется Дух Святой, исходящий от Господа (*sanctum procedens*, т. е. святое, исходящее от Господа, начало).

О четырех сторонах света на небесах

141. На небесах, как и на земле, четыре стороны света: восток, полдень, запад и север. Как здесь, так и там они определяются по солнцу: на небесах по небесному солнцу, т. е. по Господу, а на земле по земному; но тем не менее разница между теми и другими сторонами света большая. Первая – та, что здесь называют полуднем точку наибольшей высоты солнца над землей; севером – когда солнце находится в противоположной стороне, под землей; востоком – место восхода его в равноденствие и западом – место, где оно тогда садится: таким образом, в мире все стороны света определяются полуднем. На небесах же востоком называется то место, где Господь является в виде солнца; в противоположной местности находится запад; на правой стороне – полдень, а на левой – север; и это постоянно, каким бы образом ангелы ни обращались лицом и телом. Таким образом, на небесах все стороны света определяются востоком. То место, где Господь является в виде солнца, потому называется восходом, что всякое *начало* жизни восходит или исходит от Него, как от солнца; и еще потому, что, насколько ангелы принимают тепло и свет, или любовь и разум, от самого Господа, настолько, говорят они. Господь *восходит* в них; поэтому Господь и в Слове назван восходом, или востоком.

142. Другая разница в том, что у ангелов всегда восток впереди, перед лицом (*a facie*), запад – позади, полдень на правой стороне и север на левой; но так как это трудно понять здесь на земле, где человек обращается лицом во все стороны, то это будет пояснено. Все небеса обращаются к Господу как к своему общему средоточию, поэтому и все ангелы обращаются в ту же сторону. Известно, что и на земле всякая вещь стремится к общему центру, но направление этого стремления на небесах отличается от направления его на земле. Это различие состоит в том, что на небесах обращаются к своему общему центру передние части, а на земле нижние; это направление называется здесь центростремительной силой и тяготением. У ангелов все внутренние начала их действительно обращены наперед (стремятся вперед), а так как внутренние начала их выражаются на лице, то и стороны света определяются в том мире по лицу.

143. Но что у ангелов восток всегда впереди, *как бы они ни обращались лицом и телом*, это еще труднее понять здесь, где человек, обращаясь куда хочет, может видеть и всякую сторону света перед собой; потому и это также должно быть пояснено. Ангелы, подобно человеку, обращаются и наклоняются лицом и телом во все стороны, но тем не менее восток у них всегда перед глазами; это происходит оттого, что у ангелов обращение лица и тела зависит от другого

⁵ В подлиннике нет н. 138.

начала, чем у человека. Это обращение хотя и кажется на вид одинаковым, но в сущности не одинаково. Начало, от которого оно зависит, есть господствующая любовь, управляющая всяким движением лица и тела у ангелов и у духов, ибо, как было сказано выше, внутреннее начало их действительно обращено к общему своему центру, т. е. к Господу как солнцу. А как любовь их постоянно перед их внутренним началом и начало это выражается на лице их, которое есть только внешний его образ, то и господствующая любовь их всегда перед ними, перед лицом их. Следовательно, и сам Господь как солнце постоянно находится перед ними, потому что источник их любви в Нем самом; а как Он сам присутствует в них в своей же любви, то Он же делает, что они видят Его перед собой, куда бы ни обращались лицом и телом. Это обстоятельство не может быть покуда представлено яснее, но в следующих главах, и в особенности когда будет речь об изображениях и видимостях (*de repraesentativis et apparentiis*) и также о времени и пространстве на небесах, оно представится в большей ясности. Из многих опытов мне дано было узнать и самому постичь, что ангелы видят Господа постоянно перед собой; сколько я ни был в обществе ангелов, я всегда замечал перед собой присутствие Господа, который хотя и не был видим, но постигался в свете, и ангелы не раз подтверждали мне, что это так. На том основании, что Господь постоянно перед лицом ангелов, у нас обыкновенно говорят, что верующие в Бога и любящие Его видят Господа перед собой, взирают на Него и обращаются к Нему. Человек выражается, таким образом, по влиянию на него духовного мира, и много других выражений в речи человеческой происходит от того же источника, хотя сам человек и не знает этого.

144. Это обращение лица и тела к Господу есть одно из небесных чудес; многие могут быть там в одном месте и обращаться лицом и телом в разные стороны и тем не менее видеть Господа перед собой, имея направо от себя полдень, налево – север, а позади – запад. К числу чудес относится также и следующее: взор ангельский всегда обращен к востоку, но тем не менее ангелы могут видеть и все прочие стороны света, с той разницей только, что они видят их внутренним зрением своим, принадлежащим мысли их. К числу чудес принадлежит и то, что никогда не дозволено на небесах стоять позади другого и смотреть ему в затылок, потому что при этом нарушается нисходящее от Господа наитие блага и истины.

145. Ангелы иначе взирают на Господа, чем Господь на ангелов: ангелы, взирая на Господа, смотрят Ему в глаза. Господь же, взирая на ангелов, смотрит им в чело по той причине, что чело соответствует любви и что Господь посредством любви влияет на волю их; а видеть себя дает Он им посредством разума, которому соответствуют глаза.

146. Стороны света в небесном царстве Господнем отличаются от сторон света в Его духовном царстве по той причине, что Господь является ангелам небесного царства в виде солнца, а ангелам духовного царства в виде луны; место Его явления – восток, расстояние там между солнцем и луной 30 градусов, следовательно, такая же разница и в положении сторон света обоих царств. Что небеса различаются на два царства, небесное и духовное – см. главу, где об этом говорится, н. 20–28; что Господь в небесном царстве является в виде солнца, а в духовном в виде луны – см. н. 118. Тем не менее, однако, стороны света на небесах не безразличны, потому что ни духовные ангелы не могут вознестись к небесным, ни эти последние – спуститься к духовным (см. н. 35).

147. Из этого видно, что значит присутствие Господа на небесах, т. е. что Он всюду и в каждом, во благе и истине, исходящих от Него, и что, следовательно, Он присутствует в ангелах в тех началах, которые принадлежат собственно Ему, как уже сказано выше в н. 12. Ангелы постигают присутствие Господа по своему внутреннему началу: оно дает зрение глазам их; таким образом они видят Господа вне себя, потому что связь между Господом вне их и Господом внутри их непрерывна. Из этого ясно, как следует понимать, что Господь в них и они в Господе: *Пребудьте во Мне, и Я в вас* (Иоан. 15. 4). *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою*

Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (б. 56). Плоть Господа означает Божественное благо, а кровь – Божественную истину.

148. Все на небесах размещены различно смотря по сторонам света. На востоке и западе обитают живущие во благе любви: на востоке – живущие в светлом постижении этого блага, а на западе – в сравнительно темном; на юге и севере обитают живущие в мудрости этого блага: на юге – живущие в ясном свете этой мудрости, а на севере – в сравнительно темном свете ее. Ангелы духовного царства Господня размещены таким же образом, как и ангелы небесного царства, с разницей, однако, относительно блага любви своей и света истины по благу; потому что любовь в царстве небесном есть любовь к Господу, а свет истины оттуда есть мудрость. Любовь же в царстве духовном есть любовь к ближнему, называемая благостыней, а свет истины оттуда есть разум, который также называется верой (см. н. 23). Ангелы обоих царств различаются еще тем, что стороны света в том и другом царстве отстоят друг от друга на 30 градусов, как было сказано выше (н. 146).

149. Таким же образом живут ангелы и между собой в каждом небесном обществе: на востоке – те, кто находится в большей степени любви и благостыни; на западе – те, кто в меньшей; на полудне – те, кто в большем свете мудрости и разумения; на севере – те, кто в меньшем. Они живут, таким образом, раздельно, потому что каждое общество изображает собой небеса и само по себе есть небеса в малом виде (см. н. 51–58); тот же порядок соблюдается и в ангельских сборищах. Они размещаются в этом порядке по образу небес, по которому каждый знает свое место. Господь даже предусматривает, чтобы в каждом обществе были ангелы всякого рода с той целью, чтобы небеса относительно образа своего были всюду себе подобны; тем не менее устройство всех небес отличается от устройства одного общества, как целое от части, потому что общества на востоке выше тех, которые на западе, а общества на юге выше тех, которые на севере.

150. Вот почему стороны света на небесах означают и качества их жителей, т. е. восток – любовь и благо ее в ясном постижении; запад – то же самое в темном постижении; полдень, или юг – мудрость и разумение в ясном свете; север – то же самое в темном свете; а как стороны света на небесах имеют это значение, то они сохраняют его и во внутреннем или духовном смысле Слова. Ибо внутренний, или духовный, смысл Слова совершенно согласен с тем, что существует на небесах.

151. Что касается живущих в аду, то положение их обратное. Они не обращают взоров своих к Господу как к солнцу или луне, но в противоположную от Него сторону, к чему-то темному, заменяющему им земное солнце наше, и к чему-то мрачному, заменяющему им земную луну нашу; называемые гениями обращаются к первому, а называемые духами – к последнему. Что земное солнце и луна невидимы в духовном мире, но что вместо этого солнца видно что-то темное, противоположное небесному солнцу, и что вместо нашей луны что-то мрачное, противоположное небесной луне, это было сказано выше (н. 122). Таким образом, стороны света для живущих в аду противоположны сторонам света на небесах: восток для них в том месте, где находится это нечто темное и мрачное, а запад – в том месте, где небесное солнце; полдень для них на правой стороне, а север – на левой; и это постоянно, каким бы образом они ни обращались телом своим. И не может быть это иначе, потому что всякое направление их внутренних (начал), а вследствие того и всякое движение тела их клонится и стремится в ту сторону. Что направление внутренних начал и потому самого тела у всех жителей того мира зависит от любви – см. н. 143, а что любовь у живущих в аду есть любовь к себе и любовь к миру и что эти оба вида любви соответствуют поклонению земному солнцу и луне – см. н. 122. Сверх того, эти любви противоположны любви к Господу и любви к ближнему, а потому жители ада и обращаются к этим темным предметам в противную от Господа сторону. Они даже и обитают по своим сторонам света: от востока своего и до запада живут преданные

злу по любви к себе; а от полдня своего и до севера обитают живущие во лжи по злу; но об этом будет сказано пространнее в разделе об аде.

152. Когда какой-нибудь злой дух приходит к добрым, то стороны света так переменяются, что добрые духи едва знают, где их восток; несколько раз я замечал это сам и также слышал от духов, которые жаловались на это.

153. Злые духи, кажется, иногда будто обращаются к небесным сторонам света, и тогда они одарены разумом и постижением истины, но в них нет никакого расположения (*affectio*) к добру, вследствие чего, как только они обращаются опять к своим сторонам, в них нет более нисколько разумения и постижения истины, и они тогда говорят, что истины, ими недавно слышанные и понятые, не истины, а ложь; они даже хотят, чтобы их ложь признали за истину. Относительно этой способности оборачиваться я узнал, что у злых духов разум их может таким образом обращаться, но не воля; и что это устроено Господом с той целью, чтоб каждый мог видеть и познавать истину, но что никто не принимает ее, не живя сам во благе, ибо истину принимает благо, а никоим образом зло. Затем я узнал, что то же самое бывает и с человеком с той целью, чтобы он мог исправляться посредством истины; но что тем не менее человек исправляется ею только в той мере, насколько он сам живет в благе. Вследствие этого человек может таким же образом обращаться к Господу, но если он живет в зле, то немедленно обращается вспять и утверждает во лжи своего зла в противность истинам, которые недавно понимал и видел; это делается, когда он думает в себе, по своему внутреннему состоянию.

Об изменениях внутреннего состояния ангелов на небесах

154. Под изменениями состояния ангелов разумеются изменения в них относительно любви и веры, а затем мудрости и разумения, следовательно, относительно состояний их жизни и того, что относится к ней; а как жизнь ангельская есть жизнь любви и веры, а потому мудрости и разумения, то и состояния их относятся к тому же и называются состояниями любви и веры и состояниями мудрости и разумения. Теперь будет сказано, каким образом эти состояния (*status*) меняются у ангелов.

155. Ангелы не находятся постоянно в одном и том же состоянии относительно любви и, следовательно, в одном и том же состоянии относительно мудрости, ибо всякая мудрость их происходит от любви и согласна с ней. Иногда они находятся в состоянии горячей любви, а иногда в состоянии любви не столь сильной; оно убывает постепенно от высшей степени и до низшей. Когда ангелы в самом высшем настроении любви, тогда они находятся в свете и тепле своей жизни, или в состоянии ясности и удовольствия; когда же они находятся в наименьшей степени любви, тогда они в тени и в холоде, или в состоянии тьмы и неудовольствия; от последнего состояния они опять возвращаются к первому и т. д. Эти изменения хотя и следуют одно за другим, но с разнообразием; они чередуются, как перемены света и тьмы, тепла и холода или, как ежедневно в мире, утро, полдень, вечер и ночь, с постоянным разнообразием в продолжение года. Эти времена соответствуют: утро – ясному состоянию любви ангельской; полдень – ясному состоянию мудрости их; вечер – темному состоянию их мудрости; а ночь – состоянию без любви и мудрости. Однако должно заметить, что у небесных жителей нет таких состояний, которые бы соответствовали ночи, но только некоторые состояния, соответствующие заре, предшествующей утру; соответствие ночи принадлежит живущим в аду. Вследствие этого соответствия день и год в Слове Божиим означают вообще состояния жизни: тепло и свет – любовь и мудрость; утро – первую и высшую степень любви; полдень – мудрость в своем свете; вечер – мудрость в тени; заря – сумерки, предшествующие утру; а ночь – совершенное отсутствие любви и мудрости.

156. Вместе с состоянием внутренних начал, принадлежащих любви и мудрости ангельской, меняются и состояния различных предметов, находящихся вне их и представляющихся

их зрению, потому что предметы, находящиеся вне их, принимают видимость смотря по внутреннему состоянию самих ангелов; но в чем состоят эти внешние предметы, будет сказано в последующих главах об изображениях и видимостях на небесах.

157. Каждый ангел подвергается тем же переменам состояний, как и каждое общество вообще; но в каждом обществе каждый ангел – другим, потому что все ангелы различны между собой по любви и мудрости: так, живущие в середине находятся в более совершенном состоянии, чем те, которые занимают окружность до самых пределов ее (см. н. 23 и 128). Определять эти различия в переходе состояний было бы слишком пространно; достаточно сказать, что состояния каждого меняются по качеству его любви и веры, вследствие чего иной находится в своем светлом состоянии, когда другой в темном и нерадостном; и это в том же обществе и в то же самое время. Такие различия состояний встречаются и между одним обществом и другим, и между обществами небесного царства и обществами духовного царства. Вообще, изменения во внутреннем состоянии ангелов подобны разности времен дня в различных климатах земли, где в одном месте утро, когда в другом вечер, или у одних тепло, когда у других холод, и наоборот.

158. Мне дано было на небесах узнать, откуда происходят эти изменения состояний. Ангелы сказали мне, что этому несколько причин: первая – та, что радости жизни и небесные удовольствия, которыми они наслаждаются по любви и мудрости, исходящим от Господа, стали бы постепенно ослабевать, если б они постоянно находились в них; что и случается с теми, которые постоянно предаются однообразным удовольствиям и наслаждениям. Вторая причина – та, что ангел точно так же, как и человек, неразлучен от себя и что в этой себе коренится любовь к самому себе; все живущие на небесах воздерживаются от этой себя, и насколько они Господом воздерживаются от нее, настолько они предаются любви и мудрости; а насколько не воздерживаются – настолько предаются любви к самому себе; а так как всякий любит свою себя и влечется к ней, то состояния их и подвергаются таким изменениям. Третья причина – та, что ангелы таким образом усовершенствуются, потому что это приучает их жить в любви к Господу и воздерживаться от любви к себе; и потому также, что чередование удовольствия с неудовольствием изощряет в них постижение и сознание блага. К этому ангелы прибавили, что не Господь производит в них эти перемены состояния, потому что Господь как солнце всегда наитствует теплом и светом, т. е. любовью и мудростью, но что сами ангелы тому причиной, потому что они любят свою себя и постоянно ею увлекаются. Они поясняли это сравнением с нашим солнцем: не оно причина ежегодных и каждодневных перемен в состоянии тепла и холода, света и тьмы, ибо солнце стоит неподвижно, но причина тому движение самой земли.

159. Мне было показано, каким образом Господь как солнце является ангелам небесного царства в их первом состоянии, во втором и третьем. Сперва я увидел Господа как солнце, исполненное столь великолепного блеска и сияния, что этого невозможно описать; мне было сказано, что в этом виде Господь-солнце является ангелам в их первом состоянии. Потом я увидел около солнца большой темный пояс, от которого первоначальный блеск и сияние, придававшие ему столько великолепия, стали ослабевать; мне было сказано, что в таком виде солнце является ангелам в их втором состоянии. Затем пояс этот стал еще темнее, вследствие чего и самый блеск солнечный еще уменьшился; это изменение совершалось постепенно, покуда солнце не сделалось совершенно белым, и мне было сказано, что в таком виде солнце является ангелам в их третьем состоянии. Потом я увидел, как это белое солнце подвинулось влево к небесной луне и слилось с ее светом, вследствие чего она необычайно засияла. Мне было сказано, что это четвертое состояние для находящихся в небесном царстве и первое для находящихся в духовном и что таким-то образом чередуются изменения состояний в обоих царствах; не в целом царстве, однако, а постепенно в каждом его обществе; и что эти смены не определены, а приходят ранее или позже без ведома ангелов. Кроме того, они мне сказали, что само солнце так не меняется и не двигается с места на место, но что это так кажется вследствие последовательных перемен в состоянии самих ангелов, ибо Господь является каждому из них

смотря по его состоянию: огненного блеска, когда они в наибольшей любви, менее огненным и, наконец, белым, когда любовь их убывает; а что качество их состояния изображается тем темным поясом, от которого происходили в солнце кажущиеся изменения пламени и света.

160. Когда ангелы в низшем состоянии своем, т. е. когда они в соби своей, то им становится грустно. Я говаривал с ними, когда они были в этом состоянии, и видел их печаль, но они мне отвечали, что надеются в скором времени возвратиться в прежнее состояние и, таким образом, как бы снова быть на небесах, ибо небеса для них есть воздержание от соби.

161. В аду также бывают перемены в состояниях, но об этом будет сказано ниже, в разделе об аде.

О времени на небесах

162. Хотя на небесах все идет и движется точно так же последовательно, как и на земле, тем не менее у ангелов нет ни понятия, ни мысли о времени и пространстве; и до того они лишены этих понятий, что они вовсе не знают, что такое время и пространство. О времени на небесах будет сказано теперь, а ниже, в другой главе, о пространстве.

163. Если ангелы не знают, что такое время, хотя у них все идет последовательно одно за другим точно так же, как и на земле, и даже без всякой разницы, то это происходит оттого, что на небесах нет годов и дней, а вместо них изменения состояний; где годы и дни, там и времена, а где вместо них изменения состояний, там одни состояния.

164. Время для нас существует потому, что солнце, двигаясь от одного градуса зодиака к другому, образует так называемые времена года, а обходя землю, образует так называемые времена дня; и те и другие в определенные сроки. Небесное же солнце поступательным движением своим и кругообращением не образует годов и дней, а в неопределенные сроки – кажущиеся изменения в состояниях (см. выше). Вот почему у ангелов нет никакого понятия о времени, а только о состоянии; что такое состояние, смотри выше (н. 154).

165. Так как ангелы не имеют того понятия о времени, как люди на земле, то у них нет вовсе и мысли о времени и о том, что относится к нему, они не знают свойственных ему разделений на годы, месяцы, недели, часы и даже, что такое завтра, сегодня, вчера. Когда ангелы слышат об этом от человека (к которому на земле всегда присоединяются от Господа несколько ангелов), тогда вместо этих названий они понимают состояние и все относящееся к нему. Таким образом, природная мысль человека обращается у ангела в духовную. На этом основании время и все, что к нему относится, означает в Слове Божиим состояния и различные по соответствию духовные понятия.

166. Точно так и все то, что происходит от времени, как-то: времена года, называемые весной, летом, осенью и зимой; времена дня, называемые утром, полуднем, вечером и ночью; возрасты человека, называемые детством, юношеством, мужеством и старостью; и вообще все то, что или зависит от времени, или по порядку его следует одно за другим. Когда человек думает о таких предметах, он думает по времени, ангел же по состоянию; поэтому все, что в подобных мыслях человека относится ко времени, обращается у ангела в понятие о состоянии: весна и утро обращаются в понятия о состоянии любви и мудрости, свойственных ангелам в первом их состоянии; лето и полдень обращаются в понятия о любви и мудрости ангелов во втором их состоянии; осень и вечер – в понятия о том же в третьем состоянии ангельском; зима же и ночь – в понятия о состоянии, существующем в аду; вот почему времена в Слове имеют подобные значения (см. н. 155). Из этого ясно, каким образом природные понятия человека становятся духовными у ангелов, находящихся при нем.

167. Так как ангелы не имеют никакого понятия о времени, то они и о вечности иного понятия, чем люди на земле; ангелы постигают вечность как бесконечное состояние, а не как бесконечное время. Я однажды думал о вечности и мыслью о времени мог постичь, что значит

веки, в вечность, т. е. что это значит не иметь конца; но не мог постичь, что значит от века, от вечности и, следовательно, того, что делал Бог от вечности, до создания. Находясь поэтому в тоске, я был вознесен в небесную сферу и в то состояние постижения вечности, в котором находятся ангелы. Тогда мне стало ясно, что о вечности не следует думать по времени, а по состоянию, и что тогда только можно постичь, что значит *от вечности*; как это и было со мной.

168. Ангелы, беседуя с человеком, никогда не говорят с ним посредством свойственных ему природных понятий, которые все заимствованы от времени, пространства, вещественности и тому подобного, а посредством понятий духовных, которые все основаны на состояниях и на их различных изменениях внутри и вне ангелов. Тем не менее когда духовная мысль ангельским наитием сходит на человека, она мгновенно и сама собой обращается в свойственную человеку природную мысль, вполне соответствующую духовной; что это таким образом делается, того не знает ни ангел, ни человек, но таково вообще всякое небесное наитие на человека.

Некоторые ангелы были допущены до моих мыслей ближе обыкновенного, и даже до природных мыслей моих, в которых многое было основано на времени и пространстве; но, так как они тут ничего не поняли, они тотчас отошли; и после того я слышал, как они, беседуя, говорили, что были в потемках. Мне дано было узнать по опыту, до чего доходит незнание ангельское относительно времени: один из небесных ангелов был таков, что мог входить не только в духовные, но и в природные, человеку свойственные, мысли; вследствие чего я и мог говорить с ним, как человек с человеком.

Сперва он не понимал, что такое я называл временем, так что я должен был объяснить ему, каким образом солнце обходит нашу землю и образует годы и дни и что вследствие того годы разделяются на четыре времени, на месяцы и недели, а день – на 24 часа; что эти времена возвращаются в установленные сроки и что таково происхождение времени. Выслушав это, он весьма удивился, говоря, что он этого не знал, а знал только состояние. Разговаривая с ним, я между прочим сказал ему, что на земле известно, что на небесах нет времени или, по крайней мере, что люди говорят об этом, как бы зная это; ибо они про умирающего говорят, что он покидает все временное или отрешается от времени, и через это разумеют отшествие его от мира. Я сказал также, что некоторые люди знают, что время по началу своему есть состояние, потому что оно вполне зависит от состояния любви, в котором находишься. Оно коротко для тех, которые в состоянии удовольствия и радости, продолжительно для тех, которые в неудовольствии и печали, и переменчиво для человека в состоянии надежды и ожидания; что вследствие того ученые рассуждают о том, что такое время и пространство, и даже некоторые из них знают, что время существует только для природного человека.

169. Природный человек думает, что он лишится всякой мысли, если у него отнять понятие о времени, пространстве и о всем вещественном, потому что на этом основаны все мысли его. Но да будет ему известно, что мысли его настолько же конечны и узки, насколько они зависят от времени, пространства и всего вещественного, и, напротив, тем более бесконечны и широки, чем менее они зависят от этих условий, ибо в той же мере ум возвышается над плотским и мирским. Вот откуда происходит и ангельская мудрость, которая такова, что ее называют непостижимой, ибо она недоступна мысли, основанной на подобных понятиях.

О предметах, изображаемых и видимых на небесах (de repraesentativis et apparentiis)

170. Человек, мыслящий по одному природному свету, не может понять, чтобы на небесах было что-нибудь подобное земному, потому что по природному свету он думал и утвердился в том понятии, что ангелы одни только умы (*mentes*), подобные легкому дуновению, и что, следовательно, у них нет тех (внешних) чувств, которыми одарен человек, и, следовательно, глаз, а если нет глаз, то нет и видимых для них предметов. Между тем как на деле у

ангелов все те же чувства, как и у человека, и даже несравненно более совершенные, так что и свет, при котором они видят, гораздо ярче света, при котором видит человек. Что ангел есть человек в совершенном образе и обладает всеми чувствами – см. выше (и. 73–77), а что свет небесный много ярче земного – см. н. 126–132.

171. Нельзя описать в нескольких словах, в чем состоят предметы, видимые ангелами на небесах; они большей частью подобны тем же, которые и на земле, но только совершенные по образу и многочисленные по количеству. О существовании таких предметов на небесах можно заключить из того, что видели пророки, например из показанного Иезекиилю о новом храме и новой земле (Иез. 40–48); также Даниилу (Дан. 7–12); Иоанну от первой и до последней главы Апокалипсиса и другим, о которых говорится в исторических и пророческих книгах Слова. Они видели эти вещи, когда им были отверзты небеса, а небеса, так сказать, отверзаются, когда отверзто внутреннее зрение человека, т. е. его духовное зрение, ибо то, что на небесах, не может быть узрено телесными глазами человека, но глазами его духа. По соизволению Господню они открываются, когда человек отрешается от природного света, в котором он находится по телесным чувствам своим, и когда возносится в свет духовный, в котором он находится по своему духу. В этом самом свете я и видел все, что есть на небесах.

172. Но хотя все предметы, видимые на небесах, большей частью подобны земным, тем не менее, однако, они неподобны им в сущности своей, потому что небесные предметы получают бытие свое от небесного солнца, а земные от земного; первые называются духовными, а вторые природными.

173. Все, что есть на небесах, получает бытие свое не таким образом, как то, что на земле. На небесах все существует от Господа по соответствию с внутренними началами ангелов, ибо у ангелов есть и внутренние и внешние начала: все, принадлежащее их внутренним началам, относится к любви и вере, следовательно, к воле и разуму, ибо воля и разум приемники любви и веры; внешние же начала их соответствуют внутренним (см. н. 87–115). Это можно пояснить тем, что было сказано выше о тепле и свете на небесах, т. е. что ангелы наслаждаются теплом по качеству любви своей, а светом по качеству мудрости (см. н. 128–134). Точно так и относительно всего прочего подлежащего внешним чувствам ангельским.

174. Когда мне случалось быть в обществе ангелов, я видел все, что есть на небесах, совершенно так же, как и то, что на земле; и до того осязательно, что я был вполне убежден, что нахожусь на земле, и притом в каком-нибудь царском дворце. И я говорил с ангелами обо всем, виденном мной, совершенно так, как человек с человеком.

175. Все предметы на небесах, соответствующие чему-либо внутреннему, вместе с тем изображают это понятие, вследствие чего они и называются *изображениями*, или *прообразами* (*repraesentativa*); а так как они изменяются смотря по изменению внутреннего состояния в ангелах, то *изображения* эти также называются *видимостями* (*apparentiae*), хотя, в сущности, все видимое ангелами на небесах и постигаемое внешними чувствами их, видится и постигается ими точно так же живо, как и все видимое человеком на земле, и даже гораздо яснее, отчетливее и осязательнее. Такого рода видимость на небесах называется *действительной, настоящей* (*realis*), потому что она действительно существует; есть также видимость *ненастоящая, недействительная*: к ней относятся предметы, которые хотя и видимы для глаз, но не соответствуют чему-либо внутреннему; впрочем, об этом будет сказано ниже.

176. Чтоб яснее показать, какого рода предметы являются ангелам по соответствию, я скажу только следующее: перед ангелами разума являются сады и вертограды, полные всякого рода деревьев и цветов; деревья расположены в прекрасном порядке, образуя крытые аллеи и беседки с украшенными входами и гульбищами вокруг; все такой красоты, что этого не возможно описать. Ангелы разума гуляют тут, собирают цветы и плетут венки, которыми украшают детей; в этих садах есть даже породы таких цветов и деревьев, которых никто не видал и не мог видеть на земле нашей. Деревья там приносят плоды смотря по благу любви, в кото-

рой пребывают ангелы разума, и все эти предметы представляются им потому, что сады, вертоград, плодовые деревья и цветы соответствуют разумению и мудрости. Что все это есть на небесах, это известно и на земле, но только тем, которые живут во благе и не потушили в себе небесного света светом природным и его обманчивостью; эти люди, когда речь идет про небеса, думают и говорят, что там такие вещи, которых никогда глаз не видал и ухо не слыхало.

Об одеяниях ангельских

177. Так как ангелы люди и они живут между собой точно так же, как и люди на земле, то у них есть и одеяния, и жилища, и тому подобное, с той разницей, однако, что все это у них совершеннее, потому что и сами они в более совершенном состоянии. Как мудрость ангельская превосходит человеческую в той степени, что называется неизреченной, так точно и все остальное, что ими постигается и видится, ибо все это соответствует их мудрости (см. н. 173).

178. Одеяния, в которых являются ангелы, чему-нибудь соответствуют, как и все относящееся к ним, а если соответствуют, то и действительно существуют (см. н. 175). Их одеяния соответствуют их разуму, вследствие чего все небесные жители одеты смотря по разуму своему; а так как один превосходит по разуму другого (см. н. 43-128), то и одеяния у иного красивее, чем у другого: у самых разумных одеяния яркие, как пламя, или блестящи, как свет; у менее разумных одеяния светлы и белы, но без блеска; а у тех, которые еще менее разумны, одеяния разноцветны; ангелы же самых внутренних небес нагие.

179. Так как одеяния ангелов соответствуют их разуму, то они также соответствуют истине, ибо всякое разумение от Божественной истины; поэтому все равно сказать, что ангелы одеты смотря по степени их разумения или смотря по принятию ими Божественной истины. Одежды некоторых яркие, как пламя, а у других блестящи, как свет, по той причине, что пламя соответствует благу, а свет – истине от блага; у других же одеяния светлы, белы, без блеска или разноцветны, потому что Божественное благо и Божественная истина менее блестят и, кроме того, различно приемлются у тех, что менее разумны: свет и белизна соответствуют истине, а цвета – различным видам ее. В самых же внутренних небесах ангелы нагие, потому что они живут в невинности, а невинность соответствует нагоде.

180. Так как ангелы на небесах облечены в одеяния, то, когда их видели на земле, они и тогда являлись в них; например, те ангелы, которые являлись пророками или которых видели при гробе Господнем: *Вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег* (Мат. 28. 3; Мар. 16. 5; Лук. 24. 4; Иоан. 20. 12); те, которых Иоанн видел на небесах, *облечены были в белые одежды* (Откр. 4. 4; 19. 14). Так как разумение исходит от Божественной истины, то, когда Господь преобразился, *одежды же Его сделались белыми, как свет* (Мат. 17. 2; Мар. 9. 3; Лук. 9. 29); что свет есть Божественная истина, исходящая от Господа, – смотри выше (н. 129). Вследствие этого одеяния в Слове Божиим означают истины и смотря по истине разумение; так у Иоанна: *Которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны. Побеждающий облечется в белые одежды* (Откр. 3. 4, 5). *Блажен бодрствующий и хранящий одежду свою* (16. 15). Об Иерусалиме, под которым разумеется церковь, находящаяся в истине, у Иезекииля сказано так: *И надел на тебя узорчатое платье, и обул тебя в сафьянные сандалии, и опоясал тебя виссоном, и покрыл тебя шелковым покрывалом* (16. 10, 13); и тому подобные выражения во многих других местах. О том же, кто не в истине, говорится, что он не облечен в брачную одежду, так у Матфея: *Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду; и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов* (22, 11–13). Под брачным домом разумеются небеса и церковь, вследствие соединения с ними Господа посредством его

Божественной истины; вот почему Господь в Слове назван женихом и мужем, а небеса и церковь невестой и женой.

181. Одежания ангельские не только кажутся одежаниями, но действительно суть одежания. Это доказывается тем, что ангелы не только видят, но и осязают их; что одежаний этих у них несколько; что они их снимают и надевают; что они прибирают их, когда не употребляют, и снова достают, когда употребляют; а что они одеваются в разное платье, это я видел тысячи раз. Я спрашивал, откуда у них эти одежания; они отвечали мне, что от Господа, что они им даруются и что иногда они облакаются в них без ведома своего. Они также сказали мне, что одежания их меняются по изменениям их внутреннего состояния: в первом и втором состоянии одежания их блестящи и светлы; в третьем и четвертом немного темнее; и что это также делается по соответствию, потому что изменение их состояния относится к изменению в них разума и мудрости (см. н. 154–161).

182. Так как у каждого в мире духовном одежания его согласны с его разумением, следовательно, и с истиной, от которой исходит разумение, то те, что в аду, хотя и являются в одежаниях, но за неимением истины – в изодранных, грязных и черных, каждый по своему безумию; и не могут они облекаться в другие, а в эти Господь дозволяет им ради того только, чтоб они не показывались нагими.

О жилищах и обителях ангельских

183. Так как на небесах есть общества и ангелы живут там как люди, то у них есть и жилища, которые также различны по состоянию жизни каждого: великолепны у тех, которые в высшем состоянии, и менее великолепны у тех, которые в низшем. Я иногда говорил с ангелами о жилищах небесных и при этом высказывал им, что ныне едва ли кто поверит, что у них есть жилища и обители: иные – потому что не видят их; другие – потому что не знают, что ангелы люди; а некоторые – потому что принимают ангельские небеса за то самое небо, которое мы здесь видим своими глазами. А так как оно кажется пустым и они воображают, что ангелы эфирные образы, то и заключают про них, что они живут в эфире; к тому же люди эти не понимают, чтоб в духовном мире могло быть то же самое, что в природном, потому что они вовсе не знают, что такое вещь духовная. Ангелы отвечали мне, что им известно о господстве ныне такого невежества в мире и что это невежество, к удивлению их, в особенности господствует внутри церкви, и тут более между учеными и умными, чем между простыми; тогда как люди, находящиеся в таком неведении, могли бы узнать из Слова, что ангелы такие же люди, как и они, ибо никто не видал в ином образе ни их, ни Господа, который принял с собой всю свою человечность. А если они люди, то имеют и жилища и обители, и хотя называются духами (дыханиями, spiritus), но не похожи на дуновения и не порхают по воздуху, как думают это некоторые в невежестве своем; ангелы называют такое невежество безумием. Люди, продолжали ангелы, могли бы это понять, если б они думали, отрешаясь от тех понятий, которые себе составили об ангелах и духах, и если б тотчас не спрашивали себя и не думали прежде всего: так ли это? Каждому человеку свойственно то понятие, что ангелы в таком же образе, как и человек, и что у них есть жилища, называемые небесными обителями (райскими кущами), которые великолепны в сравнении с земными. Но это общее понятие, образовавшееся по наитию свыше, тотчас пропадает в человеке, когда он внутреннему воззрению и мысли предпосылает вопрос: *так ли это?* Это в особенности случается с учеными, которые, надеясь на собственный разум, заградили доступ к себе небес и света, оттуда исходящего. Такой же участи подвергнулось и верование в посмертную жизнь человека: кто говорит об этом и в то же время думает о душе не мудрствуя и не на основании учения о восстании мертвых и соединении тогда тела с душой, тот верит, что после смерти он будет жить человеком и вместе с ангелами, если жил здесь хорошо; что тогда он увидит чудные вещи и насладится несказанным

блаженством. Но как только он обращается к учению о воссоединении тела с душой или к обыкновенным предположениям о душе и задает себе вопрос: такова ли душа и так ли это? – его первоначальное понятие о ней исчезает.

184. Лучшее всего, однако, представить данные опыта: сколько я ни говорил с ангелами устно, я всегда был с ними в жилищах их. Это совершенно такие же дома, как и у нас на земле, но гораздо красивее; в них много различных комнат, отдельных покоев и почивален, а вокруг дворы с цветниками, садами и полями. Там, где ангелы живут вместе, целым обществом, жилища их смежны, одно возле другого, и расположены в виде города, с площадями, улицами и рынками, совершенно так, как и в наших городах. Мне дано было посещать их, осматривать их со всех сторон и даже входить в сами дома; это было со мной в полном яву, когда внутреннее зрение мое было открыто.

185. Я видел на небесах дворцы, которые так великолепны, что превосходят всякое описание; вверху они блестели как бы чистым золотом, а внизу как бы драгоценными камнями. Эти дворцы были один другого великолепнее, и внутреннее великолепие их не уступало наружному: комнаты были убраны так изящно, что не станет ни слов, ни искусства описать их. С той стороны, которая была на полдень, были райские сады, где таким же образом все блестело и сияло; на некоторых деревьях листья были как бы из серебра, а плоды как бы из золота; цветы на грядках казались радугой; в конце садов виднелись новые дворцы, и ими заканчивался этот вид. Таковы здания строительного искусства на небесах; можно сказать, что там видишь искусство в первообразе своем, и неудивительно, что оно снизошло к людям с небес. Ангелы говорили, что хотя все эти предметы и бесчисленное множество других, еще более совершенных, являются им от Господа так, что они видят их глазами, но что они наслаждаются ими более духом, чем глазами, потому что в каждом из этих предметов они видят соответствие, а через соответствие – что-нибудь Божественное.

186. Относительно соответствий я узнал, что не только дворцы и дома, но даже все, что вообще и в частности находится внутри их и снаружи, соответствует всему внутреннему, что есть в ангелах от Господа: дом вообще соответствует их благу; то, что внутри дома, различным частностям, из которых состоит это благо; то, что вне дома, истинам, исходящим от блага, постижению и познаниям. А как дома и их принадлежности соответствуют благам и истинам, которые в ангелах от Господа, то они соответствуют и любви их, а следовательно, мудрости их и разумению, потому что любовь относится ко благу, мудрость – ко благу и к истине, а разумение – к истине, исходящей от блага. Вот что постигают ангелы, когда они смотрят на эти предметы, и отчего предметы эти более поражают и радуют дух их, чем зрение.

187. Из этого мне стало ясно, почему Господь назвал себя храмом, бывшим в Иерусалиме (Иоан. 2. 19, 21), и почему Новый Иерусалим был узрен из чистого золота, с жемчужными воротами и с основанием из драгоценных камней: потому именно, что храм изображал Божественную человечность Господа; Новый Иерусалим – церковь, которая должна была впоследствии возникнуть; врата – истины, ведущие ко благу; а основания – истины, на которых будет основана эта церковь.

188. Ангелы, образующие небесное царство Господне, большей частью обитают высокие местности, которые кажутся горами; ангелы, образующие духовное царство Господне, обитают в менее высоких местах, которые кажутся холмами; ангелы же низших небес обитают местности, которые кажутся как бы каменными скалами. Все это основано также на соответствии, ибо все внутреннее соответствует высокому, а все внешнее – низкому; вот почему горы в Слове Божиим означают небесную любовь, холмы – духовную любовь, а камни – веру.

189. Есть также ангелы, которые не живут в обществе, но отдельно, по домам; они обитают в самой середине небес как лучшие из ангелов.

190. Дома, в которых живут ангелы, не строятся, как дома на земле, но даются им в дар от Господа по мере принятия ими блага и истины. В домах этих также бывают небольшие

перемены смотря по изменениям внутреннего состояния ангелов (см. н. 154–160). Все, что есть у ангелов, считается ими за дар Господень, и все, в чем они нуждаются, даруется им.

О пространстве на небесах

191. Хотя все предметы на небесах являются в известном месте и пространстве совершенно так, как и на земле, тем не менее у ангелов вовсе нет ни мысли, ни понятия о месте и пространстве; а как это не может не показаться весьма странным, то, по важности этого предмета, я постараюсь, сколь возможно, уяснить его.

192. Всякое перемещение или передвижение (*progressiones*) в мире духовном совершается вследствие изменения внутреннего состояния самих ангелов, так что передвижения там суть не что иное, как изменения в состоянии. Точно так же, когда и меня Господь переносил на небеса и на земли, вращающиеся во Вселенной, это совершалось со мной только относительно духа, а тело мое оставалось на том же месте; таким образом переносятся с места на место и все ангелы. Вот почему расстояния для них не существуют; если же нет расстояний, то нет и пространства, а вместо тех и других – состояния и изменения в них.

193. Если всякое передвижение совершается таким образом, то очевидно, что приближение происходит от сходства в состоянии внутренних начал, а удаление от несходства. Вот почему вблизи друг от друга живут те, кто в сходном состоянии, а вдалеке те, кто не в сходном; и пространства на небесах суть не что иное, как внешние состояния, соответствующие внутренним. По этой единственной причине различны между собой не только небеса, но и каждое общество небесное и потому каждый ангел в обществе; по этой же причине и ад совершенно отделен от небес: по состоянию своему он совершенно им противоположен.

194. На этом же основании всякий дух в том мире немедленно является перед другим, если только пожелает этого, ибо тогда желающий мысленно видит другого и переносится в его состояние; и наоборот, один удаляется от другого по мере своего отвращения от него. А как всякое отвращение происходит от противоположности чувств и несогласия мыслей, то случается, что когда многие там соберутся в одно место и согласны между собой, то видят друг друга, а когда не согласны, то исчезают.

195. Точно так же, когда там идет кто из одного места в другое по своему городу, по площади или саду или к живущим в другом обществе, то он приходит ранее, когда желает этого, и позже, когда не желает; сам путь, хотя все тот же, удлиняется или укорачивается смотря по желанию идущего; я часто и с удивлением видал это. Из сказанного снова ясно, что расстояние и, следовательно, пространство совершенно зависят от внутреннего состояния ангелов, а если это так, то и мысль о пространстве вовсе недоступна их понятиям, хотя, в сущности, у них такие же пространства, как и в мире.

196. Это можно пояснить свойством мысли человеческой: для нее нет пространства; то, о чем человек непрестанно и много думает, как бы само является перед ним. Всякому, кто захочет вникнуть, известно, что он не иначе судит о пространстве как по промежуточным предметам, которые он в то же время видит на земле, или по тому расстоянию, которое находится между этими предметами. Это происходит оттого, что пространство непрерывно, а на непрерывном протяжении пространство обнаруживается не иначе как по тем предметам, которые непрерывны. Тем более это так у ангелов, потому что у них зрение нераздельно от мысли, а мысль от любви; и что близкие и дальние предметы являются и меняются смотря по состоянию их внутренних начал, как было сказано выше.

197. На этом основании места и пространства в Слове Божиим и все, что некоторым образом касается по значению своему пространства, относится к состояниям. Например, расстояние, близость, дальность, путь, дорога, странствие; мили, стадии, локти и вообще всякие меры; села, поля, сады, города, площади; всякое Движение; длина, ширина, вышина, глубина

и многое другое. Потому что большая часть того, что находится в мыслях человека, возникла в нем от мира сего и более или менее относится к пространству и времени.

Объясню, например, что означает в Слове Божиим длина, ширина и высота. Здесь, на земле, говорится о длине, ширине и высоте относительно пространства, но на небесах, где нет мысли о пространстве, длина означает состояние блага, ширина – состояние истины, а высота – разность этих состояний по степеням (см. н. 38). Такое значение этих трех видов величины основано на том, что небеса простираются в длину от востока к западу и что на этом протяжении обитают живущие в благе любви; в ширину небеса простираются от полудни к северу, и тут обитают живущие в истине по благу (см. н. 148); а высота на небесах означает и то и другое: и благо и истину относительно степеней.

Вот почему и в Слове Божиим длина, ширина и высота имеют это же самое значение. Так, у Иезекииля (Иез. 40–48) описание нового храма и новой земли, с дворами, горницами, дверьми, вратами, окнами и принадлежностями и с размерами всего этого в длину, ширину и высоту, означает новую церковь и принадлежащие ей истины и блага; если же не так, то к чему исчисление всех этих размеров? Подобным образом и Новый Иерусалим описан в Апокалипсисе в следующих словах: *Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий. Длина и широта и высота его равны* (Откр. 21. 16). Здесь Новый Иерусалим означает новую церковь, а размеры эти – все относящееся к этой церкви: длина – благо ее любви; ширина – истину по этому благу; высота – благо и истину относительно их степеней; двенадцать тысяч стадий – всякое благо и всякую истину в совокупности. Иначе, какой смысл в том, что высота города в двенадцать тысяч стадий равна его долготе и широте? Что в Слове ширина означает истину, это видно у Давида: *И не предал меня в руки врага; поставил ноги мои на просторном месте* (Пс. 30. 9). *Из тесноты воззвал я к Господу, и услышал меня, и на просторное место вывел меня Господь* (Пс. 117. 5). Кроме того, и в других местах, например, у Исаии (8. 8), у Аввакума (1. 6) и так далее во всех прочих книгах Слова.

198. Из всего этого видно, что хотя на небесах и есть такие же пространства, как здесь, но что там ни о чем не судят по пространству, а по состояниям; следовательно, и пространство там не может быть вымерено, как это делается здесь, но что оно только видимо согласно внутреннему состоянию жителей.

199. Первая и главная причина всего этого та, что Господь присутствует в каждом по мере его любви и веры и что все предметы на небесах являются вблизи или вдали от ангелов смотря по присутствию в них Господа; оно определяет положение каждого предмета на небесах и дарует ангелам мудрость, потому что оно же дает мыслям их силу всюду простирается, а всему прочему на небесах – силу взаимного общения. Словом, вследствие присутствия в них Господа они одарены способностью мыслить не природно, как люди, а духовно.

О небесном образе, согласно которому устроены сообщества и сообщения на небесах

200. Из сказанного в предшествующих главах можно в некоторой степени представить себе, каков образ или вид небес, т. е. что небеса подобны себе как в наибольших, так и в малейших частях (н. 72); что вследствие того каждое общество образует само по себе небеса в малом виде, а каждый ангел – в наименьшем (н. 51–58); что подобно тому как небеса в совокупности изображают одного человека, так и отдельно всякое общество небесное изображает человека в меньшем виде, а каждый ангел – в наименьшем (н. 59–77); что в середине (небес) обитают самые мудрые из ангелов, а вокруг, до самых пределов, менее мудрые, и таким же образом в каждом обществе (н. 43); что от востока к западу небес обитают живущие во благе любви, а от полудни к северу – живущие в истине по благу, и таким же образом в каждом обществе (н.

148, 149). Все это устроено по небесному образу, и уже из этого можно судить о том, каков должен быть небесный образ вообще.

201. Знать это необходимо, потому что не только всякое общество ангельское устроено по небесному образу, но и всякое сообщение между ними; а если сообщение, то и распространение их мыслей и чувств и, следовательно, все разумение и вся мудрость их. Поэтому насколько кто живет в образе небесном, т. е. насколько кто сам есть образ небесный, настолько он мудр. Все равно сказать: жить в образе небесном или согласно небесному порядку, потому что образ каждой вещи исходит от порядка и согласен с ним.

202. Скажу здесь прежде несколько слов о том, что значит жить в образе небесном (*esse in forma coeli*). Человек создан по подобию (*ad imaginem*) небес и по подобию мира: внутреннее существо его – по подобию небес, а внешнее – по подобию мира (см. н. 57); сказать: по подобию или по образу – это все равно. Но так как человек злом своей воли и потому ложью своей мысли уничтожил в себе подобие небесное, а следовательно, и образ небесный и заменил их подобием и образом ада, то внутреннее (начало) его с самого рождения закрыто; вот почему человек, не как все прочие животные, рождается в совершенном неведении. Чтоб восстановить ему в себе подобие или образ небесный, он должен познать все относящееся к порядку, ибо, как сказано выше, каков порядок, таков и образ: Слово Божие заключает в себе все законы Божественного порядка, ибо заповеди Слова суть законы этого порядка; поэтому насколько человек познает эти заповеди и живет по ним, настолько его внутреннее (начало) открыто и в нем снова образуется порядок или подобие небесное. Из этого видно, что значит быть в образе небесном, т. е. что значит жить по истинам (или заповедям) Слова.

203. Насколько кто живет в образе небесном, настолько он в небесах, и даже настолько он сам образует небеса в наименьшем виде (н. 57); следовательно, он настолько же в разумении и мудрости. Ибо, как было сказано выше, всякая мысль, принадлежащая разуму, и всякое чувство, принадлежащее воле, распространяются во все стороны небес согласно их образу и чудным путем сообщаются с тамошними обществами, равно как и они в свою очередь сообщаются с человеком.

Иные полагают, что их мысли и чувства не распространяются вокруг них на самом деле, ибо они только внутри себя, а не на расстоянии видят то, о чем думают. Но такое мнение весьма ошибочно, ибо как внешнее зрение глаза простирается на предметы отдаленные и поражается по мере того, как встречается с ними, так и внутреннее зрение человека, т. е. зрение его разума, простирается в мир духовный, хотя человек по вышеизложенным причинам и не замечает этого (н. 196). Разница только в том, что зрение глаза поражается природно, т. е. предметами мира природного, а зрение разума поражается духовно, т. е. предметами мира духовного, которые все относятся к благу и истине. Это неизвестно человеку, потому что он не знает, что есть особый свет, который озаряет разум, и что даже без этого света человек не мог бы вовсе думать (об этом свете см. н. 126–132). Был какой-то дух, который именно думал, что он мыслит только в себе самом, т. е. без всякого распространения своих мыслей вокруг и, следовательно, без сообщения с сообществами, находящимися около него. Чтоб убедить его в противном, у него было отнято сообщение с ближайшими обществами. Тогда он не только лишился мысли, но упал, как бы мертвый, и только шевелил руками, как новорожденный.

После некоторого времени сообщение его с другими было восстановлено, и когда оно окончательно восстановилось, тогда он возвратился к состоянию мышления. Другие духи, видевшие этот опыт, сознались потом, что всякая мысль и чувство приходят (*influent*) вследствие сообщения, а если мысль и чувство, то и все относящееся к жизни человека; ибо вся жизнь человека состоит в том, что он может мыслить и любить, или, другими словами, разуметь и хотеть.

204. Должно, однако, знать, что разумение и мудрость каждого (духа) различны смотря по качеству его сообщения с другими. У тех, чьи разумение и мудрость образовались из подлин-

ных (*genuinis*) благ и истин, сообщение с обществами совершается согласно небесному образу; у тех, чьи разумение и мудрость образовались не из подлинных благ и истин, но из благ и истин, согласных с подлинными, сообщение с обществами прерывисто и неправильно, потому что оно не поддерживается в порядке небесного образа; но те, в ком нет ни разумения, ни мудрости от жизни во лжи по злу, находятся в сообщении с обществами ада: обширность этого сообщения зависит от степени утверждения в истине. При этом должно знать, что сообщение с обществами не постигается явно лицами другого общества, но есть только сообщение с качествами, им свойственными.

205. На небесах все соединены в общества по духовному родству, основанному на благе и истине; так делается как во всех небесах вообще, так и в каждом обществе и в каждом доме; поэтому ангелы, которые сходны меж собой во благе и в истине, узнают друг друга, как узнаются родственники на земле или как знакомые с детства. Подобно этому соединяются в каждом ангеле и начала мудрости и разума, т. е. блага и истины; они точно так же познают друг друга и по мере знакомства таким же образом соединяются. По этой же причине те, в ком истины и блага соединены по образу небесному, видят все степени их последствий и далеко вокруг весь порядок их сцеплений; но этого вовсе нет у тех, в ком блага и истины не соединены по небесному образу.

206. Таков в каждых небесах образ, по которому совершается сообщение и распространение мыслей и чувств ангельских и от которого, следовательно, зависит степень их разумения и мудрости. Но сообщение одних небес с другими, т. е. третьих, или самых внутренних, со вторыми, или средними, а тех и других с третьими, или последними, совершается иным образом; впрочем, сообщение между небесами не должно быть называемо сообщением, а наитием (*influxus*), и об этом будет сказано теперь несколько слов. Что есть трое небес и что они между собою различны – см. н. 29–40.

207. Что между различными небесами нет сообщения, а есть наитие, это видно по взаимному их положению: третьи небеса, или самые внутренние, наверху; вторые, или средние, ниже; а первые, или последние, еще ниже. В таком порядке устроены и все общества каждых небес. Так, например, в тех обществах, которые расположены на высокой, гористой местности (н. 108): на вершинах ее обитают те ангелы, которые принадлежат к самым внутренним небесам; ниже их – те, что ко вторым, а еще ниже – принадлежащие к последним небесам. Такой же порядок и везде: как на высокой местности, так и на ровной. Общество высших небес не сообщается с обществом низших небес иначе как через соответствия (см. н. 100); а сообщение через соответствия есть то, что называется наитием.

208. Одни небеса соединяются с другими небесами или одно небесное общество соединяется с обществом других небес наитием от одного Господа, непосредственным и посредственным: непосредственным от самого Господа и посредственным от высших небес, наитствующих по порядку на низшие. Так как соединение небес наитием совершается одним Господом, то всего более наблюдается, чтоб никто из ангелов высших небес не смотрел вниз на общество низших небес и не говорил с кем из жителей этих небес; как только это случается, ангел лишается разумения и мудрости. И вот почему: в каждом ангеле есть три степени жизни, как есть и три степени небес: у живущих в самых внутренних небесах открыта третья, или самая внутренняя, степень, а вторая и первая закрыты; у живущих в средних небесах открыта вторая степень, а первая и третья закрыты; у живущих же в последних небесах открыта первая степень, а вторая и третья закрыты.

Вследствие этого, как только ангел третьих небес смотрит вниз на одно из обществ вторых небес и говорит с кем из их жителей, так третья степень его закрывается и вместе с тем он лишается своей мудрости, ибо мудрость его пребывает в третьей степени его, а во второй и первой ее вовсе нет. Вот что должно разуметь под словами Господа у Матфея: *И кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается*

назад взять одежды свои (24. 17, 18). И у Луки: *В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращайся назад. Вспоминайте жену Лотову (17. 31, 32).*

209. Нет наития с низших небес на высшие, потому что это противно порядку: наитие идет с высших небес на низшие. Мудрость ангелов высших небес настолько же превосходит мудрость ангелов низших, насколько мириада единицу; вот почему ангелы низших небес не могут говорить с ангелами высших небес и даже, когда смотрят в ту сторону, не видят их и небеса их кажутся им чем-то облачным над головой. Но ангелы высших небес могут видеть находящихся в низших небесах, только они не могут говорить с ними, не лишаясь мудрости своей, как уже сказано выше.

210. Мысли, чувства и разговоры ангелов самых внутренних небес никогда не постигаются ангелами средних небес, потому что они для них слишком высоки. Но, когда угодно Господу, они виднеются средним небесам как что-то пламенное, а мысли, чувства и беседы ангелов средних небес – как что-то светлое над низшими небесами; иногда же – как блестящее, разноцветное облако, по возвышению, опущению и виду которого даже узнается в некоторой степени предмет разговора.

211. Из этого можно видеть, каков небесный образ, т. е. что в самых внутренних небесах он наиболее совершенен, в средних небесах тоже совершенен, но в меньшей степени, а в низших небесах – в еще меньшей степени; и что образ одних небес слагается по образу других наитием, исходящим от Господа. Но в чем состоит сообщение посредством наития этого, нельзя понять, если не знать, что такое степени высоты и какая разница между ними и степенями широты и долготы; о тех и других см. н. 38.

212. Что же касается небесного образа в частности и как он направляется и простирается, то это непостижимо даже и для ангелов. Некоторое понятие о том можно себе составить из образа всех частей и частиц человеческого тела при рассмотрении и исследовании их человеком умным и мудрым, ибо выше было сказано, что все небеса изображают одного человека (см. н. 59–72) и что все находящееся в человеке соответствует небесам (см. н. 87–102).

Сколь непостижим и неисследим этот образ, можно только вообще заключить из того, как нервные волокна соединяют все части и частицы тела в одно. Глаз даже не видит ни этих волокон, ни каким образом они направляются и простираются в мозгу, ибо они тут бесчисленны и до того сложны, что взятые вместе представляют сплошное мягкое тело; между тем как по этим волокнам все относящееся вообще и в частности к воле и разуму переходит совершенно отчетливо в действия. Каким образом эти волокна сплетаются во всем теле, видно из различных местных сплетений (plexus) их, как-то: солнечного, брыжеечного и других – и также из узлов их, называемых ганглиями, в которые отовсюду входят множества волокон, сливающихся тут как бы в одно и опять оттуда выходящих в ином соединении для отправления дальнейших служб своих; и это повторяется снова и снова. Я уже не говорю о таких же чудесах в каждом череве, члене, орудии и мышце тела. Кто мудрым оком будет рассматривать эти предметы и все прочие чудеса, заключающиеся в них, тот крайне изумится; при всем этом глаз увидит только малую часть чудес этих, а то, чего он не может видеть, еще чуднее, потому что оно относится к внутренней природе. Что такое устройство соответствует небесному образу, это вполне ясно из того, что все относящееся к разуму и воле совершается согласно этому образу, ибо все, что человек хочет, произвольно переходит по образу этому в действие, а все, что он мыслит, пробегает по волокнам этим от самого их начала и до самого их конца и рождает в нем ощущение; а как этот образ есть образ мысли и воли, то он есть и образ разумения и мудрости.

Этот самый образ соответствует небесному, вследствие чего мы можем узнать, что таков же тот образ, согласно которому простираются все чувства и мысли ангельские, и что настолько же они в разумении и мудрости (что этот образ небесный происходит от Божественной человечности Господа – см. выше н. 78–86). Все предшествующее было сказано и для того, чтоб

было известно, что небесный образ никогда не может даже относительно общих начал своих истощиться и что, таким образом, он непостижим даже и для самих ангелов.

О небесном управлении

213. Так как небеса разделены на общества, из которых самые большие состоят даже из нескольких сотен тысяч ангелов (н. 50), и так как все члены одного общества живут в однородном благе, но не в одинаковой мудрости (н. 43), то из этого непременно следует, что на небесах есть и управление: порядок должен быть соблюден и все относящееся к порядку должно быть непреложно. Управление на небесах различно: одно – в обществах, образующих небесное царство Господне, и другое – в обществах, образующих духовное царство Господне; различно также и по должностям, которые исполняются каждым обществом. На небесах, однако, нет другого управления, кроме управления взаимной любви, а управление взаимной любви и есть небесное.

214. Управление в небесном царстве Господнем называется правдой (*justicia*), потому что все подданные этого царства живут во благе любви, к Господу направленной и от него же получаемой, и все, что по этому благу делается, называется правдой. Управление в этом царстве принадлежит одному Господу; он сам ведет ангелов и научает их делам жизни. Истины, называемые истинами суда, начертаны в их сердцах; каждый знает, постигает и видит их; вот почему там никогда не рассуждают о том, что относится к суду, а только о том, что относится к правде и принадлежит жизни; об этом менее мудрые спрашивают более мудрых, эти же вопрошают Господа и дают ответ. Их небесное блаженство, или самая внутренняя радость, состоит в том, чтобы жить правдой от Господа.

215. Управление в духовном царстве Господнем называется судом (*judicium*), потому что подданные этого царства живут в духовном благе, которое есть благо любви к ближнему (*charitas*), а это благо, в сущности, есть истина; истина же относится к суду, а благо к правде. Ангелы этого царства хотя также ведомы Господом, но не прямо, а посредственно (н. 208); вот почему у них есть наставники в большем или меньшем числе, смотря по потребностям общества; и также законы, по которым они должны жить между собой. Наставники управляют всем согласно этим законам; они понимают их верно, потому что они мудры, а в случаях сомнения им дается пояснение от Господа.

216. Так как управление по благу в небесном царстве Господнем называется правдой, а управление по истине в духовном царстве Господнем называется судом, то и в Слове говорится о правде и суде, когда речь идет о небесах и о церкви; в этом случае правда означает небесное благо, а суд – духовное благо, которое, в сущности, как было сказано выше, есть истина. Например, в следующих изречениях: *Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века* (Ис. 9. 7). Тут Давид означает Господа, а царство его – небеса; это ясно также из следующего: *И восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле* (Иер. 23. 5). *Высок Господь, живущий в вышних; Он наполнит Сион судом и правдою* (Ис. 33. 5); Сион здесь означает также небеса и церковь. *Я – Господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно Мне* (Иер. 9. 24). *И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде* (Ос. 2.19). *Господи! Правда Твоя, как горы Божий, и судьбы Твои – бездна великая!* (Пс. 35. 7) и т. д. в других местах.

217. В духовном царстве Господнем образы правлений различны; в одном обществе оно не таково, как в другом. Это разнообразие зависит от различного рода служб (*ministeria*), исполняемых обществами, а их службы согласны со службами всех частей человеческого тела, которым они соответствуют и которые, как известно, разнообразны: иная служба (*ministerium*) сердца, иная легкого, иная печени, иная селезенки, иная также каждого орудия чувств. Как

различно управление этих частей в теле, так различно и управление обществ в большом человеке, т. е. в небесах, ибо в них есть общества, которые соответствуют всем этим частям (что все находящееся на небесах соответствует всему находящемуся в теле, было показано выше на своем месте – см. н. 87-102).

Но все образы небесного управления согласуются в том, что целью для них есть общественное благо и в этом благе благо каждого. Это происходит оттого, что все ангелы во всех небесах находятся под усмотрением (auspicio) Господа, который любит их всех и по Божественной любви своей устрояет такой порядок, чтобы каждый получал свое личное, или частное, благо от общего. Даже каждый получает это благо по мере любви своей к общему, ибо насколько кто любит свою общину, настолько он любит всех и каждого в ней, а как эта любовь от Господа, то настолько же Господь любит каждого и дарует ему благо.

218. Из этого понятно, каковы наставники духовных небес, т. е. что они более других находятся в любви и мудрости: по любви – они всем хотят благо, а по мудрости – умеют осуществлять его на деле. При таких свойствах они не начальствуют и не приказывают, но управляют (ministrant) и служат, ибо творить благо другим по любви к благу – это служить, а заботиться о том, чтоб это благо осуществлялось на деле, – это управлять; и они не считают себя выше других, а ниже, ибо на первое место они ставят благо общества и ближнего, а свое собственное на последнее: что на первом месте, то выше, а что на последнем, то ниже.

Тем не менее им воздается честь и слава: они живут в середине общества, на более возвышенном месте, чем другие, и в прекрасных дворцах. Они даже принимают эту честь и славу, но не для себя, а ради послушания, ибо все на небесах знают, что эта честь и слава даны им от Господа и что поэтому их должно слушаться. Это самое разумеется в следующих словах Господа к ученикам своим: *А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить* (Мат. 20. 26–28). И у Луки: *Кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий* (22. 26).

219. Подобный образ управления в наименьшем виде существует и в каждом доме. В каждом доме есть хозяин и слуги; хозяин любит слуг своих, а слуги любят хозяина; вследствие этого они служат друг другу по любви. Хозяин учит их, как должно жить и что следует делать, слуги же слушаются и исполняют свою обязанность; исполнять службу есть для каждого наслаждение жизни. Из этого ясно, что царство Господне есть царство служб.

220. В аду есть также разного рода управление, потому что без него ничто бы не сдерживало жителей ада. Но, в противоположность небесному, оно все основано на любви к себе; тут каждый хочет повелевать другим и начальствовать; ненавидит того, кто ему не благоприятствует, мстит ему и поступает с ним жестоко. Такова любовь к себе; вследствие этого самые злые духи там ставятся в начальники, и им повинуются из страха. Но об этом будет сказано после в разделе об аде.

О небесном Богослужении

221. Небесное Богослужение сходно с земным относительно внешнего, но не относительно внутреннего; у ангелов так же, как и у людей, есть учения, проповеди и храмы. Все учения в главных предметах согласны между собой, но учение в высших небесах полно более внутренней мудрости, чем в низших; с учением согласны и *проповеди*; а как у ангелов есть дома и дворцы (см. н. 183–190), то у них есть и *храмы*, или церкви, в которых говорятся эти проповеди. Все это есть на небесах для того, чтоб ангелы постоянно усовершенствовались в мудрости и любви, ибо у них, как и у людей, есть разум и воля, которые таковы, что могут постоянно усовершенствоваться: разум – истинами разумения, а воля – благами любви.

222. Но небесное Богослужение не состоит, собственно, в том, чтоб посещать храм Божий и слушать проповеди, а главное – в жизни любви, благодости и веры согласно учению; проповеди в храмах служат только средствами к поучению в делах жизни. Говоря об этом предмете с ангелами, я сказал им: на земле думают, что Богослужение состоит только в том, чтоб посещать храм Божий, слушать проповеди, причащаться святых тайн по три или четыре раза в год и соблюдать другие служебные обряды по уставам церкви, предаваясь при этом молитве и благочестию. Ангелы отвечали тем, что все это относится к внешнему, которое должно быть соблюдено, но которое ни к чему не служит, если не истекает от внутреннего начала; а это внутреннее начало заключается в жизни по заповедям учения.

223. Чтоб я мог узнать, в чем состоят их собрания в храме, мне иногда было дозволено входить туда и слушать проповеди. Проповедник стоит на кафедре, которая с восточной стороны; перед ним сидят озаренные более других светом мудрости, а подле них, справа и слева, те, кто в меньшем свете; они размещены полукругом так, что все сидят в виду проповедника; а на тех местах по обеим сторонам, куда взгляд его не направлен, нет никого. У двери, которая на восточной стороне храма, влево от кафедры, стоят новички. Никому не позволяется стоять за кафедрой: это смущает проповедника, и то же самое бывает с ним, если кто в собрании не согласен с тем, что слышит; в таком случае несогласный должен отвернуться лицом.

Проповеди говорят с такой мудростью, что их никак нельзя сравнить с теми, которые говорят на земле, ибо небесные проповедники озарены внутренним светом. Храмы в духовном царстве кажутся каменными, а в небесном царстве – деревянными, потому что камень соответствует истине, в которой живут ангелы духовного царства, а дерево соответствует благу, в котором живут ангелы небесного царства; в этом же царстве церковные строения не называются храмами, но домами Божиими. В небесном царстве церковные строения без великолепия, в духовном же царстве они более или менее великолепны.

224. Я говорил с одним проповедником о святости слушающих проповеди в храмах: на это он мне сказал, что благочестие, набожность и святость принадлежат каждому смотря по внутренним началам его, относящимся к любви и вере; ибо святость, собственно, пребывает только в этих началах, как в приемниках начала Божественного, исходящего от Господа; и что он не знает, что такое внешняя святость без этих внутренних начал. Подумав несколько о том, что могло бы это быть, он прибавил, что это, может статься, какое-нибудь внешнее подражание святости или что-нибудь искусственное и лицемерное; и что возбуждать такое подражание и принимать вид святости может только нечистый огонь, исходящий от любви к себе и к миру.

225. Все проповедники принадлежат духовному царству Господню, в небесном же царстве их вовсе нет. Это происходит оттого, что все ангелы духовного царства живут в истине по благу и что всякая проповедь говорится по истине; в небесном же царстве проповедников нет потому, что все ангелы этого царства живут во благе любви и что по этому благу они видят и постигают истину, не толкуя о ней. Однако, хотя ангелы небесного царства постигают и видят истину, все же у них бывают проповеди, потому что посредством их они просвещаются в знаковых им истинах и совершаются многими другими, которых дотоле не знали. Как только они слышат их, они тотчас признают их за истины и, следовательно, постигают их. Истины, которые они постигают, они любят, и, живя по ним, они вносят и воплощают их в свою жизнь. Жить по истине, говорят они, значит любить Господа.

226. Все проповедники назначаются Господом и вследствие того обладают даром проповеди, учить в храмах никому не дозволено, кроме их. Они называются проповедниками, а не священниками, потому что священство (*sacerdotium*) принадлежит небесному царству, ибо священство означает благо любви к Господу, благо, в котором пребывают ангелы небесного царства. Духовному же царству принадлежит не священство, а царствие (*regium*), ибо царствие означает истину по благу, истину, в которой пребывают ангелы духовного царства (см. н. 24).

227. Все учения, согласно которым говорятся проповеди, принимают жизнь за цель, и ни одно из них не принимает веру без жизни. Учение самых внутренних небес более полно мудрости, чем учение средних небес, а это последнее, в свою очередь, полно большего разума, чем учение низших небес, ибо в каждом небесах учение приурочено к постижению слушателей; сущность же всех учений есть признание Божественной человечности Господа.

О могуществе ангелов небесных

228. Что ангелы обладают силой, того не могут понять те, кто ничего не знает о духовном мире и его влиянии на мир природный. Они думают, что ангелы не могут быть одарены силой, потому что они существа духовные и столь чистые и тонкие, что даже не видимы для глаз, но проникающие глубже во внутренние причины вещей думают иначе: они знают, что вся сила, принадлежащая человеку, исходит от его разума и воли, потому что без того и другого он не может пошевелить ни малейшей частицей своего тела. Разум и воля составляют в нем того духовного человека, который по своему произволу движет телом и его членами, ибо что он мыслит, то язык и уста его произносят, что он хочет, то тело его исполняет, и даже по желанию своему он придает ему и силу. Воля и разум человека управляются Господом через ангелов и духов; а если разум и воля, то и все части его тела, ибо они зависят от разума и воли; и даже, если хотите этому верить, человек не может сделать ни одного шагу без небесного наития. Многократным образом мне было доказано это на деле. Ангелам дано было направлять мои шаги, действия, язык и речь, как им захочется; они это делали посредством наития или влияния на мою волю и мысль, и я испытал, что сам по себе я был бессилен. После того они мне сказали, что каждый человек управляется, или ведом свыше, таким же образом и что он сам может знать это из учения церкви и Слова, ибо он молит Господа, чтоб Он ниспослал ангелов своих руководить им, направлять стопы его, поучать его и внушать ему мысли и слова; меж тем этот же человек говорит и верит иначе, когда он, не придерживаясь учения, думает про себя. Все предыдущее сказано, чтобы показать, какова сила ангелов над человеком.

229. Сила ангелов в духовном мире так велика, что если б я стал передавать все, что я узнал о ней, то это превзошло бы всякую веру; если там противится что-нибудь такое, что несогласно с Божественным порядком и должно быть устранено, то они это осиливают и сокрушают одним движением воли и взглядом. Я видел, как горы, занятые злыми духами, были низвергнуты и раскинуты, а иногда потрясены из конца в конец, как бы землетрясением. Я также видел, как скалы распадались до самой бездны и поглощали злых духов, находившихся наверху; видел и то, как сотни тысяч их были ангелами рассеяны и брошены в ад. Многочисленность врагов бессильна против них, равно как и всякие уловки, хитрости и козни; они все видят и мгновенно разрушают. Такова сила ангелов в духовном мире; а что они при дозволении могут проявить такую же силу и в природном мире – это видно из Слова: мы читаем в нем, что они предавали смерти целые войска и что даже одного ангела было достаточно, чтоб навести чуму, от которой погибло семьдесят тысяч народа. Об этом ангеле сказано так: *И простер Ангел Божий руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но Господь пожалел о бедствии, и сказал Ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою* (2 Цар. 24. 16) и в других местах. Вследствие такого могущества своего ангелы называются силами, и у Давида сказано: *Благословите Господа, все Ангелы Его, крепкие силою* (Пс. 102. 20).

230. Должно, однако, знать, что у ангелов самих по себе нет нисколько силы, но что вся сила их от Господа и что только по мере этого сознания они могут называться силами. Тот из них, который думает, что он одарен силой сам по себе, немедленно становится столь слабым, что он не может устоять даже против одного злого духа; поэтому ангелы никакой заслуги не приписывают себе и не терпят похвалы или прославления за какой-нибудь свой поступок, а все это относят к Господу.

231. Вся сила на небесах принадлежит Божественной истине, исходящей от Господа, ибо Господь на небесах есть Божественная истина в соединении с Божественным благом (см. н. 26-140); насколько ангелы принимают ее, настолько они становятся силами. Даже каждый из них есть представитель своей истины и своего блага, ибо каждый таков, каковы его разум и воля, разум принадлежит истине, ибо все, что составляет его, относится к истине; воля же принадлежит благу, ибо все, что составляет ее, относится к благу: все, что человек понимает, называется им истиной, а все, чего ему хочется, называется им благом; вследствие чего каждый и есть представитель своей истины и своего блага. Таким образом, насколько ангел есть представитель истины, исходящей от Божественного начала, и представитель блага, исходящего от того же начала, настолько он есть сила, ибо настолько же Господь пребывает в нем. А так как ни один ангел не находится в совершенно подобном или одинаковом благе, ибо на небесах, как и на земле, разнообразие бесконечно (н. 20), то и ни один ангел не подобен в силе своей другому ангелу. Образующие область рук большого человека, или небес, обладают наибольшей силой, потому что жители этой области преимущественно перед другими находятся в истинах и на их истины благо влияет со всех небес. Так и в человеке: вся сила его переносится в руки, и через них тело проявляет всю силу свою; вот почему в Слове руки и длани означают силу. На небесах появляется иногда голая рука, сила которой столь громадна, что она могла бы сокрушить дотла все встречное на пути, хотя бы даже скалу на земле; однажды эта рука приблизилась ко мне, и я почувствовал, что она могла бы сокрушить кости мои в прах.

232. Выше было сказано (и. 137), что вся сила принадлежит Божественной истине, исходящей от Господа, и что насколько ангелы приемлют Божественную истину, от Господа исходящую, настолько они обладают и силой. Но ангелы становятся приемниками Божественной истины только по мере принятия ими Божественного блага, ибо вся сила истины исходит от блага и истина без блага бессильна; а, с другой стороны, вся сила блага проявляется через истину, и без нее благо бессильно: сила возникает только вследствие соединения блага и истины. Это же самое относится к вере и любви, потому что все равно сказать: вера или истина, ибо все при надлежащее к вере есть истина; и также все равно сказать: любовь или благо, ибо все принадлежащее к любви есть благо. Как велика сила, которой обладают ангелы посредством истины, исходящей от блага, стало мне ясно также из того, что всякий злой дух от одного только взгляда ангельского обмирает и уже почти не кажется человеком, оставаясь в этом положении, покуда ангел не спустит с него глаз, взор ангельский производит такое действие потому, что источник зрения ангельского есть небесный свет, а небесный свет есть небесная истина (см. н. 126–132). Глаза же сами по себе соответствуют истинам, исходящим от блага.

233. Если вся сила дана истине от блага, то следует, что нисколько нет силы во лжи от зла. В аду все живут во лжи по злу, почему они и бессильны перед истиной и благом; но какова их сила между собой и какова сила злых духов до низвержения их в ад, об этом будет сказано после.

О речи ангельской

234. Ангелы разговаривают между собой совершенно так, как и люди на земле, и, подобно им, беседуют о различных предметах, как-то: о делах домашних и гражданских, о том, что относится к их жизни нравственной и духовной и т. п. – с тем только различием, что они говорят умнее, чем люди, потому что мысль их течет от более внутреннего источника. Мне было часто дозволено находиться в их обществе и говорить с ними, иногда как другу с другом, а иногда как незнакомому с незнакомым; и так как я тогда находился в одинаковом с ними состоянии, то я был вполне уверен, что разговаривал с людьми на земле.

235. Речь ангельская, равно как и человеческая, состоит из слов и так же звучно произносится и слышится, ибо у ангелов, как и у людей, есть уста, язык и уши, есть и воздух, в кото-

ром звук их речи внятно раздаётся; но этот воздух духовный, приспособленный к ангелам как существам духовным: в этом воздухе своем ангелы дышат и посредством дыхания произносят слова точно так, как и люди в земном воздухе своем.

236. На всех небесах и для всех ангелов язык один; из какого бы общества они ни были, из близкого или из дальнего, они друг друга понимают; этому языку они не учатся, но он врожден каждому из них, ибо истекает прямо из их любви и мысли. Общий звук их речи соответствует их любви, а отдельные сочетания звуков, т. е. слова, соответствуют понятиям их мышления, основанным на их любви; а так как речь их соответствует чувству и мысли, то она духовна, ибо в сущности она не что иное, как чувство и мысль, облеченные в звук и слово. Кто внимательно размышляет, тот знает, что всякое мышление исходит от чувства любви и что отдельные мысли, или понятия мышления, суть разные образы, в которых проявляется общее чувство; ибо не может существовать ни мыслей, ни понятий без чувства: оно для них жизнь и душа. Вследствие этого ангелы по одной речи другого знают, каков он: по общему звуку узнают его чувства, а по отдельным звукам или словам узнают его ум; а более мудрые ангелы могут даже из нескольких слов узнать господствующее в ком-нибудь чувство, ибо они на него в особенности обращают внимание свое. Известное дело, что в каждом человеке любовь его или чувства различны: иное чувство овладевает им, когда он в радости, иное – когда он в горе, иное – когда он кроток или милостив, иное – когда он чистосердечен и правдив, иное – когда он в состоянии любви и благостыни, иное – когда он в состоянии ревности или гнева, иное – когда он притворен и лукав, иное – когда он ищет чести и славы и так далее; но господствующее чувство, или господствующая любовь, остается во всех этих состояниях одна и та же, вследствие чего более мудрые ангелы, постигающие качество любви этой по одной речи человека, узнают вместе с тем и все относящееся к его состоянию. По многим опытам мне дано было узнать, что это так. Я слышал, как ангелы избличали всю жизнь человека, только прислушиваясь к его речи; они даже уверяли меня, что могут из нескольких мыслей человека узнать все, относящееся к жизни его, ибо они через это узнают господствующую в нем любовь, в которой заключается по порядку и все прочее; при этом они сказали мне, что книга жизни человека есть ничто другое.

237. Язык ангельский не имеет ничего общего с человеческим земным, разве только в некоторых словах, в звуке которых слышится чувство; но и тут сходство не с самими словами, а только с их звуком, о чем впоследствии будет сказано подробнее. Что язык ангельский не имеет ничего общего с человеческим земным, это ясно из того, что ангелам невозможно произнести ни одного слова человеческой речи. Они пытались это сделать, но не смогли, ибо они могут произносить только то, что вполне согласно с их чувствами, а что несогласно, то противно самой жизни их: жизнь их есть жизнь их внутренних чувств (*affectionum*), и от них истекает и речь их. Мне было сказано, что первая человеческая речь на нашей земле походила на ангельскую, потому что люди заимствовали ее с небес, и что в еврейском языке сохранилось несколько такого сходства.

238. Если речь ангельская соответствует чувствам любви их и любовь небесная есть любовь к Господу и любовь к ближнему (см. н. 13–19), то понятно, сколь речь их изящна и приятна, ибо она поражает не только слух, но и всю внутренность духа (*mentis*) слушателей. Случилось ангелу говорить с каким-то жестокосердым духом; дух этот до того был тронут речью ангела, что стал плакать, говоря, что не может удержаться, ибо слышит речь самой любви, а что дотоле он никогда не плакал.

239. Речь ангельская полна также мудрости, потому что она истекает от внутреннего мышления ангелов, а их внутреннее мышление есть мудрость, как и внутреннее чувство их есть любовь. В речи их любовь и мудрость соединяются, вследствие чего речь их до того исполнена мудрости, что они могут в одном слове выразить то, чего человек не может в тысяче; не говоря уже о том, что мысль их обнимает такие предметы, которых человек не может ни понять, ни выразить в словах. Вот почему все виденное и слышанное на небесах называется

неизреченным, чего никогда ухо не слыхало и глаз не видал (2 Кор. 12. 4; 1 Кор. 2. 9). Мне даже дано было по опыту узнать, что это так. Я был иногда приводим в состояние, свойственное ангелам, и в этом состоянии, разговаривая с ними, я все понимал; но когда я возвращался к прежнему своему состоянию, т. е. к природному, обычному для человека мышлению, и хотел собрать в уме все слышанное мною, то не мог этого сделать; ибо тут были тысячи вещей, не подходящих к понятиям природного мышления и, следовательно, не выразимых: их бы можно было передать только посредством разноцветных переливов небесного света, но нисколько не словами человеческой речи. Понятия ангельского мышления (*ideae cogitationis*), из которых рождаются слова их, действительно являются видоизменениями небесного света, а чувства их, от которых происходят звуки слов, видоизменениями небесного тепла; ибо небесный свет есть небесная истина, или мудрость, а небесное тепло есть небесное благо, или любовь (см. н. 126–140). Ангелы получают чувства свои от Божественной любви, а мышление свое – от Божественной мудрости.

240. Если речь ангельская истекает непосредственно из их чувств – так как понятия мышления суть разные образы, в которых проявляется общее чувство (см. н. 236), – то ангелы могут в одно мгновение выразить то, чего человек не может передать в полчаса, и в нескольких словах могут изложить то, что едва упишется на многих страницах; все это также было доказано мне многочисленным опытом. Понятия ангельского мышления и слова речи их составляют одно целое, как действующая причина и последствие; что в понятиях мышления (*in ideis cogitationis*) составляет причину, то в словах является как последствие; вот почему в каждом слове их заключается так много смысла. Все частности ангельского мышления, а потому и все частности ангельской речи, когда представляются зрению, кажутся иногда как бы тонкими, вокруг растекающимися струйками или волнами воздуха, заключающими в себе по порядку бесчисленное множество предметов, которые, исходя от мудрости ангелов, поражают мысли другого и проникают их. Понятия мышления каждого, будь он ангел или человек, становятся видимы в свете небесном, когда это угодно Господу.

241. Ангелы небесного царства Господня говорят таким же образом, как и ангелы духовного царства, но ангелы небесного царства говорят от более внутреннего мышления, чем ангелы духовного царства; а как небесные ангелы пребывают во благе любви к Господу, то они и выражаются по мудрости, ангелы же духовные, как живущие в добре к ближнему (добро, которое в сущности есть истина, – см. н. 215), выражаются по разумению; ибо от блага происходит мудрость, а от истины разумение. Вследствие этого речь ангелов небесных подобна тихому течению, мягка и как бы непрерывна, а речь духовных ангелов несколько дрожаща и отрывиста; поэтому также в речи небесных ангелов часто звучат гласные У и О, а в речи духовных ангелов – гласные Е и И: гласные заменяют звук, а в звуке выражается чувство, ибо, как было сказано выше (н. 236), общий звук ангельской речи соответствует чувству, а членораздельные звуки, т. е. слова, соответствуют понятиям мышления, от чувства происходящим. Гласные не принадлежат языку, но ими как звуками слова возвышаются для выражения различных чувств смотря по состоянию каждого; вот почему на еврейском языке гласные не пишутся и произносятся различно: через это самое ангелы узнают, каков человек относительно чувств своих и любви. В речи небесных ангелов нет жестких согласных, и она редко переходит от одной согласной к другой без вставки слога, начинающегося гласной; вот почему в Слове так часто встречается частица и, как это известно читающим его на еврейском языке, на котором частица эта произносится мягко и звучит в начале и в конце слова. В Слове Божиим, писанном по-еврейски, можно даже узнать, какие слова в нем принадлежат к разряду небесных и какие к духовным, т. е. заключают ли они в себе понятие о добре или понятие об истине; слова, относящиеся к понятиям о добре, заключают в себе много звуков на У и О и несколько на Л, а относящиеся к понятиям об истине полны звуков на Е и И. Так как чувства всего более проявляются в звуках, то и в человеческой речи, когда говорится о предметах высоких, как-то о небесах и о Боге,

предпочитают слова, в которых преобладают звуки О и У. Так точно и в музыке: предмет высокий выражается звуками торжественными, а когда предмет обыкновенный, то и звуки другие; вот почему разного рода чувства могут быть выражены посредством музыки.

242. В ангельской речи есть какая-то согласность (гармония, *concentus*), которую невозможно передать словами. Эта согласность происходит оттого, что мысли и чувства, из которых слагается эта речь, растекаются и распространяются согласно небесному образу; а согласно с образом этим устроены все ангельские общества и все между ними сообщения. Что ангелы живут в сообществе согласно небесному образу и что их мысли и чувства распространяются согласно этому образу, – см. выше н. 200–212.

243. Речь, свойственная жителям духовного мира, врождена каждому человеку, но только она находится во внутренней части его разума; а как речь эта не проявляется у него в словах согласно с чувствами его, как у ангелов, то человек и не знает, что она ему свойственна. Тем не менее вот почему человек, приходя в ту жизнь, говорит на одном языке с духами и ангелами и понимает его, не учась ему. Впоследствии об этом будет сказано подробнее.

244. Как сказано выше, речь на небесах одна для всех, но она разнится в том, что речь мудрых ангелов внутренняя и полная разнообразных чувств и понятий мышления, меж тем как речь менее мудрых более внешняя и не столь полная; а речь простых еще более внешняя и потому состоит из слов, из которых нужно слагать смысл таким же образом, как и в разговоре людей между собой. Там есть и такого рода речь, которая передается посредством лица (*facies*) и оканчивается чем-то звучным, с разными изменениями смотря по мыслям; есть и такая речь, в которой небесные изображения представляются вместе с мыслями, или, другими словами, речь, в которой мысли видимо представляются; есть даже речь, передаваемая посредством телодвижений, соответствующих душевным чувствам и изображающих такие же вещи, как и слова; есть еще род речи посредством общих начал любви (*affectionum*) и общих начал мысли; есть речь как бы гремящая и много других.

245. Речь злых и адских духов точно так же духовна, ибо она исходит от чувств любви их, но только от чувств злых и происходящих оттоле понятий нечистых, которые для ангелов крайне противны. Таким образом, разного рода речь адская противоположна разного рода речи небесной; вследствие этого злые духи не могут выносить ангельской речи, а ангелы – адской: для них адская речь подобна зловонию, поражающему обоняние. Речь лицемеров, т. е. таких людей, которые могут притворяться ангелами света, подобна относительно слов ангельской речи, но относительно чувств любви и происходящих оттоле понятий мышления совершенно ей противоположна; вот почему и речь их, когда внутреннее качество ее узнается мудрыми ангелами, слышится как скрежет зубов и наводит ужас.

О разговоре ангелов с человеком

246. Ангелы, беседуя с человеком, не говорят с ним по-своему, а на его природном или известных ему языках и никогда не говорят с ним на языке, ему неизвестном. Это происходит оттого, что ангелы в разговоре с человеком обращаются к нему и соединяются с ним; от такого соединения обе стороны мыслят одинаково. А как мысль человека нераздельна от его памяти и речь его истекает от нее, то обе стороны и говорят на одном и том же языке. Кроме того, когда ангел или дух сходит к человеку и, обращаясь к нему, соединяется с ним, он вселяется в память его и при этом почти вполне убежден, что сам знает все, что знает тот человек, не исключая и языков. Беседуя об этом предмете с ангелами, я спросил их, не кажется ли им, будто *они сами* говорят со мной на моем родном языке, тогда как на деле не они со мной, а я с ними говорил, ибо сами ангелы не могут произнести ни одного слова человеческой речи (н. 237): человеческая речь природна, а они существа духовные, духовное же существо не может произнести ничего природного. На это они мне отвечали, что им известно, что такое соедине-

ние их с человеком при разговоре с ним совершается с его духовной мыслью; но как эта мысль влияет на его природную мысль, которая нераздельна от его памяти, то человеческая речь им и кажется своей собственной, вместе со всей его наукой; и что это делается по соизволению Господню с той целью, чтобы небеса присоединялись и как бы прививались к человеку; но что в настоящее время состояние человека уже изменилось, такого соединения с ангелами более не существует, а продолжается оно только с другими духами, не находящимися на небесах. Я говорил об этом и с духами, но они не хотели верить, что в этом случае говорил сам человек, и были уверены, что они сами говорят в нем; что не человек знает то, что он думает знать, а они, и что, таким образом, все, что знает человек, приходит от них; я несколько раз пытался разубедить их, но тщетно. Кто здесь разумеется под именем духов и кто под именем ангелов, будет сказано впоследствии, в разделе о мире духов.

247. Если ангелы и духи соединяются с человеком так тесно, что принадлежащее ему считают за свое собственное, то это происходит еще оттого, что мир духовный и мир природный до того соединены в человеке, что они сливаются в нем как бы в одно; но так как человек отпал от небес, то Господом было предусмотрено, чтоб ангелы и духи находились при каждом человеке и чтоб через их посредство человек управлялся Господом; вот почему эта связь между ними так тесна. Было бы иначе, если б человек не отпал от небес; он управлялся бы тогда Господом посредством общего небесного наития, без особенного присоединения к нему ангелов и духов. Но об этом будет сказано подробнее впоследствии, когда будет говориться о соединении небес с человеком.

248. Речь ангела или духа, обращенная к человеку, слышится им столь же звучно, как и речь людская, с той разницей, что никто из посторонних не слышит ее, а только он один. Это происходит оттого, что речь ангела или духа отражается сперва в мысли человека, а затем уже, внутренним путем, в его орудии слуха, на которое она, таким образом, действует изнутри; меж тем как речь человека с человеком отражается сперва в воздухе, а затем, внешним путем, в его орудии слуха, и, таким образом, действует на него извне. Что речь ангела или духа доходит до уха внутренним путем, стало для меня ясным также из того, что влияние ее отражалось даже на моем языке и приводило его в такое содрогание, которое, однако же, не переходило в то движение, которым человек обращает звук речи в слово.

249. Ныне редко дозволяется говорить с духами, потому что это опасно, ибо тогда духи знают, что они находятся в человеке, а когда они не говорят с ним, то они этого не знают; злые же духи таковы, что питают к человеку смертельную ненависть и ничего большего не желают, как погубить его с телом и душой, что и удается им над теми, которые до того увлекаются фантазиями, что лишают себя удовольствий, свойственных природному человеку. Люди, ведущие уединенную жизнь, слышат иногда, и без опасности, духов, разговаривающих с ними; но эти духи от времени до времени удаляются Господом от человека, чтобы они не знали, что находятся у него; ибо духи большей частью не знают, что кроме того мира, в котором они живут, есть еще другой, а следовательно, что есть еще и люди где-нибудь. Вот почему человеку запрещено разговаривать с ними; в противном случае они бы это узнали. Люди, которые много думают о предметах веры и до того ими постоянно заняты, что как будто видят их внутри самих себя, также начинают слышать духов, разговаривающих с ними; ибо мысли о вере (*religiosa*) таковы, что когда человек постоянно предается им, не разнообразя их другими земными занятиями, то мысли эти проникают в его внутренность, поселяются там и овладевают всем духом человека; затем проникают в духовный мир и действуют на духов. Такие люди – духовидцы и исступленники (*visionarii et enthusiastici*), принимающие всякого духа, который говорит с ними, за Святого Духа, меж тем как это только какой-нибудь восторженный дух. Такого рода духи, принимая ложь вместо истины, убеждают себя в том, что эта ложь есть истина, и такое убеждение передают тем, которые, сообщаясь с ними, подпадают под их влияние; а как эти духи стали тем же путем внушать зло и люди стали их слушаться, то они были постепенно

удалены. Восторженные духи отличаются от других тем убеждением, что они сами Святой Дух и что все их изречения Божественны; эти духи не вредят человеку, потому что он оказывает им Божественное почитание. Я даже иногда говорил с этого рода духами, и тогда открылась мне вся мера нечестия, внушаемого ими своим почитателям; они живут вместе с левой стороны, в пустыне.

250. Говорить с небесными ангелами дозволяется только тем, которые пребывают в истине по благу, преимущественно же тем, которые признают Господа и Божественное начало Его человечности, потому что на этой истине зиждутся небеса. Ибо, как было сказано выше. Господь есть Бог небес (н. 2–6); Божественное начало Господа на небесах есть любовь к Нему и от Него исходящее начало любви к ближнему (*charitatis*) (н. 13–19); все небеса в совокупности изображают одного человека; так же и каждое небесное общество и каждый ангел вследствие Божественной человечности Господа представляются в совершенном человеческом образе (и. 59–86). Из этого ясно, что разговаривать с небесными ангелами дано только тем, у кого внутреннее начала через истины Божественные отверзты к самому Господу, ибо Господь наитствует на внутренние в человеке начала, а вместе с Господом наитствуют и все небеса. Божественные истины потому раскрывают внутренние начала человека, что человек относительно своего внутреннего человека есть образ небесный, а относительно своего внешнего человека – образ мира (н. 57); внутренний же человек не раскрывается иначе как Божественной истиной, исходящей от Господа, ибо эта самая истина есть свет и жизнь небес (н. 126–140).

251. Человек принимает наитие самого Господа челом и затем уже всем лицом, потому что чело человека соответствует любви, а лицо – всем внутренним началам его. Наитие духовных ангелов человек принимает головой со всех сторон, начиная от лба и висков, на все те части, под которыми находится *мозг*, потому что эта часть головы соответствует разумению. Наитие небесных ангелов человек принимает той частью головы, под которой находится *мозжечок* и которую называют затылком, т. е. позади ушей, отовсюду, до начала шеи, потому что эта часть соответствует мудрости. Всякий разговор ангелов с человеком проникает в мысли его этими путями; замечая это, я узнавал, какого рода ангелы разговаривали со мной.

252. Люди, разговаривающие с небесными ангелами, видят и все, что есть на небесах, посредством небесного света, в котором находятся их внутренние начала. Таким же образом и ангелы видят через этих людей то, что есть на земле, потому что в этих людях небеса соединены с миром и мир соединен с небесами (н. 246). Ибо, как было сказано выше, когда ангелы обращаются к человеку, они соединяются с ним до полного убеждения, что все принадлежащее человеку принадлежит им, и не только все относящееся к его речи, но и все относящееся к его слуху и зрению; а с другой стороны, и сам человек убежден, что все полученное им по наитию от ангелов есть его собственное. Таково было соединение небесных ангелов с древнейшими жителями нашей земли; посему и времена те названы были золотым веком. Так как эти люди признавали Божественное начало в человеческом образе и, следовательно, признавали Господа, то они разговаривали с небесными ангелами как с подобными себе, и в свою очередь небесные ангелы разговаривали с ними как со своими; таким образом, в тех и других небеса и мир составляли одно. Но после этого времени человек постепенно удалялся от небес, начав любить себя более Господа и мир более небес; вследствие этого он начал познавать удовольствия любви к себе и к миру отдельно от небесных, и наконец раздел этот дошел до того, что человек перестал знать об ином удовольствии. Тогда внутренние начала его, которые были открыты к небесам, закрылись, а открылись к миру его внешние начала. В этом состоянии человек находится в свете относительно всего мирского и во тьме относительно всего небесного.

253. После того редко случалось кому разговаривать с небесными ангелами, но было несколько людей, которые говорили с духами, не находящимися на небесах, ибо внутренние и внешние начала в человеке таковы, что они обращены или к Господу как их общему средото-

чию (н. 124), или к самому человеку, т. е. в противоположную от Господа сторону. Внутренние, к Господу обращенные начала обращены и к небесам, а обращенные к самому человеку обращены и к миру; в последнем случае им трудно возвыситься; однако Господь по возможности возвышает их, обращая к тому любовь человека, что совершается через истины Слова.

254. Мне дано было узнать, каким образом Господь говорил с пророками, посредством которых было написано Слово. Он не говорил с ними как с древними жителями нашей земли, т. е. наитием в их внутренние начала, но посредством посланных к ним духов, которых Он исполнял своего присутствия и которым Он таким образом внушал слова, переданные ими пророкам, следовательно, это было внушение (*dictamen*), а не наитие; а как слова исходили непосредственно от Господа, то они все исполнились Божественного начала и заключают в себе внутренний смысл, который таков, что небесные ангелы постигают эти слова в небесном и духовном их смысле, а люди – в природном; таким образом. Господь посредством Слова соединил небеса и мир. Мне было также показано, каким образом духи от присутствия Господня исполняются Божественного начала: дух, которого Господь исполнил им, убежден, что он сам Господь и что все слова его Божественны, и это продолжается, покуда он не выскажет всего, что ему следует сказать; после же того он замечает и сознает, что он дух и что он говорил не от себя, а от Господа. Вследствие такого состояния духов, говоривших с пророками, мы встречаем у них выражение: Господь сказал; и даже духи самих себя называли Господом, как это видно не только в пророческих, но и в исторических книгах Слова.

255. Для полнейшего разумения, каким образом совершается соединение ангелов и духов с человеком, мне дозволено передать о том несколько замечательных подробностей, которыми предмет этот может еще более поясняться. Когда ангелы обращаются к человеку, они убеждены, что речь этого человека есть их собственная и что другой у них нет: это происходит оттого, что они тогда знают и употребляют речь человека, а не свою, о которой и не помнят; но, как только они отходят от человека, они возвращаются к своей духовной речи и ничего не знают о человеческой. То же самое было и со мной, когда я находился в обществе ангелов и в одинаковом с ними состоянии: я также говорил с ними их речью и ничего не знал о своей, о которой даже и не помнил; но, как только я переставал быть в их обществе, я возвращался к своей речи. Должно еще заметить, что когда духи или ангелы обращаются к человеку, то они могут говорить с ним издали так же звучно, как и вблизи; но когда они отворачиваются от человека и говорят между собой, тогда он ничего не слышит из их речи, хотя бы разговор их происходил подле самого его уха. Из этого мне стало ясно, что всякое соединение в духовном мире зависит от взаимного обращения сторон. Также достойно замечания, что несколько духов вместе могут говорить с человеком и человек с ними; для этого они посылают от себя какого-нибудь духа к тому человеку, с которым они хотят говорить; посланный дух обращается к этому человеку, а остальные духи к посланному, сосредоточивая в нем все те мысли, которые он должен передать; в это время дух этот убежден, что он сам говорит, а с другой стороны, и остальные духи убеждены в том же самом; таким образом, соединение одного духа с несколькими совершается также посредством взаимного обращения сторон. Но впоследствии будет сказано с большей подробностью об этих духах и о тех сообщениях, которые посредством их совершаются.

256. Ни одному ангелу и ни одному духу не позволяется говорить с человеком по своей памяти, но только по памяти самого человека. Ангелы и духи, подобно человеку, одарены памятью, но если б дух стал говорить с человеком по своей памяти, то человек все мысли свои в этом состоянии непременно отнес бы к себе, меж тем как они принадлежат духу: это как бы воспоминание о вещи, которой, однако, человек никогда не слышал и не видал; мне дано было узнать по опыту, что это так. Вследствие этого составилось у некоторых людей в древности то понятие, что после нескольких тысяч лет они возвратятся к своей прежней жизни и ко всем ее деяниям, а у иных – что они уже действительно возвратились; они вывели это заключение

из того, что им иногда случалось как бы вспомнить о вещах, которых они, однако, никогда не слыхали и не видали; это происходило именно вследствие влияния духов из собственной их памяти на мысли этих людей.

257. Есть также духи, которые называются природными и плотскими. Когда эти духи приходят к человеку, они не соединяются с его мыслью, как Другие духи, но они входят в его тело, овладевают всеми его чувствами, говорят его устами и действуют его членами в полном убеждении, что все принадлежащее человеку есть их собственное. Это те духи, которыми человек бывает одержим, но Господь, повергнув их в ад, совершенно их отдалил, вследствие чего и одержимых в настоящее время не бывает.

О небесном письме

258. Так как у ангелов есть речь и речь их есть речь словесная, то у них есть и письмо, посредством которого они точно так же, как и речью, выражают свои душевные чувства. Мне случалось получать бумаги кругом исписанные, из которых иные совершенно походили на писанные рукой, а другие на печатные, как на земле; и я точно так же мог читать их, но только не мог извлечь из них более одной мысли или двух по той причине, что противно Божественному порядку поучаться о небесах из других писаний, кроме Слова; ибо только посредством его одного совершается общение и соединение небес с миром и, следовательно, Господа с человеком. Что бумаги, писанные на небесах, являлись и пророкам, это видно у Иезекииля: *И увидел я, и вот, рука простерта ко мне, и вот, в ней книжный свиток. И Он развернул его передо мною, и вот, свиток исписан был внутри и снаружи (2. 9, 10).* И у Иоанна: *И видел я в деснице, у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями (Откр. 5. 1).*

259. Небесное письмо было предусмотрено Господом ради Слова. Слово в сущности своей есть Божественная истина, от которой истекает вся небесная мудрость как для ангелов, так и для людей, ибо оно было писано по внушению Господа (*dictatum a Domino*); а внушаемое Господом проходит по порядку все небеса и оканчивается в человеке. Вследствие этого Слово приспособлено как к мудрости ангельской, так и к разумению человеческого, поэтому оно есть и у ангелов, и они читают его, как люди на земле; из него они черпают свои правила учения, и оно же служит им основанием для проповедей. Слово у них то же самое, что и у нас, но только природный смысл его, т. е. здешний буквальный, не существует на небесах, а заменен духовным, т. е. внутренним его смыслом (см. сочинение *О белом коне Апокалипсиса*).

260. Однажды я получил с небес бумажку, на которой было написано только несколько слов еврейскими буквами; при этом мне было сказано, что каждая буква полна тайн премудрости и что тайны эти заключаются в изгибах и наклонениях букв и также в звуках их; из этого мне стало ясно, что значат слова Господа: *Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона (Мат. 5. 18).* Что Слово Божественно до малейшей черточки, это известно и церкви, но в чем именно заключается эта Божественность – доселе было неизвестно и потому теперь будет объяснено. В самых внутренних небесах письмо состоит из различного рода изогнутых и кругловатых черточек; те и другие расположены по образу небес; посредством их ангелы выражают тайны своей мудрости и многое другое, что словами передать невозможно. Удивительно при этом, что ангелы знают это письмо без учения и преподавания, оно им врождено, как и сама речь (см. н. 236); вот почему письмо это и называется небесным; врождено же оно им потому, что всякое распространение мыслей и чувств, а затем и всякое общение разумения и мудрости ангельской совершается по небесному образу (н. 201), вследствие чего и письмо их согласно с этим образом. Мне было сказано, что у древнейших жителей нашей земли такого рода письмо существовало до изобретения букв и было перенесено в буквы еврейского языка, которые в древнее время были все

округлые (*inflexae*) и ни одна из них не писалась углом, как теперь. Вот почему в Слове, даже в самих йотах, черточках и кавычках его, заключаются Божественные вещи и небесные тайны.

261. Такого рода письмо из небеснообразных начертаний употребляется в самых внутренних небесах, жители которых более других пребывают в мудрости; этими начертаниями они выражают чувства, из которых мысли их истекают и следуют по порядку одна за другой смотря по предмету, о котором идет речь; вот почему это письмо заключает в себе тайны для мысли неисчерпаемые; мне и его дано было видеть. В низших небесах такого рода письма не существует; письмо этих небес походит на буквы нашего письма, но все-таки оно непонятно человеку, потому что оно писано на ангельском языке, который не имеет ничего общего с человеческим (см. н. 237); и подлинно: гласными буквами небесные ангелы выражают чувства свои, согласными – понятия мышления, от чувств происходящие, а словами, из тех и других букв составленными, – самый смысл вещи (см. н. 236, 241); это письмо содержит в нескольких словах более, чем возможно человеку написать на нескольких страницах, и я видел его. Такого рода письмом написано Слово у ангелов низших небес, в самых же внутренних небесах оно написано небеснообразными начертаниями.

262. Достойно замечания, что письмо на небесах вытекает из самых мыслей ангелов естественно и с такой легкостью, как если бы мысль сама ложилась на бумагу; рука их не останавливается за выбором какого-нибудь слова, потому что слова их, когда говорят они или пишут, одинаково соответствуют понятиям мысли их, а всякое соответствие само по себе естественно и произвольно. На небесах есть также письмо, которое пишется без пособия руки, по одному соответствию мыслей, но это письмо не остается навсегда.

263. Я видел еще такого рода небесное письмо, которое состоит из одних цифр, расположенных по порядку, совершенно как в письме, состоящем из букв и слов; мне было сказано, что это письмо исходит от самых внутренних небес и что вышеупомянутое небесное письмо (н. 236, 241) принимает вид цифр у ангелов низших небес, когда какая-нибудь мысль, истекающая из того письма, доходит до них. Мне было сказано, что и это цифирное письмо заключает в себе тайны, из которых некоторые не могут быть ни схвачены мыслью, ни выражены словами, ибо все цифры чему-либо соответствуют и, подобно словам, имеют значение, с той разницей, однако, что цифры заключают в себе общие понятия, а слова – частные; а как одно общее понятие заключает в себе бесчисленное множество частных, то цифирное письмо заключает в себе гораздо более тайн, чем буквенное. Из этого мне стало ясно, что числа в Слове имеют свое значение точно так же, как и слова (значение простых, как-то: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12; сложных, как-то: 20, 30, 50, 70, 100, 144, 1000, 10000, 12000 и многих других можно видеть в сочинении Тайны небесные, в котором было об этом сказано). В этого рода письме на небесах всегда ставят прежде число, от которого все, следующие за ним по порядку, зависят как от своего подлежащего, потому что это число как бы заглавие того предмета, о котором идет речь, и уже по этому числу распределяются все следующие за ним смотря по частному значению каждого.

264. Люди, которые ничего не знают про небеса и которые не хотят составить себе о них другого понятия, как о чистом воздухе, в котором носятся ангелы, как отвлеченные умы (*mentes intellectuales*) без слуха и зрения, не могут себе представить, чтоб у них могли быть речь и письмо; эти люди допускают действительное бытие в одном только вещественном мире, меж тем как все, что есть на небесах, существует в действительности точно так, как и на земле, и у ангелов этих небес есть все потребное для их жизни и мудрости.

О мудрости небесных ангелов

265. Трудно понять, какова мудрость небесных ангелов; она до того превосходит человеческую, что между ними не может быть и сравнения, а мудрость, превосходящая нашу муд-

рость, кажется нам вовсе невозможной. Чтоб описать ее, необходимо привести некоторые истины, покуда неизвестные, а все неизвестное является в разуме как бы тенью, которая не позволяет видеть предмет, каким он есть сам по себе. Но эти истины, однако, могут быть узнаны и, при познании их, поняты, лишь бы ум наслаждался ими, ибо наслаждение, исходя от любви, вносит с собой и свет, а свет этот, озаряя людей, которые любят предметы, относящиеся к Божественной и небесной мудрости, светит им с небес.

266. Какова мудрость ангелов, можно заключить из того, что они живут в небесном свете, а небесный свет в сущности своей есть Божественная истина, или Божественная мудрость, и свет этот в одно и то же время освещает и внутреннее зрение ума (*mentis*), и внешнее зрение глаза (что небесный свет есть Божественная мудрость, или Божественная истина, – см. н. 126–133); к тому же ангелы пребывают и в небесном тепле, которое в сущности своей есть Божественное благо, или Божественная любовь, от которой рождается в ангелах желание быть мудрыми (что небесное тепло есть Божественное благо, или Божественная любовь, – см. н. 133–140). Что ангелы одарены мудростью в такой степени, что могут быть названы олицетворениями мудрости, можно заключить из того, что все их мысли и все их чувства текут согласно небесному образу, который есть образ небесной мудрости; и еще из того, что их внутренние, мудрость приемлющие начала составлены по этому же образу (что мысли и чувства ангелов, а затем разум и мудрость их текут согласно небесному образу – см. н. 201–212). Что ангелы одарены превосходящей нас мудростью, можно видеть также из того, что их речь есть речь мудрости, ибо она непосредственно и сама собой вытекает из мысли их, а мысль их – из чувства любви, так что речь их есть внешний образ мысли и любви. Вот почему отсутствие всего внешнего, отражающегося в речи человеческой от влияния посторонних мыслей, дает ангелам возможность нисколько не отвлекаться от Божественного наития (что речь ангелов есть речь их мыслей и чувств – см. н. 234–245). Превосходству мудрости ангелов содействует и то, что все предметы, которые они видят глазами и постигают внешними чувствами, согласуются с их мудростью, ибо предметы эти суть соответствия и, следовательно, внешние изображения всего относящегося к их мудрости (что все предметы, являющиеся на небесах, суть соответствия внутренних начал ангелов и внешние изображения их мудрости – см. н. 170–182). Кроме того, мысли ангельские не ограничены и не стеснены, подобно мысли человека, понятиями о времени и пространстве; пространство и время принадлежат природе, а природное отвлекает ум от предметов духовных и лишает зрение разума своей обширности (что понятия ангелов отрешены от времени и пространства и, следовательно, в сравнении с человеческими бесконечны – см. н. 162–169 и 191–199). Прибавим к этому, что мысли ангелов не обращаются более к земному и вещественному и не прерываются никакими заботами о житейских нуждах; следовательно, эти предметы не отвлекают их от удовольствий мудрости, как это бывает с мыслями людей на земле; ангелы все получают от Господа даром: одеяния – даром, помещение – даром (н. 181, 190); и, сверх того, им даруются удовольствия и радости по мере принятия ими мудрости Господа. Все это было сказано, чтоб было известно, откуда у ангелов столь высокая мудрость.

267. Ангелы потому могут вмещать столь великую мудрость, что внутренние начала их раскрыты и что мудрость, как и всякое совершенство, растет, направляясь внутрь и, следовательно, по мере раскрытия внутренних начал. У каждого ангела есть три степени жизни, которые соответствуют трем небесам (см. н. 29–40): те, у которых открыта первая степень, находятся в первых, или последних, небесах; те, у которых открыта третья степень, находятся в третьих, или самых внутренних, небесах. Мудрость ангелов небесных соответствует этим степеням, поэтому мудрость ангелов самых внутренних небес непомерно превосходит мудрость ангелов последних небес (см. н. 209, 210); какие это степени – см. н. 38. Эта разница происходит от того, что мудрость высших степеней заключает в себе частности понятий, а мудрость низших степеней – общие начала, в которых частности содержатся; частности относятся

к общим началам как тысячи или мириады к единице; вот в каком отношении находится мудрость ангелов высших небес к мудрости ангелов низших небес. Но тем не менее мудрость ангелов низших небес превосходит в такой же степени мудрость человека, ибо человек находится в плоти и ее чувственных началах, а плотское чувственное начало человека принадлежит самой низшей степени. Из этого видно, какова мудрость тех, которые мыслят по чувственным началам, или людей, называемых чувственными: в них нет нисколько мудрости, а одна только наука; но этого нельзя сказать о тех людях, чьи мысли поднялись выше чувственного, или чьи внутренние начала открыты небесному свету.

268. Как велика мудрость ангелов, можно судить также из того, что на небесах все взаимно сообщается; разумение и мудрость одного сообщаются другому. Небеса полны общения всех благ, ибо небесная любовь такова, что всякий хочет, чтобы принадлежащее ему принадлежало и другому; вследствие этого никто на небесах не считает свое благо за подлинное или настоящее, если оно в то же время не находится и в другом; вот от чего происходит и небесное блаженство. Это свойство взаимного общения принадлежит ангелам от Господа, по свойству его Божественной любви. Мне дано было узнать по опыту о существовании такого общения на небесах: несколько простых духов были однажды взяты на небеса; вошедши туда, они усвоили себе и мудрость ангельскую, стали понимать то, чего прежде не понимали, и говорить то, чего в прежнем своем состоянии не могли бы высказать.

269. Невозможно передать на словах, какова мудрость ангелов, но можно только пояснить этот предмет посредством нескольких общих положений: ангелы могут выразить одним словом то, чего человек не может выразить тысячью; сверх того, в каждом ангельском слове есть бесчисленное множество вещей, которые не могут быть выражены словами человеческого языка, ибо в каждом ангельском слове содержатся в непрерывной связи тайны мудрости, которых человеческая наука никогда не достигает. То, чего ангелы не высказывают вполне словами своей речи, они дополняют звуком, которому присущи чувства, относящиеся к предметам речи. Как было сказано выше (н. 236, 241), ангелы выражают чувства любви своей посредством звуков, а понятия мысли, от любви происходящей, посредством слов; потому и слышанное на небесах называется несказанным. Таким же образом ангелы могут в немногих словах передать все, что написано в целой книге, и придать каждому слову смысл, возвышающий его до внутренней мудрости, ибо речь их такова, что каждый звук ее согласуется с чувствами, а каждое слово с мыслью; и сами слова их бесконечно разнообразятся смотря по порядку предметов, совокупно содержащихся в мысли. Ангелы внутренних небес могут также по звуку и несколькими словам говорящего узнать всю его жизнь, потому что в разнообразных с мыслями согласных звуках слов они постигают господствующую в человеке любовь, в которой как бы начертаны все частности его жизни. Из этого видно, какова мудрость ангелов: она в сравнении с человеческой как мириада с единицей, или как двигательные бесчисленные силы всего тела в сравнении с происходящим от них движением, которое на вид представляется единичным, или как тысячи подробностей предмета под отличным микроскопом в сравнении с целым предметом, едва видимым для простого глаза. Мне бы хотелось пояснить это еще одним примером. Ангел стал по степени мудрости своей описывать возрождение, он представил по порядку до сотни тайн, относящихся к этому предмету, и каждую тайну он исполнил понятий, в которых были еще более внутренние тайны; и он сделал это от начала до конца, изложив, каким образом духовный человек снова зачинается, как бы носится в утробе, рождается, растет и постепенно совершается. Ангел говорил, что он мог бы увеличить еще многими тысячами число этих тайн, что сказанное им относилось только к внешнему человеку, а что тайны, относящиеся к возрождению внутреннего человека, гораздо многочисленнее. Из этого и другого тому подобного, что я слышал от ангелов, мне стало ясно, как велика их мудрость и как велико в сравнении с ней невежество человека, который едва знает, что такое возрождение, и не замечает ни одной ступени его, покуда оно совершается в нем.

270. Теперь скажу несколько слов о мудрости ангелов третьих, или самых внутренних, небес и покажу, насколько она превосходит мудрость ангелов первых, или последних, небес. Мудрость ангелов третьих, или самых внутренних, небес непостижима даже для жителей последних небес, потому что внутренние начала ангелов третьих небес раскрыты в третьей степени, а внутренние начала ангелов первых небес – только в первой: всякая же мудрость растет, восходя к внутренним началам, и совершенствуется смотря по степени, в которой они открыты (см. н. 208, 267). Вследствие того что внутренние начала ангелов третьих, или самых внутренних, небес раскрыты в третьей степени, Божественные истины как бы начертаны в них, ибо внутренние начала третьей степени более, чем те же начала второй или первой степени, устроены согласно небесному образу; образ же этот устроен по Божественной истине, а следовательно, Божественной премудростью. Вследствие этого и Божественные истины кажутся этим ангелам как бы начертанными в них или как бы им врожденными и присущими, а потому, как только эти ангелы слышат подлинные Божественные истины, они тотчас признают и постигают их и затем как бы видят их внутри самих себя. Будучи такими, ангелы этих небес никогда не рассуждают о Божественных истинах и еще менее спорят о какой-либо истине, чтоб дознаться, истина ли это или нет. Равно им неизвестно, что такое значит верить чему или иметь веру во что. Что такое вера, говорят они, когда я постигаю и вижу, что это так? Они для пояснения уподобляют это тому, как если бы кто, видя дом и все принадлежности его внутри и снаружи, стал говорить своему товарищу, чтоб он верил в существование этих предметов и что они именно таковы, какими он их видит; или если б кто, видя сад, его деревья и плоды, стал говорить своему товарищу, чтоб он верил, что это сад, деревья и плоды, когда он и сам ясно видит это своими глазами. Вот почему ангелы эти никогда не упоминают о вере и не имеют о ней никакого понятия; по этой же причине они никогда не рассуждают о Божественных истинах и еще менее спорят о какой-нибудь истине, чтоб узнать, так это или нет. Но у ангелов низших, или первых, небес Божественные истины не начертаны в их внутренних началах таким же образом, потому что у них раскрыта только первая степень жизни, вследствие чего они рассуждают об этих истинах, а те, что рассуждают, едва видят что-нибудь далее того предмета, о котором судят, или переходят за пределы предмета только для того, чтоб подтвердить его чем-нибудь и, подтвердив, говорить, что он действительно относится к вере или что этому следует верить.

Обо всем этом я говорил с ангелами, и они сказали мне, что между мудростью ангелов третьих небес и мудростью ангелов первых небес такая же разница, как между светом и тьмой; они даже сравнивают мудрость ангелов третьих небес с великолепным дворцом, который, стоя среди обширного сада, снабжен всем необходимым для жизни и окружен всяким великолепием; ангелы, пребывающие в истинах мудрости, могут входить во дворец этот, видеть все находящееся в нем, гулять в саду его по всем направлениям и наслаждаться всеми его красотами. Но совсем не так бывает с теми, которые рассуждают об истинах, и еще более с теми, которые, не видя их во свете истины, а черпая их от других людей или из буквального смысла Слова, которого они внутренне не понимают, не менее того спорят о них, требуют, чтоб этим истинам их верили, и не допускают, чтоб их после того внутренне рассматривали. Такие ангелы, по словам первых, не могут приблизиться даже к первому порогу дворца мудрости, ни тем паче войти в него и гулять по его садам, ибо они при первом шаге туда останавливаются; меж тем как ангелам, пребывающим в настоящей истине, ничто не препятствует идти вперед не останавливаясь, потому что истины, ими зримые, ведут их, куда они хотят, и открывают перед ними пространное поле (ибо каждая истина по пространству своему бесконечна и в связи со многими другими). Кроме того, они мне сказали, что мудрость ангелов самых внутренних небес состоит преимущественно в том, что они усматривают Божественное и небесное в каждой вещи и много чудного в целом ряде предметов, ибо все, представляющееся глазам их, чему-нибудь соответствует: например, когда они видят дворцы и сады, их созерцание (*intuitio*)

не останавливается над тем, что перед их глазами, но они видят внутренние начала, от которых происходят эти предметы и которым, следовательно, они соответствуют; они представляются им с полным разнообразием смотря по наружному виду предметов; таким образом они видят в порядке и связи несчетное множество вещей, которые доставляют духу их столько наслаждения, что они от него как бы вне себя. Что все, являющееся на небесах, соответствует Божественным началам, находящимся от Господа в ангелах, – см. выше н. 170–176.

271. Ангелы третьих небес таковы, потому что они живут в любви к Господу и что эта любовь, раскрывая внутренние начала духа в третьей степени, служит приемником всего относящегося к мудрости. Должно, однако, знать, что несмотря на это ангелы самых внутренних небес постоянно совершенствуются в мудрости, но иначе, чем ангелы последних небес. Ангелы самых внутренних небес не слагают Божественные истины в память, т. е. не делают из них какой-нибудь науки, но, как скоро слышат их, тотчас постигают и прилагают к жизни; поэтому Божественные истины остаются в них как бы начертанными, ибо то, что таким образом передано в жизнь, остается в ней. Иначе это бывает с ангелами последних небес: они сперва слагают Божественные истины в память и заключают их в науку; уже оттуда они черпают их, совершенствуют посредством их разум свой и без внутреннего постижения подлинности этих истин обращают их в волю и жизнь; от этого происходит и относительная темнота их состояния. Достойно замечания, что ангелы третьих небес совершенствуются в мудрости слухом, а не зрением; слышанное ими в проповеди не входит в их память, но, переходя немедленно в их постижение и волю, становится делом их жизни, меж тем как предметы, видимые глазами ангелов низших небес, входят в их память, они об этом рассуждают и говорят. Из этого мне стало ясно, что для первых путь слуха есть путь мудрости. Это происходит и от соответствия, ибо ухо соответствует послушанию, а послушание принадлежит жизни, тогда как глаз соответствует разумению, а разумение относится к учению. Состояние этих ангелов описано в нескольких местах Слова, например, у Иеремии: *После тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его. И уже не будут учить друг друга, брат брата и говорить: познайте Господа, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого* (31. 33, 34). И у Матфея: *Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого* (5. 37). Сверх, сказано, от лукавого, потому что оно не от Господа: истины, что присущи ангелам третьих небес, исходят от Господа, потому что эти ангелы живут в любви к нему; в этих небесах любовь к Господу состоит в том, чтоб хотеть и творить Божественную истину, ибо Божественная истина на небесах есть Господь.

272. К вышеизложенным причинам, по которым ангелы способны принимать столь высокую мудрость, присоединяется и та, самая главная на небесах, что эти ангелы свободны от любви к себе самим, ибо насколько кто свободен от любви к себе, настолько он может быть мудрым во предметах Божественных. Эта любовь закрывает внутренние начала, отверзтые к Господу и небесам, и раскрывает внешние начала, обращая их к самому себе; вот почему все те, у кого любовь эта господствует, обращаются в потемках относительно небес, хотя бы и были в свете относительно всего мирского. Ангелы же наоборот: будучи свободны от этой любви, они обретаются в свете мудрости, ибо небесная любовь их, состоящая в любви к Господу и в любви к ближнему, раскрывает им внутренние начала потому собственно, что любовь эта исходит от Господа и сам Господь пребывает в ней. О том, что эта любовь образует небеса вообще и в каждом человеке в особенности, – см. н. 13–19. Вследствие того что небесная любовь раскрывает внутренние начала, обращая их к Господу, все ангелы обращаются к нему лицом своим (н. 142), ибо в духовном мире любовь обращает к себе внутренние начала каждого, а куда обращаются внутренние начала, туда же обращается и лицо, ибо лицо в мире духовном составляет одно с внутренними началами, будучи его внешним образом. Любовь, обращая к себе и лицо, и внутренние начала, соединяется с ними, ибо любовь есть духовное соединение; поэтому же она сообщает этим началам все ей принадлежащее. Вследствие этого обращения, а затем соедине-

ния и сообщения, ангелы одарены мудростью. О том, что всякое соединение в мире духовном согласуется с обращением лица самих жителей, – см. н. 255.

273. Ангелы постоянно совершенствуются в мудрости, но тем не менее они никогда не могут усовершенствоваться настолько, чтобы могло быть какое-либо отношение между их мудростью и Божественной мудростью Господа; эта мудрость бесконечна, меж тем как мудрость ангельская конечна, а между конечным и бесконечным нет никакого отношения.

274. Так как мудрость совершенствует ангелов и составляет их жизнь и так как небеса с их благами наитствуют на каждого смотря по степени мудрости его, то все на небесах желают и ищут ее подобно тому, как алчущий человек желает и ищет пищи; наука, разумение и мудрость составляют такую же духовную пищу, как яства – природную, и они взаимно соответствуют друг другу.

275. В одних и тех же небесах, и даже в одном и том же небесном обществе, ангелы находятся в различной, а не в одинаковой степени мудрости: одаренные наибольшей мудростью занимают середину, а одаренные меньшей расположены по степеням вокруг, до самых последних пределов; соразмерное с расстоянием, начиная от середины, умаление мудрости подобно умалению света, доходящего до тьмы (см. н. 43, 128). В такой же степени ангелы одарены и светом, ибо свет небесный есть Божественная мудрость и каждый пребывает в свете по мере восприятия им мудрости. О небесном свете и различном восприятии его см. выше (п. 126–132).

О состоянии невинности ангелов на небесах

276. Не многим в мире ведомо, что такое невинность и в чем она состоит; а живущим во зле она и вовсе неизвестна. Хотя человек и видит ее иногда в лице, речи и движениях, особенно у детей, но все-таки он не знает, что такое невинность, ни тем более что она есть то начало в человеке, в котором сокрыты небеса. Итак, чтоб это стало известным, я скажу по порядку: сперва о невинности детства, потом о невинности мудрости и, наконец, о небесном быте (status) относительно невинности.

277. Невинность детства или детей не есть настоящая невинность, потому что она у них только во внешнем образе, а не во внутреннем; тем не менее даже из этого мы можем узнать, какова она, потому что она просвечивает в их лице, в их движениях, в их первоначальной речи и не остается без влияния на душевные чувства окружающих. Но эта невинность в детях внешняя, потому что у них нет внутреннего мышления и они еще не знают, что такое благо и что такое зло, что такое истина и что такое ложь – начала, из которых образуется мышление. По той же причине у них нет мудрости (prudentia), основанной на соби, нет умысла и цели и, следовательно, никакого злого намерения; у них нет соби от любви к себе и к миру; они ничего не присваивают себе, а все, что у них есть, считают за родительское; удовлетворяясь всякой малостью и безделицей, которую им дарят, они полагают в этом все свое удовольствие; у них нет никакой заботы о пище и об одежде, никакой тревоги о будущем; они не знают мира и ничего в нем не ищут; они любят своих кормилиц и своих сверстников, с которыми невинно играют; они дают вести себя другим, слушают их и повинуются им; вследствие такого быта их все, чему их учат, принимается ими в жизнь, и вот откуда без их ведома образуются у них приличное обращение, первые начала памяти и мышления и самая речь их; а для принятия начал этих служит им средством их состояние невинности, но эта невинность, как было сказано, внешняя, потому что она принадлежит только телу, а не духу, который у них еще не образовался, ибо он должен состоять из волн и разума и происходящих от них начал любви и мышления. Мне было сказано с небес, что дети находятся под особенным усмотрением Господа, что наитие сходит на них с самых внутренних небес, которым принадлежит быт невинности; что это наитие проникает до внутренних начал их и, проникая, исполняет их одной невинностью; что поэтому невинность эта, проявляясь в их лице и некоторых движениях, становится видимой и что эта

самая невинность, проникая родителей до глубины души, образует то особенное чувство, которое называется родительской любовью (в латинском подлиннике она названа *сторге*, *storge*).

278. Невинность мудрости есть настоящая невинность, потому что она внутренняя, ибо принадлежит самому духу, следовательно, и самой воле, а затем и разуму; а когда воля и разум полны невинности, то в них есть и мудрость, ибо она пребывает в них; поэтому и говорится на небесах, что невинность обитает в мудрости и что у ангела столько же мудрости, сколько и невинности. Ангелы подтверждают это тем, что находящиеся в состоянии невинности нисколько не относят блага к себе, а все ими получаемое приписывают Господу; что такие ангелы хотят быть ведомы Господом, а не сами собой; что они любят всякое благо и наслаждаются всякой истиной, ибо знают и постигают, что любить благо, следовательно, хотеть и творить его, значит любить Господа, а любить истину значит любить ближнего; что они живут, довольствуясь тем, что у них есть, многим или малым, ибо знают, что получают все потребное по мере надобности: мало, кому нужно мало, много, кому нужно много; что сами они не знают, что им полезно, а знает это один Господь, для провидения которого все вечно. По этому самому ангелы невинности не пекутся о будущем, это попечение они называют заботой о завтрашнем дне, называя ее иначе печалью о потере или неполучении того, что бесполезно для жизни и службы ее. Между собой они никогда не поступают из худых целей, но всегда по стремлениям к благу, правде и искренности; действовать из худых целей – они называют это коварством, от которого они бегут, как от змеиного яда, ибо коварство совершенно противоположно невинности. Так как они всего более любят, чтобы их вел сам Господь, и все ими полученное относят к Нему, то они далеки от своей соби и по мере отдаления от нее приемлют наитие Господне; поэтому все слышанное ими от Господа посредством Слова или посредством проповеди они не слагают в память, но тотчас этого слушаются, т. е. тотчас же хотят это и делают; для них память есть воля. По внешнему обращению своему они большей частью кажутся простыми, но внутри полны мудрости и осторожности; их разумел Господь, говоря: *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мат. 10. 16); такая невинность называется невинностью мудрости. Так как невинность нисколько блага не приписывает себе, а все относит к Господу, любит быть ведомой Господом и потому приемлет всякое благо и всякую истину, из которых образуется мудрость, то человек и создан таким образом, чтобы ребенком он находился в невинности внешней, а становясь старцем – в невинности внутренней, так, чтоб он от первой мог перейти ко второй, а от второй мог возвратиться к первой; по этому самому у человека в старости тело убывает, и он снова становится как бы ребенком, но ребенком мудрым, т. е. ангелом, ибо ангел в высшем смысле есть мудрое дитя. Вот почему дитя в Слове означает невинность, а старец – мудреца, полного невинности.

279. То же самое случается и с каждым человеком, который возрождается. Возрождение есть вторичное рождение относительно духовного человека. Человек этот сначала приходит в состояние детской невинности, заключающейся в том признании, что он нисколько не может познать истины и творить блага от себя, но одним только Господом, и в том, что он ищет и желает истины и блага с той единственно целью, что это истина и благо. И то и другое дается ему Господом вместе с годами. Сперва он приводится к познанию (*scientia*) начал истины и блага, затем от знания к разумению и, наконец, от разумения к мудрости, сопровождаясь во все это время невинностью, которая, как выше было сказано, состоит в том признании, что человек нисколько не может познать истины и творить блага от себя, но только Господом. Без этой веры и ее постижения никто не может принять что-либо с небес, в этом именно заключается невинность мудрости.

280. Так как невинность состоит в том, чтобы предаваться руководству Господа, а не своему собственному, то из этого следует, что все, живущие на небесах, находятся в невинности; ибо все, живущие там, любят, чтоб их вел Господь, зная, что вести себя самому значит быть ведомым собою; что собою состоит в том, чтоб любить самого себя, а кто себя самого

любит, тот не терпит, чтоб его вел другой; что поэтому насколько ангел обретается в невинности, настолько он и в небесах, т. е. настолько же он обретается в Божественном благе и в Божественной истине, потому что обретаться в этом благе и в этой истине значит быть на небесах.

Вследствие этого и небеса различаются по невинности: ангелы первых, или последних, небес обретаются в невинности первой, или последней, степени; ангелы вторых, или средних, небес обретаются в невинности второй, или средней, степени; ангелы же самых внутренних, или третьих, небес обретаются в невинности третьей, или самой внутренней, степени. Об этих последних можно сказать, что они суть воплощение самой невинности на небесах, ибо преимущественно перед другими они любят, чтоб их вел Господь, как отец – детей своих. Вот почему также они тотчас принимают волей, исполняют и таким образом переносят в жизнь те Божественные истины, которые они слышат или непосредственно от Господа, или посредством Слова и проповедей. Вот почему и мудрость их так высока в сравнении с ангелами низших небес (см. н.270, 271).

Вследствие таких свойств своих ангелы эти всех ближе к Господу, от которого они получают невинность свою; при этом они до того далеки от себя своей, что почти, можно сказать, живут в Господе. По внешнему виду своему они кажутся простыми и, на взгляд ангелов нижних небес, детьми, следовательно, как бы маленькими: по-видимому, они кажутся не очень мудрыми, меж тем как они самые мудрые из ангелов небесных, ибо они знают, что сами по себе они нисколько не мудры и что мудрость состоит в том, чтоб сознавать это. Они ведают, что все их знание есть как бы ничто в сравнении с тем, чего не знают; они говорят, что знать, сознавать и постигать – это есть первый шаг к мудрости. Ангелы эти нагие, потому что нагота соответствует невинности.

281. Я много раз говорил с ангелами о невинности и узнал от них, что невинность есть самая суть всякого блага, что затем благо есть благо, насколько в нем есть невинности, и что, следовательно, мудрость есть мудрость, насколько она заимствует начало свое от невинности; что то же самое следует сказать о любви, благодетельности и вере; что поэтому никто не может войти в небеса, если в нем нет невинности, как это и разумеется в словах Господа: *Пусть дети приходят ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него* (Мар. 10. 14, 15; Лук. 18. 16, 17); тут под детьми, как и в других местах Слова, разумеются невинные. Состояние невинности еще описано Господом у Матфея (6. 25, 28) посредством одних соответствий: если, таким образом, благо есть благо только по мере заключающейся в нем невинности, то это вследствие того, что всякое благо исходит от Господа и что невинность состоит в том, чтоб хотеть быть ведомым Господом. Я также узнал от ангелов, что ни истина не может соединяться с благом, ни благо с истиной иначе как посредством невинности, поэтому и ангел не есть ангел небесный, если в нем нет невинности, ибо небеса не могут быть в ком-нибудь до соединения в нем истины с благом. Вследствие того и сочетание истины с благом называется небесным браком, а небесный брак есть то, что называется небесами. Я узнал также, что истинно супружеская любовь получает бытие свое от невинности, т. е. сочетания истины и блага; когда это сочетание, в котором участвуют две души (*mentes*), т. е. душа жены и душа мужа, переходит в низшую сферу (в подлиннике одно слово – *descendit*), тогда оно принимает вид супружеской любви, ибо супруги, как и души (*mentes*) их, любят друг друга. Вот почему в супружеской любви есть игры подобные играм детства и невинности.

282. Так как невинность есть самая суть блага небесных ангелов, то очевидно, что Божественное благо, исходящее от Господа, есть самая невинность, ибо это самое благо, наитствуя на ангелов и проникая до самых внутренних начал их, располагает и приспособляет их к принятию всякого небесного блага. То же самое бывает и с детьми: их внутренние начала не только образуются наитием невинности, исходящей от Господа, но и непрестанно располагаются и приспособляются к принятию блага небесной любви, потому что благо невинности,

как самая суть всякого блага, действует через самое внутреннее в человеке начало. Из этого можно видеть, что всякая невинность исходит от Господа, поэтому и Господь в Слове назван агнцем, ибо агнец означает невинность. Так как невинность есть самое внутреннее начало всякого блага на небесах, то она с такой силой действует на душу, что тому, кто чувствует ее в себе – что случается при приближении ангела самых внутренних небес, – кажется, что он не может более владеть собой и что радость, которой он тогда проникнут и восторгается, так велика, что в сравнении с ней всякая радость земная кажется ничтожной. Я говорю так по опыту.

283. Все, живущие во благе невинности, проникнуты ею, и насколько кто пребывает в этом благе, настолько он и проникнут ею. Те же, напротив, которые не живут во благе невинности, насколько не проникнуты ею. Вот почему все жители ада совершенно противоположны невинности, они и не знают, что такое невинность, и даже таковы, что чем более кто невинен, тем более они горят страстью сделать ему зло. Поэтому они не могут выносить присутствие детей и, как только видят их, в них рождается зверское желание вредить им. Из этого ясно, что собь человека, а затем любовь его к себе противны невинности, ибо все жители ада погружены в свою собь и затем в любовь к себе.

О состоянии мира на небесах

284. Кому неведомо состояние небесного мира, тот не может постичь, что такое тот мир, в котором пребывают ангелы. Покуда человек живет в теле, он не может ни стать приемником небесного мира, ни, следовательно, постичь его, потому что постижение его остается в области природного человека. Чтоб постичь ему небесный мир, он должен мысленно вознестись и отрешиться от тела, быть в духе и находиться тогда с ангелами. Так как я таким путем мог постичь, что такое небесный мир, то я могу описать его, но, однако, не относительно самой сущности его, потому что нет слов человеческих для передачи таких понятий, а только сравнительно с тем спокойствием духа, которое свойственно людям, живущим в Боге (*qui contenti sunt in Deo*).

285. Есть два самых внутренних небесных начала: невинность и мир. Они названы самыми внутренними, потому что они непосредственно исходят от Господа. От невинности исходит всякое небесное благо, от мира же – всякое удовольствие блага. Во всяком благе есть свое удовольствие. И то и другое, т. е. как благо, так и удовольствие, принадлежат любви, ибо то, что любишь, называешь благом и чувствуешь как удовольствие. Из этого следует, что эти самые внутренние начала, т. е. невинность и мир, исходят от Божественной любви Господней и проникают чувства ангелов в самом внутреннем его начале. Что невинность есть самое внутреннее начало блага, это видно из предшествующей главы, где была речь о состоянии невинности небесных ангелов, но что мир есть самое внутреннее начало удовольствия, происходящего от блага невинности, это будет пояснено теперь.

286. Прежде всего будет сказано, откуда происходит мир. Божественный мир пребывает в Господе, получая бытие свое от единения (*unio*) в Господе Божественного естества с Божественной человечностью. Божественное же начало мира на небесах исходит от Господа и получает бытие свое от соединения Господа с небесными ангелами, а в частности, от соединения блага и истины в каждом из них – вот начальное происхождение мира. Из этого видно, что мир на небесах есть Божественное начало, которое внутренним путем исполняет всякое небесное благо блаженством; что, следовательно, блаженство есть источник всякой небесной радости; и что оно в сущности своей есть Божественная радость Божественной любви Господней, происходящей от его соединения с небесами и с каждым их жителем. Эта радость, постигаемая Господом в ангелах и ангелами от Господа, есть мир; отсюда проистекает для ангелов всякое блаженство, удовольствие и счастье или то, что называется небесной радостью.

287. Будучи, таким образом, первым источником мира. Господь назван князем мира, и сам Он говорит, что мир исходит от Него и в Нем пребывает. Поэтому также и ангелы называются ангелами мира, а небеса обителью мира, как, например, в следующих изречениях; Ибо младенец родился нам; *Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий. Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела* (Ис. 9. 6, 7). *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам* (Иоан. 14. 27). *Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир* (16. 33). *Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!* (Числ. 6. 26). *И делом правды будет мир. Тогда народ мой будет жить в обители мира* (Ис. 32. 17, 18). Что в Священном писании под словом *мир* разумеется мир Божественный и небесный, можно видеть также из других изречений, в которых находится это слово (Ис. 52. 7; 54. 10; 59. 8; Иер. 16. 5; 25. 37; 29. 11; Агг. 2. 9; Зах. 8. 12; Пс. 37. 37 и т. д.). Так как мир означает Господа и небеса, а также небесную радость и удовольствие, происходящее от блага, то вот откуда образовался в древности сохранившийся и поныне обычай говорить, приветствуя: *мир вам*; этот обычай еще более упрочился вследствие слов Господних ученикам: *В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему. И если будет там сын мира, то почит на нем мир ваш* (Лук. 10. 5, 6). Подобным образом и сам Господь, являсь апостолам, сказал им: *мир вам!* (Иоан. 20. 19, 21, 26). Это же состояние мира разумеется, когда говорится в Слове, что Господь *обонял приятное благоухание (мира)* (см.: Исх. 29. 18, 25, 41; Лев. 1. 9, 13, 17; 2. 2, 9; 6. 8, 15; 23. 12, 13, 18; Числ. 15. 3, 7, 13; 28. 6, 8, 13; 29. 2, 6, 8, 13, 36); приятное благоухание (мира) означает, в небесном смысле, постижение мира. Так как мир означает единение в Господе самого Божественного начала с его Божественной человечностью и соединение Господа с небесами и церковью, а равно с теми, кто на небесах и в церкви приемлет Его, то в воспоминание сего была учреждена суббота, названная так от слова мир (или покой) и служившая самым святым преобразованием церкви; вот почему и Господь назвал себя господином субботы (Мат. 12. 8; Мар. 2. 27, 28; Лук. 6. 5).

288. Так как небесный мир есть Божественное начало, внутренне исполняющее блаженством благо, находящееся в ангелах, то мир этот не иначе ими явственно постигается как в сердечном удовольствии от жизни во благе и в том наслаждении, когда они слышат истину, согласную с их благом. Также и в той душевной веселости, которую они чувствуют, когда постигают такое соединение истины с благом. Вместе с тем мир этот наполняет все действия и все помыслы их жизни и проявляется в их радости даже наружным образом. Но относительно качества и количества мир на небесах различается смотря по невинности их жителей, потому что мир и невинность идут рядом, ибо, как было сказано выше, от невинности исходит всякое небесное благо, а от мира – всякое удовольствие этого блага. Из этого видно, что сказанное выше о состоянии невинности на небесах может быть также сказано и здесь о состоянии мира, потому что невинность и мир соединены между собой, как благо и его удовольствие, ибо благо чувствуется по его удовольствию, а удовольствие познается по его благу. Вследствие чего ясно, что ангелы самых внутренних, или третьих, небес пребывают в третьей, или самой внутренней, степени мира, ибо они находятся в третьей, или самой внутренней, степени невинности; а что ангелы низших небес пребывают в меньшей степени мира, ибо они находятся и в меньшей степени невинности, – см. н. 280. Что невинность и мир нераздельны, как благо и его удовольствие, это видно в детях, которые, пребывая в невинности, пребывают и в мире, отчего все их мысли и действия полны игривости; но этот мир в детях есть мир внешний. Мир внутренний, как и внутренняя невинность, принадлежит одной мудрости, а если мудрости, то и соединению блага с истиной, ибо мудрость происходит от этого соединения. Небесный, или ангельский, мир свойствен также и людям, которые находятся в мудрости от соединения в них истины с благом и которые вследствие того чувствуют себя довольными в Боге (*contenti in Deo*). Но покуда они живут на земле, мир их сокрыт во внутренних началах их и обнаруживается уже

только тогда, когда они покидают тело и восходят на небеса, ибо тогда внутренние начала их раскрываются.

289. Так как Божественный мир происходит от соединения Господа с небесами, а, в частности, в каждом ангеле – от соединения в нем блага с истиной, то ангелы находятся в состоянии мира, когда находятся в состоянии любви, ибо тогда в них благо соединено с истиной. (О том, что состояния ангелов сменяются одно другим, – см. н. 154–160.) То же самое случается и с человеком, когда он возрождается. Когда в нем совершается соединение блага с истиной, что особенно бывает после искушений, тогда он приходит в состояние удовольствия, происходящее от небесного мира. Мир этот можно сравнить с утром или зарей во время весны, когда по прошествии ночи и с восходом солнца все земные произведения снова оживают и запах растительности освежается росой, падшей с небес, когда вешний воздух растворяет землю плодородием, а душу человеческую – отрадой. Это делается потому, что вешнее утро, или заря, соответствует состоянию мира небесных ангелов (см. н. 155).

290. Говоря с ангелами о мире, я при этом сказал им, что на земле называют миром, когда между государствами прекращаются войны и враждебные действия или ссоры и распри между людьми; что внутренний мир полагают в спокойствии духа по удалении забот, а главное, в отдыхе и удовольствии после удачи в делах. На это ангелы отвечали мне, что отдых, спокойствие и удовольствие по удалении забот и удача в делах хотя и кажутся принадлежностями мира, но в действительности могут быть такими только в тех людях, которые живут в небесном благе. Мир пребывает только в этом благе, ибо он сходит наитием от Господа в самые внутренние начала ангелов и уже оттуда спускается и переходит в их низшие начала, проявляясь тут в умственном отдыхе, в спокойствии духа и происходящей от того радости. Но у тех, которые живут во зле, мира нет. Правда, бывает у них после удачи в делах нечто походящее на отдых, спокойствие и удовольствие, но это одно внешнее, в котором нет нисколько внутреннего мира, потому что внутренность их горит враждой, ненавистью, местью, жестокостью и многими другими злыми страстями, которым предастся дух их, доходя даже до неистовства, если кто им не потакает или не обуздывает их страхом. Таким образом, удовольствие этих людей состоит в безумии, тогда как у живущих в благе оно состоит в мудрости; между теми и другими та же разница, что между адом и небесами.

О соединении небес с родом человеческим

291. Людям церкви известно, что всякое благо исходит от Господа, а нисколько не от человека и что, следовательно, никто не должен приписывать себе хоть сколько-нибудь блага. Известно также, что зло – от дьявола, поэтому люди, согласно учению церкви, отзываются о тех, которые живут хорошо, которые говорят и проповедуют с благочестием, что их наставляет Бог, отзываясь в противном смысле о тех, которые живут худо и говорят нечестиво. Этого бы не могло быть, если б человек не соединялся с адом и не соединялся с небесами и если б это соединение было отдельно от его воли и его разума, с полным участием которых тело его движется и уста его говорят. Теперь будет сказано, в чем состоит это соединение.

292. При каждом человеке есть добрые духи и злые. Посредством добрых духов человек соединяется с небесами, а посредством злых с адом: эти духи находятся в мире духов, место которого между небесами и адом; об этом мире будет сказано с большей подробностью впоследствии. Когда эти духи приходят к человеку, они входят во всю его память и затем во все его мышление. Злые духи входят в те принадлежности его памяти и мышления, которые относятся ко злу, а добрые духи – в те принадлежности, которые относятся к добру. Духи нисколько не знают, что они находятся при человеке, но, когда они у него, они думают, что все, находящееся в его памяти и мысли, принадлежит им. Самого же человека они не видят, потому что предметы, видимые в свете нашего солнца, сокрыты от их зрения. Величайшая забота прила-

гается Господом о том, чтоб духи не знали, что они находятся при человеке. Если б они это знали, то стали бы говорить с ним, и тогда злые духи погубили бы его, потому что злые духи по соединению с адом ничего большего не желают, как погубить человека не только относительно души, т. е. веры и любви, но и относительно тела. Иное дело, когда они не говорят с человеком: тогда они не знают, что они от него заимствуют и мысли свои, и предмет своих разговоров, находясь в том убеждении, что это их собственное, а каждый уважает и любит то, что называет своим. Таким образом, духам приходится уважать и любить человека, даже не ведая того. Что такое соединение духов с человеком действительно существует, это мне до того известно из непрерывного опыта многих лет, что более достоверного я ничего не знаю.

293. Духи, сообщающиеся с адом, присоединяются к человеку по той причине, что человек рождается во зле всякого рода и что первоначальная жизнь его преисполнена злом. Если б духи, подобные ему самому, не присоединялись к нему, то он не мог бы жить и не мог бы даже удерживаться от своего зла и возрождаться. Поэтому собственная жизнь его поддерживается в нем злыми духами, а добрыми духами он удерживается от нее. Вследствие действия тех и других он находится в равновесии, и это равновесие дает ему свободу, т. е. он может отклоняться от зла и склоняться к благу, и благо может водвориться в нем, что никак не могло бы стать, если б он не был свободен. Свободным же он не может быть, если духи не действуют на него с одной стороны из ада, а с другой – с небес и если сам он не находится посредине. Мне было также показано, что жизнь человека, насколько она в нем по наследству и от себя самого, была бы ничто (*nulla*), если б ему не было дозволено быть во зле и если б он не был свободен; что нельзя принудить человека к добру, и что сделанное по принуждению не остается, но что добро, которое человек делает в свободном состоянии, водворяется в его воле и становится как бы его собственным, и что по этим-то причинам человек общается и с адом, и с небесами.

294. Я скажу также, в чем состоит сообщение небес с добрыми духами и сообщение ада со злыми и затем в чем состоит соединение небес и ада с человеком. Все духи, находящиеся в мире духов, сообщаются или с небесами, или с адом; злые духи с адом, а добрые с небесами. Все небеса состоят из обществ, ад также. Каждый дух принадлежит к какому-либо обществу и живет его наитием, действуя, таким образом, заодно с этим обществом. Вот почему человек, соединяясь с духами, соединяется также с небесами или адом, и даже с тем обществом небес или ада, в котором он находится по своему чувству или по своей любви, ибо, как известно, все небесные общества разделяются смотря по любви ко благу и истине, а все общества в аду смотря по любви ко злу и лжи. О небесных обществах см. выше (н. 41–45 и н. 148–151).

295. К человеку присоединяются такие духи, каков он сам относительно чувств своих или любви, но добрые духи присоединяются к нему Господом, меж тем как злые духи привлекаются самим человеком. Духи, находящиеся при человеке, меняются смотря по изменению его чувств, вследствие чего в детстве не те духи при нем, что в отрочестве, и в юности не те духи, что в мужестве или в старости. В первом возрасте детства при нем находятся духи, полные невинности, которые, следовательно, сообщаются с небесами невинности, т. е. с третьими, или самыми внутренними, небесами. Во втором возрасте детства, или отрочестве, при нем духи, которым свойственна любовь к познанию и которые, следовательно, сообщаются с последними, или первыми, небесами. В юности и мужестве при нем духи, которые по любви своей к истине и благу живут в разумении и потому сообщаются со средними, или вторыми, небесами. Наконец, в старости при нем находятся духи, полные мудрости и невинности, которые, следовательно, сообщаются с самыми внутренними, или третьими, небесами. Такое присоединение, однако, совершается Господом только относительно тех, которые могут преобразоваться или возродиться. С теми же, которые не могут ни преобразоваться, ни возродиться, бывает иначе: к ним также присоединяются добрые духи, чтоб они, сколь возможно, удерживались ими от зла, но непосредственное их соединение – со злыми духами, сообщающимися с адом, и эти духи такие, как сам человек. Если, например, люди преданы любви к себе, корысти, мститель-

ности или прелюбодеянию, то при них и духи с подобными свойствами, и духи эти, так сказать, обитают в недобрых чувствах человека. Чем менее добрые духи могут удержать его от зла, тем более злые духи разжигают его, и чем более их страсти царствуют в нем, тем более они привязываются к нему и не отступают от него. Таким-то образом злой человек соединяется с адом, а добрый с небесами.

296. Человек потому управляется Господом посредством духов, что он вышел из небесного порядка, ибо рождается в адском зле, следовательно, совершенно противно Божественному порядку, и возвратиться к нему он может не иначе как через постороннее посредничество, для которого именно и служат духи. Этого бы не было, если б человек рождался в благе и согласно Божественному порядку: тогда человек не управлялся бы Господом посредством духов, но посредством самого порядка, т. е. общим наитием. Этим наитием человек управляется относительно того, что переходит из мысли и воли его в дело, т. е. относительно слов и действий, ибо те и другие следуют законам естественного, или природного (*naturalis*), порядка в отличие от духовного, вследствие чего духи, присоединенные к человеку, не имеют с ними ничего общего. Тем же общим наитием (влиянием) из духовного мира управляются и животные, потому что они не вышли из порядка своей жизни и не могли ни извратить, ни разрушить его за неимением рассудка. Относительно разницы, существующей между человеком и животными, – см. н. 39.

297. Что же касается соединения небес с родом человеческим, то сам Господь, согласно небесному порядку, наитствует на каждого человека, как на самые внутренние, так и на последние, внешние в нем начала, располагая его таким образом к принятию небес и управляя последними в нем началами посредством самых внутренних; и в то же время самыми внутренними – посредством последних, содержа через это в связи все принадлежащее человеку, до самых малейших частных. Это наитие Господне называется наитием непосредственным, а то, которое совершается через духов, – наитием посредственным и получает начало свое (*subsistit*) от первого. Непосредственное наитие, т. е. принадлежащее самому Господу, исходит от его Божественной человечности, проникает волю человека, а через волю и разум его, нисходя таким образом в благо его, а через благо в истину; или, что то же, в любовь его, а через любовь в его веру, но не обратно, ни тем более в веру без любви, или в истину без блага, или в разум, который не исходит от воли. Это Божественное наитие непрестанно, и только добрыми людьми приемлется во благо; дурными же оно или отвергнуто, или подавлено, или искажено, вследствие чего и жизнь их во зле, что в духовном смысле равняется смерти.

298. Духи, находящиеся при человеке, как соединяющиеся с небесами, так и соединяющиеся с адом, никогда не влияют на человека своей памятью и мыслями, потому что при влиянии их собственной мысли человек был бы убежден, что принадлежащее им есть его собственное (см. н. 256). Тем не менее, однако, через духов этих зарождается в человеке по наитию с небес всякое чувство, относящееся к любви к благу и истине, и по наитию из ада всякое чувство, относящееся к любви ко злу и лжи. Таким образом, насколько чувство человека согласуется с наитием, настолько оно принимается им в мысль, ибо внутренняя мысль человека совершенно согласна с его чувством или любовью. Насколько же чувство его не согласуется, настолько и наитие не приемлется. Итак, если не мысль внушается человеку духами, а только любовь или расположение ко благу или злу, то очевидно, что человеку предоставлен выбор; что он свободен и может, размышляя, принять добро и отвергнуть зло, зная из Слова, что такое добро и что такое зло. То, что человек принимает мыслью по любви, усваивается им, но то, что он не принимает, не усваивается им. Из этого видно, каково в человеке наитие блага с небес и наитие зла из ада.

299. Мне дано было узнать, откуда бывают в человеке тревога, тоска и внутренняя грусть, называемая меланхолией. Есть духи, которые еще не присоединились к аду, потому что они еще в первом своем состоянии, – о них будет сказано впоследствии в разделе о мире духов.

Эти духи любят несваримые и вредные вещества, как, например, остатки пищи, гниющей в желудке, вследствие чего они находятся там, где вещества эти лежат в человеке; они им приятны, и тут, предаваясь злым чувствам своим, они разговаривают между собой. Чувства, которыми проникнута речь их, влияют оттуда на человека. Если они противны чувствам человека, он становится грустен, беспокоен и тосклив; если же они согласуются с ним, он делается весел и шутив; эти духи являются возле желудка, иные вправо от него, другие влево, иные сверху, другие снизу и также ближе или дальше смотря по свойственным им чувствам. Что такова причина душевной тоски (*anxietas animi*) в человеке, мне дано было узнать это и убедиться в этом многократным опытом. Я сам видел этих духов, слышал их, испытал тоску, которую они наводили, и говорил с ними; когда они удалялись, тоска прекращалась; с их возвращением тоска снова начиналась, и я видел, что она уменьшалась или увеличивалась смотря по их приближению или удалению. Из этого мне стало ясно, почему некоторые люди, не знающие, что такое совесть, вследствие того что ее у них нет, относят ее мучения к страданиям желудка.

300. Соединение небес с человеком не подобно соединению человека с человеком: это соединение совершается с внутренними началами духа его, следовательно, с его внутренним, или духовным, человеком. С его же человеком природным, или внешним, совершается другое соединение, посредством соответствий. Об этом соединении будет сказано в следующей главе – «О соединении небес с человеком посредством Слова».

301. В этой же главе будет показано, что соединение небес с родом человеческим и рода человеческого с небесами – такого свойства, что одно существует другим.

302. Беседа с ангелами о соединении небес с родом человеческим, я говорил им: хотя человек церкви признает, что всякое благо от Господа и что при человеке есть ангелы, но тем не менее весьма немногие верят, чтобы ангелы были присоединяемы к человеку, и еще менее, чтобы эти ангелы находились в его мысли и чувствах. На это ангелы отвечали мне, что такое противоречие верований и убеждений в людях на земле им известно, но удивлялись, что оно могло иметь место внутри церкви, у которой есть Слово, учащее о небесах и их соединении с человеком, когда соединение это такого рода, что человек нисколько не может мыслить без присоединения к нему духов и что от этого соединения зависит вся духовная жизнь его. Они мне сказали, что причина этого незнания заключается в том предположении человека, что он живет сам по себе, без всякой связи с первым началом (*esse*) жизни; равно в том неведении его, что связь эта поддерживается небесами и что если б она рушилась, то он тотчас бы пал мертвым. Если б человек верил (как оно поистине и есть), что всякое благо от Господа, а всякое зло из ада, тогда бы он не полагал себе заслуги в благе и зло не вменялось бы ему, ибо, таким образом, во всяком благе, о котором бы он думал или которое бы он творил, он взирал бы на Господа, а всякое влияние зла откидывал бы в ад, откуда оно и приходит. Но так как человек не верит никакому наитию с небес и никакому влиянию ада и потому полагает, что все, что он мыслит и хочет, находится в нем самом и, следовательно, исходит от него, то он и усваивает себе зло и наитствующее на него благо оскверняет понятием о заслуге.

О соединении небес с человеком посредством Слова

303. Кто размышляет по внутреннему рассудку, тот может видеть, что все существующее связывается промежуточными звеньями с первым началом и что все, что вне этой связи, распадается, ибо кто так думает, тот знает, что ничто не может существовать от себя (*a se*), но непременно от чего-либо предшествующего и что, следовательно, все существует от чего-либо первого; что связь с предшествующим подобна связи между последствием и причиной, ибо если эту причину отнять от последствия, то и само последствие рушится и пропадает. Думая таким образом, ученые понимали и говорили, что существование есть непрестанное бытие (*quod subsistentia sit perpetua existentia*) и что, следовательно, всякая вещь, получив бытие

свое от первого начала, затем и существует непрестанно от этого же начала. Но в чем состоит связь всякой вещи с предшествовавшим ей началом (*cum priori se*) и, таким образом, с началом первобытным (*cum primo*), от которого все получает свое бытие, это невозможно сказать в нескольких словах, потому что эта связь различна и разнообразна. Скажу только вообще, что есть связь мира природного с миром духовным и что вследствие того есть соответствие между всем существующим в мире природном и всем существующим в мире духовном. Об этих соответствиях было сказано в н. 103–115, а что есть связь и затем соответствие всего находящегося в человеке со всем существующим на небесах – об этом см. выше (н. 87-102).

304. Человек создан таким образом, чтобы между ним и Господом была связь и соединение, а с небесными ангелами – одно только сообщение (*consociatio*). Причина этого заключается в том, что человек по созданию своему и относительно внутренних, духу его принадлежащих начал подобен ангелу, ибо у человека, как и у ангела, есть воля и есть разум. Вот почему после смерти своей, если только он жил согласно Божественному порядку, он становится ангелом, и тогда мудрость его уподобляется ангельской. Когда же говорится о соединении человека с небесами, то под этим разумеется его соединение с Господом и сообщение с ангелами, ибо небеса образуются не вследствие чего-либо принадлежащего (*ex proprio*) ангелам, но вследствие Божественности Господней; что Божественное начало Господа образует собой небеса – об этом см. выше (н. 7-22). Кроме того, человек отличается от ангелов тем, что он не только живет в духовном мире, по внутренним началам своим, но и в природном мире, по своим внешним началам. Его внешние, природному миру принадлежащие начала составляет все относящееся к его природной, или внешней, памяти, к его мышлению и воображению, вообще познанию и науке с их мирскими удовольствиями и наслаждениями. Затем такие наслаждения, которые принадлежат чувственным в теле началам, и, наконец, сами внешние чувства, действия и речь – все это относится к последним началам. В них оканчивается Божественное наитие Господа, ибо оно никогда не останавливается на середине, но идет до своих последних степеней. Из этого можно видеть, что человек есть последняя степень Божественного порядка, которому он вследствие того служит основанием. Так как Божественное наитие не останавливается на середине, а идет до своих последних степеней, и так как среднюю степень, через которую оно проходит, составляют ангельские небеса, а последнюю – человек, и вообще ничего не существует бессвязного, то связь и соединение небес с родом человеческим таковы, что одно существует другим и что род человеческий без небес был бы то же, что цепь без прицепу, а небеса без рода человеческого – то же, что дом без основания.

305. Но так как человек внутренними началами своими отвратился от небес и обратился ими к миру и к самому себе по любви своей к себе и к миру и до того удалился от небес, что не может более служить им основанием и этим самым разорвал связь свою с ними, то Господом предусмотрено было посредие (*medium*), которое могло бы служить для небес основанием и соединить их с человеком. Это посредие есть Слово. Но каким образом Слово служит посредием, это было много раз показано в сочинении *Тайны Небесные*, также в статье *О Белом Конце Апокалипсиса* и в Прибавлении к сочинению *О Небесном Учении*.

306. Я узнал с небес, что у древнейших жителей земли было непосредственное откровение, ибо тогда внутренние их начала были обращены к небесам, и вследствие того Господь мог соединяться с родом человеческим, но что впоследствии такое непосредственное откровение прекратилось, а настало другое, посредственное откровение через соответствия; что из них состояло все Богослужение тогдашних жителей и что поэтому и церкви того времени были названы церквями преобразовательными, ибо тогда было известно, что такое соответствие и преобразование (*repraesentativum*) и что все существующее на земле соответствует чему-либо духовному на небесах и в церкви, или, что то же, прообразует это. Таким образом, внешние обряды, принадлежавшие природному Богослужению тех людей, служили им средствами для мышления духовного, т. е. согласного с ангелами. С утратой науки соответствий и преобразо-

ваний было написано Слово, в котором все слова и обороты речи суть соответствия и, следовательно, заключают в себе духовный или внутренний смысл, постигаемый ангелами. Поэтому, когда человек читает Слово и понимает только буквальный, или внешний, смысл его, ангелы постигают его духовный, или внутренний, смысл, ибо всякая мысль ангельская духовна, а человеческая природна. Эти мысли хотя и кажутся разными, но в сущности составляют одно целое, потому что они одна другой соответствуют. Вот почему, когда человек отделился от небес и разорвал соединявшую его с ними связь. Господом усмотрено было другое посредничество (medium) для соединения небес с человеком, т. е. Слово. Каким образом Слово служит этим посредием, показано пространно в сочинении *Тайны Небесные* и других.

307. Для объяснения, каким образом совершается соединение небес с человеком посредством Слова, я приведу из него несколько изречений. Новый Иерусалим описан в Апокалипсисе в следующих словах: *И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий. Длина и широта и высота его равны. И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями. А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло* (Откр. 21.1, 2,16–21).

Человек, читающий эти слова, не понимает их иначе как в буквальном смысле, по которому видимое небо и земля должны погибнуть, новые образоваться и святой град. Новый Иерусалим, сойти на новую землю в размерах, согласных с описанием. Но ангелы, находящиеся при человеке, разумеют все это совершенно иначе, ибо они понимают в духовном смысле все, что человек понимает в природном: под новым небом и новой землей они разумеют новую церковь; под градом Иерусалимом, сходящим от Бога с небес, они разумеют ее небесное учение, данное откровением от Господа; под его длиной, шириной и вышиной, которые одинаковы и по 12 000 стадий, они разумеют все блага и все истины этого учения в совокупности; под его стеной они разумеют истины, ограждающие это учение; под размером стены в 144 локтя, что есть мера человеческая, т. е. ангельская, они разумеют совокупность и качество всех истин этого учения; под 12 воротами, что есть 12 жемчужин, они разумеют истины, знакомящие с учением, жемчуг также означает эти истины; под основаниями стены, которые из драгоценных камней, они разумеют познания, на которых это учение основано; под золотом, подобным чистому стеклу, из которого построен город и стены его, они разумеют благо любви, которым сияет учение с его истинами. Вот как ангелы понимают все эти слова, т. е. совсем иначе, чем человек, природные мысли которого переходят в духовные мысли ангелов, – так, что они ничего не знают о буквальном смысле Слова, например, о новых небесах и новой земле, о новом граде Иерусалиме, о его стене, о его основаниях и его размерах. Тем не менее, однако, мысли человека составляют с мыслями ангела одно целое, ибо они взаимно себе соответствуют: они составляют одно целое почти так же, как слова говорящего и смысл этих слов для того, кто слушает и не обращает внимания на слова, а только на самый смысл их. Из этого примера видно, каким образом небеса соединяются с человеком посредством Слова.

Возьмем, для примера, еще другое изречение из Слова: *В тот день из Египта в Ассирию будет большая дорога, и будет приходить Ассур в Египет, и Египтяне в Ассирию; и Египтяне вместе с Ассириянами будут служить Господу. В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассириею; благословение будет среди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой – Египтяне, и дело рук Моих – Ассирияне, и наследие Мое – Израиль* (Ис. 19. 23–25). Что думает человек и что думают ангелы, когда читают эти слова, можно видеть из сличения буквального смысла Слова с внутренним. По буквальному смыслу чело-

век думает, что египтяне и ассирияне обратятся к Богу, будут приняты и составят одно с израильским народом, но ангелы по внутреннему смыслу этих слов думают о человеке духовной церкви, который тут в этом смысле описан и чье духовное начало означает Израиль, природное – Египет, а рассудочное, занимающее середину, – Ассур. И тот и другой смысл образуют, однако, одно целое, ибо они один другому соответствуют. Вот почему, когда ангелы думают о чем-нибудь духовно, а человек о том же самом природно, они соединяются – почти так же, как тело с душой. Подобным образом и в Слове: его внутренний смысл есть душа, а буквальный – тело. Таково Слово везде, из чего и ясно, что оно есть *посредие* для соединения небес с человеком и что его буквальный смысл служит тому основанием.

308. Посредством Слова соединяются небеса и с теми людьми, которые находятся вне церкви и у которых нет Слова, ибо церковь Господня – вселенская и находится во всех тех, кто признает Божественное начало и живет в благостыне. Эти люди также после смерти поучаются ангелами и приемлют Божественные истины (см. об этом далее главу, в которой говорится о языческих народах). Вселенская церковь на земле перед лицом Господа как один человек, точно так же, как и все небеса, о чем было сказано выше (н. 59–72), но церковь, в которой находится Слово и в которой, следовательно, признан Господь, подобна в том человеке сердцу и легким. Известно, что все черева и члены тела заимствуют различными путями жизнь свою от сердца и легких; таким же образом живет и та часть рода человеческого, которая вне церкви, обладающей Словом, и которая образует члены того человека. Соединение небес посредством Слова с этой отдаленной частью рода человеческого можно также уподобить свету, который из середины распространяется во все стороны. Свет Божественный присущ в Слове вместе с Господом и небесами, и силой этого присутствия даже отдаленные народы пользуются светом, но этого бы не могло быть, если б Слово не существовало. Истины эти поймутся яснее при помощи всего сказанного выше о небесном образе, согласно которому совершаются сообщения и соединения на небесах (см. н. 200–212). Тайна эта понятна только тем, которые живут в духовном свете, а не тем, которые обретаются в одном только природном свете, ибо люди, живущие в свете духовном, ясно видят несчетное множество таких вещей, которые невидимы для живущих в природном свете или представляются им чем-то безразличным и темным.

309. Если б такое Слово не было дано на этой земле, то жители ее были бы отлучены от небес, и при этом отлучении они не могли бы долее быть разумными (существами), ибо человеческий рассудок образуется вследствие наития небесного света. Человек этой земли даже таков, что он не может принять непосредственного откровения и поучаться в нем Божественными истинами, подобно жителям других земель, о чем было сказано в особом сочинении; не может, потому что он более других погружен в мирское и, следовательно, во внешнее, а для принятия откровения необходимы внутренние начала; если б оно принималось внешними, то истина осталась бы непонятой. Что таков человек этой земли, ясно видно даже по тем людям, которые принадлежат к церкви и хотя знают из Слова о небесах, об аде и о посмертной жизни, но тем не менее в сердце своем все это отвергают, а между ними есть даже и такие, которые искали славы высшей учености, в которых, следовательно, можно было бы предположить и высшую мудрость.

310. Мне случалось, беседуя с ангелами о Слове, говорить им, что некоторые люди презирают его за простой слог и что никто ничего не знает о внутреннем смысле его, вследствие чего никто и не верит, чтобы столь высокая мудрость могла скрываться в нем. На это ангелы отвечали, что слог Слова хотя и представляется простым в буквальном смысле, но тем не менее таков, что ничто не может сравниться с ним в превосходстве, потому что Божественная мудрость сокрыта в нем не только в каждом изречении, но даже в каждом слове, и что эта мудрость сияет светом на небесах. Они хотели сказать этим, что Слово есть свет небесный, потому что оно есть Божественная истина, а Божественная истина на небесах сияет светом (см. н. 132). Они сказали также, что без такого Слова люди нашей земли были бы лишены всякого

небесного света и, следовательно, всякого соединения с небесами, ибо насколько свет небесный присутствует в человеке, настолько он соединяется с небесами и настолько посредством Слова открываются для него Божественные истины. Если человек не знает, что это соединение совершается через соответствие духовного смысла Слова с его природным, то это происходит оттого, что человек этой земли ничего не знает о духовном мышлении ангелов и об их речи и что их речь и мысль отличны от природной человеческой. Не зная этого, человек никак не может знать, что такое внутренний смысл Слова и, следовательно, что посредством этого смысла может совершаться такое соединение. Они сказали еще, что если бы человек ведал про этот смысл и при чтении Слова хотя несколько им руководствовался, то он достиг бы внутренней мудрости и, кроме того, соединился бы с небесами, ибо через этот смысл он стал бы причастен мыслям ангельским.

Небеса и ад образуются из рода человеческого

311. Христианскому миру совершенно неизвестно, что небеса и ад образуются из рода человеческого. Обыкновенно думают, что сначала были сотворены ангелы и что из них образовались небеса; что дьявол, или сатана, был прежде ангелом света, который за возмущение был вместе с полчищем своим низвергнут, и что таким образом образовался ад. Ангелы крайне дивились таким верованиям в христианском мире и еще более тому, что здесь ничего не знают о небесах, между тем как это есть главное в учении церкви. Видя, что такое невежество царствует на земле, они возрадовались сердцем, что благоугодно было Господу открыть ныне христианам многие истины о небесах и об аде и тем по возможности рассеять мрак, который с каждым днем возрастает, ибо церковь пришла к концу. Поэтому они хотят, чтобы я подтвердил как слышанное из уст их, что нет во всех небесах ни одного ангела, который бы создан был таким с самого начала, ни в аду дьявола, который бы сперва был создан ангелом света, а потом был низвергнут, но что все жители как небес, так и ада произошли от рода человеческого; что в небеса идут люди, жившие на земле в небесной любви и вере, а в ад – жившие в адской любви и в адской вере, и что ад в совокупности есть то, что называется дьяволом и сатаной: дьяволом – тот ад, который позади и в котором находятся так называемые злые гении, а сатаной – тот ад, который впереди⁶ и в котором находятся так называемые злые духи. Впоследствии будет сказано, в чем состоит тот и другой ад.

Далее ангелы говорили, что христианский мир составил себе такое понятие о жителях небес и ада вследствие некоторых изречений Слова, принятых в одном только буквальном смысле, без объяснения и толкования подлинного учения, основанного на Слове. Буквальный же смысл Слова без пояснений подлинного учения приводит умы в разногласие, за которым следуют невежество, ереси и ошибочные понятия.

312. Такое понятие в людях церкви подкрепляется еще тем верованием, что ни один человек не приходит в небеса или в ад до последнего суда, о котором церковь учит, что все видимое должно погибнуть и замениться новым; что тогда душа возвратится в тело свое и что в силу этого воссоединения человек будет жить человеком вторично. В этом веровании неизбежно заключается и другое – об ангелах, сотворенных с самого начала, ибо нельзя верить, чтобы небеса и ад могли образоваться из рода человеческого, если верить, что ни один человек не может прийти туда до скончания мира. Но, чтобы человек мог убедиться, что этого нет, мне дано было быть в сообществе ангелов и также говорить с теми духами, что находятся в аду. Сообщаясь с ними уже в продолжение нескольких лет и иногда непрерывно с утра до вечера, я мог поучиться всему, относящемуся к небесам и аду. Это было мне дозволено с той целью, чтоб человек церкви не оставался долее в своем ошибочном веровании о воскресении в день

⁶ Об означении местности словами «позади» и «впереди» – см. что было об этом сказано выше (н. 123, 124)

последнего суда, о состоянии души до того времени, об ангелах и о дьяволе. Это верование, как ложное, полно тьмы, и размышляющих об этих предметах по собственному разуму приводит сперва к сомнению, а потом и к отрицанию. Эти люди думают про себя: каким образом небо, столь пространное, со столькими светилами, с солнцем и луной, может разрушиться и уничтожиться? Каким образом могут звезды пасть на землю, когда они больше земли? Каким образом тела, съеденные червями, истлевшие и рассеянные всеми ветрами, могут собраться снова для воссоединения с душой? Где до того времени находится душа? Чем она может быть, когда лишена чувств, которыми обладала в теле? И многое тому подобное о таких предметах, которые по непостижимости своей не только не могут подлежать вере, но даже во многих уничтожают всякую веру в посмертную жизнь души, в существование небес и ада и вместе с тем во все остальное, относящееся к вере, исповедуемой церковью. Что такие вопросы уничтожают эти верования, это ясно видно из слов тех, которые говорят: разве кто приходил к нам с небес и рассказывал про них? Что такое ад и есть ли он? Что значит, что человек будет мучим огнем во всю вечность? Что такое день последнего суда? Разве его не ждали напрасно в продолжение целых столетий? И из многих других подобных возражений, в которых слышно отрицание всего.

Итак, чтоб мысли эти, столь обычные людям, которые за мирскую науку свою называются учеными, не смущали более и не соблазняли простых сердцем и верой и не покрывали более адским мраком понятия о Боге, о небесах, о вечной жизни и другие, на этом основанные верования. Господом раскрыты были внутренние начала моего духа, и мне дано было с людьми, которых я знал здесь, говорить после их смерти. С некоторыми из них я беседовал несколько дней. С другими – несколько месяцев, а с иными – целый год; и, наконец, с таким множеством других, что число их бесспорно превышает сотню тысяч; из них многие были на небесах, другие в аду. С иными мне случалось говорить спустя два дня по их кончине. Я рассказывал им, что в это самое время готовятся их похороны и останки тела их к погребению. Хорошо делают, отвечали они, что кидают то, что было плотью и служило ее мирским отправлениям. При этом они выражали желание свое, чтоб я сказал о них, что они не умерли, но что они живут теперь такими же людьми, как и прежде, и только перешли из одного мира в другой; что они ничего прежнего не утратили, ибо находятся в теле и пользуются всеми чувствами его, как и прежде: обладают тем же разумом и волей и сохранили такие же помышления, наклонности, ощущения (*sensationes*) и желания, как бывало на земле. Весьма многие из недавно умерших, видя, что они живут людьми, как и прежде, и в таком же состоянии – каждый человек после смерти находится первоначально в том состоянии, в котором он был здесь, а потом постепенно переходит из него в небеса или в ад, – чрезвычайно радовались тому, что они живы, и даже с трудом этому верили. Причем крайне удивлялись своему невежеству и ослеплению относительно состояния жизни своей после смерти и в особенности тому, что в таком неведении и ослеплении находится человек церкви, который, однако, более всех других мог бы знать истину об этом предмете. Они тогда впервые увидели причину такого ослепления и невежества, увидели, что внешнее, т. е. мирское и плотское, до того овладело умами людей и преисполнило их, что они не могут возноситься к небесному свету и рассматривать предметы, относящиеся к церкви, иначе как в духе своего вероучения (*dogmatum, doctrinalia*), ибо при такой любви к мирскому и плотскому, как ныне, ум исполняется мраком, как только он пытается проникнуть далее буквы вероучения.

313. Весьма многие из ученых христианского мира приходят в изумление, когда после смерти видят себя в теле, в одеяниях и домах точно так же, как и на земле, а когда вспоминают, как думали они о жизни после смерти, о душе, о духах, о небесах и об аде, то им делается совестно. Они тогда сознаются, что понятия их были безрассудны и что гораздо более мудрости было в понятиях людей, чья вера была проще. Ученые, утвердившиеся в таких ложных понятиях и относившие все к природе, были внимательно рассмотрены, и оказалось, что их

внутренние начала были совершенно закрыты, а внешние раскрыты и что, таким образом, они обращали взоры свои не к небесам, а к миру и, следовательно, к аду. Насколько внутренние начала раскрыты, настолько человек обращается взорами к небесам, а насколько его внутренние начала закрыты и раскрыты внешние, настолько он смотрит в ад, ибо внутренние начала человека созданы для принятия всего, относящегося к небесам, а внешние – для принятия всего, относящегося к миру. Поэтому люди, приемлющие мир, не приемля в то же время небес, принимают ад.

314. Что небеса образуются из рода человеческого, это видно также из того, что дух (mens) ангельский и дух человеческий подобны друг другу. И тот и другой одарены способностью разумения, постижения и хотения, и тот и другой созданы для принятия небес. Ибо дух человеческий одинаково способен к мудрости, как и дух ангельский, но здешняя мудрость его потому не равняется ангельской, что человек облечен здесь в земное тело, в котором дух его мыслит природным образом. Когда же он отрешается от уз, державших его в теле, тогда он не мыслит более по внешней природе своей, а по духовной. А когда он мыслит духовно, тогда он обнимает мыслью своей непостижимое и невыразимое для человека природного и таким образом становится мудрым, как ангел. Из этого ясно, что внутреннее начало в человеке, называемое духом его, по существу своему есть ангел (см. н. 57) и по отрешении своем от земного тела, подобно же ангелу, принимает человеческий образ (что образ ангела есть совершенно человеческий – см. н. 73–77). Но когда внутреннее начало человека не было раскрыто сверху, а только снизу, тогда по отрешении своем от тела оно хотя и остается в человеческом образе, но в ужасном и дьявольском, ибо оно не может смотреть вверх на небеса, но только вниз в ад.

315. Кому известно, в чем состоит Божественный порядок, тот может понять, что человек был создан, чтобы стать ангелом, ибо в нем, т. е. в человеке, находится та последняя степень порядка (н. 304), в которой могут образоваться все начала, относящиеся к небесной и ангельской мудрости, и которые могут быть восстановлены (redintegrata) и развиты (multiplicata). Божественный порядок никогда не останавливается на середине, т. е. на полпути, и не образует тут ничего без последней степени, ибо он тут не в полноте и совершенстве, но идет далее до последней степени (ad ultimum) – см. н. 304. Дошедши до нее, он начинает дело образования: силой собранных тут средств он восстанавливается и переходит к дальнейшим произведениям путем порождения (per procreationes). Вот почему последняя степень есть рассадник небес.

316. Господь же воскрес не только духом, но и телом, потому что, будучи в мире. Он прославил всю свою человечность, т. е. сотворил ее Божественной, ибо душа, которая была в Нем от отца, была само Божественное начало, и тело, ставши подобием души, т. е. отца, стало также Божественным. Вот почему Господь, как ни один человек, воскрес духом и телом. Он сам это объявил ученикам своим, когда они, увидав Его, приняли Его за духа: Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня (Лук. 24. 39); этими словами Он показал, что Он был человек не только духом, но и телом.

317. Чтоб стало известным, что человек после смерти живет и смотря по жизни своей на земле приходит на небеса или в ад, мне было весьма многое открыто о состоянии человека после его смерти. Но об этом будет сказано впоследствии в разделе о мире духов.

О состоянии на небесах язычников, или народов, находящихся вне церкви (extra ecclesiam)

318. Обыкновенно думают, что люди, рожденные вне церкви и называемые язычниками, не могут быть спасены, потому что у них нет Слова, и что, следовательно, они не знают Господа, без которого нет спасения. Но тем не менее они могут спастись, и эту истину можно познать уже из того, что милосердие Господне объемлет всех, т. е. простирается на каждого человека, что

язычники рождаются такими же людьми, как и рождающиеся внутри церкви, число которых в сравнении с первыми весьма незначительно; и, наконец, из того, что не их вина, если они не знают Господа. Всякий, кто мыслит по рассудку несколько здравому, может ясно понять, что ни один человек не рожден для ада, ибо Господь есть сама любовь, и любовь Его состоит в том, чтобы хотеть спасения каждого человека. Вследствие этого Им и было предусмотрено, чтоб у каждого человека была хоть какая-нибудь вера (*religio*), которая приводила бы его к признанию Божественного начала и внутренней жизни, ибо жить по вере значит жить внутренне: тогда человек обращает взоры свои к Божественному началу, а не к миру; он даже тогда удаляется от мира и, следовательно, от жизни мирской, которая есть жизнь внешняя.

319. Кто знает, что именно в человеке образует небеса, тот может знать, что язычники точно так же спасаются, как и христиане, ибо небеса внутри человека, и те, кто носит их в себе, идут после смерти своей на небеса. Иметь в себе небеса значит признавать Божественное начало и быть водимым им. Первое и главное во всякой вере есть признание Божественного начала: вера (*religio*), которая не признает Божественного начала, не есть вера. Поэтому и заповеди всякой веры говорят о Богослужении, т. е. учат, каким образом следует поклоняться Божеству, чтоб быть ему угодным. Насколько эти заповеди начертаны в сердце человека, т. е. насколько он хочет и любит их, настолько и сам Господь ведет его.

Известно, что язычники, равно как и христиане, живут нравственно, и даже многие из них лучше христиан. Ведут же люди нравственную жизнь или ради Божественного начала, или ради мнения людского. Первая из них, т. е. жизнь нравственная ради Божественного начала, есть жизнь духовная. Та и другая по внешнему виду кажутся одинаковыми, но внутри они совершенно различны: одна спасает человека, другая – нет. Кто ведет жизнь нравственную ради Божественного начала, тот ведом этим началом, а кто ведет нравственную жизнь ради людского мнения, тот ведом самим собой. Это будет яснее из следующего примера: кто не делает зла ближнему потому, что это противно вере (религии) и, следовательно, противно Божественному началу, тот воздерживается от зла из духовного побуждения, но кто не делает зла другому единственно из страха закона, из страха потерять доброе имя, честь или выгоду и, следовательно, воздерживается от зла только ради себя и мира, тот воздерживается от зла из природного побуждения и ведом самим собой; жизнь этого человека природная, а того – духовная.

Человек, чья нравственная жизнь духовна, носит небеса в себе самом, но тот, чья нравственная жизнь только природна, не слышит в себе небес. Это происходит оттого, что небеса наитствуют свыше и раскрывают внутренние начала, а через внутренние начала наитствуют на внешние, меж тем как мир влияет снизу и раскрывает внешние начала, а не внутренние, ибо нет никакого влияния из мира природного на духовный, но есть влияние или наитие из мира духовного на природный. Вследствие этого при одном влиянии из мира природного, без принятия в то же время и небес, внутренние начала закрываются. Из этого можно видеть, кто те, что приемлют в себя небеса, и те, что не приемлют их. Однако небеса в одном человеке не подобны небесам в другом человеке. Они различаются в каждом по любви ко благу и к истине, от этого блага происходящей. Любящие благо ради Божественного начала любят и Божественную истину, ибо благо и истина любят себя взаимно и ищут соединения. Вот почему язычники хотя они и не обретаются здесь в подлинных истинах, но в той жизни, по любви своей к ним, приемлют их.

320. Какой-то дух из язычников, живший на земле в добре благостыни, согласно понятиям своей веры, услышал, как духи из христиан рассуждали о том, чему следует верить (рассуждения духов между собой, особенно о благах и истинах, несравненно полнее и умнее, чем людские), и удивился, что они так спорят, сказав, что он не хочет и слушать их, ибо они рассуждают, основываясь на одном видимом и обманчивом. Он поучил их следующим образом:

если во мне есть благо, то через это самое благо я могу подлинность истины признать, а истину, мне неведомую, могу узнать.

321. Из многих случаев я узнал, что язычники, жившие нравственно, в повиновении и послушании, во взаимной благостыне, согласно понятиям своей веры, и вследствие того стяжавшие некоторую степень совести, приемлются в той жизни и с особенным тщанием поучаются там ангелами во благах и истинах веры и что, покуда они поучаются, они ведут себя скромно, разумно и мудро, легко принимают истину и проникаются ею, ибо они не составили себе против истин веры ложных понятий, которые бы нужно было опровергать, а тем более каких-либо нечестивых понятий о Господе, подобно многим из христиан, которые не имеют о Господе другого понятия, как о простом человеке. Когда язычники узнают, что Бог стал человеком и таким образом явил себя миру, они тотчас признают это и поклоняются Господу, говоря, что всеконечно Бог мог явить себя миру, ибо Он есть Бог небес и земли и род человеческий принадлежит Ему. Бесспорна та Божественная истина, что без Господа нет никакого спасения, но под этим должно понимать, что нет другого спасения, как через Господа. Вселенная полна земель, и все они полны жителей. Едва некоторые из них знают, что Господь принял человечность на нашей земле; но так как они поклоняются Божественному началу в человеческом образе, то они принимаются и ведутся Господом (см. об этом небольшое сочинение *О землях Вселенной*).

322. Между язычниками, как и между христианами, есть мудрые люди и простые. Чтоб я мог узнать, каковы те и другие, мне дано было говорить с ними иногда в продолжение нескольких часов, а иногда в продолжение целых дней. Но ныне не бывает тех мудрых людей, как бывало в древности и особенно в древней церкви, которая распространилась почти по всей Азии и верования которой перешли ко многим языческим народам. Чтоб я мог узнать, каковы были мудрецы того времени, мне дано было дружески беседовать с некоторыми из них.

Ко мне пришел дух, который был некогда одним из самых мудрых людей и потому известен ныне в ученом мире; я говорил с ним о разных предметах, и мне дано было полагать, что это был Цицерон. Зная его за мудреца, я повел разговор о мудрости, о разуме, о порядке, о Слове и, наконец, о Господе. Относительно мудрости он мне сказал, что нет другой мудрости, кроме относящейся к жизни, и что ничто другое не заслуживает этого названия. О разумении он сказал мне, что оно исходит от мудрости; о порядке – что он исходит от всевышнего Бога и что жить в порядке значит быть мудрым и разумным. Что касается Слова, то, когда я прочитал ему несколько строк из пророков, он нашел в этом величайшее удовольствие, и особенно в том, что каждое имя и каждое слово имеют внутреннее значение, и весьма дивился, что ученые нынешнего времени не находят удовольствия в таком изучении Слова. Я видел ясно, что внутренние начала мысли или духа (*mentis*) его были раскрыты, но он сказал мне, что более слушать не может, потому что постигаемое было для него слишком свято, чтоб он мог его долее выносить, – до такой степени он был этим чтением внутренне проникнут. Наконец я заговорил с ним о Господе и сказал, что Он родился человеком, но был зачат от Бога, совлекся человечности, полученной Им от матери, и облекся в человечность Божественную и что Он, а не другой кто, управляет Вселенной. На это собеседник мой отвечал мне, что он знает о Господе многое и постигает по-своему, что спасение рода человеческого не могло совершиться иначе. В продолжение нашего разговора несколько злых духов из христиан внушали разные соблазны, но он не обращал на них никакого внимания, говоря, что это неудивительно, ибо в продолжение земной жизни своей они набрались об этом предмете ложных понятий, и что, покуда эти понятия не будут устранены, они не могут утвердиться в понятиях противоположных, как те люди, которые оставались в полном неведении.

323. Мне также дано было говорить с другими духами, жившими в древности и принадлежавшими тогда к числу самых мудрых. Я сперва увидал их спереди, на некотором расстоянии; с этого места они могли постичь мои внутренние мысли и, следовательно, многое в них

весьма отчетливо. Из одной мысли моей они могли узнавать весь тот ряд понятий, к которым она относилась, и наполнять ее наслаждениями мудрости и прекрасными образами. Из этого я понял, что эти духи были из числа самых мудрых, и мне было сказано, что они были из древних. Тогда они приблизились ко мне, и, когда я прочитал им кое-что из Слова, они нашли в этом величайшее наслаждение. Я постигал, в чем именно состояло их удовольствие и наслаждение: оно наиболее происходило оттого, что все слышанное ими из Слова как вообще, так и в частности прообразовало и означало предметы небесные и духовные. Они сказали при этом, что в то время, когда они жили на земле, образ их мышления, речь и даже самое письмо были именно таковы и что вся мудрость их состояла в изучении науки соответствий.

324. Что же касается нынешних язычников, то они не одарены такой мудростью, но большей частью простодушны. Те из них, однако, которые жили во взаимной благостыне, становятся мудрыми в той жизни, и вот тому примеры. Однажды, когда я читал 17-ю и 18-ю главы Книги Судей о том, как сыновья *Дановы вошли в дом Михи и взяли истукан, ефод, терафим и литый кумир*, при этом был один дух из язычников, который, живя на земле, поклонялся изваянному образу. Слушая внимательно случившееся с Михой и как он горевал о похищенном у него изваянном образе, сам дух этот исполнился печали и до того предался ей, что от внутренней боли растерялся в мыслях. Я постигал его боль и вместе с тем невинность в каждом его чувстве. Духи из христиан также были при этом и наблюдали и весьма удивлялись, что поклонник изваянного кумира был полон столь глубокого чувства сострадания и невинности. После того добрые духи стали беседовать с ним и сказали ему, что не должно поклоняться изваянному кумиру и что он, как человек, может понять эту истину; что он от этого кумира должен возноситься мыслями к тому Богу, который сотворил небеса и землю и который управляет ими, и что этот Бог есть Господь. Покуда они таким образом говорили, мне дано было постичь внутреннее чувство его поклонения; оно сообщалось мне и было гораздо святее, чем у христиан.

Из этого можно ясно видеть, что язычники легче восходят на небеса, чем христиане нынешнего времени, как и говорит Господь у Луки: *И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием. И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними* (13. 29, 30); ибо дух этот, по состоянию своему, мог научиться всему относящемуся к вере и принять это с внутренним чувством. В нем было милосердие, принадлежащее любви, и в его неведении была невинность, а в ком есть милосердие и невинность, тот добровольно и с радостью принимает все относящееся к вере. Этот дух был впоследствии принят в число ангелов.

325. Однажды утром я услышал на некотором расстоянии хор, и по изображениям этого хора мне дано было узнать, что это были китайцы. Они изображали козла, покрытого шерстью, потом пирог из пшена и ложку из черного дерева, соединяя все это с понятием о плывущем городе. Они выразили желание подойти ко мне и, приближаясь, говорили, что хотели быть со мной наедине, чтоб открыться в своих мыслях, но им было сказано, что они не могут остаться одни и что другие негодуют на них за такое их желание, неуместное для гостей. Заметив негодование других, они стали думать, не поступили ли они дурно против ближнего и не присвоили ли они себе чего-либо принадлежащего другим. Известно, что все помышления в той жизни сообщаются, поэтому мне дано было заметить внутреннее волнение этих духов, происшедшее от смущения и опасения, не обидели ли они кого, и от подобных этим добрых чувств; из этого я мог узнать, что в них была благостыня. Вскоре после того я стал с ними беседовать и наконец говорить им о Господе. Назвав Его Христом, я заметил в них какое-то отвращение, но оказалось, что оно происходило от того понятия, которое они вынесли из мира, ибо им известно было, что христиане живут хуже их и без всякой благостыни. Когда же я называл Его просто Господом, они были внутренне тронуты.

После того они узнали от ангелов, что христианское учение более всех прочих настаивает на любви и благостыне, но что немногие живут по этому учению. Некоторые язычники, живя на земле, знали по разговорам и молве, что христиане ведут дурную жизнь, предаваясь любодеянию, ненависти, ссорам, пьянству и другим подобным порокам, которых они гнушаются как противных правилам их веры. Эти язычники в той жизни с большей робостью, чем другие, принимают истины веры, но впоследствии они узнают от ангелов, что христианское учение и сама вера учат совершенно другому, а только сами христиане гораздо менее, чем язычники, живут по заповедям своего учения. Убедившись в этом, они принимают истины веры и поклоняются Господу, но не так скоро, как другие.

326. Большой частью случается, что язычники, поклонявшиеся какому-либо Богу под видом иконы, статуи или какого-нибудь кумира, приводятся в той жизни к некоторым духам, которых они принимают за своих богов или кумиров, – с той целью, чтобы они покинули свои мечтательные понятия (фантазии). После нескольких дней пребывания с этими духами они от них удаляются. Также и люди, поклонявшиеся другим людям, иногда приводятся к ним или к другим их олицетворениям. Например, многие из иудеев приводятся к Аврааму, Иакову, Моисею, Давиду, но, когда они замечают, что в них столько же человечности, как и в других людях, и что они не могут получить от них никакой помощи, тогда они приходят в смущение и отводятся к своим местам смотря по жизни, которую они вели. Из всех язычников всего более любят на небесах африканцев, потому что они скорее всех других принимают благо и истину небесные. Они в особенности хотят, чтобы их называли послушными, а не верными: они говорят, что христиане, имея у себя учение о вере, могут называться верными, они же не могут, разве в том случае только, когда они примут это учение или, как они говорят, станут способными принять его.

327. Я говорил с некоторыми духами, принадлежавшими к древней церкви, т. е. к той церкви, которая существовала после потопа и распространилась тогда во многих царствах, как-то: в Ассирии, Месопотамии, Сирии, Эфиопии, Аравии, Ливии, Египте, Филистее до Тира и Сидона и в земле Ханаанской по ту и эту сторону Иордана. Эти духи знали в то время о Господе, что Ему надлежало прийти, и были поучаемы благам веры, но тем не менее отклонились от них и стали идолопоклонниками. Они находились впереди, влево, в мрачном месте и в жалком состоянии, их речь походила на звук флейты с одной только нотой, и в ней, казалось, не было ни одной мысли рассудочной. Они сказали мне, что находятся в этом месте уже несколько столетий и что их иногда берут оттуда, чтоб отправлять при других духах какие-нибудь низшие службы. Видя все это, я подумал о том, какая участь ожидает в той жизни многих христиан, которые хотя по внешнему не идолопоклонники, но суть такие внутри, ибо поклоняются себе самим и миру и в сердце своем отрицают Господа.

328. О том, что церковь Господня распространена по всему земному шару и, следовательно, может именоваться вселенской, что она заключает в себе всех живших по вере своей (*secundum religiosum*) в добре благостыни и что та церковь, в которой находится Слово и которая через него знает о Господе, относится к живущим вне ее пределов, как относятся к телу человеческому сердце и легкие, от которых все черева и члены тела различно заимствуют жизнь свою согласно своим формам, положениям и сочетаниям, – см. н. 308.

О детях на небесах

329. Некоторые люди думают, что только те дети идут в небеса, которые рождены внутри церкви, а не те, что рождены вне церкви, на том основании, как они говорят, что дети, рожденные внутри церкви, крещенные и что крещением они приняли веру церкви. Но эти люди не знают, что никто через крещение не становится причастником небес и веры, ибо крещение установлено только в знак и память того, что человек должен возродиться и что человек, рож-

денный внутри церкви, может возродиться, потому что в этой церкви есть Слово, в котором содержатся Божественные истины, посредством которых достигается возрождение, и потому также, что этой церкви ведом Господь, через которого возрождение совершается. Да будет же ведомо, что каждый ребенок, где бы он ни родился, внутри или вне церкви, от родителей благочестивых или нечестивых, после смерти своей принимается Господом и воспитывается на небесах. Там он поучается согласно Божественному порядку и исполняется любовью к благу, а через нее – и познаниями истины. После же того, по мере совершенствования своего в разуме и мудрости, он вводится в небеса и становится ангелом.

Всякий мыслящий по рассудку может понять, что никто не рожден для ада, а что всякий рожден для небес, и что если человек идет в ад, то это по собственной его вине, а что за детьми никакой вины быть еще не может.

330. Умершие дети являются такими же детьми и в той жизни, у них тот же детский нрав, та же невинность в неведении, та же нежность во всем, но только они находятся еще в приговорительном состоянии, чтоб они могли впоследствии стать ангелами, ибо дети не ангелы, а становятся ими. Всякий, отходящий от здешнего мира, воскресает там в точно таком же состоянии жизни, в каком он был здесь: ребенок – в состоянии ребенка, дитя – в состоянии дитяти, юноша – в состоянии юноши, равно как муж и старец в состояниях мужества и старости; но состояние каждого меняется впоследствии. Однако состояние детей превосходит состояние прочих возрастов в том отношении, что они находятся в невинности и что зло, происходящее от действительной жизни, еще не укоренилось в них. Невинность же такова, что в ней может приняться все небесное, ибо невинность есть приемник истины веры и блага любви.

331. Состояние детей в той жизни много превосходнее состояния детей на земле, ибо они там не облечены в земное тело, но в подобное ангельскому. Тело земное само по себе тяжело и грубо, оно не изнутри, или не из духовного мира, принимает первые свои ощущения и движения, но извне, или из природного мира, поэтому дети здесь должны учиться ходьбе, телодвижениям и речи. Даже более того, их внешние чувства, как-то слух и осязание, должны развиваться в них от упражнения. Иначе бывает с детьми в той жизни. Так как они духи, то они тотчас начинают действовать по своим внутренним началам, начинают ходить и говорить без предварительных упражнений, но только речь их вначале выходит из общего чувства, еще не вполне выражающегося в понятиях мышления; в скором же времени они и с ними знакомятся, Все это совершается так скоро, потому что внешнее в детях согласно с их внутренним. О том, что речь ангельская вытекает из различных чувств смотря по понятиям мышления, так что речь их совершенно сообразна с мыслями, исходящими от чувства, – см. н. 234–245.

332. Как только дети воскресают, что случается немедленно после их смерти, они возносятся на небеса и передаются тем ангелам женского пола, которые в земной жизни своей нежно любили детей, любя притом и Бога. Так как на земле они любили всех детей с почти материнской нежностью, то они принимают их как своих, и равно дети по врожденной им склонности любят их как матерей. Каждая имеет при себе столько детей, сколько она их желает по своей материнской духовной любви (чувство материнской любви названо в подлиннике особым словом *storge*, *storge*). Эти небеса являются впереди, против самого чела, прямо в том направлении или радиусе, в котором ангелы взирают на Господа. Эти небеса расположены таким образом, потому что все дети находятся под непосредственным усмотрением Господа; небеса невинности, т. е. третьи небеса, также влияют на них.

333. Дети по склонностям своим различны: иные приближаются ими к ангелам духовным, а другие – к ангелам небесным. Дети с небесными склонностями являются в этих небесах с правой стороны, а дети с духовными склонностями – с левой. Все дети в великом человеке, т. е. в небесах, занимают область глаз: в области левого глаза находятся те, кто с духовными склонностями, а в области правого глаза – те, кто с небесными склонностями, потому что Господь является ангелам духовного царства перед левым глазом, а ангелам небес-

ного царства – перед правым (см. н. 112). Из того, что дети в великом человеке, или небесах, находятся в области глаз, очевидно, что они находятся и под непосредственным наблюдением и усмотрением Господа.

334. Скажу также в нескольких словах, каким образом воспитываются дети на небесах. У своих воспитательниц они учатся говорить. Первая речь их есть только звук, выражающий чувство и становящийся отчетливее по мере того, как понятия мышления слагаются в них, ибо вся речь ангельская состоит из понятий мышления, происходящих от чувств их (см. главу об этом предмете, н. 234–245). Сначала внушают чувствам их, которые все исходят от невинности, такие вещи, которые являются перед их глазами и приятны им. А так как эти вещи духовного происхождения, то вместе с ними влияют и предметы, относящиеся к небесам, посредством которых внутренние начала в детях раскрываются, и они с каждым днем совершенствуются. По миновании этого первого возраста они переводятся в другие небеса, где обучаются учителями и т. д.

335. Дети в особенности обучаются посредством изображений (*repraesentativum*), или представлений, приуроченных к их способностям, и никто не поверит, до какой степени эти изображения прекрасны и полны мудрости от внутреннего источника. Таким образом детям постепенно внушается разумение, которое получает жизнь свою от блага. Довольно упомянуть здесь о двух изображениях, которые мне дано было видеть, по ним можно судить и об остальных. Первое изображало Господа, возносящегося из гроба, и вместе с тем соединение Его человеческого начала с Божественным, что делалось столь мудрым образом, что оно превосходило всякую человеческую мудрость, хотя в то же время делалось по-детски и невинно. При этом дети изображали и понятие о гробе, не соединяя, однако, его с понятием о Господе, которого присутствие постигалось только как бы издалека. Так делалось потому, что понятие о гробе заключает в себе что-то похоронное, что таким путем устранялось. Затем они наполняли гроб чем-то воздушным, казавшимся, однако, как бы слегка водянистым. Этим они обозначали, также с приличными устранениями, духовную жизнь в крещении. После того я видел, как они изображали Господа, сходящего к бывшим в узах смерти (*ad vincitos*), и восшествие Его с ними на небеса. Все это делалось с несравненным благочестием и осторожностью. Вполне детским было то, что они опускали почти незаметные, легонькие и мягкие ниточки, которыми поддерживали Господа в Его вознесении. Во все время они были в святом страхе, чтоб какая-нибудь часть их представления не коснулась чего-либо не заключающего в себе духовно-небесных понятий. Кроме того, у них есть другие представления, которыми они приводятся к познаниям истины и к возлюбленным блага как бы играми, сообразными с их нравами.

336. Мне было показано, сколь нежен их разум. В то время как я читал молитву Господню, они разумным началом своим влияли на понятия моей мысли, и я замечал, что их влияние было так нежно и так мягко, что оно принадлежало как бы одной только любви (*affectioni*). В то же время я замечал, что разумное начало их было раскрыто как бы начиная от Господа, ибо то, что влияло от них, влияло как бы и через них (*sicut transfluens*). Господь в особенности влияет на понятия детей через внутренние их начала, потому что (не как у взрослых) ничто еще не замкнуло их понятий. Ни одно ложное начало не препятствует им принять истину, и жизнь во зле не препятствует им принять благо, следовательно, достичь мудрости. Из этого можно видеть, что дети после смерти не приходят тотчас в состояние ангельское, но что они постепенно приводятся к нему познаниями блага и истины и что это делается согласно всему небесному порядку, ибо все малейшие оттенки их нрава ведомы Господу. Вследствие чего они и приводятся к принятию блага и истин блага согласно всем общим и частным побуждениям своих наклонностей.

337. Мне было также показано, каким образом им все внушается с удовольствием и приятностью, приличными их нраву. Мне дано было видеть детей, одетых с величайшим изяществом, вокруг груди их были венки из цветов, блестящих самыми приятными и небесными

красками; таким же образом были украшены и их нежные руки. В другой раз мне дано было видеть детей с их наставницами и с девицами в райском саду, украшенном не столько деревьями, сколько лавровыми беседками, образующими портики и аллеи, ведущие внутрь сада. Дети были одеты, как было сказано выше, и, когда они входили, цветы, осенявшие вход, исполнялись восхитительным блеском. Из этого можно видеть, в чем состоят их наслаждения и каким образом они разными удовольствиями и радостями приводятся к благам невинности и благостыни – благам, которые постоянно внушаются Господом посредством этих удовольствий и радостей.

338. Мне было показано посредством общения, весьма обыкновенного в той жизни, в чем состоят понятия детей, когда они видят какой-нибудь предмет. Все предметы, как вообще, так и в частности, представляются им как бы живыми, поэтому в каждом понятии их мысли есть жизнь. И я постиг, что почти подобные же понятия бывают у детей на земле, когда они забавляются своими играми, ибо у них еще нет того рассуждения, как у взрослых, чтоб различить неодушевленный предмет от одушевленного.

339. Выше было сказано, что дети бывают или с духовными или с небесными склонностями. Те, кто с небесными, легко отличаются от тех, которые с духовными склонностями. Первые думают, говорят и действуют гораздо мягче, так что при этом едва ли что видно, кроме чего-то текучего, исходящего от любви к благу, направленной к Господу и к другим детям. У вторых нет такой мягкости в их мыслях, словах и действиях, но во всем, что они делают, замечается как бы что-то трепещущее или дрожащее (*alatum vibratile*); они узнаются также по негоднованию, которое иногда выказывают, и по многому другому.

340. Многие могут думать, что дети остаются детьми на небесах и что они живут как дети между ангелами. Те, которые не знают, что такое ангелы, могли утвердиться в этом понятии, видя иногда в церквях иконы, на которых ангелы изображены детьми. Но на деле совсем иное: разумение и мудрость образуют ангела, и, покуда того и другого нет в детях, они хотя и живут между ангелами, но сами не ангелы. Когда они становятся разумными и мудрыми, тогда только они становятся ангелами и, что удивляло меня, они тогда не кажутся более детьми, но взрослыми, ибо тогда нрав их уже не детский, но созревший, ангельский; эта зрелость принадлежит разумению и мудрости. Если дети по мере усовершенствования в разумении и мудрости кажутся ростом выше, подобно отрокам или юношам, то это вследствие того, что разумение и мудрость составляют настоящую духовную пищу. То, что питает их дух, питает в то же время их тело по соответствию, ибо образ телесный есть не что другое, как внешний образ внутренних начал. Должно знать, что дети на небесах не вырастают далее первой молодости, при которой они и остаются во всю вечность. Чтоб я мог вполне убедиться в этом, мне дано было говорить с такими из них, которые были воспитаны на небесах и выросли там; с другими, которые были еще детьми, и с ними же впоследствии, когда они уже стали юношами; от них я узнал образ их жизни от одного возраста до другого.

341. Что невинность есть приемник всего относящегося к небесам и что, таким образом, невинность детей есть основа для всех чувств любви к благу и истине, можно видеть из того, что было сказано выше (н. 276–283) о невинности ангелов на небесах, а именно: что невинность состоит в том, чтобы хотеть быть ведомым Господом, а не самим собой; что, следовательно, человек настолько в невинности, насколько он далек от себя, а насколько кто далек от себя, настолько он в себе Господней. Собы Господня есть то, что называется правдой (*justicia*) и заслугой Господней. При всем этом невинность детская не есть настоящая (*genuina*) невинность, потому что она еще без мудрости. Настоящая невинность есть мудрость, ибо насколько кто мудр, настолько он любит, чтобы вел его Господь, или, что то же, насколько кто ведом Господом, настолько он мудр. Поэтому дети от внешней невинности, в которой они сперва находятся и которая называется невинностью детства, переходят к невинности внутренней, которая есть невинность мудрости. Эта мудрость есть цель (*finis*) всего их образования и преуспеяния,

поэтому когда они достигают невинности мудрости, тогда к ним присоединяется и невинность детства, которая в то же время служила им основой (planum). Невинность детей была мне изображена в виде чего-то древесного, почти безжизненного, но постепенно оживлявшегося, по мере того как дети усваивали познания истины и чувствами любви к благу. После того настоящая невинность была мне представлена в виде прекрасного ребенка, полного жизни и нагого. Самые невинные ангелы, обитающие в самых внутренних небесах и, следовательно, самые близкие к Господу, не представляются другим ангелам иначе как детьми, и даже нагими, потому что невинность изображается наготой, которая не внушает стыда, как мы читаем это о первом человеке и жене его в раю (Быт. 2. 25); а как только они утратили свое состояние невинности, они устыдились своей наготы и скрылись (3. 7, 10, 11). Словом, чем более в ангелах мудрости, тем более в них невинности, и чем более они невинны, тем более они сами себе кажутся детьми, поэтому и детство в Слове означает невинность (см. н. 278).

342. Говоря с ангелами о детях, я спрашивал, чисты ли они от зла, ибо в них нет действительного зла, как во взрослых. На это мне было сказано, что они одинаково подвержены злу и даже сами суть не что иное, как зло, но что они, как и все ангелы, воздерживаются Господом от зла и содержатся во благе таким, однако, образом, что им кажется, будто они в благе сами от себя. Чтоб дети, выросшие на небесах, не остались о себе в том ложном понятии, будто благо, которое в них, исходит от них же самих, а не от Господа, их иногда возвращают в то зло, которое они получили по наследству, и оставляют в нем, покуда они не узнают, не признают и не поверят, что это не так. Какой-то дух из царских детей, умерший ребенком, но выросший на небесах, был вышесказанного мнения. Поэтому он был возвращен к врожденной ему жизни во зле, и тогда, по сфере этой жизни, я постиг, что в нем был дух властолюбия и что он ни во что не ставил прелюбодеяние. Это зло он получил от родителей своих по наследству, но, когда он сознался в нем, он был снова принят в общество тех ангелов, с которыми он жил и прежде. Никогда человек в той жизни не наказывается за наследственное зло, потому что это зло ему не принадлежит и он стал таким не по своей воле. Но он наказывается за действительное зло, которое принадлежит ему, и, следовательно, за все то, что он действительной жизнью усвоил себе из наследственного зла.

Если детей, выросших на небесах, возвращают в состояние их наследственного зла, то это делается не с той целью, чтоб они за него были наказаны, но для того, чтоб они знали, что сами по себе они одно зло; что из ада, который в них, они поднимаются в небеса милосердием Божиим и находятся на небесах не по своим заслугам, но по милости Господней. Вследствие чего они не должны перед другими гордиться благом, которое в них есть, ибо это столько же противно благу взаимной любви, сколько истине веры.

343. Неоднократно, когда, бывало, толпа детей самого раннего возраста собиралась вокруг меня, я слышал их как что-то нежное, нестройное, т. е. они еще не действовали согласно и единодушно, как бывает это впоследствии, когда они становятся взрослыми. Меня удивляло при этом, что духи, бывшие со мной, не могли удержаться, чтоб не подстрекать их к разговору; такое желание врождено духам. Но я замечал, что дети каждый раз противились и не хотели говорить из принуждения; я довольно часто замечал, что их сопротивление и отвращение сопровождалось каким-то негодованием, и, когда им давалась некоторая свобода говорить, они только повторяли: это не так. Мне дано было узнать, что в этом состоит их искушение и что оно допускается с той целью, чтоб они привыкали и научались не только противиться злу и лжи, но и не думать, не говорить и не действовать по влиянию других и, следовательно, не допускать, чтоб их вел кто другой, кроме одного Господа.

344. Из вышесказанного можно видеть, каково воспитание детей на небесах, т. е. что посредством разумения истины и мудрости блага они приводятся к жизни ангельской, состоящей в любви к Господу и в любви взаимной, в которых обеих пребывает невинность. Но сколь противоположно этому воспитание детей у многих живущих на земле, видно из следующего

примера. Идя по улице большого города, я увидел нескольких мальчиков, которые дрались между собой. Стекавшаяся толпа смотрела на это зрелище с удовольствием, и я узнал, что даже сами родители возбуждали детей своих к сражению. Все это было до того противно добрым духам и ангелам, которые видели это через мои глаза, что я чувствовал их отвращение, которое в особенности увеличивалось тем, что сами родители поощряли детей своих к таким упражнениям. Духи замечали при этом, что таким образом родители с раннего возраста гасят в детях всякую взаимную любовь и всякую невинность, внушаемую им Господом; что этим же способом родители учат детей своих ненависти и мщению и, следовательно, старанием своим исключают детей своих из небес, где нет ничего другого, кроме взаимной любви. Итак, родители, желающие благо детям своим, да воздержатся от таких поощрений!

345. Скажу также, какая разница между умирающими в детстве и умирающими в возрасте. Умирающие взрослыми приносят с собой в ту жизнь основу (*planum*), приобретенную ими в мире земном и вещественном; эта основа есть память и ее природно-плотские наклонности (*affectiones*). Эта основа после смерти остается неизменной (*fixum*) и покоится, но все же она служит тогда крайней основой (*ultimum planum*) для мысли, ибо мысль воспринимается ею. Из этого следует, что какова эта основа и насколько рассудок соответствует ее содержанию, таков после смерти и сам человек. У детей же, умерших детьми и взрослых на небесах, нет такой основы; их основа природно-духовная, ибо они ничего не заимствуют от вещественного мира и от земного тела своего, а потому им и не могут принадлежать ни столь грубые вождения, ни столь грубые мысли: они все заимствуют от небес. Кроме того, дети не знают, что они родились на земле, а убеждены, что родились на небесах; поэтому они не знают другого рождения, кроме духовного, совершающегося через познания блага и истины, через разумение и мудрость, силой которых человек становится человеком; а как все это исходит от Господа, то они думают и любят думать, что они принадлежат самому Господу. Несмотря на это, однако, состояние людей, выросших на земле, может сделаться столь же совершенным, как состояние детей, выросших на небесах, если только эти люди удалятся от любви плотской и земной, т. е. от любви к себе и к миру, и заменят ее любовью духовной.

О мудрых и простых на небесах

346. Обыкновенно думают, что господство и слава на небесах более принадлежат мудрым, чем простым людям, на том основании, что у Даниила сказано: *И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде (или: оправдывающие) – как звезды, во веки, навсегда* (12. 3). Но не многие знают, кого следует понимать здесь под именем разумных, т. е. разумеющих, и оправдывающих. Обыкновенно думают, что это те, которые называются учеными, в особенности те, что были учителями церкви и превзошли других учением и проповедью; и между ними те в особенности, которые многих обратили к вере. Все таковые считаются здесь, по слову Даниила, разумными, или разумеющими, но на небесах они не считаются за разумеющих, если их разумение не было небесным разумением. В чем оно состоит, будет сказано ниже.

347. Небесное разумение есть внутреннее разумение, получающее начало свое от любви к истине не ради какой-либо славы мирской или какой-либо славы на небесах, но ради самой истины, которой человек проникается и наслаждается внутренне; те, что проникаются и наслаждаются самой истиной, проникаются и наслаждаются небесным светом, а если небесным светом, то и небесной истиной, даже, более того, самим Господом; ибо небесный свет есть Божественная истина, а Божественная истина на небесах есть Господь (см. н. 126–140). Этот свет проникает только внутренние начала духа (*mentis*), ибо эти начала так устроены, что могут воспринимать этот свет; по мере того как он проникает в них, они исполняются наслаждения, ибо все, что с небес ниспосылается и приемлется, вносит с собой удовольствие и приятность. От

этого источника происходит настоящая любовь к истине, т. е. любовь к истине ради истины. Те, кому свойственна эта любовь, находятся в небесном разумении и сияют на небесах сиянием тверди небесной: они полны сияния, потому что истина, где бы она ни была на небесах, дает свет (см. н. 132), а твердь небесная означает по соответствию то внутреннее разумное начало, которое присуще небесному свету. Те же, напротив, которые любят истину или ради мирской славы, или ради небесной, не могут сиять на небесах, потому что они проникаются и наслаждаются не небесным светом, а мирским и что этот свет на небесах, без первого, есть сущий мрак. Тогда преобладает в уме (*mentī*) человеческом мысль о своей собственной славе, ибо она есть цель, ради которой он действует; если же эта слава служит целью, то человек прежде всего смотрит на себя самого, а истины, которые служат ему для его славы, считает только средствами к достижению цели и пригодными для него орудиями.

Кто любит Божественные истины ради своей собственной славы, тот видит в Божественных истинах себя, а не Господа, вследствие чего духовное зрение свое, принадлежащее разуму и вере, он обращает от небес к миру и от Господа к самому себе; вот почему такие люди находятся в свете мирском, а не в небесном. По внешнему виду своему, т. е. перед людьми, они кажутся разумными и учеными наравне с теми, кто обретаются в небесном свете, потому что они таким же образом выражаются, и даже иногда, судя по внешнему, с большей мудростью, ибо они подстрекаются любовью к себе и умеют показывать, будто они полны небесных чувств; но внутренний образ их, в котором они представляются ангелам, совершенно иной. Из всего этого несколько видно, кого должно понимать под именем тех *разумеющих*, которые будут сиять на небесах, как светила на тверди. А кого следует разуметь под теми, которые *многих оправдывают* и которые просветятся, как звезды на небесах, об этом будет сказано теперь.

348. Под оправдывающими многих, т. е. под обратившими других к правде, разумеются мудрые, а мудрыми на небесах называются те, что живут во благе; во благе же обретаются там те, что немедленно прилагают Божественные истины к жизни. Когда Божественная истина переходит в жизнь, она становится благом, ибо она тогда переходит в волю и любовь, а все, принадлежащее воле и любви, называется благом. Такие люди называются мудрыми, ибо мудрость принадлежит жизни; но разумеющими, или разумными, называются те, что не прилагают Божественные истины немедленно к жизни, но слагают их прежде в память, откуда они впоследствии берут их и вносят в жизнь. Каким образом те и другие различаются на небесах, можно видеть в главе, где говорится об обоих царствах небесных, духовном и небесном (н. 20–28), и в главе, где говорится о всех трех небесах (н. 29–40). Обитающие в небесном царстве Господнем, следовательно, в третьих, или самых внутренних небесах, называются праведными, потому что они нисколько не приписывают правды (*justicia*) себе, но всю правду относят к Господу, а правда Господня на небесах есть благо, от Господа исходящее. Вот кто разумеется под теми, что названы оправдывающими, т. е. обратившими к правде; говоря о них же, Господь сказал: *Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мат. 13. 43). Сказано, что они воссияют, как солнце, потому что они живут в любви к Господу, от него же исходящей, и что под солнцем разумеется эта любовь (см. н. 116–125); даже и свет, в котором они живут, и самые мысли их кажутся будто пламенными по той причине, что они приемлют благо любви непосредственно от Господа как небесного солнца.

349. Все те, что стяжали себе в мире разумение и мудрость, приемлются на небесах и становятся ангелами, каждый по качеству и количеству своего разумения и мудрости, ибо все, что человек приобретает на земле, он сохраняет и уносит с собой после смерти: оно продолжает там расти и пополняться, но только согласно степени его любви к истине и благу, а не свыше этой степени. Те, в которых было мало любви и желания, получают мало, но тем не менее столько, сколько могут принять по степени любви своей; те же, напротив, в которых было много любви и желания, приемлют много. Сама степень любви и желания служит как бы мерой, которая исполняется доверху, поэтому более дается тому, у кого мера велика, и менее

тому, у кого мера меньше. Так делается потому, что любовь, от которой исходят склонности и желания, принимает все то, что отвечает ей, – вследствие чего любовь и принятие соразмерны. Это самое разумеется в словах Господа: *Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится* (Мат. 13. 12; 25. 29). *Мерою доброю, утраченной, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше* (Лук. 6. 38).

350. Все, любившие истину и благо ради истины и блага, принимаются на небеса. Любившие их много суть те, что называются мудрыми, а любившие мало суть те, что называются простыми; мудрые окружены на небесах большим светом, а простые меньшим: каждый по степени любви своей к благу и истине. Любить истину и благо ради истины и блага значит хотеть и исполнять их на деле, ибо те, что хотят и делают, те любят, а не те, которые не хотят и не делают. Первые суть и те, которые любят Господа и любимы им, потому что благо и истина исходят от Господа и сам Он пребывает во благе и в истине, а затем и в тех, которые волей и делом приемлют благо и истину в жизнь. Человек, рассматриваемый в самом себе, есть также не что иное, как благо и истина, находящиеся в нем, потому что благо принадлежит любви, а истина разуму, и человек таков, каковы его воля и разум. Из этого ясно, что человек настолько любим Господом, насколько воля его образовалась благом, а разум – истиной. Быть любимым Господом значит также любить самого Господа, ибо любовь взаимна, и тому, кто любим, Господь дает и любить.

351. В мире думают, что те, которые весьма сведущи в учении церковном и Слове или в науках, глубже и острее видят истину, чем другие, что, следовательно, в них более разума и мудрости; эти люди такого же мнения о себе самих. Но теперь будет показано, что такое истинное разумение и мудрость и что такое мнимое (*spuria*) и ложное.

Истинная мудрость и истинное разумение состоят в том, чтоб видеть и постигать, что такое истина и благо, и затем, что ложь и что зло, и делать между тем и другим должное различие силой внутреннего воззрения и постижения. В каждом человеке есть внутреннее и внешнее⁷; внутреннее есть все, что принадлежит внутреннему, или духовному, человеку, а внешнее все, что принадлежит внешнему, или природному, человеку. По мере того как внутреннее образуется и составляет с внешним одно, человек видит умом и постигает. Внутреннее в человеке может образоваться только на небесах; внешнее же образуется в мире. Когда внутреннее на небесах образовалось, тогда оно влияет на внешнее, приходящее от мира, и приводит это внешнее к соответствию, чтобы внутреннее с внешним составляло одно; когда это сделано, тогда человек видит и постигает от внутреннего начала.

Для образования внутреннего начала есть только одно средство, а именно: чтобы человек обращался взорами своими к Божественному началу и к небесам, ибо, как было сказано, внутреннее образуется на небесах. Человек же обращается к Божественному началу, когда он верит в него и верит, что от него же исходит всякое благо и истина, следовательно, всякая мудрость и всякое разумение, верит же он в Божественное начало тогда, когда он хочет, чтоб оно управляло им. Таким образом, а не другим раскрывается внутреннее в человеке (начало). Человек, который исповедует такую веру и чья жизнь согласна с ней, имеет силу и возможность стать разумным и мудрым, но для того, чтобы ему действительно сделаться разумным и мудрым, он должен узнать многое, относящееся не только к небесам, но и к миру: первое он должен узнать из Слова и от церкви, а второе из наук. По мере того как человек приобретает эти знания и прилагает их к жизни, он становится разумным и мудрым, ибо по мере того внутреннее зрение, принадлежащее его разуму, и внутреннее чувство, принадлежащее его воле, совершенствуются. Простые люди (*simplices*) этого разряда суть те, чье внутреннее начало раскрыто, но не развито (*exculta*) истинами духовными, нравственными, гражданскими и природными; они постигают истину, когда слышат ее, но не видят ее в ней самой. Мудрые

⁷ Или ближе к подлиннику: внутренние и внешние начала.

же люди этого разряда суть те, чье внутреннее начало не только раскрыто, но и развито; они видят истину в ней самой и постигают ее. Из всего сказанного можно ясно понять, что такое истинное разумение и истинная мудрость.

352. Мнимое (*spuria*) разумение и мнимая мудрость состоят в том, чтобы не видеть и не постигать от внутреннего начала, что такое истина и благо и, затем, что такое ложь и зло, но только верить, что благо и истина, зло и ложь есть то, что называется так другими, и затем подтверждать это. Те, кто не видят истину в самой истине, а в словах других, могут тогда вместо истины принять ложь и верить в нее, и даже подтверждать ее в такой степени, что она покажется истиной, ибо все утверждаемое принимает вид истины, и нет того понятия, которого бы нельзя было утверждать. Внутреннее начало таких людей раскрыто только снизу, а внешнее начало раскрыто у них только в той мере, насколько они утвердились в своих понятиях.

Итак, свет, посредством которого они видят, не есть небесный свет, а мирской, который называется природным светом; при этом свете ложь может светиться как истина и даже, когда она подтверждается, может исполниться блеска, но этого не случится при небесном свете. Менее разумные и менее мудрые в этом разряде суть те, которые сильно утвердились в этих понятиях; те же, кто менее утвердились, более разумны и более мудры.

Из этого видно, что такое неподлинное разумение и неподлинная мудрость. К этому разряду, однако, не причисляются те, кто в детстве принимали за истину то, что слышали от своих наставников, и которые, выросши и начавши думать по собственному разуму, не прилепляются к этим понятиям, но желают знать истину, и вследствие этого желания ищут ее, и, когда находят, внутренне проникаются ею; так как эти люди любят истину ради истины, то они видят истину прежде, чем утверждают ее. Это будет пояснено примером. Духи рассуждали между собой о следующем вопросе: зачем животное, а не человек рождается во всяком, с его природой сообразном, знании? На это им было сказано, что животное живет в порядке своей жизни, а что человек этого не делает, вследствие чего он и должен быть приведен к порядку посредством познаний и наук; но что если б человек рождался в порядке своей жизни, состоящем в том, чтоб любить Господа выше всего, а ближнего как самого себя, то он рождался бы в разумении и в мудрости, а затем и с верой в каждую истину по мере своего знакомства с ней. Добрые духи тотчас увидели и постигли, что это так, единственно по свету самой истины, но духи, утвердившиеся в одной вере и вследствие того отбросившие любовь и благостыню, не могли этого понять, потому что свет утверждаемой ими лжи заменял свет истины.

353. Ложное разумение и ложная мудрость есть то, что не признает Божественного начала, ибо кто не признает этого начала, а вместо него принимает природу – те мыслят по чувственно-природным началам и суть люди чисто чувственные, хотя бы и почитались в мире за ученых. Их ученость не идет далее того, что в мире представляется глазам их; они держат это в памяти и рассматривают почти вещественно, меж тем как эти же науки служат истинно разумным людям для образования их разума. Под науками здесь понимаются разные опытные науки, как-то: физика, астрономия, химия, механика, геометрия, анатомия, психология, философия, история народов и литературы, критика и языки.

Пастыри церкви (*antistites*), отрицающие Божественное начало, равномерно не возвышаются мыслью выше чувственных начал, принадлежащих человеку внешнему. Они смотрят на Слово Божие и на относящееся к нему, как другие смотрят на науки, не обращая Слово в предмет мысли или какого-либо внутреннего воззрения (*intuitio*), исходящего от озаренного рассудка (*a mente rationali illustrata*). Это делается вследствие того, что внутренние начала их закрыты, а с ними и ближайшие внешние начала; закрыты же они потому, что люди эти отвернулись от небес и в ту же сторону обратили внутренние начала человеческого духа, которые, как было сказано выше, могли бы быть обращены к небесам. От этого они не могут видеть, что такое истина и благо, ибо для них истина и благо во мраке, меж тем как зло и ложь в свете. Не менее того люди чувственные могут рассуждать, и иные с большим искусством и проница-

тельностью, чем другие, но только на основании обманчивых представлений чувств, подтверждаемых научными сведениями; и, вследствие того что они могут таким образом рассуждать, они считают себя мудрее других. Огонь, которым возгорается любовь их при рассуждениях, есть огонь любви к себе и к миру. Вот те, что обретаются в ложном разумении и в ложной мудрости и которые подразумеваются Господом у Матфея: *Видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают* (13. 13–15). И в другом месте: *Утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам* (11. 25).

354. Мне дано было говорить с многими из ученых после отшествия их от мира; некоторые из них были весьма знамениты и известны в ученом мире по сочинениям своим, другие были менее известны, но в них скрывалась, однако, некоторая мудрость. Те, которые в сердце отрицали Божественное начало, стали до того тупыми, что они едва могли понимать какую-либо гражданскую истину и еще менее духовную. Я постигал и даже видел, что их внутреннее, духу принадлежащее начало было до того замкнуто, что казались черными (такие вещи в мире духовном видимы для зрения), и потому несколько не могли сносить небесного света, ни, следовательно, хоть сколько-нибудь воспринимать небесное наитие. Чернота, которой, казалось, облекались их внутренние начала, была темнее и больше в тех, которые в отрицании Божественного начала утвердили себя научными доводами своей учености. Такие люди в той жизни принимают с удовольствием всякую ложь, которой они напиваются, как губка водой, и откидывают всякую истину, как откидывает упругая кость то, что падает на нее.

Мне было сказано также, что внутренние начала тех, которые утвердились против Божественного начала, признавая одну природу, действительно обращаются в что-то костяное; голова же их принимает вид чего-то твердого, как бы из черного дерева, и простирающегося до самого носу, что показывает, что они уже лишились всякого постижения. Такие духи погружаются в пучины, кажущиеся болотами, в которых они мучаются морокой (*phantasiis*), в которую обращается их ложь. Для них адский огонь есть страсть к славе и известности, вследствие чего они восстают один на другого и с адским жаром мучают тех, которые не поклоняются им как божествам; таким образом они поочередно мучают друг друга. Вот во что переходит всякая мирская ученость, когда она через признание Божественного начала не приспособила себя к принятию небесного света.

355. Что такова в мире духовном участь этих ученых, когда они после смерти приходят туда, можно заключить из того одного, что тогда все находящееся в природной памяти и непосредственно соединенное с телесными чувствами, как, например, все вышеупомянутое научное, покоится и только научным путем выработанное рассудочное начало служит там для мысли и речи. Человек, правда, уносит с собой всю свою природную память, но находящееся в ней не подлежит более его воззрению и не переходит в его мышление, как это было, покуда он жил на земле; он уже ничего не может почерпнуть оттуда и вынести в духовный свет, потому что оно не принадлежит этому свету. Но все рассудочное, или разумное, что человек снискал себе из наук, покуда он жил в теле, согласуется со светом духовного мира. Поэтому насколько дух человека стал в мире рассудочным через познания и науки, настолько он рассудочен и по отрешении своем от тела, ибо тогда человек становится духом, тем самым, который мыслил в нем, покуда он еще жил в его теле.

356. Для тех же, напротив, которые познаниями и науками снискали себе разумение и мудрость, которые все знание свое прилагали к службам жизни и в то же время признавали Божественное начало, любили Слово и жили жизнью духовно-нравственной (см. н. 319), – для них науки послужили средством, чтобы стать мудрыми и утвердиться в том, что относится к вере. Их внутренние, духу принадлежащие, начала постигались и виделись мной как бы прозрачными от света и белого блестящего, огненного или голубого цвета, подобного алмазам, яхонтам и сапфирам. Внутренние начала принимали такой вид смотря по тому, насколько они через научное утвердили себя в пользу Божественного начала и Божественных истин.

Истинное разумение и истинная мудрость представляются такими, когда их видят в мире духовном. Такой вид их происходит от небесного света, который есть Божественная истина, исходящая от Господа как источника всякого разумения и всякой мудрости (см. н. 126–133). Основой для этого света, в котором происходят как бы разноцветные изменения, служат внутренние начала духа, а подтверждения Божественных истин предметами, взятыми из природы и, следовательно, из наук, производят эти изменения; ибо внутренний дух человека обзирает предметы природной памяти своей, и все, что тут служит к подтверждению, он как бы переплавляет огнем небесной любви, отделяет и очищает до степени духовных понятий.

Покуда человек живет в теле, он не знает этого порядка, потому что здесь он мыслит и духовно, и природно: то, что он мыслит духовно, он не сознает, а лишь то, что он мыслит природно. Но когда он приходит в духовный мир, тогда он не замечает то, что мыслит природным образом, а лишь то, что духовным; такова перемена в его состоянии. Из этого ясно, что человек становится духовным посредством познаний и наук и что они служат орудиями к приобретению мудрости, но только для тех, которые верой и жизнью признали Божественное начало; даже эти люди преимущественно перед другими принимаются в небеса и находятся там между теми, которые обитают в середине (н. 43), потому что они ближе к свету, чем другие. Они суть те разумные и мудрые на небесах, которые светятся, как светила на тверди, и сияют, как звезды; простые же там люди суть те, которые признавали Божественное начало, любили Слово и жили жизнью духовно-нравственной, но чьи внутренние, духу принадлежащие, начала не были в такой же степени развиты познаниями и науками: дух человеческий подобен почве, достоинство которой зависит от степени ее возделывания.

О богатых и бедных на небесах

357. О принятии душ человеческих на небеса существуют различные мнения: иные полагают, что туда приемлются одни только бедные; другие – что туда одинаково приемлются бедные и богатые; а некоторые – что богатые не могут быть туда приняты, если они прежде не откажутся от своих имуществ и не станут наравне с бедными; и каждое такое мнение свое подтверждают Словом. Но люди, полагающие, что на небесах есть разница между бедным и богатым, не понимают Слова. Слово внутри духовно, в букве же оно природно; и потому приемлющие Слово в одном его буквальном смысле, нисколько не приемля в духовном, ошибаются во многом, и в особенности относительно бедных и богатых, когда, например, думают, что так же трудно богатым войти в царствие небесное, как верблюду пройти сквозь ухо игольное, а что бедным взойти на небеса легко потому только, что они бедны, ибо сказано: *Блаженны нищие духом; ибо ваше есть Царствие Божие* (Лук. 6. 20, 21). Но имеющие некоторое понятие о духовном смысле Слова мыслят иначе: они знают, что небеса открыты для всех живущих жизнью веры и любви, равно для бедных и для богатых; а кто именно разумеется в Слове под именем богатых и бедных, это будет показано впоследствии.

Из многих разговоров моих с ангелами и немалого времени, проведенного мной в их обществе, мне дано знать доподлинно, что богатые столь же легко приходят на небеса, как и бедные; и что человек не исключается из небес за то, что он жил в достатке, как и не приемлется за одно то, что жил в нужде. На небесах есть богатые и бедные, и многие из богатых там в большей славе и большем блаженстве, чем бедные.

358. Я должен прежде сказать, что человек может приобретать богатство и увеличивать по возможности свое благосостояние, лишь бы это не было обманом или предосудительными средствами. Он может роскошно пить и есть, лишь бы не полагал в этом цели своей жизни; он может смотря по состоянию и положению своему помещаться с великолепием и, подобно другим, заниматься беседой, посещать увеселения и говорить о мирских делах. Нет надобности, чтобы он из особого благочестия ходил с грустным и печальным выражением лица и с

понишкой головой, но может быть веселым и радостным; нет надобности и в том, чтобы он имущество свое отдавал бедным, если он не делает это по любви; словом, он может во внешнем обращении своем жить точно так же, как человек светский, и это нисколько не помешает ему войти в небеса, лишь бы внутренне он мыслил о Боге, как должно, и поступал с ближним искренне и правдиво.

Человек таков, каковы его чувства и мысли или каковы его любовь и вера; все, что он делает во внешнем, заимствует оттуда жизнь свою, ибо делать значит хотеть и говорить значит думать: он делает по воле и говорит по мысли. Поэтому, когда сказано в Слове, что человек будет судим по делам своим и награжден по поступкам, это значит, что он будет судим и награжден по мыслям и чувствам, от коих исходят мысли и дела или кои скрываются в них, ибо дела без мысли и без чувства ничего не значат, а совершенно зависят от мысли и чувств. Из этого ясно, что внешнее в человеке ничего не значит, но что все зависит от внутреннего, от которого внешнее происходит. Для пояснения вот пример: кто поступает искренне и никого не обманывает из одного страха законов или утраты доброго имени, а затем чести или выгод, тот стал бы всячески обманывать других, если бы только страх этот не сдерживал его; его мысль и воля – один обман, меж тем как дела его, судя по внешнему, кажутся правдивыми; этот человек, будучи внутренне неискренним и обманщиком, носит в себе ад. Кто же, напротив, поступает правдиво и никого не обманывает на том основании, что обманывать значит идти против Бога и ближнего, тот, если бы даже и мог кого обмануть, не захотел бы этого; его мысль и воля служат ему совестью: такой человек носит в себе небеса. Дела и того и другого, судя по внешнему, кажутся одинаковыми, но внутри они совершенно различны.

359. Итак, если человек может во внешнем жить так же, как и другой: может приобретать богатства, давать пиры, помещаться и одеваться великолепно, смотря по состоянию и должности, пользоваться весельями и удовольствиями и предаваться мирским делам ради службы и занятий и ради поддержания жизни умственной и телесной, лишь бы внутренне он признавал Господа и благоволил ближнему, – то ясно, что не так трудно, как думают многие, найти путь в царствие небесное. Вся трудность в том, чтобы удержаться от любви к себе и к миру, и воспрепятствовать их господству, ибо от этого источника исходит всякое зло; что это нетрудно, как думают, можно понять из слов Господа: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко*. Матф. XI. 29. 30. Иго Господне благо, и бремя его легко, потому что насколько человек противится злу, истекающему от любви к себе и от любви к миру, настолько он ведом Господом, а не самим собою и что потому сам Господь в человеке противится злу и отдаляет его.

360. Я говорил после смерти с некоторыми духами, которые, живя на земле, отказались от мира и предались почти уединенной жизнью, чтоб, отделяясь мыслью от всего мирского, погрузиться в благочестивые размышления, полагая таким путем войти в царствие небесное. Но эти люди в том мире в грустном состоянии духа: они презирают тех, которые не походят на них; негодуют за то, что им не дано наслаждаться большим счастьем, чем другим, полагая, что они заслужили его; вовсе не заботятся о других и уклоняются от всякой службы благостыни, хотя только посредством ее человек соединяется с небесами; они более других желают быть на небесах, но когда они возносятся до местопребывания ангелов, они наводят на них тоску, которая разрушает их счастье; поэтому они разобщаются и после того переносятся в пустынные места, где ведут жизнь, подобную той, которую вели в мире. Человек не иначе может приготовиться (*formari*) для небес как в здешнем мире конечных проявлений (*ubi sunt ultimi effectus*), ибо в конечном (или внешнем) проявлении должно заканчиваться каждое чувство; если это чувство не выходит наружу и не проявляется в действиях, что совершается не иначе как в обществе людей, то оно глохнет и кончается тем, что человек не видит более ближнего, а только самого себя. Из этого ясно, что приводит к небесам жизнь благостыни к ближнему, жизнь, состоящая в том, чтобы поступать справедливо и прямо во всяком деле и во всякой службе,

а не жизнь благочестия без этой жизни благостыни; что, следовательно, упражнения в благостыне и затем расширение деятельности благостынной жизни могут увеличиваться по мере того, насколько человек предан деловым занятиям, и уменьшаться по мере того, насколько он от них удаляется. Я теперь скажу об этом несколько слов из опыта. Многие из тех, которые в мире были преданы делу торговли и промысла и от него разбогатели, находятся на небесах, но не много там из тех, которые достигли почестей и богатств в служебных должностях, потому что вследствие предоставленных им выгод и почестей для учинения суда и правды, для раздачи почетных и выгодных мест они, наконец, стали любить самих себя и мир и, следовательно, отвратили от небес мысли свои и чувства, обратив их к себе самим: ибо, насколько человек любит себя и мир и во всем видит себя и мир, настолько он отделяется от Божественного начала и удаляется от небес.

361. Часть богатых на небесах такова, что они живут в большем великолепии, чем другие; иные из них помещаются в дворцах, где все сияет как бы золотом и серебром; у них в изобилии все, что относится к службе и потребностям жизни; впрочем, они не полагают сердца своего в этих вещах, но в самой службе их: ее они видят ясно и как бы в свете, а золото и серебро – как бы в тени, или неясно. Это происходит оттого, что, будучи в мире, они любили самую службу, а золото и серебро – только как средство и орудие дела; самая же служба (какой бы то ни было вещи) сияет на небесах: благо службы – как золото, а истина службы – как серебро. Итак, какова была служба, которую эти люди несли в мире, таково их богатство на небесах и таковы их удовольствие и блаженство. Благие службы состоят в том, чтобы снабжать себя и своих потребными для жизни предметами, чтоб желать изобилия ради отечества и ближнего, которому богатый более, чем бедный, может разными путями делать добро; тем более что в таких занятиях человек удаляется духом своим от праздной жизни, которая вредна, ибо в такой жизни человек, по врожденному злу, предается худым помыслам. Эти службы хороши, насколько в них есть Божественного начала, т. е. насколько человек взирает на него и на небеса и в них полагает благо свое, а в богатствах видит только благо, которое служит ему для высшего.

362. Но участь богатых, которые не верили Божественному началу и откинули все, относящееся к небесам и церкви, совершенно иная; они находятся в аду, среди нечистоты, бедности и нужды; вот во что обращаются богатства, когда человек любит их ради их самих; и не только богатства, но и сама служба или употребление их, состоявшее в том, чтобы потакать всяким наклонностям своим, предаваться наслаждениям, чаще и свободнее распутствовать или возноситься над теми, которых презираешь. Так как в подобных богатствах нет ничего духовного, но все в них земное, то они обращаются в нечистоты: духовное начало в богатствах и службе их подобно душе в теле и небесному свету во влажной почве; без этого духовного начала они гниют, как тело без души, как влажная почва, лишенная небесного света. Такова участь тех, которых богатства соблазнили и отвратили от небес.

363. В каждом человеке после смерти сохраняется господствующая в нем любовь; эта любовь не искореняется во всю вечность, ибо дух человека совершенно таков, какова его любовь; и (что есть тайна) тело каждого духа и ангела есть внешний образ его любви, вполне соответствующий внутреннему его образу, т. е. образу его души и духа (*mentis et animi*). Вот почему свойства и качества каждого духа узнаются по его лицу, движениям и речи; таким бы точно образом мог быть узан и человек на земле, если б он не научился лицом, движениями и речью выражать чувства, которых в нем нет. Из этого видно, что человек остается на вечность таким, какова его господствующая любовь. Мне дано было говорить с некоторыми духами, которые жили тому назад семнадцать веков и которых жизнь известна по сочинениям того времени, и я узнал, что любовь, бывшая в них тогда, управляет ими и до сего времени. Из этого также видно, что любовь к богатству и к службе богатства остается в каждом на вечность, и совершенно такой, какой была на земле, с той, однако, разницей, что богатства в тех, которые обращали их на благую службу, превращаются смотря по службе в приятные вещи; а в

тех, которые употребляли богатства на худые службы, обращаются в нечистоты, которыми они тогда столько же наслаждаются, как бывало на земле богатствами, на худые службы употребленными. Они потому наслаждаются этими нечистотами, что нечистые наслаждения и распутство, на которые послужили им богатства их, а равно и скупость, т. е. любовь к богатствам без должного их употребления, соответствуют нечистотам; духовная нечистота есть ничто иное.

364. Бедные идут на небеса не ради их бедности, но ради их жизни; жизнь каждого остается при нем, богат он или беден. Нет особенного милосердия для одного более, чем для другого: кто жил хорошо, тот приемлется, а кто жил худо, тот отвергается. Кроме того, бедность столько же, как и богатство отклоняет и удаляет человека от небес: среди бедных весьма многие недовольны своей участью, очень честолюбивы и считают богатство за настоящее благословение; вследствие чего, оставаясь без него, они предаются гневу и худым помыслам о Божественном провидении, они даже завидуют имению других, при первом случае готовы их обмануть и точно так же предаются грязным наслаждениям. Совершенно иная участь тех бедных, которые довольны своей судьбой, которые в занятиях своих прилежны и усидчивы, любят труд, а не бездействие, поступают справедливо и честно, живя в то же время жизнью христианской.

Мне случалось несколько раз говорить с духами, принадлежавшими к сословию крестьян и простого народа, которые в земной жизни своей верили в Бога и поступали в делах своих правдиво и честно. Находясь в любви к познанию истины, они спрашивали, что такое благостыня и вера, ибо на земле они много слышали о вере, а в том мире – много о благостыне. Вследствие чего им было сказано, что благостыня есть все относящееся к жизни, а вера – все относящееся к учению; что поэтому благостыня состоит в том, чтоб во всяком деле хотеть и делать то, что справедливо и должно (*recte*); что благостыня и вера нераздельны, как учение и жизнь, согласная с учением, или как воля и мысль; что вера становится благостыней, когда человек хочет и делает то, что считает справедливым и должным; после чего благостыня и вера составляют уже не две отдельные вещи, а одно целое. Они поняли это очень хорошо и весьма тому радовались, говоря, что, живя в мире, они и не понимали, чтоб вера могла быть чем-нибудь отдельным от жизни.

365. Из предыдущего видно, что небеса равно доступны богатым и бедным и столь же легко одним, как и другим. Если думают, что бедным прийти туда легко, а богатым трудно, то это потому, что Слово в тех местах, где говорится о богатых и бедных, не было понято: тут под богатыми понимаются в духовном смысле те, которые изобилуют познаниями блага и истины, т. е. те, что принадлежат к церкви, имеющей у себя Слово; а под бедными понимаются не имеющие этих познаний, но которые, однако, желают их, т. е. те, что находятся вне церкви, где нет Слова. Под богатым, одевавшимся в порфиру и виссон и который был ввержен в ад, разумеется иудейский народ, названный богатым потому, что у него было Слово и, следовательно, познания блага и истины в изобилии; под одежаниями из порфиры означаются познания блага, а под одежаниями из виссона – познания истины; под бедным же, который лежал у ворот богатого и желал насытиться от крупниц, падающих со стола его, и который был отнесен ангелами на лоно Авраама, т. е. на небеса, разумеются народы, которые не имели познаний блага и истины, но, однако, желали их (Лук. 16.19–31). Под богатыми, которые, будучи приглашены на большой пир, извинились и не пришли, также разумеется иудейский народ, а под бедными, занявшими места их, разумеются народы, бывшие вне церкви (Лук. 12. 16–24).

Теперь будет сказано, кого следует разуметь под богатым, о котором Господь сказал: *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мат. 19. 24). В этом месте богатый означает богатых в том и другом смысле – как природном, так и духовном. В природном – богатых, изобилующих богатствами и полагающих в них сердце свое; в духовном же – богатых, изобилующих познаниями и наукой (из которых состоят духовные богатства) и желающих посредством их и собственного разумения проникнуть в предметы, относящиеся к небесам и церкви. Но как это противно Божественному порядку, то и сказано,

что легче верблюду пройти сквозь игольные уши, ибо в этом смысле верблюд означает познание и научное вообще, а ухо игольное – духовную истину. Ныне не знают, что верблюд и ухо игольное имеют это значение, потому что до сих пор не была открыта та наука, которая учит духовному значению всех выражений, находящихся в буквальном смысле Слова: в каждой частице Слова есть смысл буквальный и духовный, ибо Слово – ради того, чтоб могло совершаться соединение небес с миром и ангелов с людьми после прекращения непосредственного их соединения, – было писано из одних соответствий вещей природных с духовными.

Из этого ясно, кого именно следует разуметь в этом изречении под именем богатого. Что богатые означают в Слове в духовном его смысле тех, что находятся в познаниях истины и блага, а богатства – самые познания, которые суть настоящие духовные богатства, это можно видеть из различных мест Священного писания:

Ис. 10. 12–14; 30. 6, 7; 45. 3; Иер. 17. 3; 48. 7; 50. 36, 37; 51. 13; Дан. 5. 2–4; Иез. 26. 7, 12; 27. 1–36; Зах. 9. 3, 4; Пс. 44. 13; Ос. 12. 9; Откр. 3. 17, 18; Лук. 14. 33 и в других местах. А что бедные означают в духовном смысле тех, что лишены познаний истины и блага, но, однако, желают их, это также видно из Слова у Мат. 11. 5; Лук. 6. 20, 21; 14. 21; Ис. 14. 30; 29. 19; 41. 17, 18; Соф. 3. 12, 13. Все эти места были объяснены в духовном их значении в сочинении *Тайны Небесные* (см. н. 10, 227).

О браках на небесах

366. Так как все жители небес происходят от человеческого рода, вследствие чего и ангелы там обоего пола, и так как от создания мира женщина назначена для мужчины, а мужчина для женщины, т. е. чтоб один принадлежал другому, и, наконец, так как эта любовь врождена обоим сторонам, – то, следовательно, есть браки на небесах точно так же, как и на земле. Но браки небесные весьма отличны от земных, и потому будет сказано, в чем состоят небесные браки, чем они отличаются от земных и в чем сходятся.

367. Брак (*conjugium*) на небесах есть духовное соединение двух личностей в одну; прежде будет объяснено, в чем состоит это соединение. Дух состоит из двух частей, из которых одна называется разумом, а другая волей; когда эти обе части действуют нераздельно, они тогда образуют один дух: муж на небесах действует как та часть, которая называется разумом, а жена – как та, которая называется волей. Когда это соединение, принадлежащее внутренним началам человека, сходит в низшие, принадлежащие телу, тогда оно постигается и чувствуется как любовь; эта любовь есть супружеская (*amor conjugialis*). Из этого ясно, что супружеская любовь берет начало свое в соединении двух личностей в один дух; это называется на небесах сожительством, и в таком случае говорится об этих личностях не как о двух, но как об одной: вот почему двое супругов на небесах не называются двумя ангелами, а одним.

368. Такое соединение мужа и жены в самых внутренних, духу их принадлежащих началах происходит вследствие самой цели создания их: мужчина рождается для того, чтобы быть разумным, следовательно, чтобы мыслить по разуму, а женщина рождается, чтобы быть под началом воли, следовательно, чтобы мыслить по воле. Это даже видно из наклонностей и природного нрава того и другого, равно как и из внешнего их образа; *из нрава* – потому что мужчина действует по разуму, а женщина по чувству; *из внешнего образа* – потому что у мужчины лицо грубее и не так красиво, речь сильнее, тело крепче, а у женщины лицо нежнее и красивее, речь мягче, тело слабее. Такое же различие между разумом и волей или между мышлением и чувством, такое же между истиной и благом и такое же между верой и любовью, ибо истина и вера относятся к разуму, а благо и любовь к воле. Вот почему в Слове юноша и муж означают в духовном смысле разумение истины, а дева и женщина чувство любви к благу; поэтому и церковь, по любви ее к истине и благу, называется женой и также девой, и равно все обретающиеся в любви к благу названы девами (см. Откр. 14. 4).

369. Каждый человек, будь он женщина или мужчина, одарен разумом и волей, но все-таки в мужчине преобладает разум, а в женщине воля, а человек таков, каково преобладающее в нем начало. Но в супружествах на небесах нет никакого преобладания, потому что воля жены есть воля и мужа, а разум мужа есть разум и жены, ибо один любит желать и мыслить, как другой, т. е. взаимно и обратно; вследствие этого происходит и соединение их в одно целое. Это соединение есть действительное соединение, потому что воля жены входит в разум мужа, а разум мужа в волю жены, в особенности когда они смотрят друг Другу в лицо; ибо, как уже не раз было сказано выше, на небесах есть взаимное общение мыслей и чувств, в особенности же между супругами, ибо они любят друг друга. Из этого можно видеть, в чем состоит это духовное соединение, которое образует супружество и производит на небесах супружескую любовь, а именно в том, что одна сторона хочет, чтобы все ей принадлежащее принадлежало и другой и обратно.

370. Мне было сказано ангелами, что насколько двое супругов находятся в таком соединении, настолько они и в супружеской любви, а следовательно, и настолько же в разумении, мудрости и блаженстве, потому что Божественная истина и Божественное благо, от которых исходит всякое разумение, всякая мудрость и всякое блаженство, влияют в особенности на супружескую любовь и что, следовательно, супружеская любовь есть самая основа Божественного наития, ибо она в то же время есть супружество истины и блага. Как разум соединяется с волей, так и истина соединяется с благом на том основании, что разум принимает Божественную истину и даже образуется истинами, а воля принимает Божественное благо и также образуется благами; что человек хочет, то для него и благо, а что он понимает, то для него и истина. Вследствие этого все равно сказать: соединение разума и воли или соединение истины с благом. Соединение истины и блага образует ангела, а вместе с тем и его разумение, его мудрость и блаженство, ибо ангел становится ангелом по мере соединения в нем блага с истиной и истины с благом, или, что то же, по мере соединения в нем любви с верой и веры с любовью.

371. Божественное начало, от Господа исходящее, потому в особенности наитствует на супружескую любовь, что эта любовь происходит от соединения блага и истины, ибо, как только что было сказано, соединение разума и воли есть то же, что соединение блага и истины. Это соединение берет свое начало в Божественной любви Господа ко всем находящимся на небесах и на земле; от Божественной любви исходит Божественное благо, и это благо воспринимается ангелами и людьми в Божественных истинах. Единственный приемник блага есть истина, поэтому кто не обретается в истине, тот ничего не может воспринять ни от Господа, ни от небес. Итак, насколько истины в человеке соединены с благом, настолько сам человек находится в соединении с Господом и небесами: вот где самое начало супружеской любви и вот почему эта любовь есть самая основа Божественного наития. По этой же причине соединение блага и истины на небесах называется небесным супружеством, и небеса в Слове Божиим уподобляются супружеству и даже называются супружеством; сам же Господь называется женихом и мужем, а небеса с церковью – невестой и женой.

372. Благо и истина, соединенные в ангеле или в человеке, составляют не две вещи, а одну, потому что тогда благо принадлежит истине, а истина благу. Такое же соединение бывает, когда человек мыслит о том, чего он хочет, и хочет то, о чем он мыслит; тогда мысль и воля составляют одно целое, т. е. один дух (*mens*), потому что мысль образует или представляет в образе то, чего хочет воля, а воля придает этому наслаждение. Вот почему двое супругов на небесах не называются двумя ангелами, а одним; это же самое должно разуметь под словами Господа: *Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Не все вмещают слово сие, но кому дано* (Мат. 19. 4–6, 11; Мар. 10. 6–9; Быт. 2. 24). Здесь описано небесное супружество, в котором живут ангелы, и также супружество блага

и истины; а под словами «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» разумеется, что благо не должно быть разлучаемо от истины.

373. Из предшествующего можно теперь видеть, откуда происходит истинно супружеская любовь, а именно: что она сначала образуется в духе (*mente*) тех, что находятся в супружестве, а затем спускается и переходит в тело, которым она постигается и чувствуется как любовь. Все, что постигается и чувствуется телом, берет свое начало в духовном человеке, т. е. в разуме и воле; из них слагается духовный человек, и все, что из духовного человека исходит в тело, проявляется тут в другом виде, сохраняя, однако, некоторое подобие и духовное сходство (*simile et unanimum*). Это – то же, что душа и тело, причина и следствие, как было об этом сказано выше в обеих главах о соответствиях.

374. Я слышал однажды ангела, описывавшего истинную супружескую любовь, с ее небесными наслаждениями, и говорившего, что это есть Божественное начало Господне на небесах, т. е. Божественное благо и Божественная истина, до того в двух особах соединенные, что образуют не два, но одно целое. Он говорил, что двое супругов на небесах потому образуют эту любовь, что каждый из них есть представитель своего блага и своей истины не только относительно духа, но и относительно тела, ибо тело, будучи устроено по подобию духа, есть образ его. Из этого он выводил, что Божественное начало изображается (*effigiatum*) в двух супругах, живущих в истинно супружеской любви, и что вследствие того в них изображаются и небеса, ибо все небеса суть Божественное благо и Божественная истина, от Господа исходящие; и что вследствие того же все, что есть небесного, с блаженством и наслаждением, превосходящими всякую меру, принадлежит этой любви. Меру эту он выражал словом, в котором заключались мириады мириад. Он дивился, что человек церкви ничего об этом не знает, меж тем как церковь есть небо Господне на земле, а небо есть супружество блага и истины. Он говорил также о своем изумлении при той мысли, что внутри церкви более, чем вне ее, совершаются и допускаются прелюбодеяния, удовольствие от которых в духовном смысле и затем в духовном мире есть само по себе не что иное, как удовольствие любви ко злу в соединении со злом; удовольствие адское, потому что оно совершенно противоположно небесному, которое состоит в удовольствии любви к истине в соединении с благом.

375. Всякий знает, что двое любящих супругов внутренне соединены и что существенное в супружестве есть соединение духа одного супруга с другим. Из этого можно знать, что каков сам по себе дух их, таково и их соединение и такова между ними любовь. Дух человека исключительно образуется истинами и благами, ибо все, что есть в мире, относится к благу и к истине и к их соединению; вот почему и соединение одного духа с другим совершенно зависит от истин и благ, которыми они образовались; следовательно, соединение духов, образовавшихся подлинными истинами и благами, есть самое совершенное. Должно знать, что ничто друг друга так не любит, как благо и истина, и потому от этой любви исходит истинно супружеская любовь; зло и ложь также любят друг друга, но эта любовь обращается потом в ад.

376. Из всего теперь сказанного о происхождении супружеской любви можно видеть, кто живет в супружеской любви и кто не живет в ней; что те живут в ней, которые по Божественным истинам находятся в Божественном благе; что чем подлиннее истины, с благом соединенные, тем подлиннее супружеская любовь. А как всякое благо, с истиной соединенное, исходит от Господа, то следует, что никто не может обретаться в истинно супружеской любви иначе как признавая Господа и Божественное его начало, потому что без этого признания Господь не может наитствовать и присоединяться к истинам в человеке.

377. Из этого ясно, что находящиеся во лжи не живут в супружеской любви, а тем более находящиеся во лжи по злу: у тех, что живут во зле и потому во лжи, внутренние, духу принадлежащие начала закрыты, и поэтому тут не может быть никакого начала супружеской любви; но ниже этих начал в человеке внешнем, или природном, от внутреннего отдельном, есть соединение зла и лжи, которое называется адским супружеством. Мне дано было видеть, каково

супружество тех, что живут во лжи по злу, и которое называется адским; они разговаривают между собой и также в похоти соединяются, но внутренне они горят друг к другу смертельной ненавистью, которая так велика, что превосходит всякое описание.

378. Равно не может быть супружеской любви между двумя особами различных вероисповеданий, потому что истина одной не согласуется с благом другой, а два несходных и несогласных начала не могут из двух духов образовать один; поэтому и в начале любви их нет ничего духовного: если они живут вместе и согласно, то это только по причинам природным (внешним). На этом основании супружества на небесах заключаются между лицами одного и того же общества как обретающимися в одинаковом благе и в одинаковой истине, а не между лицами различных обществ. Что на небесах все принадлежащие к одному обществу находятся в сходственном благе и в сходственной истине и отличаются от тех, которые вне этого общества, – см. н. 41 и след. Это же самое знаменовалось у израильтян тем, что браки их заключались внутри колен израильских и в особенности внутри семейств, а не вне семейств и колен.

379. Также нет истинной супружеской любви между одним мужем и несколькими женами, ибо это уничтожает духовное супружеское начало, состоящее в том, что из двух духов образуется один и, следовательно, уничтожает внутреннее соединение блага и истины, от которого исходит самая сущность этой любви. Брак с несколькими женами подобен разуму, разделенному на несколько волей, и человеку, принадлежащему не к одной, а к многим церквям, ибо в этом случае вера его раздроблена до того, что ее вовсе нет. Ангелы говорят, что брать несколько жен совершенно противно Божественному порядку, что они знают это по многим причинам и между прочим из того, что при первой мысли о многоженстве они лишаются внутреннего блаженства и небесного счастья и находятся тогда как бы в каком-то опьянении, потому что благо их разлучено с истиной своей. Вследствие того что внутренние, духу их принадлежащие начала приходят в такое состояние при одной мысли о том и намерении, они ясно постигают, что супружество с несколькими женами замыкает их внутренние начала и приводит к тому, что вместо супружеской любви вкрадывается похотливая любовь, которая удаляет человека от небес. Далее они говорят, что человек с трудом это понимает, потому что мало людей, живущих в настоящей супружеской любви, а не живущие в ней ничего совершенно не знают о внутреннем наслаждении, которое присуще этой любви. Они знают только о похотливом удовольствии, которое после кратковременного сожительства обращается в неудовольствие; тогда как наслаждение истинно супружеской любви не только здесь, на земле, продолжается до старости, но даже и после смерти переходит в наслаждение небесное и тогда исполняется внутренним наслаждением, которое вовеки совершенствуется. Они также сказали, что блаженства истинно супружеской любви могут быть насчитаны тысячами, и нет ни одного, которое было бы ведомо человеку и могло бы быть понято разумом того, кто не обретаётся от Господа в супружестве блага и истины.

380. Любовь к господству одного супруга над Другим совершенно уничтожает супружескую любовь и ее небесное наслаждение, ибо, как было уже сказано, супружеская любовь и ее наслаждение состоят в том, чтоб воля одного была волей и другого и обратно. Любовь к господству уничтожает такое состояние супружеской любви, ибо кто господствует, тот хочет, чтобы одна только его воля была волей другого, а чтоб воля другого для него не существовала; вследствие чего между такими супругами нет ничего взаимного и никакого общения любви с ее удовольствиями, тогда как это общение и происходящее от него соединение есть то самое внутреннее наслаждение, которое называется блаженством. Любовь к господству совершенно тушит это блаженство, а с ним и все, что есть небесного и духовного в супружеской любви, до того, что такие люди вовсе не знают о существовании этого небесного и духовного в супружестве начала; если им сказать про него, они примут это с презрением и при первом слове о таком блаженстве будут смеяться или сердиться. Когда человек хочет и любит то, чего хочет и любит другой, тогда обе стороны свободны, ибо всякая свобода принадлежит любви; но где

есть господство, там нет свободы ни для одной, ни для другой стороны; одна рабствует, другая также, потому что рабски покорна страсти к господству; но это вовсе непонятно тому, кто не знает, что такое свобода небесной любви.

Из того, однако, что было сказано о происхождении и сущности супружеской любви, можно знать, что насколько входит в нее господство, настолько дух обеих сторон не соединен, а разъединен; господство подчиняет, а подчиненный дух или не имеет воли, или воля его противоположна другой: если у него нет воли, значит, у него нет и любви; если же воля его противоположна другой, то ненависть занимает место любви. Внутренние начала людей, живущих в таком супружестве, находятся постоянно в столкновении и борьбе, как это и бывает всегда между двумя противными сторонами, хотя во внешнем их обращении они ради своего спокойствия сохраняют мир и тишину. Столкновение и борьба их внутренних начал обнаруживается после смерти; большей частью супруги там встречаются, и тогда они восстают друг против друга с таким ожесточением, что готовы растерзать себя, ибо они тогда поступают согласно состоянию своих внутренних начал. Мне дано было несколько раз видеть их столкновения и взаимную ярость, и у некоторых они были полны мести и жестокости. В той жизни внутренние начала каждого свободны и не связаны более внешними условиями, как это бывает по разным причинам на земле, ибо тогда каждый таков, каков он внутренне есть.

381. У иных людей бывает какое-то подобие супружеской любви, которое, впрочем, не есть супружеская любовь, если обе стороны не находятся в любви к благу и к истине. Эта любовь только принимает вид супружеской по разным причинам, например, когда супруги желают пользоваться взаимной услугой, спокойствием, отдохновением или бездействием, уходом в болезни и старости или попечением о любимых детях. У иных это принуждение от страха другой половины, или ради доброй славы, или из опасения болезней; других приводит к тому похотливость. Супружеская любовь различается также между супругами; у одного ее может быть более или менее, у другого мало или вовсе не быть; и вследствие этого различия одного могут ожидать небеса, а другого ад.

382. Подлинная супружеская любовь (*amor conj. genuinus*) пребывает в самых внутренних небесах, потому что ангелы этих небес пребывают в супружестве блага и истины и в невинности; ангелы низших небес также пребывают в супружеской любви, но только по мере их невинности, ибо супружеская любовь есть само по себе состояние невинности. Вот почему супруги, живущие в супружеской любви, наслаждаются небесными удовольствиями, которые для них подобны невинным играм маленьких детей; они находят удовольствие во всем, ибо небеса наитствуют радостью на всякую мелочь их жизни. Поэтому также супружеская любовь на небесах представляется в прекраснейших образах; видел ее изображенную девой несказанной красоты и окруженной облаком блестящей белизны. Мне было сказано, что вся красота ангелов на небесах зависит от их супружеской любви: чувства и мысли, происходящие от этой любви, изображаются алмазными атмосферами (*per auras*) с блеском карбункулов и яхонтов, и притом с чувством наслаждения, которое проникает внутренние начала духа (*mentis*) ангелов. Словом, небеса изображаются в супружеской любви, ибо небеса для ангелов состоят в соединении блага и истины, и это соединение производит супружескую любовь.

382а. Небесные супружества отличаются от земных тем, что целью последних есть между прочим рождение детей; на небесах же этого нет, а вместо рождения детей есть порождение истины и блага. Это рождение потому заменяет первое, что супружество на небесах есть супружество блага и истины, как уже было объяснено выше, и что в этом супружестве более всего любится благо и истина и их соединение; поэтому и супружество на небесах воспроизводит благо и истину. Вот почему в Слове рождения и поколения означают рождения духовные, т. е. блага и истины; мать и отец означают истину в соединении с благом порождающим; сыновья и дочери – порождения истины и блага; зятья и невестки – соединения этих истин и благ и т. д. Из этого ясно, что супружества на небесах не подобны супружествам на земле: брак (*nuptiae*)

на небесах духовный и не должен называться браком, но соединением одного духа с другим по супружеству блага и истины; на земле же брак есть, потому что он относится не только к духу, но и к плоти. Так как на небесах браков нет, то двое супругов там не называются мужем и женой, но каждый из них, согласно ангельскому понятию о соединении двух духов в один, называется словом, которое означает принадлежащее друг другу взаимно и обратно. Из этого можно видеть, как должно понимать слова Господа о браке (Лук. 20. 35, 36).

383. Мне также дано было видеть, каким образом заключаются супружества на небесах. Всюду на небесах все сходные по нраву живут в сообществе, а не сходные разобщаются, поэтому каждое общество на небесах состоит из ангелов с одинаковыми наклонностями; подобное влечется к подобному не от себя, но от Господа (см. н. 41, 43, 44 и далее). Точно так же и относительно супруга и супруги, чей дух может быть соединен в один: при первом взгляде они любят друг друга от самой глубины души (*intime*), видят в себе супругов и вступают в супружество; поэтому все супружества на небесах исходят от одного Господа. При этом совершается праздник, который празднуется среди многочисленного собрания; празднества различны смотря по обществам.

384. Так как супружество на земле служит рассадником рода человеческого, а равно и рассадником ангелов небесных (ибо, как было сказано выше, в особой главе, небеса происходят от рода человеческого), и так как, сверх того, супружество происходит от духовного начала, т. е. от супружества блага и истины, и Божественное начало Господа непосредственно влияет на супружескую любовь, – то самые супружества весьма святы в глазах небесных ангелов. И наоборот: так как прелюбодеяния противны супружеской любви, то ангелы считают их скверными (*profana*), ибо как в супружестве ангелы видят сочетание истины и блага, т. е. небеса, так точно в прелюбодеянии они видят супружество зла и лжи, т. е. ад. Вот почему как только они слышат слово «прелюбодеяние», они отворачиваются. Вот почему также, когда человек совершает прелюбодеяние из удовольствия, небеса закрываются для него; а когда небеса для него закрыты, человек не признает уже более Божественного начала и всего относящегося к вере, исповедуемой церковью. Что все живущие в аду расположены против супружеской любви, мне дано было постичь это по сфере, которая от них распространялась и которая как бы состояла в постоянном усилии расторгнуть и нарушить супружества. По этой сфере я мог убедиться, что удовольствие, царствующее в аду, есть удовольствие прелюбодеяния и что удовольствие в прелюбодеянии состоит также в удовольствии разрушать соединение истины и блага – соединение, образующее небеса. Из этого следует, что удовольствие прелюбодеяния есть адское, совершенно противоположное удовольствию супружескому, которое есть небесное.

385. Несколько духов по привычке, приобретенной ими еще в жизни телесной, наваждали меня (*infestabant*) с особенным искусством, т. е. посредством очень мягкого, почти волнообразного влияния, каким обыкновенно бывает влияние добрых духов; но я заметил, что оно было не без хитрости и тому подобных качеств и с той целью, чтоб прельстить и обмануть. Наконец я стал говорить с одним из них, который, как я узнал, был на земле войсковым начальником. Заметив, что в понятиях мысли его было что-то похотливое, я стал разговаривать с ним о супружестве языком духовным и полным изображений, который вполне выражает желаемый смысл и даже не один этот смысл в одно и то же время. Он сказал мне, что в земной жизни своей он ни во что не ставил прелюбодеяния, но мне дано было отвечать ему, что прелюбодеяния скверны, хотя в глазах совершающих их вследствие удовольствия, которое они находят в этом, и потому убеждения в их пользу, они не кажутся им скверными, но даже позволительными. Я заметил ему, что он может убедиться в их скверности из того соображения, что супружества служат рассадниками человеческого рода, а потому и рассадниками небесного царства, что, следовательно, они никогда не должны быть нарушаемы, но должны почитаться святыми; а так как он сам находится в той жизни и в состоянии постижения, то должен знать, что супружеская любовь нисходит через небеса от Господа и что от этой любви как от начала своего истекает

взаимная любовь, которая служит основанием небес; что он мог бы знать это уже из того, что лишь только прелюбодейцы приближаются к небесным обществам, они слышат смрад свой и бросаются оттуда в ад; что, по крайней мере, он мог бы знать, что нарушать супружества значит идти против Божественных и гражданских законов всех государств и, наконец, против здравого смысла рассудка, ибо это значит поступать не только против Божественного порядка, но и против человеческого. На многое другое, что я ему еще говорил, он отвечал, что в земной жизни своей он не думал об этом и хотел рассудить, так ли это; но я ему сказал, что истина не допускает рассуждений, потому что они потворствуют удовольствиям рассуждающего, следовательно, злу и лжи, а что он должен прежде подумать о том, что ему было сказано, ибо это истина; или о том всем известном правиле, что никто не должен делать ближнему того, чего бы не хотел самому себе, и что если б кто обольстил таким образом его жену, которую бы он любил, как это обыкновенно бывает в начале всякого супружества, то во гневе своем разве он не стал бы говорить, что прелюбодеяния скверны, и, будучи человеком высокого ума, разве бы он тогда не убедился более всякого другого в преступности таких действий и не нашел бы их вполне адскими?

386. Мне было показано, каким образом удовольствия супружеской любви восходят поступательно к небесам, а удовольствия прелюбодеяния нисходят к аду. Поступание (*progressio*) к небесам удовольствий супружеской любви состояло в прибыли чувств блаженства и счастья, беспрестанно умножавшихся и достигавших того, что становились неисчислимыми и неизреченными, и тем более несчетными и несказанными, чем внутреннее было поступание; того, наконец, что чувства эти достигали блаженства и счастья самых внутренних небес, или небес невинности. И это с полнейшей свободой, ибо всякая свобода исходит от любви, вследствие чего наибольшая свобода происходит от супружеской любви, которая есть сама небесная любовь. Но поступание прелюбодеяния шло к аду и постепенно до самого преисподнего, в котором нет ничего, кроме жестокостей и ужасов. Такова участь, ожидающая прелюбодейцев по отшествии их от здешней жизни. Под прелюбодейцами понимаются те, которые находят удовольствие в прелюбодеяниях, но нисколько не в супружествах.

Об ангельских занятиях на небесах

387. Нет возможности исчислить и в подробности описать всех занятий на небесах, но можно сказать об этом только несколько слов вообще, потому что занятия бесчисленны и разнообразны смотря по должностям каждого общества. Каждое общество отправляет свою особенную должность, ибо общества, различаясь между собой по свойственным им благам (см. н. 41), различаются также и по службам; на небесах благо каждого есть благо на деле, т. е. служба: там каждый несет свою службу, ибо царство Господне есть царство служб.

388. На небесах, как и на земле, управления многочисленны, ибо там есть дела церковные, дела гражданские и дела домашние. Что есть дела церковные, это видно из того, что было сказано и объяснено выше о Божественном богослужении (н. 221–227); что есть дела гражданские, видно из сказанного об управлении на небесах (н. 213–220); а дела домашние – из сказанного об ангельских жилищах и обителях (н. 183–190) и о супружествах на небесах (см. н. 366–386). Из всего этого ясно, что в каждом небесном обществе занятия и управления многочисленны.

389. Все, что есть на небесах, устроено согласно Божественному порядку, который везде соблюдается ангелами посредством управления: самые мудрые управляют делами, относящимися к общественному благу или общей службе; менее мудрые управляют делами, относящимися к частному благу или к частной службе и т. д. Заведующие делами подчинены друг другу точно так, как в Божественном порядке распределены службы, поэтому каждое занятие соединено с известным почетом согласно достоинству службы. Впрочем, ангел никогда не присваи-

вает себе никакой почести, но вполне относит ее к службе; а как служба есть то благо, которое он творит, и всякое благо исходит от Господа, то он и относит ее вполне к Господу. Поэтому кто думает сперва о чести, ему воздаваемой, и потом уже о своей службе, а не сперва о чести, воздаваемой его службе и затем уже ему самому, тот не может отправлять никакой должности на небесах; ибо, видя себя на первом месте, а службу на втором, он обращается к Господу тылом. Когда говорится о службе, разумеется и сам Господь, ибо, как было сказано, служба есть благо, а благо исходит от Господа.

390. Из этого можно заключить, в чем состоит подчиненность на небесах, а именно в том, что насколько кто любит, уважает и почитает службу, настолько он любит, уважает и почитает человека, на котором лежит эта служба. Человек этот любим, уважаем и почитаем, насколько он относит службу к Господу, а не к себе самому, ибо настолько же он мудр и службы свои отправляет ради самого блага. Любовь, уважение и почесть духовные суть не что иное, как любовь, уважение и почесть, воздаваемые службе, исполняемой человеком; служба приносит честь человеку, а не человек приносит ее службе. Кто смотрит на людей под влиянием истины духовной, тот смотрит на них не иначе: он видит, что каждый человек подобен другому, занимает ли он большую или малую должность, и что разница между ними только в мудрости; а мудрость состоит в том, чтоб любить службу, т. е. благо сограждан, общества, отечества и церкви. В этом же заключается и любовь к Господу, потому что от Господа исходит все то благо, из которого состоит благо службы; равно в этом заключается и любовь к ближнему, потому что ближний есть то благо, которое мы должны любить в согражданине, в обществе, в отечестве и в церкви и которое мы должны им делать.

391. Все общества на небесах распределены по службам своим, вследствие того, что они, как было сказано выше в н. 41, распределены по различным благам своим и что эти блага суть блага на деле, или блага любви (*charitatis*), т. е. службы. Есть общества, чьи занятия состоят в том, чтоб заботиться о детях; другие общества занимаются воспитанием и образованием этих детей, покуда они растут; другие точно так же воспитывают и обучают молодых мальчиков и девочек, которые уже получили добрые наклонности вследствие воспитания, данного им на земле, и которые потому восходят на небеса; другие поучают простых и добрых людей из христианского мира и ведут их к пути в царствие небесное; другие делают то же самое относительно различных языческих народов; другие защищают новоприбывших из мира духов от наваждений злых духов. Есть ангелы, которые заботятся о духах, находящихся на низшей земле⁸; есть также ангелы, которые не оставляют находящихся в аду, чтоб удерживать их от крайней жестокости и чтоб они не мучили друг друга вне должных пределов; другие ангелы находятся при тех, которые только что воскресли из мертвых.

Вообще ангелы всяких обществ посылаются к людям, чтоб их охранять и отклонять от худых чувств и помыслов и чтоб внушать им по мере свободного принятия добрые чувства; посредством этих внушений и отстраняя по возможности дурные намерения, ангелы управляют в некоторой степени делами и действиями людскими. Находясь при человеке, ангелы, так сказать, обитают в его чувствах: ближе к нему, насколько он живет во благе по истине, и дальше от него, если он жизнью своей удаляется от блага. Но все эти обязанности ангелов исполняются самим Господом через ангелов, ибо ангелы исполняют их не от себя, но от Господа; поэтому в Слове под ангелами разумеются во внутреннем смысле не ангелы, но что-либо относящееся к Господу; поэтому также ангелы в Слове названы богами.

392. Эти обязанности ангельские суть общие, но каждый ангел имеет свою особенную, потому что каждая общая служба состоит из бесчисленных частных служб, которые названы средними, второстепенными, зависящими; все они и каждая из них распределены и подчинены

⁸ Смотри об этой земле в следующем разделе – О мире духов.

согласно Божественному порядку, и, взятые вместе, они составляют и усовершенствуют общую службу, т. е. общее благо.

393. Делами церкви на небесах заведуют те, которые, живя на земле, любили Слово и по желанию своему искали в нем истину не ради почестей или выгод, но ради службы жизни как себе, так и другим. Эти люди смотря по любви своей и желанию службы находятся там в озарении и свете мудрости, ее они снискивают также через Слово, которое на небесах не буквально, как на земле, но духовно (см. н. 259): они исполняют там должность проповедников, и, согласно Божественному порядку, те из них стоят выше, которые превосходят других в мудрости, получаемой через озарение. В гражданских должностях находятся те, что, будучи на земле, любили отечество и его общее благо более своего собственного и делали должное и справедливое из любви к долгу и правде; насколько они, по желанию любви своей, искали закон правды и стали вследствие того разумными, настолько они стали способными занимать должности на небесах: они исполняют ту службу, которая по разряду своему соответствует их разумению, которое тогда на одинаковой степени с их любовью к службе ради общего блага. Кроме того, на небесах столько обязанностей, столько управлений и столько дел, что по множеству своему они несчетны; земные в сравнении с ними малочисленны. Все ангелы, не исключая ни одного, находят удовольствие в своем деле и труде по любви к службе, и никто из них не находится в этом удовольствии по любви к себе или к выгоде; и также ни один из них не любит службу ради выгоды житейской, ибо все потребности жизни даются им даром: они помещаются, одеваются и питаются даром. Из этого ясно, что любившие себя и мир более службы нисколько не причастны небесам, ибо всякий после земной жизни своей сохраняет свою любовь или свои склонности (*affectiones*), которые не искореняются вовеки (см. н. 363).

394. Каждый на небесах находится при своем деле по соответствию, которое относится не к делу, но к службе каждого дела (см. н. 112); а без соответствия ничего не существует (см. н. 106). Кто на небесах находится при должности или при деле, соответствующем службе, тот находится в состоянии жизни совершенно подобно тому, в котором он был на земле, ибо духовное и природное по соответствию составляют одно целое, с той, однако, разницей, что удовольствие этого человека более внутреннее, потому что он находится в жизни духовной, которая есть жизнь внутренняя и, следовательно, более способная к восприятию небесного блаженства.

О небесной радости и небесном блаженстве

395. Едва ли ныне кто знает, что такое небеса и в чем состоит небесная радость; размышлявшие о том и другом составили себе понятия столь общие и грубые, что едва ли это можно назвать понятием. Я мог весьма хорошо узнать от духов, приходящих отсюда в тот мир, какое они составили себе понятие о небесах и небесной радости, потому что, когда они были представлены самим себе, как бы живя на земле, они продолжали думать по-прежнему.

Люди не знают, в чем состоит небесная радость, потому что размышлявшие об этом предмете судили по внешней радости, принадлежащей человеку природному, и не знали, что такое внутренний, или духовный, человек и, следовательно, в чем состоит его удовольствие и его блаженство. Поэтому если б кто из находящихся в духовном, или внутреннем, удовольствии сказал им, что такое небесная радость и в чем она состоит, то они бы этого не поняли: такое объяснение, по неизвестности понятия, к которому оно относится, не вошло бы в постижение, а осталось бы в числе тех предметов, которые природным человеком отбрасываются. Всякому человеку, однако, известно, что, когда он покидает своего внешнего, или природного, человека, он становится человеком внутренним, или духовным, из чего можно бы заключить, что небесное удовольствие есть внутреннее и духовное, а не внешнее и природное; и что если оно внутреннее и духовное, то оно чище и утонченнее и проникает внутренне в человеке, душе

или духу его принадлежащие, начала. Из одних этих соображений всякий может заключить, что он будет в той жизни наслаждаться тем удовольствием, в котором находится дух его здесь, и что удовольствие телесное, называемое плотским, относительно того не есть небесное, ибо все находящееся в духе человека, по отрешении его от тела, остается с ним и после смерти, потому что он живет тогда как дух.

396. Все удовольствия истекают от любви: что человек любит, он то и чувствует как удовольствие и нисколько не находит его в другом источнике; из этого следует, что какова любовь, таково удовольствие. Все удовольствия телесные, или плотские, истекают от любви к себе и любви к миру, равно как и всякая похоть и ее наслаждения; напротив того, все удовольствия душевные, или духовные, истекают от любви к Господу и от любви к ближнему, и отсюда же исходит любовь к благу и к истине и внутреннее довольство. Эти роды любви с их удовольствиями влияют свыше от Господа и небес путем внутренним и исполняют внутренние в человеке начала; но другие роды любви с их удовольствиями влияют от плоти и мира путем внешним, идущим снизу, и проникают внешние начала. Поэтому насколько оба рода небесной любви принимаются человеком и проникают его, настолько внутренние, душе и духу принадлежащие начала раскрыты и взирают от мира к небесам; и, напротив, насколько оба рода мирской любви приемлются человеком и проникают волю его, настолько внешние, телу или плоти принадлежащие, начала раскрыты и взирают от небес к миру. По мере влияния и принятия этих любовей, сходят с ними наитием и удовольствия их; на внутренние начала – удовольствия небесные, а на внешние – удовольствия мирские, ибо, как было сказано, всякое удовольствие принадлежит любви.

397. Небеса сами по себе таковы, что полны удовольствий (*jucundis*), так что, рассматриваемые в себе самих, они суть не что иное, как блаженство и удовольствие, потому что Божественное благо, исходя от Божественной любви Господней, образует небеса вообще и в частности в каждом жителе их, а Божественная любовь состоит в том, чтобы вполне и от самого внутреннего начала хотеть всем блага и счастья; поэтому сказать: небеса или небесная радость – это одно и то же.

398. Небесные удовольствия невыразимы и неисчислимы, но, несмотря на их бесчисленность, нет в них ни одного, которое бы человек, живущий в телесном, или плотском, удовольствии, мог познать или которому он мог бы поверить, потому что внутренние его начала, как было сказано, смотрят от небес к миру, т. е. вспять. Кто вполне предан удовольствию телесному, или плотскому, или, что то же, любви к себе и к миру, тот находит удовольствие только в почестях, в выгодах и наслаждениях тела и чувств, которые гасят и глушат внутренние, небесам принадлежащие удовольствия до того, что люди не верят их существованию. Такие люди весьма бы удивились, если бы кто им сказал, что помимо удовольствий тела и плоти есть другие; и еще более, если сказать им, что заменяющие их небесные удовольствия бесчисленны и таковы, что удовольствия телесные и плотские, относящиеся преимущественно к почестям и выгодам, не могут быть даже сравнены с ними. Из этого видно, почему неизвестно, что такое небесная радость.

399. Как велико небесное удовольствие, можно понять из того одного, что там для всех удовольствие состоит в том, чтобы сообщать свои удовольствия и свое блаженство другому; а так как это свойственно всем небесным жителям, то ясно из этого, как необъятно небесное удовольствие, ибо на небесах, как было уже сказано (н. 288), все сообщаются с каждым и каждый со всеми. Такое сообщение истекает из обоих родов небесной любви, т. е. из любви к Господу и любви к ближнему; и той и другой любви свойственно сообщать удовольствия свои другим. Любовь к Господу такова, потому что любовь Господня любит сообщать другим все, что Ему принадлежит, ибо Он всем желает блаженства. Подобная любовь свойственна и всем любящим Его, ибо Господь пребывает в них; отсюда происходит и взаимное сообщение ангельских удовольствий; из последующего будет видно, что такова и любовь к ближнему.

Из всего сказанного ясно, что этим любовям свойственно общение своих удовольствий, но не таковы любовь к себе и любовь к миру. Любовь к себе отнимает у других всякое удовольствие и присваивает его себе, ибо желает блага только себе самой; а любовь к миру ищет отнять у ближнего всякое имущество его и присвоить его себе. Этим любовям свойственно только разрушать удовольствия других; если такая любовь сообщает что другим, то ради себя самой, а не ради других.

Таким образом, эти оба рода любви не общительны для ближнего, а разрушительны, если только удовольствие другого не составляет удовольствия этой самой любви. Мне несколько раз дано было постичь на самом опыте, что таковы любовь к себе и любовь к миру, когда они господствуют в человеке. Каждый раз как духи, обретавшиеся в таких любовях во время жизни своей на земле, приближались ко мне, удовольствие мое удалялось от меня и пропадало. Мне было сказано, что если такие духи приблизятся только к какому-либо небесному обществу, то удовольствие находящихся в этом обществе уменьшается по мере присутствия этих духов, — и тогда, что удивительно, злые духи эти находятся в своем удовольствии. Из этого я увидел ясно, каково было состояние духа такого человека, покуда он был еще в теле; ибо тогда он был совершенно таков, каким он стал и по отрешении от тела, т. е. он желал или домогался чужого добра и удовольствия и насколько успевал в этом, настолько находился в удовольствии. Из этого видно, что любовь к себе и любовь к миру разрушают небесную радость и, следовательно, совершенно противоположны небесным любовям, которые с ней заодно.

400. Однако должно знать, что удовольствие, испытываемое теми, что пребывают в любви к себе и к миру, по приближении их к какому-либо небесному обществу, есть удовольствие их собственной похоти и, следовательно, совершенно противоположное небесному удовольствию. Духи эти испытывают удовольствие похоти своей, когда они лишают небесного удовольствия или удаляют от него тех, которые находятся в нем. Но то бывает, когда нет этого лишения или удаления: они тогда не могут приблизиться, потому что по мере приближения своего они сами впадают в тоску и мучения; вот почему они и не решаются часто приближаться к небесным обществам. Мне дано было узнать это по многим опытам, о которых я скажу теперь несколько слов.

Духи, приходящие отсюда в ту жизнь, ничего большего не желают, как взойти в небеса; все ищут их, полагая, что значит быть на небесах, если только кого туда введут и примут. Так как они горячо желают этого, то они и возносятся к какому-либо обществу последних небес. Едва только те, что жили в любви к себе и к миру, приближаются к первому небесному порогу, как они начинают тосковать и до того внутренне мучиться, что скорее чувствуют в себе ад, чем небеса; поэтому они бросаются оттуда стремглав и только в аду, между своими, находят успокоение. Случалось также весьма часто, что такого рода духи желали узнать, что такое небесная радость, и, услышав, что она пребывает во внутренних началах ангелов, они пожелали, чтобы она была им сообщена; это и было сделано, ибо все, что желает дух, не находящийся еще ни в аду, ни в небесах, если только это полезно, дается ему. Когда сообщение было совершено, они до того стали мучиться, что от боли не знали, что делать им с телом своим: они закидывали голову до самых ног своих, бросались на землю и, сгибаясь в кольцо, корчились на ней, как змеи; все это было следствием их внутреннего мучения.

Вот каково действие небесного удовольствия на тех, что, живя в мире, предавались удовольствиям любви к себе и к миру. Это происходит оттого, что эти оба вида любви совершенно противоположны и что когда противоположное действует на противоположное, то это не бывает без боли; а как небесное удовольствие входит путем внутренним и влияет на противоположное удовольствие, то оно выворачивает или обращает в противоположную сторону внутренние, жившие в этом удовольствии начала, вследствие чего и происходят такие мучения. Эти любви потому противоположны друг другу, что (как сказано выше) любовь к Господу и любовь к ближнему хотят сообщить все свое другим и в этом находят все свое удоволь-

ствие; меж тем как любовь к себе и любовь к миру хотят все, принадлежащее другим, отнять и присвоить себе, и насколько это им удастся, настолько они находятся в полном удовольствии. Из этого также можно узнать, почему ад отделен от небес: все находящиеся в аду, когда были еще на земле, жили в одних удовольствиях тела и плоти, по любви к себе и к миру; а все находящиеся на небесах, будучи еще на земле, жили в душевных или духовных удовольствиях, по любви к Господу и к ближнему. Вследствие противоположностей этих любовей небеса и ад совершенно отделены друг от друга, и даже до такой степени, что дух, находящийся в аду, не смеет выступить оттуда на один палец или хоть чуть выказать голову, ибо как только он это сделает, то мучается и страдает; и я видел это весьма часто.

401. Человек, живущий в любви к себе и в любви к миру, покуда он живет на земле, находит удовольствие в этих любовях и равно во всех от них происходящих наслаждениях; напротив того, человек, живущий в любви к Богу и в любви к ближнему, покуда он живет на земле, не находит явственного удовольствия ни в этих любовях, ни в добрых порождаемых ими чувствах, но только едва заметное наслаждение, потому что, сокрытое в его внутренних началах, оно заграждено началами внешними, принадлежащими его телу, и притуплено мирскими заботами. Но после смерти оба состояния совершенно меняются. Удовольствия любви к себе и к миру обращаются тогда в страшные муки и страдания, называемые адским огнем, а иногда в грязь и нечистоту, соответствующие их нечистым наслаждениям и доставляющие им тогда удовольствие. Напротив же того, смутное удовольствие и почти неуловимое блаженство, которое чувствовали на земле люди, жившие в любви к Богу и в любви к ближнему, обращаются тогда в небесное удовольствие, которое всячески постигается и чувствуется, ибо это блаженство, покуда человек жил на земле, скрывалось в его внутренних началах, а теперь оно раскрывается и чувствуется явственно, потому что человек стал духом и это удовольствие было удовольствием его духа.

402. Все небесные удовольствия нераздельны от служб и присущи им, ибо службы суть блага любви и благостыни, в которых пребывают ангелы; какова служба, таково для каждого и удовольствие, и степень этого удовольствия соразмерна любви к службе. Что все небесные удовольствия суть удовольствия службы, можно видеть из сравнения с пятью чувствами человеческого тела: каждому чувству придано удовольствие смотря по службе этого чувства; особое удовольствие принадлежит зрению, особое – слуху, обонянию, вкусу и осязанию. Удовольствие зрения – в красоте цветов и образов, удовольствие слуха – в созвучии, обоняния – в благоухании, вкуса – в сладком ястве. Служба каждого чувства известна тому, кто об этом размышляет, и еще более тому, кто знаком с соответствиями. Так, удовольствие зрения принадлежит ему вследствие службы его относительно разума, который есть внутреннее зрение; удовольствие слуха принадлежит ему вследствие службы, оказываемой разуму и воле возможностью слушать; удовольствие вкуса принадлежит ему вследствие службы его, оказываемой желудку и потому всему телу питанием; удовольствие обоняния принадлежит ему вследствие службы его, оказываемой мозгу и легким. Супружеское удовольствие, как самое чистое и утонченное удовольствие осязания, превосходит все прочие вследствие службы его, состоящей в произведении рода человеческого, а потому и ангелов небесных. Эти удовольствия присущи орудиям внешних чувств по наитию с небес, где всякое удовольствие принадлежит службе и согласно с ней.

403. Некоторые духи вследствие понятий, полученных ими в мире, думали, что небесное счастье состоит в праздной жизни и в уходе за ними других. Но им было сказано, что никогда никакое счастье не состоит в праздном отдохновении; что если б это так было, то каждый отнимал бы для себя счастье другого, и что, таким образом, никто бы им не наслаждался; что такая жизнь вместо деятельной была бы праздной и вела бы к оцепенению. Меж тем как они сами могли бы знать, что без деятельности не может быть счастья в жизни и что отдых служит человеку только для возобновления сил, чтобы он мог с новой бодростью возвращаться

к занятиям своей жизни. Затем многим из них было показано, что жизнь ангельская состоит в делах благодости, т. е. в службах, и что все счастье ангельское в службе, от службы и согласно со службой. Чтоб пристыдить составивших себе то понятие, что небесная радость состоит в праздной жизни и отдохновении, исполненном вечной радости, им дано было постичь, какова была бы такая жизнь; и они постигли, что она была бы весьма печальной и что затем, с потерей всякой радости, жизнь эта в скором времени стала бы для них противной и ненавистой.

404. Духи, почитавшие себя против других более сведущими, говорили, что по их земной вере небесная радость состоит только в восхвалении и прославлении Бога и что в этом и состоит небесная деятельная жизнь. Но им было сказано, что хвалить и славить Бога не есть та деятельная жизнь, о которой идет речь, и что Бог не нуждается в хвалах и славословиях, а хочет, чтобы всякий исполнял службу свою, т. е. чтобы делали добрые дела, называемые добром благодости. Но эти духи не могли найти в добрых делах благодости никакого понятия о небесной радости, а только о каком-то рабстве; ангелы же свидетельствовали, что в этих делах, напротив, величайшая свобода, потому что эта свобода исходит от внутреннего чувства и соединена с несказанным счастьем.

405. Почти все, приходящие в тот мир, воображают, что как ад одинаков для всех, так и небеса для всех одинаковы. Меж тем как тут и там различие и разнообразие бесконечны и нет двух людей, для которых ад или небеса были бы совершенно подобны; точно так, как нет и человека, духа или ангела, который был бы совершенно подобен другому, хотя даже лицом. Когда я только думал, что два существа могут быть совершенно друг другу подобны или равны, ангелы приходили в ужас, говоря, что всякое единство образуется из согласного сочетания нескольких единиц, что качество единства зависит от этого согласия, и что таким-то образом каждое небесное общество, а затем и все небесные общества вместе образуют одно целое, и что все это совершается одним Господом и Его любовью.

Так точно и службы на небесах различны и разнообразны, и служба одного ангела никогда не одинакова или не подобна вполне службе другого, равно, следовательно, и удовольствие одного ангела никогда не подобно вполне удовольствию другого и не одинаково с ним. Более того, удовольствия каждой службы бесчисленны и эти бесчисленные удовольствия точно так же разнообразны, хотя, впрочем, соединены в таком порядке, что находятся друг у друга в виду, подобно службам каждого члена, орудия и черева в теле и даже подобно службам каждого сосуда и волокна в каждом члене, орудии и череве, – которые все вообще и в частности находятся в такой связи, что каждый из них видит свое благо в другом и, таким образом, во всех, а все в каждом; вследствие этого общего и частного взаимного отношения все части действуют как одно целое.

406. Я часто беседовал с духами, вновь пришедшими в тот мир, о быте будущей жизни. Я говорил, что им необходимо знать, кто Господь того царства, в которое они пришли, и какое там управление. Если в мире первое дело для пришедших в другое царство узнать, кто там царь, каков он, каков образ его правления и другие подробности об этом царстве, то тем более необходимо для них иметь подобные сведения о том царстве, в котором им суждено жить вечно. Поэтому они должны знать, что Господь есть тот царь, который управляет небесами и Вселенной, ибо кто управляет первыми, тот управляет и всем остальным; что, таким образом, царство, в котором они теперь находятся, есть царство Господне; что законы этого царства суть вечные истины и что они основаны на том едином законе, что должно любить Господа выше всего, а ближнего как самого себя; и что если теперь они хотят быть подобными ангелам, то они должны идти еще далее и любить ближнего более чем самих себя.

Услыхавши эти слова, они ничего не могли отвечать, потому что, живя на земле, они что-то подобное слышали, но не верили этому. Они дивились, что на небесах существует такая любовь и что даже можно дойти до того, чтоб любить ближнего более самого себя. Но им было сказано, что все блага в той жизни бесконечно возрастают, а что, покуда человек в земном теле

своем, он не может преуспеть во благе далее того, чтоб любить ближнего как самого себя, ибо он связан телом. По отрешении же от тела любовь его очищается и наконец становится ангельской, состоящей в том, чтоб любить ближнего более самого себя, ибо небесное удовольствие в том, чтоб делать добро другому, а не себе, – если только и в этом случае оно не делается для другого.

Им было сказано еще, что о возможности существования такой любви даже на земле они могут заключить из того, что бывали люди, которые, по супружеской любви своей, для спасения друг друга предпочитали смерть; из того также, что иная мать, по любви своей к детям, терпит голод, лишь бы не видеть ребенка своего алчущим; или также из того, что, увлекаясь чувством искренней дружбы, люди подвергаются опасности ради друзей своих; или, наконец, из того, что даже по дружбе светской и притворной, подражающей истинной дружбе, люди предлагают лучшее, что у них есть, тому человеку, которому они, по словам своим, желают добра и на словах уверяют его в том, чего нет на сердце. Наконец, им было сказано, что в возможности вышеупомянутой любви они могут убедиться из самой природы любви, которая такова, что радость ее состоит в том, чтобы служить другому не ради своей выгоды, а ради его собственной. Но этого не могли понять люди, любившие себя более других, и те, что в земной жизни своей были корыстолюбивы; а скупые – менее всех прочих.

407. Некоторый дух, имевший на земле большую власть, хотел по сохранившейся привычке повелевать и в той жизни. Но ему было сказано, что он находится теперь в другом царстве, которое вечно, что власть его земная кончилась и что в настоящем местопребывании своем всякий почитается за свое благо и истину и по Господнему к нему милосердию смотря по жизни, которую он вел на земле. Что в этом царстве, как и на земле, люди уважаются по своему богатству и по милости, в которой они находятся у царя, но что богатства здесь суть блага и истины, а милость царская – милосердие Господне к человеку смотря по жизни его на земле. Если же он хочет повелевать на иных основаниях, то он мятежник, ибо находится теперь в другом царстве. Услыхав это, он устыдился.

408. Я говорил с духами, которые воображали себе, что небеса и радость небесные состоят в том, чтоб быть большими. Но им на это было сказано, что на небесах самый большой тот, кто самый малый, ибо самым малым называется тот, кто сам по себе нисколько не имеет ни силы, ни мудрости и ни той, ни другой не хочет иметь от себя, а только от одного Господа. Кто, таким образом, самый малый, тот наслаждается величайшим счастьем, а из этого следует, что он есть и самый большой, ибо Господь дает ему силу и мудрость большую против других. И что значит быть самым большим, если это не значит быть самым счастливым? Ибо богатые не ждут чего другого от богатств и сильные – от власти, как высшего счастья. После того духам этим было сказано, что небеса не состоят в том, чтобы желать быть самым малым с целью быть самым большим, ибо так действовать – значит домогаться и желать быть самым большим, но в том, чтоб от всего сердца хотеть блага другим более, чем самому себе, и быть им полезным для их собственного счастья не из виду какой-либо для себя награды, но из любви.

409. Истинная небесная радость, т. е. самая сущность ее, не может быть описана, потому что она пребывает в самых внутренних началах жизни ангельской и уже оттуда исполняет все частности их мысли и чувства (*affectio*), а потому и все частности их речи и действий. Это делается таким образом, как если б внутренние начала их были совершенно раскрыты к восприятию наслаждения и блаженства, растекающегося по каждому волоконцу тела и, следовательно, по всему его существу; поэтому постижение и ощущение этого блаженства выше всякого описания, ибо то, что начинается в самых внутренних началах, растекается во все малейшие частицы, зачинающиеся от этих внутренних начал, и, постоянно прибывая, распространяется далее до внешних проявлений. Когда добрые духи, которые сами еще не находятся в этом наслаждении, поскольку они еще не вознесены на небеса, постигают его в исходящей от

ангела сфере любви, то они исполняются таким удовольствием, что приходят как бы в сладкое забвение; это случалось иногда и с теми, которые желали узнать, что такое небесная радость.

410. Некоторые духи пожелали узнать, в чем состоит небесная радость; вследствие этого им и было дозволено постичь ее до той степени, выше которой они не могли бы выносить ее. Но это еще не была ангельская радость, и она едва равнялась самой малой степени ее, как мне дано было постичь это по собственному опыту. Эта радость была столь слаба, что почти казалась холодноватой, но духи тем не менее называли ее высшей небесной, ибо она была для них в то время самой внутренней. Из этого видно, что не только есть степени в небесной радости, но что даже самая внутренняя радость одной степени едва приближается к последней или средней, другой степени; и что когда какой-нибудь дух приемлет самую внутреннюю для него радость, то она для него небесная и он не мог бы вынести другой, более внутренней, без боли.

411. Некоторые духи, не из злых, впали в состояние, подобное сну, и были в этом состоянии, относительно внутренних, духу их принадлежащих начал, перенесены на небеса; ибо духи до раскрытия своих внутренних начал могут быть переносимы на небеса и узнавать там о счастье их жителей. Я видел, как они оставались в этом состоянии отдыха в продолжение получаса и потом возвращались к внешним началам своим, в которых они находились и прежде. Тогда, вспоминая виденное ими, они говорили, что были среди ангелов на небесах и узнали там (регсерегинт) много чудного, видели вещи, блестящие золотом, серебром и драгоценными камнями, в самых великолепных, многообразных образах; что ангелы находили свое удовольствие не в этих внешних предметах, а в том, что они изображали и что относилось к Божественным, неизреченным, полным бесконечной мудрости началам, и что в этом состояла их радость; не говоря о других бесчисленных предметах, которые не могли бы даже в тысячной доле ни быть переданы человеческим языком, ни войти в понятия сколько-нибудь вещественные.

412. Почти все приходящие в тот мир находятся в самом глубоком невежестве относительно небесного блаженства и счастья, потому что они не знают, что такое внутренняя радость и в чем она состоит, составляя себе понятие о ней по весельям и удовольствиям мирским и чувственным; то, что им неведомо, они считают за ничто, меж тем как именно удовольствия плотские и мирские суть ничто относительно небесных. Поэтому, чтобы добрые духи, которые не знают, что такое небесная радость, могли ее узнать и понять, они переносятся в райские места, красота которых превосходит всякое воображение. Они думают тогда, что пришли в рай небесный, но им говорят, что это еще не есть истинное небесное блаженство, и потому дают им познать внутренние состояния радости до ее самой внутренней, им доступной степени постижения. После того они приводятся в состояние мира до самой внутренней степени, какая только может быть в них раскрыта; они сознают тогда, что ничто не в силах ни выразить это состояние, ни дать о нем хоть малое понятие. Наконец, они приводятся к состоянию невинности, также до ее самой внутренней, чувству их доступной степени, и таким образом им дается узнать, что такое поистине духовное и небесное благо.

413. Но чтоб я мог знать, что такое небеса и в чем состоит небесная радость, мне дано было Господом часто и долго постигать удовольствия небесных радостей; таким образом, они мне известны, потому что я испытал их на опыте, но описать их я никогда не смогу. Чтобы дать о них, однако, хоть некоторое понятие, я скажу следующее: небесная радость есть чувство удовольствий и радостей неисчислимых, представляющих в совокупности что-то общее целое или какое-то общее чувство, полное согласных сочетаний бесчисленных чувств, не отчетливо, я только темно постигаемых, потому что само постижение их какое-то общее, неопределенное. Тем не менее мне дано было постичь, что в этом чувстве заключались несчетные вещи, в таком порядке расположенные, что описать их нет никакой возможности; бесчисленность этих предметов вытекала из небесного порядка. Таков порядок, существующий в каждой части чувства и

в малейших его частицах, которые, однако, представляются каждому и постигаются им смотря по его способности как что-то самое общее.

Словом, в каждом общем чувстве есть бесчисленные оттенки, расположенные в совершенном порядке, и нет между ними ни одного, который бы не был живым и не проникал чувство; ибо все они истекают от самых внутренних начал, от которых происходит и всякая небесная радость. Я постиг также, что радость и наслаждение исходили как бы от сердца, растекаясь оттуда с величайшей приятностью по всем внутренним волокнам и затем по всем пучкам их с таким внутренним чувством удовольствия, что каждое волоконце, казалось, само превращалось в радость и наслаждение: все, что в теле было только одарено постижением и чувством, казалось, жило счастьем. Радость, принадлежащая телесным удовольствиям, в сравнении с той радостью – то же, что тяжелый и грубый туман (*grampus*) в сравнении с чистым и легким воздухом (*aiga*). Я заметил, что, когда я хотел перенести все свое удовольствие на другого человека, оно постоянно заменялось во мне новым удовольствием, в сравнении с первым – более внутренним и полным; оно овладевало мной в той мере, насколько я желал передать свое: и я постиг, что это было от Господа.

414. Живущие на небесах постоянно приближаются к весенней поре жизни, и чем более тысячелетий они живут, тем более приятности и счастья в том внешнем состоянии, которого они достигают; и это продолжается целую вечность, с постоянным возрастанием смотря по преуспеянию и степеням любви, благостыни и веры. Особы женского пола, скончавшиеся старыми и дряхлыми, но жившие в вере в Господа, в благостыне к ближнему и в счастливой супружеской любви с мужьями своими, возвращаются в течение многих лет все более и более к цвету юности и молодости и достигают красоты, которая превосходит всякое понятие о красоте, постижимой для (нашего) глаза. Доброта и благостыня дают им этот образ красоты, изображаясь в нем как бы в своем подобии, вследствие чего удовольствие и красота благостыни светятся во всех чертах лица их, так что они сами становятся как бы образами самой благостыни; некоторые духи видели таких ангелов женского пола и были поражены от изумления.

Образ благостыни, вживе видимый на небесах, таков, что сама благостыня дает ему жизнь и сама же в нем изображается, и даже до того, что весь ангел, и в особенности лицо его, становится как бы самой благостыней, которая тогда ясно видится и ясно постигается. Этот образ, когда смотрят на него, является образом несказанной красоты и проникает благостыней самое внутреннее начало жизни духа; словом, стареть на небесах значит молодеть. Жившие в любви к Господу и в благостыне к ближнему становятся в той жизни такими образами красоты; все ангелы в бесконечном разнообразии являются такими образами, и из них-то состоят небеса.

О необъятности небес

415. Что небеса Господни необъятны, можно заключить из многого изложенного и показанного в предшествующих главах, в особенности из того, что небеса состоят из рода человеческого (см. н. 311–317), и не только из людей, рожденных внутри церкви, но также из тех, что рождены вне ее (см. н. 318–328); следовательно, из всех тех, что от самого начала нашей земли жили во благе. Всякий, кто знает что-нибудь о частях, странах и царствах этой земли, может заключить, как велико должно быть народонаселение всего нашего земного шара. По исчислению окажется, что ежедневно умирает по несколько тысяч людей, следовательно, в год по несколько миллионов; и это совершается непрерывно от самого сотворения нашей земли, после которого прошло уже несколько тысячелетий, – и все эти люди после смерти своей перешли и постоянно переходят в так называемый мир духовный. Сколько же из них стали и становятся ангелами небесными, этого счесть невозможно. Мне было сказано, что в древнее время их было великое множество, потому что тогда люди мыслили внутреннее и духовнее и, следовательно, жили небесной любовью; но что в следующее затем время их уже не было так много,

потому что человек с течением времени стал более внешним и начал мыслить природнее, а вследствие того и предаваться земным страстям. Из этого можно уже видеть, что по одним жителям нашей земли небеса должны быть велики.

416. Что небеса Господни необъятны, можно заключить из одного того, что все дети, рождены ли они внутри или вне церкви, приемлются Господом и становятся ангелами; число же их на земле простирается до четвертой или пятой части всего рода человеческого. Из предыдущего известно, что каждое дитя, где бы оно ни родилось, внутри или вне церкви, от каких бы ни было родителей, приемлется после смерти своей Господом и воспитывается на небесах, поучаясь там согласно Божественному порядку и исполняясь любовью к благу, а через это и познаний истины; после чего, по мере усовершенения в разумении и мудрости, оно вводится в небеса и становится ангелом (см. н. 329–345). Из этого легко можно заключить, какое великое множество ангелов небесных произошло от одних детей с самого сотворения земли нашей до настоящего времени.

417. Как необъятны небеса Господни, можно увидеть также из того, что все планеты, видимые для глаза в нашей Солнечной системе, суть такие же земли и что, кроме них. Вселенная полна бесчисленным множеством других, которые точно так же исполнены жителей. Об этом было сказано мной в особом сочинении *О землях Вселенной*, из которого я приведу следующие слова: «В той жизни каждому известно, что число земель велико и что на них живут люди, которые после смерти становятся духами и ангелами; ибо в той жизни дозволяется каждому из любви к истине и к службе ее говорить с духами Других земель и этим способом убедиться в существовании множества миров и таким образом узнать, что род человеческий есть произведение не одной только нашей земли, но я бесчисленного множества других.

Я иногда говорил с духами нашей земли о том, что человек до разума и науке своей мог бы знать, что земель много и что они обитаемы людьми; ибо он мог бы по разуму заключить, что громады, подобные планетам, из которых некоторые величиной превосходят нашу землю, не суть тела необитаемые и не созданы для того только, чтобы носиться в пространстве вокруг солнца и проливать небольшой свет свой на одну единую землю, но что они должны быть назначены для гораздо высшей службы. Кто верит, как должен этому верить каждый, что Божественное начало создало Вселенную не для иной цели, как для существования рода человеческого и небес, ибо род человеческий есть рассадник небес, – тот не может не верить, что всюду, где есть земля, там есть и люди. Что планеты, принадлежащие нашей Солнечной системе и вследствие того видимые для наших глаз, суть земли, можно прямо заключить из того, что они тела, состоящие из земного вещества, ибо отражают солнечный свет и, усматриваемые в телескоп, кажутся не огненными звездами, но землями, покрытыми светом и тенью. Можно заключить это еще из того, что они, подобно нашей земле, носятся вокруг Солнца и, направляясь по зодиаку, образуют у себя годы и времена их, как-то: весну, лето, осень и зиму; и что они, кроме того, вращаются, как и наша земля, вокруг своей оси, образуя через это дни и времена их, т. е. утро, полдень, вечер и ночь. Сверх того, при некоторых планетах есть луны, называемые спутниками, которые в определенные сроки обращаются вокруг планет своих, как Луна вокруг нашей Земли; а у планеты Сатурн, за дальним расстоянием ее от Солнца, есть большое светлое кольцо, которое дает этой земле много света, хотя и отраженного. Какой человек, знающий все это и мыслящий по рассудку, может сказать, что это одни необитаемые тела!

Кроме того, я говорил с духами о том, что человек мог бы увериться во множестве земель Вселенной из того соображения, что звездное небо необъятно и полно несчетных звезд, из которых каждая, на своем месте и в своей системе, есть солнце, подобное нашему, только иной величины.

Кто правильно рассуждает, тот должен заключить, что вся эта необъятность не может быть ничем иным, как средством к достижению известной цели, которая должна быть конечной целью мироздания, и что эта цель есть существование небесного царства, в котором Боже-

ственное начало могло бы сопребывать с ангелами и людьми. Ибо видимая вселенная, или твердь, освещенная столь несчетными звездами, которые суть такие же солнца, есть только орудие, через которое могли бы создаться земли, а на них и те люди, из которых могло бы образоваться небесное царство.

При таких соображениях человек рассудка не может думать, чтоб столь необъятное средство к достижению столь великой цели могло быть назначено для произведения рода человеческого на одной только нашей земле. Много ли этого для Божественного начала, которое бесконечно и для которого тысячи, даже миллионы земель, преисполненные жителей, были бы едва заметны или почти ничтожны? Есть духи, единственное занятие которых состоит в приобретении знаний, ибо они в них только находят наслаждение; поэтому духам этим дозволено всюду странствовать и переходить за пределы нашей Солнечной системы в другие миры, чтоб этим способом приобретать всякого рода познания. Духи эти с планеты Меркурий; они сказали мне, что есть земли, обитаемые людьми, не только в нашем подсолнечном мире, но и вне его, в звездном небе, и что количество этих земель несчетное.

Было рассчитано, что если б во Вселенной был миллион земель, и на каждой земле по триста миллионов жителей и по двести поколений в шесть тысяч лет, и каждому человеку или духу было дано пространство в три кубических локтя, то и столь значительное количество людей или духов, взятых в совокупности, не заполнило бы пространство, занимаемое нашей землей; и едва бы превзошло пространство, занимаемое одним из спутников наших планет, пространство, которое во Вселенной было бы почти незаметно, ибо такой спутник едва видим для простого глаза. Что же бы это значило для Творца Вселенной, для которого если б и вся Вселенная была таким образом полна, то и этого было бы недостаточно, ибо Он сам бесконечен? Я говорил об этом предмете с ангелами, и они сказали мне, что имеют точно такое же понятие о малочисленности людей в сравнении с бесконечностью Творца, но что, однако, они мыслят не по пространствам, а по состояниям и что, по их понятию, мириады земель, числом выше всякого понятия, были бы все-таки совершенно ничто в сравнении с Господом». О землях Вселенной, о жителях их и о происшедших от них духах и ангелах – см. вышеупомянутое сочинение. Изложенное там было мне открыто и показано с той целью, чтоб было ведомо, что небеса Господни необъятны, что они все населены родом человеческим и что наш Господь всюду признается Богом небес и земли.

418. Что небеса Господни необъятны, может быть видно также из того, что небеса в совокупности изображают одного человека, и притом соответствуют всему, что вообще и в частности есть в человеке; что это соответствие никогда не может преисполниться, потому что оно есть соответствие не только с каждым членом, орудием и черевом тела вообще, но даже в частности и в отдельности со всеми и каждым малейшим черевом и орудием внутри первых. Даже более того – с каждым сосудиком и волокном, и не только с ними, но даже с теми органическими субстанциями, которые внутренне принимают небесное наитие, в котором человек черпает внутреннюю деятельность свою, служащую ему для деятельности духа (*animi operationibus*); ибо все, что существует внутри, человека, существует в образах, которые суть субстанции, а то, что не существует в субстанции как в субъекте своем, есть ничто. Все эти части и частицы тела соответствуют небесам, как видно в главе, в которой говорилось о соответствии всего того, что есть на небесах, со всем тем, что есть в человеке (н. 87-102). Это соответствие никогда не может преисполниться, потому что чем более ангельских обществ, соответствующих одному члену, тем совершеннее становятся небеса, ибо всякое совершенство на небесах растет вместе с численностью (*secundum pluralitatem*). Это происходит оттого, что цель на небесах для всех одна и что все единодушно стремятся к этой цели; эта цель есть общее благо. Когда это благо царствует, то в нем есть доля и для каждого, а от блага каждого происходит и общее благо; так делается это потому, что Господь обращает к себе всех живущих на небесах (см. н. 123) и тем самым образует с ними одно целое. Что единодушие и согласие

нескольких личностей, в особенности от такого источника и в такой связи, производят совершенство, может быть усмотрено всяким, хоть несколько светлым рассудком.

419. Мне дано было видеть пространство небес обитаемых и необитаемых, и я увидал, что пространство небес необитаемых так велико, что оно не могло бы наполниться в целую вечность, если б даже было несколько мириад земель и на каждой земле такое же великое множество людей, как на нашей. См. об этом то же сочинение *О землях Вселенной* (н. 168).

420. Некоторые люди думают, что небеса невелики вследствие некоторых изречений Слова, принимаемых ими в буквальном смысле, например, на основании тех мест, в которых сказано, что в небеса приемлются одни только бедные, что небеса открыты для одних только избранных и допускаются туда только принадлежащие к церкви, а не другие; что на небесах находятся только те, за которых ходатайствует Господь, и что, как только небеса исполнятся, они будут закрыты, и что это время уже predetermined. Но эти люди не знают, что небеса никогда не закроются, что нет для этого никакого predetermined времени и что число небесных жителей не ограничено. Эти люди не знают, что избранными названы живущие в благе и истине, а бедными – те, что лишены познаний блага и истины, но ищут их, и в силу этого желания названы также алчущими. Те, что по неразумению Слова составили себе понятие о малом пространстве небес, воображают себе, что они находятся в одном только месте, где все их жители в сборе, меж тем как небеса состоят из бесчисленных обществ (см. н. 41–50). Или думают, что небеса даруются каждому по непосредственному милосердию Господа и что, таким образом, туда допускаются и принимаются по благоусмотрению (*ex beneplacito*) Господа. Они не понимают, что Господь по милосердию своему ведет туда каждого, кто только приемлет Его, а приемлют Его те, что живут по законам Божественного порядка, т. е. по заповедям любви и веры; и что быть таким образом ведомым Господом от самого детства до последней минуты жизни здесь и затем в вечности есть то самое милосердие, о котором обыкновенно говорится. Поэтому да будет им ведомо, что каждый человек рождается для небес и что тот принимается на небеса, кто сам приемлет их в себя, покуда живет на земле, а исключается только тот, кто сам не приемлет их.

О мире духов и состоянии человека по смерти его

Что такое мир духов

421. Мир духов отличается как от небес, так и от ада. Это место или состояние – среднее между тем и другим: туда человек приходит после смерти своей и, пробыв там известный срок, смотря по жизни своей на земле или возносится на небеса, или низвергается в ад.

422. Мир духов – место среднее между небесами и адом и среднее состояние человека после смерти его. Что это среднее место, очевидно стало для меня по положению его: над ним небеса, а под ним ад. Что это среднее состояние, в том я убедился, узнав, что, пока человек там пребывает, он еще ни в небесах, ни в аду. Небесный быт (или состояние) человека есть союз (или соединение) в нем истины и блага, а состояние адское – союз зла и лжи. Если в человеке-духе благо соединилось с истиной, то он приходит в небеса, потому что союз этот (как это было объяснено) образует в нем небесное состояние. Если же в человеке-духе зло соединилось с ложью, то он идет в ад, потому что такой союз образует в нем адское состояние. Союз этот в обоих случаях совершается в мире духов, где человек находится еще в среднем состоянии. Союз разума и воли, или, как здесь сказано, истины и блага – одно и то же.

423. Скажем прежде несколько слов о союзе разума с волей и о тождестве его с союзом истины и блага, так как союз этот совершается в мире духов, о котором идет речь. В человеке есть разум и есть воля. Разум принимает в себя истины и сам по ним образуется, воля же служит приемником благ и сама по ним образуется. Поэтому все, что человек понимает разумом и вследствие того мыслит, он считает истиной, а все, что он сперва хочет волей и уже после того мыслит, зовет благом. Человек может мыслить и одним разумом, уясняя себе, что такое истина и что такое благо, но такие мысли не входят в волю его, пока он не хочет и не делает того, что думает. Если же он захотел, что задумал, и по своей воле это делает, то это входит одинаково в разум и в волю его, а следовательно, и в него самого, потому что ни разум, ни воля сами по себе не составляют человека, а то и другое вместе. Что вошло в разум и волю, то вошло и в человека и им усвоено. Напротив, что вошло только в разум его, то, можно сказать, при нем, но не в нем: это дело памяти и знания, лежащего в памяти; это предмет, о котором он может думать, не углубляясь в самого себя, а отрешаясь от себя и беседуя с другими. О таких предметах он может толковать и рассуждать, и даже притом выказывать притворные чувства, наклонности и телодвижения.

424. Человеку дано мыслить разумом, без участия воли, для того чтобы он мог преобразоваться. Человек же преобразуется посредством истин, а истина, как показано выше, относится к разуму. Человек относительно воли рождается во всяком зле, и сам собой он никому другому не желает добра, как самому себе, а кто желает добра только себе, тот радуется злу, которое причиняется другим, тем более когда это делается с выгодой для него. Он жаждет присвоить себе всякое чужое добро, как почести и знатность, так и богатства, и тем довольнее, чем более это ему удастся. Поэтому для очищения и преобразования начал воли человеку дано понимать разумом истины и вследствие этого обуздывать наклонности к злу, из этой воли истекающие. Человек может разумом мыслить об истинах, изрекать их и применять к делу, но он не может мыслить их волей своей, покуда не усвоит себе истин этих вполне всем сердцем и не захочет исполнять их на деле. У такого человека все, что он мыслит разумом, обращается в веру его, а что мыслит волей – в любовь; тогда вера и любовь сочетаются в нем, как разум с волей.

425. Итак, насколько истины, относящиеся к разуму, в союзе с благом, относящимся к воле, т. е. насколько человек хочет истины и применяет ее к делу, настолько он в небесах или небеса в нем, потому что союз блага и истины образует небеса. Напротив, насколько ложь

разума сочетается со злом воли, настолько человек носит в себе ад, потому что союз лжи и зла образует ад. Затем, насколько истина разума и благо воли разъединены, настолько человек находится в состоянии среднем. В таком состоянии ныне почти все люди: они знают истины, размышляют о них по разуму и по науке, но на деле исполняют их кто больше, кто меньше, а иногда и вовсе не исполняют, и даже, напротив, действуют вопреки истин этих по любви к злу и по доверию к лжи. Во всяком случае, носит ли в себе человек небеса или ад, он после смерти является в мир духов, где окончательно сочетаются благо и истина в тех, что должны подняться на небо, а зло и ложь в тех, что должны быть низвергнуты в ад. Ни на небе, ни в аду не дозволяется раздваивать дух свой, т. е. знать и понимать одно, а хотеть и делать другое. Там кто чего хочет, то и понимает, а что понимает разумом, того хочет и волей. На небе желающий благо поймет и истину, а в аду хотящий зла поймет и ложь. Потому там от добрых ложь удаляется, а предоставляются им истины, отвечающие их благу и с ним согласные; от злых же отбираются истины, а оставляется им ложь, отвечающая злу их и с ним согласная. Из этого понятно, что такое мир духов.

426. В мире духов пребывает несметное число народа, потому что это первое сборное место для всех. Там всякий рассматривается и готовится. Срок пребывания там неопределен; иные, только что явившись, тотчас же возносятся на небеса или низвергаются в ад, иные остаются по нескольку недель, другие целые годы, но не более тридцати лет. Различие сроков этих зависит от того, насколько в ком внешнее соответствует или не соответствует внутреннему. А каким порядком человек в мире духов переходит из одного состояния в другое и готовится к своему окончательному местопребыванию, вслед за этим объяснится.

427. Как только люди после смерти являются в мир духов, так Господь с точностью распределяет их: злые тотчас присоединяются к тому адскому обществу, в котором по господствующей любви своей находились, живя еще в миру, а добрые тотчас присоединяются к тому небесному обществу, к которому принадлежали мирской жизнью своей по любви, благостыне и вере. Несмотря, однако, на такой разбор, все сошедшиеся в мире духов – друзья, приятели и знакомые по жизни своей во плоти – выдаются сходятся и беседуют, когда сами пожелают, особенно супруги, братья и сестры. Я видел там отца, беседовавшего с шестью сынами своими, которых он узнал; видел также много других в беседе с родными и друзьями, но как все они по духу своему в мирской жизни были различны, то вскоре разошлись и расстались. Перешедшие же из мира духов в небеса или в ад не выдаются более и не знаются, если только они не одного духа и не одинаковой любви. Выдаются они в мире духов, а не в небесах и не в аду, потому что, покуда они находятся в мире духов, они переносятся в состояния, подобные тем, которые испытывали в земной жизни своей, и переходят из одного в другое; тогда как впоследствии все приводятся к постоянному состоянию, согласному с господствующей в каждом любовью, и тогда каждый знается с другим только по сходству любви своей, ибо, как сказано выше (н. 41–50), сходство сближает, а несходство разлучает.

428. Мир духов, будучи для человека состоянием или бытом средним между раем и адом, в то же время занимает и среднее между ними место: под ним ад, или преисподняя, а над ним – небеса. Ад замкнут к миру духов; есть только скважины, как бы трещины в скалах и обширные провалы, оберегаемые стражей, чтобы никто без особого дозволения не выходил оттуда, а разрешение это дается только при настоятельной нужде, о чем поговорим ниже. Небеса также кругом замкнуты, и ни к одному обществу небесному нет доступа, кроме тесного пути, куда вход также оберегается. Эти-то выходы и входы в Священном писании именуются дверьми и вратами рая и ада.

429. Местность мира духов является как бы долиной между гор и утесов с волнистой поверхностью. Двери или входы в небесные общества видимы только для приготовленных к небесам, прочие же отыскать их не могут. К обществам этим один только общий вход, от которого идет одна дорога, которая, подымаясь, разделяется на множество других. Двери и входы в

ад также видимы тем только, кому суждено войти в них. Тогда входы эти растворяются, являя мрачные, как бы сажей покрытые пещеры, направленные косвенно вниз в глубину, где опять много особых проходов. Из пещер или провалов этих поднимаются мрачные и вонючие испарения, от которых бегут все добрые духи как от невыносимо противных, тогда как злые духи их ищут и ими наслаждаются. Кто в здешнем мире наслаждался своим злом, тот после смерти наслаждается зловонием, соответствующим, этому злу. В этом отношении злых духов сравнить можно с плотоядными птицами и зверьми: с вороном, волками, свиньями, которые, почуяв запах падали и помета, слетаются и сбегаются отовсюду. Я сам слышал, как один дух гласно вопил от внутренних мук, когда коснулась его струя небесного дыхания, а между тем спокойно и с отрадой дышал испарениями преисподней.

430. В каждом человеке есть также двое дверей, из которых одна обращена к аду, отверзтая злу и происходящей от него лжи, а другая – к небесам, готовая принять благо и истины его. Врата адовы растворены у всех живущих во зле и во лжи его, и только малость небесного света, посредством которого человек может мыслить, судить и говорить, проникает в него сверху, как бы через скважины. Небесные же врата растворены у тех, что живут в благе и истине его. Два пути ведут к рассудочному началу человеческого духа (*ad mentem hominis rationalem*): через внутренний, или высший, путь входит благо и истина от Господа, а через внешний, или низший, врывается зло и ложь ада. Рассудочное же начало человека (*mens rationalis*) находится посередине, и к нему ведут оба пути. Насколько оно допускает в себя небесный свет, настолько человек рассудочен, а насколько не допускает, настолько он нерассудочен, каким бы он сам себе ни казался. Все это сказано, чтобы было известно, каким образом человек соответствует небесам и аду: рассудочное начало его, пока оно еще образуется, соответствует миру духов; что над ним, то соответствует небесам, а что под ним, то – аду. У тех, что готовятся в небеса, верхний путь отверзается, а нижний замыкается, не допуская влияния зла и лжи. У тех же, что готовятся в ад, нижний путь открывается, а верхний замыкается, устраняя влияние блага и истины. Поэтому последние могут смотреть только вниз, в преисподнюю, а первые только вверх, т. е. в небеса. Смотреть вверх – значит смотреть на Господа как на общее средоточие, к которому обращены все небеса; смотреть вниз – значит смотреть отвернувшись от Господа к противоположному средоточию, к которому обращена и стремится вся преисподняя (см. н. 123, 124).

431. Обитатели мира духов понимаются под названием духов вообще, ангелами же именуются жители небесные.

Всякий человек по внутренним началам своим (*quoad interiora*) – дух

432. Человек со здравым рассудком понимает, что не тело наше мыслит, не плоть и не вещество, а душа как существо духовное. Душа человека, о бессмертии которой столько писано, есть самый дух его. Он бессмертен во всей целостности своей, он мыслит в теле нашем как начало духовное, приемлющее в себя одно духовное и живущее духовно, мыслью и волей. Вся умственная, рассудочная (*rationalis*), жизнь, проявляющаяся в теле, относится к духу, а не к телу. Тело, как упомянуто выше, вещественно, и вещество это, как принадлежность телесная, только придано или, так сказать, едва присоединено духу, для того чтобы дух человека мог жить и исполнять службу в природном мире, на земле, где все вещественное мертво и лишено жизни. А как вещественное не живет и живет одно только духовное, то ясно, что все живое в человеке относится к духу его и что тело только служит ему таким же образом, как снаряд или орудие служат живой движущей силе. И об орудии говорится, что оно действует, движет, поднимает, но, очевидно, было бы ошибочно приписывать действия эти орудию, я не тому, кто им управляет.

433. Если все живое в теле нашем и все, что вследствие жизни действует в нем, есть дух, а не плоть, то дух этот и есть сам человек, или, что одно и то же, человек сам по себе есть дух в таком же образе, как и само тело. Так как все, что живет и чувствует в человеке, есть дух и от головы до ног нет в теле ни точки, которая бы не жила и не чувствовала, то по отрешении тела от духа, что называется смертью, человек остается тем же человеком и живет. Я слышал на небесах, что иные, умерши и лежа в гробу, покуда еще не воскресли, продолжают мыслить в охладевшем теле своем в полном убеждении, что они еще живы, но только они не могут уже двинуть ни одной вещественной частицы как принадлежности чисто телесной.

434. Человек не может мыслить и хотеть без вещественного орудия или образа (*subjectum quod substantia*) в котором или через который способности эти могли бы проявляться; существо без всякого вещественного образа есть ничто. Человек не видит без глаза, который служит ему орудием для зрения, не слышит без уха, которое служит ему орудием слуха: ни зрения, ни слуха самих по себе и без орудий этих нет. Точно так же не может быть ни мышления, т. е. внутреннего зрения, ни постижения, т. е. внутреннего слуха, без вещественных орудных рядов для проявления этих способностей духа (*nisi forent in substantiis et ex illis, quae formae organicae, quae subjecta*). Из этого следует, что и у духа человеческого есть образ человеческий и что он, отделяясь от тела, пользуется такими же чувствами и общим чувствилищем, как и в теле; что вся жизнь глаза, уха – словом, вся жизнь чувств во всех частностях ее принадлежит не плоти человека, а духу его. Поэтому духи видят, слышат, чувствуют, точно как и мы, только не в природном, а в духовном мире, уже после отрешения своего от тела. Во плоти дух этот чувствовал по земной природе своей посредством приданного ему вещественного тела; не менее того он в то же время чувствовал и духовно, разумом и волей.

435. Все это говорится здесь ради убеждения, что человек сам по себе есть дух, а тело, приданное ему для отправления и службы в природном и вещественном мире, не человек, а только орудие этого духа. Но как доводы рассудка для многих непонятны и убедившимися в противном извращаются неправильными суждениями по обману чувств, наводя таким образом сомнения, то и необходимо здесь представить подтверждения опыта. Кто не верит бессмертию души, тот говорит: и животное живет и чувствует, как человек, в нем, стало быть, и такое же духовное начало, а между тем оно умирает вместе с телом. Но дух животного совсем иного качества, чем дух человека. У человека есть (чего нет у животного) духовный тайник (*intimum*), или самое внутреннее духовное начало, доступное наитию Божества, которое возносит это начало до себя и к себе его присоединяет. Потому и дано человеку, а не скоту мыслить о Боге, о Божественном в небесах и церкви и любить Бога, присоединяясь к Нему этим постижением. А что может соединяться с Божеством, то неразруσιμο; разрушается только то, что не может соединяться с Божеством.

О духовном тайнике человека как о преимуществе его перед скотом сказано было выше (н. 39); повторим, однако, здесь то же, чтоб рассеять ложные понятия, основанные на недостатке сведений и разума, а следовательно, и здравого суждения. Вот слова того места: «Упомяну здесь об одной ангельской тайне, которая – докуда никому не приходила на мысль, потому что никто не знал степеней, о которых сказано было в н. 38. В каждом ангеле, как и в человеке, есть самая внутренняя, высшая, духовная степень, или самое высшее духовное начало (которое можно назвать тайником его); на него-то простирается прямое и ближайшее влияние Божественного начала, которое затем уже как бы из тайника этого располагает и все прочие внутренние начала, следующие по степеням порядка, как в ангеле, так и в человеке. Это высшее, внутреннее, начало, или тайник этот, можно назвать входом Господним к ангелу и человеку и Господним в них жилищем. Этот тайник делает человека человеком и отличает его от скотов и животных, у которых тайника этого нет. Вот причина, почему человек в противоположность животному может внутренними началами души и духа своего (*quoad interiora quae animi et mentis*) возвышаться Господом до Него самого, может веровать в Него, любить Его и

таким образом видеть Его, может принимать от Него разумение и мудрость, говорить по рас- судку и, наконец, вследствие того жить вовеки. Но ни один ангел не может ясно постичь, что именно творится в тайнике его, когда провидение Господне им располагает, потому что это выше всех понятий его и премудрости».

436. Что человек по внутреннему началу своему есть дух, это дано мне было познать таким множеством опытов, что описание их наполнило бы целые книги. Я беседовал с духами как дух, беседовал с ними и как человек в теле своем. В первом случае они считали меня таким же духом и видели в человеческом образе, в каком были и сами: в таком образе являлись им внутренние начала мои, потому что вещественное тело мое, когда я говорил с ними как дух, было для них незримо.

437. Что человек по внутренним началам своим дух, ясно доказывается тем, что по отрешении своем от тела, или после смерти, он продолжает жить как человек. Мне дано было убе- диться в этом беседой почти со всеми, кого я только знавал в земной жизни; беседой с иными – в продолжение нескольких часов, с другими – в течение недель и месяцев и даже многих лет. Это делалось для того, чтоб я сам убедился и свидетельствовал перед другими.

438. К этому должно добавить, что всякий человек по духу своему уже в телесной жизни своей находится в сообществе духов, хотя и не ведает этого. Через такое посредство добрый человек находится в обществе ангельском, а злой в обществе адском. В это же общество чело- век вступает после смерти, что и было много раз объяснено и доказано вновь туда пришедшим. Человек, куда живет здесь, не появляется в духовном обществе своем, потому что мыслит по-природному. Но те, что могут отрешаться мысленно от всего вещественного и быть в духе, изредка появляются в своем духовном обществе и тотчас узнаются тамошними духами, потому что они ходят там молча и в глубоком раздумье, будто никого не видя и не замечая, а как только один из духов заговорит с ними – исчезают.

439. Для лучшего объяснения, что человек по внутренним началам своим есть дух, я передам по личному опыту своему, каким образом человек временно отрешается от тела и уносится в иные пределы.

440. Что до первого, т. е. до отрешения от тела, то человек приходит тогда в состояние среднее между сном и явью, считая, однако, самого себя в полной памяти и сознании. Все чувства его в полной силе своей, не только зрение и слух, но и само осязание, которое бывает даже тоньше и нежнее, чем когда-либо наяву, во плоти. В этом-то состоянии я видел духов и ангелов совершенно вживе (*ad vivum*). Я беседовал с ними, слышал речи их и, на диво самому себе, мог даже осязать их; в этом состоянии ничего плотского между мной и ими не было. Это и есть то самое состояние, о котором говорится, что человек *отрешен тогда от тела и сам не знает, пребывает ли он еще в теле своем или уже покинул его* (см. 2 Кор. 12. 2, 3). В это состояние был я приводим только раза три или четыре для познания его и убеждения, что духи и ангелы не лишены чувств, как равно и человек, когда он духом отрешен от тела.

441. Что до второго, т. е. уноситься духом в иные пределы, то и это два или три раза было показано мне живым опытом. Приведу один пример: прохаживаясь в беседе с духами по городским улицам и по полям, нисколько не блуждая и считая себя в полной памяти и в обычном состоянии, я между тем был в видении и видел леса, реки, здания, палаты, людей и прочее. После нескольких часов такой прогулки я внезапно впадал в свое телесное зрение, сознавая, что я уже не там, где был. Таким образом я в крайнем удивлении сознавал, что я был в том состоянии, про которое испытывавшие его говорили, что *были в духе или уносились духом в иные пределы* (см. Деян. 8. 39; 1 Цар. 18. 12; 2 Пар. 2. 16). В этом состоянии нисколько не думаешь о пути, по которому идешь, хотя бы прошел много миль, не думаешь о времени, хотя бы прошли целые часы и даже дни, и не знаешь усталости: человек проводится неведомыми ему дорогами и безошибочно до определенного места.

442. Но оба состояния эти, относящиеся к внутреннему бытию человека, к бытию его в духе, довольно необычайны и были мне показаны для того только, чтобы я знал их, так как они известны в церкви. Беседовать же с духами как с равными мне, и притом наяву, при полной бодрости тела, дано мне постоянно в течение многих лет и поныне.

443. Что человек по внутренним началам своим есть дух, это явствует еще из н. 311–317, где говорится о населении небес и преисподней человеческим родом.

444. Под выражением: человек по внутренним началам своим (или *по нутру* своему) есть дух – понимается разум и воля его, образующие вместе внутреннего человека. По ним только человек есть человек, и притом именно такой, каковы разум его и воля, т. е. мышление и чувства.

О восстании человека из мертвых и о вступлении его в жизнь вечную

445. Когда тело не может более отправлять службы своей в природном мире согласно мыслям и чувствам духа своего, истекающим из духовного мира, то человек, как говорится, умирает. Это случается, когда дыхательное движение легких и систолическое движение сердца прекращаются, но человек на самом деле не умирает, а только отрешается от тела, служившего ему здесь на земле. Сам же он жив; он жив, потому что не по телу зовется человеком, а по духу, ибо дух в человеке мыслит и мысль вместе с чувством (*affectio*) образуют человека. Из этого следует, что человек, умирая, переходит только из одного мира в другой. Вот почему смерть в Слове Божиим по внутреннему смыслу означает воскресение и жизнь.

446. Дух человека находится в самой внутренней связи с дыханием легких и биением сердца: мышление разума – с дыханием, а чувство любви – с сердцем; поэтому отрешение духа и совпадает с прекращением этих обоих движений. Дыхание легких и биение сердца составляют ту самую связь тела с духом, с разрушением которой дух остается сам по себе, а тело, покинутое жизнью духа своего, стынет и гниет. Дух человеческий потому находится во внутренней связи с дыханием и сердцем, что все жизненные отправления, не только в общности, но и во всех частностях своих, зависят от дыхания легких и биения сердца.

447. Отделяясь от тела, дух человека еще несколько времени пребывает в нем, но не более как до последнего удара сердца. Время это различно смотря по роду болезни, от которой человек умирает; у иных биение сердца длится более, у других менее. Как только биение сердца останавливается, так человек восстает: это совершается самим Господом. Восстанием, или, обычнее, воскресением, называется вывод духа из тела и введение его в мир духовный. Дух человека отделяется от тела не ранее как по прекращении биения сердца по той причине, что сердце отвечает чувствам любви, т. е. самой жизни человека, ибо из любви каждого истекает и жизненная теплота его. Поэтому, пока биение это продолжается, есть и соответствие, а с ним и духовная жизнь в теле.

448. Каким образом происходит восстание, не только было мне объяснено словами, но и показано на деле живым опытом. Опыт же этот состоялся надо мной самим для того, чтобы я вполне и точно понимал, как это делается.

449. Я был приведен в бесчувственное состояние относительно телесных чувств, т. е. почти в состояние умирающих, но внутренняя жизнь и размышление оставались при мне, так что я мог постигать и помнить все, что надо мной сбывалось и что случается над всяким, встающим из мертвых. Я чувствовал, что телесное дыхание было почти вовсе удалено, а оставалось одно только внутреннее, духовное дыхание в соединении с самым слабым и беззвучным (*tacita*) дыханием телесным. Затем биение сердца было приведено в сообщение с небесным царством Господним, потому что царство это соответствует сердцу человека. Я увидел в отдалении тамошних ангелов, и двое из них сидели при моем изголовье. Всякое чувство (*affectio*)

воли было у меня отнято, но мышление и постижение оставались; в этом состоянии пробыл я несколько часов. Тогда окружавшие меня духи удалились, полагая, что я уже умер. Послышался благовонный запах как бы от бальзамированного трупа, потому что при ангелах небесных запах от трупа слышится благовонием⁹. Почувствовав его, низшие духи не могут приблизиться, этим же средством злые духи отгоняются от духа человека при первом вступлении его в вечность. Ангелы у изголовья моего сидели молча, сообщаясь со мной мысленно. Когда мысли их, таким образом сообщенные, приняты, ангелы знают, что дух человека находится в таком состоянии, что может быть изведен из тела. Они сообщали мысли свои, глядя мне прямо в лицо, ибо таким образом совершается на небесах всякое общение мыслей. Так как во мне сохранялось мышление и постижение, чтобы я знал и помнил, каким образом происходит восстание, то я и чувствовал, что ангелы прежде всего дознавались моих помыслов: думаю ли я, как обыкновенно и другие умирающие, о будущей жизни? В этих-то думах ангелы старались удержать меня, потому что, как мне было сказано после, дух человека при издыхании тела удерживается в последних помышлениях своих, пока не впадет снова в помыслы, свойственные его общим или господствовавшим в мире чувствам и наклонностям (*affectio*). Мне в особенности дано было постичь и даже чувствовать как бы притяжение или усилие к отрыву внутренних начал моих, т. е. духа моего, от тела и было объяснено, что это делается от Господа и что таким образом совершается воскресение.

450. Небесные ангелы (ангелы любви), находящиеся при восставшем, не покидают его сами, любя одинаково всякого человека. Но если дух таков, что не может долее пребывать в обществе ангелов небесных, то он сам хочет от них отделиться. Тогда являются ангелы духовные (разума), приносящие ему свет; до этого он мог только мыслить, но ничего не видел. И это было мне показано: казалось, будто ангелы эти, разоблачая левый глаз усопшего, чтобы дать ему прозреть, сдвигали с него пелену к переносью. По крайней мере, так казалось восставшему, но это была одна видимость. Когда ему кажется, что пелена эта снята, то ему видится тусклый свет как бы спросонья, сквозь веки. Этот полусвет мне виделся небесного цвета, но мне после было объяснено, что это не всегда бывает одинаково. Затем как бы нечто мягкое нежно снимается с лица, и вслед за тем вносится духовное мышление. И это снятие с лица есть одна только видимость; это означает, что человек вступает из состояния природного мышления в духовное.

Ангелы крайне внимательно блюдут, чтобы в восставшем не возникало никакой мысли, кроме истекающей от любви; тогда они объявляют ему, что он дух. Коль скоро вновь прибывшему духу дан свет, то духовные ангелы оказывают ему всякие услуги, какие он только может в этом состоянии пожелать, и поучают его во всем относящемся к будущей жизни, насколько он способен понять это. Если же восставший не таков, чтобы желать поучений, то он порывается из сообщества ангелов, но не они сами покидают его, а он от них отделяется: ангелы любят всякого и жаждут служить всем, поучать и возносить каждого к небесам; это их первая улада.

Разобщаясь таким образом с ангелами, восставший принимается добрыми духами, которые также оказывают ему всякие услуги. Но если жизнь его на земле была такова, что он не может пребывать в обществе добрых духов, то он стремится и от них, и это повторяется, пока он не найдет товарищества, которое бы вполне отвечало мирской жизни его. Тут он обретает жизнь по себе и, как ни дивно это, продолжает жить подобно тому, как жил на земле.

451. Это начальное состояние жизни человека после смерти длится только несколько дней. А каким образом человек затем переводится из одного состояния в другое и наконец либо в небеса, либо в преисподнюю, будет вслед за этим объяснено: мне и это дано было познать многими опытами.

452. Я говорил с иными на третий день по кончине их, и все объясненное в н. 449, 450 было уже кончено. С тремя между прочих, которых я знал в миру и которым я сказал, что в

⁹ Этим несколько объясняется выражение: умирать в духе святости (*mourir en odeur de saintete*)

это самое время готовятся похороны для погребения их тела, слова *для погребения* привели их как бы в ужас, и они отвечали, что они живы, а в могилу пусть зароят только то, что служило их земному телу. Они крайне дивились тому, что, живя во плоти, не верили в такую посмертную жизнь, и еще более тому, что внутри церкви почти все живут в таком неверии. Когда не веровавшие в ту жизнь наконец, после смерти, убеждаются, что живут, то бывают крайне изумлены и пристыжены; но те из числа их, которые утвердились в этом безверии, приобщаются к подобным себе и отделяются от верующих. Они обыкновенно присоединяются к какому-нибудь адскому обществу, потому что такие люди также отрицали Божественное (начало) и презирали истины церкви. В какой мере кто закоснеет в безверии относительно вечной жизни, в такой же мере он делается и противником всего, что относится к небесам и церкви.

Человек после смерти является в совершенном человеческом образе

453. Образ духа есть образ человеческий, или дух есть человек даже и по внешнему образу своему. Это следует из всего, что сказано выше, особенно же из тех глав, где говорилось, что каждый ангел сохраняет образ человеческий (н. 73–77), что человек по нутру своему есть дух (н. 432–444), что ангелы небесные происходят от рода человеческого (н. 311–317). Не менее ясно это из того, что человек есть человек по духу своему, а не по телу и что образ телесный придан духу по его образу, а не наоборот, ибо дух облекается в тело по образу своему. Поэтому дух человека и орудует всеми частями и частицами тела и частица его, не управляемая духом или в которой нет духовного деятеля, не жива. В этом всякому легко убедиться хотя бы из того только, что мышление и воля по мановению своему, и вполне, управляют каждой частицей тела и всеми вместе при полном их содействии. А что не содействует, то не есть часть тела и выбрасывается из него как неживое, мышление же и воля (которыми все это творится) свойственны духу, а не телу. Отделясь от тела, дух не является человеку в человеческом образе, и равно невидим для него дух другого человека (до отрешения его от тела) по той причине, что орудие зрения, или глаза, которыми человек видит в мире, – вещественны, а вещественное видит одно только вещественное. Но духовное видит духовное, поэтому когда вещественное око закрыто и устранено от содействия духовному оку, которое становится свободным, тогда духи являются человеку в полном образе своем, т. е. в человеческом; и не только духи из духовного мира, но даже и дух другого человека, покуда он еще в теле.

454. Образ духа по той причине есть образ человеческий, что человек относительно духа своего создан по образу небес, ибо все небесное и к порядку их относящееся вошло в состав (colatta) духа человеческого; поэтому он и способен к приему разума и мудрости. Способность принимать разум и мудрость или способность принимать в себя небеса – одно и то же. Это объяснено там, где говорится о свете и тепле небесном (н. 126–140), об образе небес (н. 200–212), о мудрости ангельской (н. 265–275); также в главах, где говорилось, что небеса по образу своему как в общности, так и во всех частностях изображают человека (н. 59–77) и что такой образ небес есть следствие Божественной человечности Господа (н. 78–86).

455. Все до сих пор сказанное доступно понятию всякого рассудочного человека, потому что он убедится последовательной связью причин и порядком изложенных истин, но человек нерассудочный всего этого не поймет по многим причинам, а главное, потому, что понять не хочет: истины эти противны ложным убеждениям, которые он усвоил себе за истины. А кто понимать не хочет, тот замыкает небесный доступ к своему рассудку, хотя путь этот всегда может быть открыт, лишь бы воля этому не противилась (см. н. 424).

Что всякий человек может понимать истины и быть рассудочным (rationalis), если сам захочет, это было мне доказано многими опытами. Злые духи, став безрассудочными (или безумными) вследствие отрицания в мирской жизни Божества и всех истин церкви и утвердив-

шись в таком безверии, нередко Божественной силой были обращаемы к пребывающим в свете истины. Тогда они понимали все наравне с ангелами, признавали всякую истину и сознавались сами, что все это понимали. Но как только впадали опять в себя, обращаясь к наклонностям (affectiones) воли своей, то ничего не понимали и говорили противное.

Я даже слышал некоторых адских духов, говоривших, что они, делая зло, знают и постигают это, равно знают, что мыслят ложь, но что они не в силах противостоять удовольствию любви своей, т. е. воле своей, которая направляет мысли их таким образом, что зло им кажется благом, а ложь истиной. Из этого следует, что все живущие во лжи по злу своему могли бы понимать истины и быть рассудочными, но не хотят; а не хотят, потому что они любят ложь более, чем истину, так как ложь эта отвечает злу, в котором они живут. Любить и хотеть – это одно и то же: что человек хочет, то он любит, а что любит, то и хочет. По этой причине, т. е. что человек может понимать истины и убеждаться в них, если только захочет, дано мне подтвердить путем рассудка духовные истины церкви и небес, чтобы ложь, которая у многих затемняет рассудок, рассеяна была его суждениями и таким образом зрение хоть несколько прояснилось. А подтверждать духовные истины рассудком дозволено всем обретающимся в истине. Кто бы, например, мог когда-либо понять Слово Божие по одному только буквальному смыслу его, если б не старался объяснить себе рассудком содержащиеся в нем истины? Неисполнение этого было поводом к искажению истин Слова и к расколам.

456. Что дух человека, отделяясь от тела, тот же человек и в таком же образе, в этом я убедился ежедневным опытом в течение нескольких лет. Тысячи раз я видел духов таких, слушал их, беседовал с ними, и между прочим о том, что люди не верят этому состоянию, а верующих ученые называют простаками. Духи всем сердцем скорбели, что такое невежество еще господствует в свете, особенно же в церкви. Они говорили, что оно произошло более от самих же ученых, которые размышляли о душе по чувственному и телесному. Поэтому они и составили себе о ней понятие как о чем-то мысленном, что, будучи лишено предмета, в котором бы оно пребывало и из которого бы оно действовало, представляет нечто летучее, эфирное, разрушаемое по смерти тела. Но как церковь на основании Слова верует в бессмертие души, то и нельзя было не придать душе какую-либо жизненность, именно вроде живой мысли, которая, однако, до вторичного ее соединения с телом лишена свойственной человеку способности ощущения. На этом понятии основано учение о воскресении и верование, что соединение это последует на Страшном суде. Вот почему, думая о душе согласно этому учению и предположению, нет никакой возможности составить себе о ней понятие как о духе, и притом в образе человека. К этому должно еще прибавить, что ныне едва ли кто знает, что понимать под словом духовное, а еще менее, что всякое духовное существо, как и все духи и ангелы, одарено человеческим образом. Поэтому почти все вновь прибывающие из нашего мира крайне изумляются, что они живы и остались такими же людьми, какими были и прежде; что они видят, слышат, говорят и что даже тело их одарено тем же чувством осязания – словом, что не находят в себе никаких перемен (н. 74).

Надивившись себе, они изумляются тому, что церковь ничего не знает ни о таком посмертном состоянии человека, ни, следовательно, о небесах и аде, несмотря на то что все жившие на земле перешли в тот мир и живут там людьми. Они дивились также, почему все это не открывается человеку посредством видений, так как это существенно относится к верованиям церкви. Но им на это сказано было с небес, что это легко могло бы сделаться по Господнему соизволению, но нисколько не убедило бы неверующих и упорствующих в ложных понятиях своих. Если б даже они и сами увидали, они бы и тогда не поверили. К этому было прибавлено, что опасно убеждать видениями людей, находящихся во лжи, потому что они бы, может быть, и поверили вначале такому доказательству, но затем опять стали бы отрицать, кощунствуя над истиной. Кощунством, или поруганием истины, называется, если кто сперва верит ей, а потом снова отрицает; такие поругатели низвергаются в самую глубокую и страш-

ную преисподнюю. Эта-то опасность и разумеется в словах Господа: *«Народ сей ослепил глаза свои и отменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их; а что находящиеся во лжи не стали бы верить, это разумеется в следующих словах: „Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их.“ Он же сказал: нет, отче Аврааме; но, если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят»* (Иоан. 12. 40; Лук. 16. 29–31).

457. Вступая в мир духов вскоре по восстании своем, человек сохраняет мирской облик свой и речь, потому что еще пребывает во внешности своей и внутренние начала его еще не отверзты; это есть первое состояние человека по кончине его. Но затем лицо его изменяется и принимает совсем иной вид, вполне согласный с чувствами (*affectiones*) его или той господствующей любовью, в которой пребывали внутренние начала духа его, когда он был еще на земле во плоти. Ибо лицо духа в человеке весьма отлично от лица телесного; последнее дается от родителей, первое же есть изображение чувств его. В этот образ дух облачается в посмертной жизни, когда он лишается внешности своей и внутреннее его разоблачается. Это третье состояние человека.

Мне случалось видеть недавних пришельцев в тот мир, и я узнавал их по лицу и по речи, но впоследствии я уже не узнавал их: жившие в чувствах добрых принимали облик прекрасный, а жившие в дурных – облик безобразный, ибо дух человека сам по себе есть не что иное, как чувства любви его (*affectiones*), а лицо или вид его есть внешний их образ. Лицо меняется потому, что в той жизни нельзя, притворяясь, выказывать те чувства, которых нет; нельзя принимать лицо или образ, противный господствующей любви своей. Там все приводятся в такое состояние, что вынуждены говорить как мыслят, а лицом и телодвижениями выражать то, чего хотят. Поэтому лицо каждого и делается образом или выражением его внутренних чувств; поэтому также все знавшие Друг друга в миру знают и в мире духов, но не знают более в раю и в аду, как было сказано выше (н. 427).

458. Внешний образ лицемеров изменяется позже и медленнее, потому что они долго-временной привычкой усвоили себе способность слагать свои внутренние начала (или нутро свое) в подражание добрых свойств; поэтому они долго не являются в безобразии своем. Но как притворство их постепенно разоблачается и внутренние начала духа их располагаются по образу их чувств, то сами они и становятся безобразнее всех прочих. Лицемерами называются люди, ведущие ангельские речи, но внутри себя признающие одну только природу, отрекаясь от всего Божественного, от церкви и небес.

459. Образ человека после смерти тем прекраснее, чем он глубже любил Божественные истины и более жил по ним, потому что по любви этой и по жизни его отверзаются и образуются внутренние начала всякого человека. Чем господствующая любовь глубже и внутреннее, тем она сообразнее с небесами и тем изящнее сама внешность ее или образ. Поэтому ангелы самых внутренних небес прекраснее всех прочих: они выражают образ небесной любви. Любившие Божественные истины только наружно и жившие согласно этому менее прекрасны собой, потому что внешнее добро их едва только мелькает светом на лице их; внутренняя, небесная, любовь не просвечивает из внутренних начал их, а следовательно, и нет на них небесного образа. В лицах их, не одухотворенных внутренней жизнью, есть как бы что-то темное, мрачное. Словом, всякое совершенство растет восходя внутрь и уменьшается нисходя ко внешнему, в той же мере растет и убывает внешний образ красоты. Я видел лики ангелов третьих небес: никогда и никакое искусство живописца не в силах придать краскам своим что-либо похожее на этот свет и блеск, достигнуть тысячной доли этого жизненного света. Только лица ангелов низших небес могут быть изображены с некоторым сходством.

460. Объявлю напоследок еще одну тайну, до сих пор никому не известную: всякое благо и истина, исходя от Господа и образуя небеса, являются в образе человеческом, и притом не

только в целостности и высшей степени своей, но и во всех частях и в малейшей степени. Образ этот проникает всякого, кто приемлет от Господа благо и истину, почему всякий на небесах и сам принимает образ этот по мере приема благ и истин. Вот почему небеса себе подобны как в целостности, так и в частностях и образ человеческий свойствен всему цельному, как каждому обществу, так и каждому ангелу (см. н. 59–86). К этому должно еще прибавить, что тот же образ свойствен и каждой отдельной мысли ангельской, исходящей от небесной любви, но тайна эта едва ли постижима для человека, хотя ясно постигается ангелами, пребывающими в небесном свете.

Человек после смерти вполне сохраняет чувства, память, мысли и любовь (affectiones), принадлежавшие ему в миру, покидая одно только земное тело свое

461. Множество опытов убедили меня в том, что человек, перейдя из природного мира в духовный, т. е. умирая, уносит с собой все свое, т. е. все, что принадлежит ему как человеку, кроме одного только земного тела своего. Вступая в духовный мир, или в посмертную жизнь, человек обретается в таком же теле или образе без всякого видимого различия, по крайности сам он не видит и не чувствует никакой разницы, но тело его уже духовное, отрешенное и очищенное от всего земного. А если духовное осязает и видит что-либо однородное, духовное же, то это точно то же, как бы природное осязало и видело предмет природный. Поэтому человек, обратясь в духа, не замечает никакой перемены, не знает, что скончался, и считает себя все в том же теле, в каком был на земле. У человека-духа те же внешние и внутренние чувства, какие были даны ему на земле: он видит, как прежде, слышит и говорит, как прежде, познает обонянием, вкусом и осязанием, как прежде. У него такие же наклонности (affectiones), желания, страсти, он думает, размышляет, бывает чем-либо затронут или поражен, он любит и хочет, как прежде; кто любил заниматься ученостью, читает и пишет по-прежнему.

Словом, перейдя от одной жизни к другой, из одного мира в иной, человек как будто перешел только из одного места в другое, унося с собой все, что в нем было своего, человеческого, в такой мере, что никак нельзя сказать, чтобы человек после смерти своей, касающейся только земного тела его, что-либо утрачивал. При нем остается даже природная память его, он помнит все, что, живя на земле, слышал, видел, читал, чему учился, что думал с первого детства своего до конца земной жизни. Природные же предметы, которые вообще не могут быть восстановлены в духовном мире, покоятся в памяти его, как они покоятся и в человеке, когда он не думает о них. Но даже и эти предметы соизволением Господним восстанавливаются (в памяти), о чем, как и вообще о состоянии памяти нашей после смерти, будет говориться ниже. Человек чувственный не может понять и поверить, чтобы таково было состояние его после смерти, потому что чувственный человек не может мыслить иначе как по-природному, даже о предметах духовных, а потому чего он не чувствует, т. е. не видит телесными глазами и не ощущает руками, то отрицает и тому не верит, как говорит Иоанн о Фоме (20. 25, 27, 29). О чувственном человеке – см. н. 267.

462. За всем тем, однако, велика разница между жизнью человека в мире духовном и жизнью его в мире земном, или природном, как в отношении внешних чувств (sensus) и их наклонностей (affectiones), так и в отношении чувств (sensus) и наклонностей (affectiones) внутренних. У жителей небесного царства внешние чувства (sentiunt) несравненно тоньше, слух и зрение их стоят на высшей степени, и размышления их более мудры, ибо они видят при свете небесном, который многими степенями превосходит свет земной (н. 126), а слышат посредством духовной атмосферы, которая также многими степенями превосходит земную. Разницу между внешними чувствами того и другого состояния сравнить можно с различием между ясным небом и темным туманом или между полуденным светом и сумерками.

Свет небесный как Божественная истина до того изощряет зрение ангелов, что они видят и ясно различают мельчайшие предметы; к тому же внешнее зрение их отвечает внутреннему, или разуму, ибо то и другое зрение сливается у ангелов в одно, отчего и дана ему такая степень остроты. Подобным образом слух у них отвечает постижению разума и воли, вследствие чего они в звуках и голосе беседующего познают все тонкости и мелочи чувств любви его и мыслей, а именно: в звуках слышат все чувства его, а в голосе – мысли (н. 234, 245). Но прочие внешние чувства, кроме зрения и слуха, не столь тонки у ангелов, потому что зрение и слух служат разуму и мудрости; прочие же внешние чувства, при одинаковом развитии их, оттеснили бы свет и наслаждение мудрости, заменив их наслаждениями удовольствий, относящихся к телу и его различным наклонностям, а эти наслаждения чем более преобладают, тем более затемняют и ослабляют разум – как это и делается нередко на земле, где люди бывают тем тяжелее и тупее относительно истин духовных, чем более предаются чувственным наслаждениям. О том, что и внутренние чувства ангелов, относящиеся к мышлению и наклонностям их, несравненно тоньше и совершеннее, чем были у них в мире, говорится в главе о мудрости небесных ангелов (н. 265–275).

Между состоянием жителей преисподней и их состоянием на земле разница также велика: в какой мере внешние и внутренние чувства небесных ангелов совершенны и превосходят, в такой же мере чувства эти тупы и грубы в аду, но об этом будет говориться ниже.

462^{dis}. Я также на деле убедился, что человек уносит с собой в ту жизнь всю память свою. Много замечательного в этом роде видел я и слышал и передам кое-что по порядку. Были духи, которые отпирались от мирских преступлений своих и непотребств. Чтобы не сочли их невинными, все было открыто и все дела и поступки эти выбраны были из памяти их и оценены по порядку, от младенчества и до конца земной жизни их; они относились большей частью к прелюбодеяниям и блуду. Были и лукавые обманщики и воры. Лукавство и воровство их прочтено было по делам, частью никому в мире, кроме их самих, неизвестным. Этим вынуждено было полное сознание, потому что дела их являлись как бы в полном свете, со всеми помыслами, целями, удовольствиями и опасениями, какие были в то время на душе преступников. Были и продажные судьи, торговавшие правдой. Дознание сделано было и над ними, по розыску в их же памяти, с оценкой всех деяний их с первого дня поступления их в должность и до последнего. Все мелочные обстоятельства каждого случая по количеству и по качеству, время, помыслы и замыслы – все это вместе вызывалось из памяти, и сотни событий как бы снова наяву совершались. Изумительно, что некоторым даже читались вслух и от строки до строки записки их, в которых они сами некогда записывали свои деяния. Тут были и рушители женской чистоты и непорочности. Призванные к такому суду, они уличены были из разоблаченной памяти своей, с проявлением всех обстоятельств каждого случая. Даже сами лица девиц и женщин, о которых шла речь, как бы присутствовали видимо, равно местность, речи и помыслы; все это внезапно представлялось глазам.

Некоторые явления нередко длились по целым часам. Тут был один клеветник, который считал нипочем злословить о других. Я слышал, как насчитывались по порядку все осуждения и богохульства его точными словами его, с поименованием лиц, о которых и даже при которых они были сказаны. Все это проявлялось, как бы в то же время совершаясь в лицах, хотя все клеветы и наговоры эти заботливо скрываемы были виновным. Был другой, завладевший через лукавые происки наследством родного. Его уличили и осудили, причем, на диво мне, письма и записки их были прочитаны вслух, без пропуска единого слова... Он же незадолго до смерти своей тайно отравил соседа; это обнаружено было таким образом: судимый стал копать под собой яму, из которой, как из могилы, восстал человек, взывая к нему: «Что ты сделал со мной?» Тогда все объяснилось: как убийца, дружески беседуя с ним, поднес ему отраву, что и как замышлял наперед, что случилось после и пр. Затем он осужден был в ад. Одним словом, все злодеяния, преступления, кражи, лукавства, мошенничества обнаруживаются и огла-

шаются из самой памяти злого человека, нет никакой возможности отпираться, потому что все улики налицо, все обстоятельства каждого случая. По случаю разбора и пересмотра ангелами памяти одного духа я услышал или узнал все, что только бывало у него в мыслях в течение целого месяца, день за днем, безошибочно и в том же порядке, как это происходило в прошлые дни. Из примеров этих должно убедиться, что человек уносит с собой полную память свою и что нет такой тайны в мире, которая бы не огласилась после смерти, и притом всенародно, по словам Господа: *«Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то у слышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях»* (Лук. 12. 2, 3).

463. Разоблачая деяния человека после смерти, ангелы, которым поручено дознание это, рассматривают лицо его и все тело начиная с пальцев обеих рук и далее все части тела. Когда же я дивился этому, то мне было объяснено, что все относящееся к мысли и воле человека отпечатано в мозгу как в источнике этих начал, вследствие чего это отпечатывается и во всем теле, потому что мышление и хотение переносятся от источника своего ко всем частям тела, пребывая там в последних, т. е. в крайних, плотских пределах. Поэтому что отпечатано в памяти вследствие воли и помыслов ее – отпечатано не только в мозгу, но и во всем человеке, пребывая в нем всюду в порядке, согласном порядку частей тела. Из этого следует, что человек в общности своей таков, каков он по воле и исходящим из нее помыслам своим; злой человек есть свое же олицетворенное зло, а добрый человек – свое добро. Из этого можно понять, что разумеется под книгой жизни человека, о которой говорится в Слове, а именно: что все дела и мысли человека отпечатаны во всем составе тела его и что они, будучи вызваны из памяти его, являются как бы прочитанные по книге, а при рассмотрении духа при небесном свете – как бы изображаемые в лицах. Прибавлю к этому еще нечто замечательное о загробной памяти, убедившее меня, что не столько общие предметы, но и самые частные, однажды вошедшие в память, остаются там вовеки. Я видел исписанные книги, как здесь, и мне дано было знать, что они взяты из памяти писателей и что в книгах этих, в отличие от сочинений, писанных на земле, не пропущено ни одного слова.

Таким образом, из памяти каждого могут извлекаться все дела и мысли до последних мелочей, давно забытых им на земле. И причину этого мне объяснили: у человека память двоякая – внешняя и внутренняя; первая свойственна ему как человеку природному, вторая – как духовному. Все, что человек мыслил, хотел, говорил, делал, даже что слышал и видел, неизгладимо отпечатывается во внутренней памяти его. Неизгладимо же оно оттого, что в то же время усваивается духом и телом его, как объяснено было выше. Таким образом, дух образуется по мыслям и делам воли своей. Знаю, что все это покажется крайне странным (парадоксом) и едва ли найдет в людях веру, тем не менее это истина. Итак, не думайте, что какие-либо мысли и тайные дела человека могли оставаться скрытыми после смерти его; все тогда до самых мелочей видно, как при ясном свете.

464. Хотя внешняя, или природная, память и остается в человеке после смерти, но чувственное и природное в ней не воспроизводится в том мире, а заменяется духовным по закону соответствия. Духовное же это, представ зрению, является, однако, точно в таком же образе, как в мире природном, потому что всякое явление на небесах во всем подобно явлению земному, хотя в сущности своей есть явление не природное, а духовное (см. об изображениях и видимостях на небесах н. 170–176). Но внешняя, или природная, память относительно предметов вещественных, времени и пространства или вообще относительно всего природного, земного не служит духу на ту же потребу, как некогда в миру, потому что человек в миру, мысля по одному внешнему чувственному началу своему без внутреннего чувственного, или разумного, начала, судит по-природному, а не по-духовному. Напротив, в будущей жизни, когда дух живет уже в мире духовном, он и мыслит не по природному быту, а по духовному. Мыслить духовно значит мыслить по разуму или рассудку, вот почему внешняя, или природная, память отно-

сительно понятий вещественных тогда покоится, а в дело идет только то, что человек посредством их приобрел на земле и приобщил рассудку.

Память вещественная потому покоится, что там вещественные понятия не могут быть восстановлены: духи и ангелы беседуют по мыслям и чувствам, духу их свойственным; обо всем же, что не совпадает с этим, не может быть у них и речи (см. о речи ангельской н. 234–257). Поэтому и человек становится после смерти настолько разумным, насколько он науками и знанием языков стал разумен здесь, а вовсе не по количеству изученных им языков и наук.

Я говорил со многими, которых в свете считали весьма учеными, потому что они знали древние языки – еврейский, греческий, латинский, но они не образовали разума своего тем, что писано на этих языках, и некоторые из них являлись столь же простыми, как неученые, никогда не знавшие языков этих. Иные казались даже вовсе невежами, оставаясь тем не менее в самодовольной уверенности, что они учение и мудрее прочих. Я беседовал с духами, которые при жизни своей в миру полагали, что человек умнеет и мудреет в той мере, как богата память его знанием. Исполняясь таким запасом, они всегда почти говорили только по памяти, стало быть, не от себя, а от других, нисколько не образовав разума своего сокровищами памяти. Такие духи являлись тупоумными, а иные полоумными, не постигали вовсе никакой истины, не умея различить истины от лжи, а схватывая всякую ложь, которую так называемые ученые выдавали за истину. Они сами собой ничего не умели обсудить, что так, что не так, что право, что криво, а слушая других, ничего рассудком не постигали.

Говорил я и с такими, которые в миру много писали по всем отраслям учености, чем и славились по всему свету. Иные могли рассуждать об истинах здраво, а другие, хотя и понимали истины, когда обращаемы были к живущим в свете истины, но не хотели понимать их и потому отрицали их, коль скоро находились опять во лжи своей или сами в себе. Некоторые понимали не более того, как неученый простолудин; словом, каждый различно и по-своему смотря по тому, как кто образовал разум свой научно тем, что сам писал или выписывал у других. Но те, что восставали против истин церкви и размышляли только научно, утверждаясь этим во лжи, нисколько не образовали разума своего, а изошрили только способность к рассуждениям и заключениям. Эта способность, вопреки мирским понятиям, весьма различна от разума, она утверждает и доказывает все, что любо; она ведет от произвольных начал и через обманчивые заключения – к ложным убеждениям, а не к истине. Такие люди никогда не могут быть доведены до познания истины, потому что истина не познается через ложь, а, напротив, ложь познается через истину. Разумное начало в человеке подобно саду, или цветнику, или вспаханной почве: память – почва, научные истины и познания – семена; светом и теплотой небесной семя прозябает, а без них ростка не дает. То же станется и с разумом, если свет небесный, т. е. Божеская истина, и теплота небесная, т. е. Божеская любовь, не будут допущены; ими только стоит разум. Ангелы крайне скорбят о том, что большей частью ученые приписывают все природе и замыкают этим внутренние начала духа своего, почему и не могут видеть никакой истины при свете самой истины, т. е. при свете небесном. По этой причине они на том свете и лишаются способности рассуждения, чтобы умствованиями своими не соблазняли добрых, простых людей и не посеяли в них ложь. Умствователи эти там ссылаются в пустыни.

465. Один из духов пришел в негодование оттого, что не мог припомнить многого такого, что знал в плотской жизни, жалея об утрате удовольствия, которым некогда столько наслаждался. Ему отвечали, что он ровно ничего не утратил и что при нем осталось все, что он знал в общности и в частности. Что в мире том, где он теперь пребывает, не дозволено только выкладывать все это из памяти, а с него будет и того, что он теперь может мыслить и говорить гораздо лучше и совершеннее, не погружая разума своего, как прежде, в густой мрак, в грубые, вещественные и плотские предметы, вовсе бесполезные в том мире; что теперь ему дано все нужное для вечной жизни и что нет иного пути к счастью и блаженству; что одно только невежество может полагать, будто бы в царстве этом с удалением всего вещественного в памяти

погибает и самый разум, меж тем как, напротив, насколько дух отвлекается от чувственного как принадлежности человека или тела, настолько он возвышается к духовному и небесному.

466. Различные виды памяти иногда в той жизни представляются глазам в образе, который там только может появиться (там многое видится глазами в образе, что здесь представляется только в мыслях). Внешняя память является в виде хрящеватого, мозолистого вещества (*corpus callosum*), а внутренняя – в виде мозговатого вещества человеческого мозга, из чего и видно качество памяти того и другого вида. У людей, которые старались только развить и расширить память свою, не заботясь об образовании разума, память эта является в виде твердого нароста, протканного изнутри как бы сухожилием. Кто переполняет память свою ложными понятиями, у того она является косматой, с всклокоченными волосами, потому что наполнена беспорядочным сбродом понятий. У изощрявших память свою из любви к себе и к миру (самотности и суетности), она является вязкой, клейкой, частью окостенелой. Кто хотел проникнуть в Божественные тайны наукой, особенно посредством философии, и верил тому только, чего достигал этим путем, у того память является мрачной, и притом такого свойства, что, поглощая лучи света, обращает их в тьму. У лукавых и лицемеров она принимает вид твердой кости или черного дерева и отражает лучи света. У тех, напротив, что жили в благе любви и в истинах веры, память вовсе не появляется в виде твердого, хрящеватого вещества, потому что у них внутренняя память посылает лучи света в память внешнюю, в предметах или в мыслях которой лучи эти оканчиваются, как в основании или почве своей, находя тут себе усладительные восприимчики. Внешняя память в порядке степеней есть последняя, в которой духовное и небесное оканчивается и пребывает, если находит там блага и истины.

467. Если человек в миру живет в любви к Господу и в милосердии к ближнему, то при нем и в нем есть разум и мудрость ангельские, скрытые, однако, в самых внутренних началах (или тайнике) его (*in intimis*) внутренней памяти. Поэтому разум и мудрость эти никогда не могут обнаружиться (*apparege*) в человеке до освобождения его от плоти; тогда природная память усыпляется и качества эти пробуждаются в памяти внутренней, а напоследок и в ангельской, небесной.

468. Скажем в немногих словах, каким образом рассудочное (*rationale*) начало, или рассудок, в человеке вырабатывается и совершенствуется. Подлинное рассудочное начало основано на истинах, а не на лжи; ложные данные никак не могут образовать рассудка. Истины бывают тройкие: гражданские, нравственные и духовные. Первые относятся к правде, к управлению в государстве и вообще к справедливости и беспристрастию; вторые относятся к житейским сношениям человека с обществом и членами его, вообще же – к искренности и прямоте, а в частности – ко всем житейским добродетелям; третьи, истины духовные, относятся к небесному быту и к церкви, вообще к благу любви и истине веры.

Три степени жизни человека объяснены выше (н. 267): рассудок отвергается в первой степени через истины гражданские; во второй – через истины нравственные, в третьей – через духовные. Но должно объяснить, что рассудок образуется и отвергается в человеке не одним только знанием этих истин, но приложением их к делу, жизнью своей по ним. А жить по ним называется любить их по духовной любви (*affectio*), т. е. любить правду ради правды, любить искренность и прямоту ради прямоты, а благо и истину – ради блага и истины. Напротив, жить по ним и любить их по любви телесной – значит любить их ради себя самого, ради славы своей, почести или корысти. Поэтому насколько человек любит истины эти по любви или страстям мирским, телесным, настолько он уклоняется от рассудка; он любит не истины эти, а себя самого, обращая истины в слуг своих, как господин служителей. Если же истины поработаются, то они не входят внутрь человека и не отвергают ни одной степени жизни его, ни даже самую последнюю степень, а поселяются только в памяти его как нечто научное в вещественном образе и тут соединяются с любовью к себе, т. е. с любовью плотской. Из этого видно, каким порядком человек становится существом рассудка, а именно: он достигает этого в тре-

твѣй степени духовной любовью благ и истин, относящихся к небесам и церкви, во второй степени любовью к искренности и прямоте, а в первой степени любовью к справедливости и правде. Любовь двух последних степеней также становится духовной по духовной любви к благу и истине, потому что эта последняя влияет на первую, соединяется с ней и, так сказать, образует в ней свое подобие.

469. Духи и ангелы наделены такой же памятью, как и люди. В них остается все, что они слышат, видят, мыслят, чего желают и что делают, чем и образуется постоянно и вовеки их рассудок. Поэтому духи и ангелы совершенствуются в разуме и мудрости, познавая истины и блага, наравне с человеком. Все это познал я многократным опытом: я видел, как из памяти духов вызываемо было все, что они думали и делали явного и скрытного в обществе других духов; я также видел, каким образом бывшие в какой-либо истине вследствие жизни их в простом добре исполнялись научными познаниями, а через них и разумом и затем возносились в небеса. Но должно объяснить, что познаниями этими и разумом человек может исполниться на том свете в той только мере, в какой он здесь любил благо и истину, и отнюдь не более этого. Каждый дух и ангел сохраняют ту любовь (наклонность, вожеление), какой жили в миру, и притом в таком же количестве и качестве, эта любовь совершенствуется пополнением в течение вечности. Ничто не может быть наполнено во веки веков, потому что все может бесконечно изменяться, обогащаться и пополняться, а стало быть, и множиться и плодиться; благу нет конца, потому что самый источник его бесконечен. О том, что духи и ангелы нескончаемо совершенствуются в разуме и мудрости познанием истин и благ, сказано было в н. 265–275; 318–328; 329–345; а что это делается только соразмерно той степени любви к благу и истине, какой достигали они на земле, а не свыше того, об этом упомянуто уже в н. 349.

Человек после смерти таков, какова была жизнь его на земле

470. Всякому христианину ведомо из Слова Божиего, что собственная жизнь человека остается после смерти его при нем, ибо во многих местах в Слове говорится, что человек судится и награждается по делам своим и поступкам. Кто размышляет по благу и по самой истине, тот также не иначе думает как: что человек доброй жизни идет в небеса, а худой в ад. Одни только живущие сами во зле не хотят верить, чтобы состояние их после смерти было согласно с жизнью их в мире, но думают, в особенности когда болеют, что царство небесное может достаться каждому по одному милосердию Божию, как бы кто ни жил, и что оно дается каждому по вере его, которую они от жизни отделяют.

471. Что человеку вменяются дела его и он по ним судится, говорится в Слове во многих местах. Например: *Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими; и тогда воздаст каждому по делам его* (Мат. 16. 27). *Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними* (Откр. 14. 13). *И воздам каждому из вас по делам вашим* (2. 23). *И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим* (20. 12, 13). *Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его* (22. 12). *Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке* (Мат. 7. 24, 26). *Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объ-*

явлю им: Я никогда не знал вас, отойдите от Меня, делающие беззаконие (7. 21–23). Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня, все делатели неправды (Лук. 13. 26, 27). И Я воздам им по их поступкам и по делам рук их (Иер. 25. 14). Великий в совете и сильный в делах. Которого очи отверсты на все пути сынов человеческих, чтобы воздавать каждому по путям его и по плодам дел его (32. 19). И накажу его по путям его, и воздам ему по делам его (Ос. 4. 9). Как определил Господь Саваоф поступить с нами по нашим путям и по нашим делам (Зах. 1. 6). Где Господь говорит о последнем суде. Он взвешивает только дела, возвещая, что войдут в царствие небесное жившие в добре по делам своим, а за дурные дела люди будут осуждены (Мат. 25. 32–46); также во многих местах, где идет речь о спасении и осуждении человека. Очевидно, что дела и поступки человека составляют внешнюю жизнь его и что они показывают, какова его внутренняя жизнь.

472. Но здесь понимаются дела и поступки не в том только виде, в каком они являются во внешности, но и в том, каковы они внутри человека, ибо всякому известно, что дела и поступки вытекают из воли и мыслей человека; если бы не так, то это были бы только безотчетные движения автомата или машины. Поэтому всякое дело или действие само по себе есть не что иное, как проявление, одушевляемое и оживотворяемое волей и мыслью до того, что может быть названо волей и мыслью в проявлении своем или же волей и мыслью во внешнем образе. Из этого следует, что всякое действие или дело таково, каковы воля и мысль, от которых действие произошло. Если воля и помышление благи, то и дела благи; если же дурны – то и дела дурны, хотя бы во внешнем образе и не отличались от первых дел.

Тысяча человек могут сделать одинаковое дело, т. е. действовать или поступать одинаково, и притом до того сходно, что относительно проявления или внешности почти нельзя найти в делах этих никакой разницы. А между тем каждое из дел этих, рассмотренное само по себе, будет различно, потому что каждое произошло от иной причины или воли. Возьмем, для примера, прямое и правдивое обращение с товарищами. Один может показать себя на деле прямым и правдивым, именно чтобы выказать эти качества в себе ради доброй славы и уважения людей; другой – по светским отношениям своим и из видов корысти; третий – ради ожидаемых наград по заслугам; четвертый – по дружбе; пятый – из опасения подпасть законному взысканию, утратить добрую славу и даже место или должность; шестой – чтобы вкрасься в чью-либо доверенность и увлечь кого-либо в свою пользу по неправому делу; седьмой – чтобы завлечь и обмануть товарища и пр. Хотя дела и поступки всех людей этих с виду добры и похвальны, потому что нельзя не одобрить прямых и правдивых поступков относительно товарища, тем не менее дела эти дурны, потому что они делались не ради любви к правоте и правде, но из любви к себе и к миру (из самотности и суетности). Этой любви прямота и правота служат здесь, как слуги господину своему, которых он не ставит ни во что, когда они ему более не нужны, и увольняет их. Но точно так же с виду поступают прямо и право с ближним по любви к правде и прямоте: иные – ради истин веры или послушания, потому что так повелевает Слово Божие; другие – по благу веры или по совести, потому что этого требует исповедание их; третьи – по благостыне или благу любви к ближнему, почитая за долг о нем заботиться; еще иные – по благу любви к Господу, т. е. делая добро ради самого добра, поступая правдиво и право ради самой правды. Такие люди любят добро и правду, потому что то и другое содержат в себе исходящее от Господа Божественное начало, вследствие чего добро и правда эти в сущности своей Божественны.

Дела и поступки таких людей, будучи добры по внутреннему значению своему, добры и по внешнему, ибо дела и поступки людей, как выше сказано, безусловно таковы, каковы помыслы и воля, их порождающие. Если же нет мысли и воли, то это не дела и поступки, а безотчетные, бездушные движения. Из этого видно, что именно в Слове разумеется под делами и поступками.

473. Если же дела и поступки принадлежат воле и мыслям, то равно принадлежат и любви и вере, а потому всегда таковы, какова любовь и вера. Любовь и воля – одно и то же, а вера и мысли как убеждения также одно и то же; что человек любит, того и хочет, а чему верит, то и думает. Если человек любит то, чему верит, то и хочет того же, и сколько может, то же и делает. Всякому понятно, что любовь и вера человека находятся в воле и в мыслях его, а не вне того и другого, потому что воля воспламеняется любовью, а мысль просвещается предметами веры; поэтому и могут просвещаться только люди, способные мыслить разумно. Согласно этому просвещению они мыслят об истине и хотят ее, или, что одно и то же, веруют в истину и любят ее.

474. Но должно знать, что собственно воля составляет человека, а мысль – только в той мере, насколько она происходит от воли; дела же или поступки происходят от того и другого, от воли и от мыслей. Другими словами, любовь составляет человека, а вера – только в той мере, насколько она истекает из любви; дела же и поступки зависят от того и другого. Из этого следует, что воля, или любовь, и есть собственно человек, потому что все происходящее от чего-либо принадлежит тому, от чего происходит.

Происходить – значит стать и явиться в образе, доступном нашему постижению. Из этого видно, что такое вера сама по себе, отрешенная от любви, т. е. что это вовсе не вера, а одно только знание, в котором нет никакой духовной жизни. Не менее ясно, что такое поступок или дело отдельно от любви, т. е. что это не есть живое, одушевленное дело, а мертвое, в котором заключается одно только мнимое подобие жизни, происходящее из любви ко злу и из ложных убеждений. Эта мнимая жизнь и зовется духовной смертью.

475. Далее должно заметить, что весь человек заключается в делах и поступках своих и что воля и мысли его, или любовь и вера, принадлежащие внутреннему его человеку, не полны, пока не явятся в делах и поступках, принадлежащих внутреннему человеку. В этой внешности, в делах, оканчиваются воля и мысли как в крайних пределах своих, а без этого они будто не кончены, не свершены, представляя нечто несуществующее, чего, стало быть, нет и в самом человеке.

Мыслить и хотеть, но не исполнять, не делать, когда есть на то возможность, значило бы заключить пламя в сосуд и покрыть его, чтобы оно угасло, или посеять семя в сухой песок, где оно не даст ростка и погибнет со всем плодородием своим. Напротив, мыслить, хотеть и затем делать подобно огню пламенному, который разливает вокруг теплоту и свет, или семени в тучной почве, вырастающему в дерево либо в цветок и которое живет.

Всякому понятно, что хотеть и не делать при возможности – значит не хотеть; и что любить добро, но не делать его – значит не любить добра. Это значило бы только думать, будто бы хочешь и любишь что-либо, а такая отвлеченная мысль, не приложенная к делу, угасает и обращается в ничто.

Любовь, или воля, есть душа всякого дела и поступка, она, так сказать, сама образует тело, или образ свой, из прямодушных и правдивых дел человека. Духовное тело, или тело духа человека, образуется не из чего другого, как из дел человека, совершенных по любви или воле его (н. 463). Одним словом, все стяжание человека и духа заключается в делах, действиях или поступках его.

476. Из всего этого ясно, что именно называется жизнью, остающейся в человеке после смерти его. Это любовь его и вера по любви, не в возможности своей только, но и на деле, т. е. дела и поступки, потому что они заключают в себе все относящееся к любви и вере человека.

477. Господствующая любовь остается в человеке после смерти и не изменяется во веки веков. Во всяком человеке не одна любовь, а их несколько, но все соединяются в одной властвующей, преобладающей или господствующей любви и, так сказать, ее составляют. Всякое чувство (*affectio*), желание, хотение человека, согласное с господствующей любовью его, также называется любовью, потому что он любит то, чего хочет. Эти рода любви (*amores*) или чувства (*affectiones*) бывают внутренние и внешние, непосредственно или посредственно связан-

ные с властвующей любовью, которой они все служат различным образом. Вместе взятые, они составляют как бы царство, ибо таков порядок их устройства в человеке, хотя он ничего об этом не знает. Но устройство это сознается им отчасти в будущей жизни, потому что там протяжение мыслей и чувств согласуется с порядком этого устройства: протяжение в небесные общества, если властвующая любовь состоит из разного рода любви небесной, и, напротив, протяжение в адские общества, если любовь эта состоит из разного рода адской любви.

О том, что всякое помышление и чувство (*affectio*) духов и ангелов простирается в окрестные общества, сказано было в главах об ангельской мудрости и образе небес, согласно которому распределены там сообщества и сообщения.

478. Но все до сих пор сказанное касается только мыслей рассудочного человека; чтоб сделать это доступным и для внешних чувств его, приведу объяснительные и доказательные примеры опыта, которые покажут: 1) что всякий человек после смерти есть своя любовь, или своя воля; 2) что человек пребывает навеки таким, каков он есть относительно воли своей, или властвующей любви; 3) что человек приемлется в небеса, если в нем небесная и духовная любовь, а в ад, если в нем любовь плотская и мирская при отсутствии небесной и духовной; 4) что одна вера сама по себе не остается в человеке, если она не основана на небесной любви; 5) остается же при нем одна любовь на деле, благодетельная, которая и есть жизнь человека.

479. I. *Человек после смерти есть олицетворенная воля, или любовь своя.* В этом убедился я из множества опытов. Все небеса вообще разделены на общества по различию блага любви обитателей их. Каждый дух, вознесенный в небеса и ставший ангелом, уносится в то общество или братство, где господствует любовь его. Там он, как у себя дома и на родине своей, чувствует это и присоединяется к подобным себе. Если же он удаляется оттуда в какое-либо иное место, то чувствует какое-то сопротивление и сильное влечение снова соединиться со своими, т. е. возвратиться к господствующей любви своей. Таким образом устраиваются сообщества в небесах, а подобно этому и в преисподней.

Что небеса и ад состоят из обществ и что каждое из обществ этих различается по различию любви – см. н. 41–50; 200–212. Что человек после смерти есть олицетворенная любовь своя, доказывается и тем также, что в это время устраняется или удаляется от него все, что не согласно с властвующей любовью его: от доброго духа отбирается все разнородное и неподходящее, почему он и остается при одной любви своей; подобным образом и от злого, с той только разницей, что от последнего отбираются истины, а от доброго ложь (заблуждение), покамест каждый из них не останется при своем, т. е. при господствующей любви своей. Это совершается, когда человек приходит в третье состояние, или быт, о чем говорить будет ниже. Тогда он уже постоянно обращается лицом к предметам любви своей, которая непрестанно перед глазами его, в какую бы сторону он ни обращался (см. н. 123, 124).

Все духи могут быть ведомы куда угодно, лишь бы держать их при этом в их господствующей любви. Они при таком условии не могут даже противиться, хотя и сами знают, как и что делается с ними, и думают, что могут не повиноваться: многие пытались делать что-нибудь вопреки этой господствующей любви и всегда безуспешно. Любовью этой каждый связан, как цепью, взявшись за которую, можно каждого вести куда угодно, и никто освободиться от нее не может.

В миру с людьми бывает то же: любовь неволит и водит их, и этим же средством один человек может управлять по произволу другим. Но это еще усиливается в той жизни, потому что там нельзя скрывать притворно любви своей, принимать для вида чужую и облыжно ее выказывать.

Во всяком сообществе в будущей жизни ясно познается, что дух человека есть олицетворенная любовь его: покуда один дух говорит и действует согласно с любовью другого, первый предстоит весь с лицом полным, здоровым, веселым, живым; но как только кто станет говорить и действовать против любви другого, так лицо его начинает изменяться, темнеть и пропадать, и

наконец и весь человек исчезает, будто его тут и не бывало. Видя это, я часто дивился, потому что в миру ничего подобного не бывает. Но мне сказано было, что подобное совершается и здесь над духом человека, т. е. дух этот при отвращении от собеседника также исчезает или не остается более в виду его.

Что дух человека есть господствующая любовь его, видно также из свойства каждого духа принимать и усваивать себе все, что согласуется с любовью его, и, напротив, откидывать и удалять от себя все неподходящее, противное.

Любовь или чувства каждого подобны скважистому, губчатому дереву, которое жадно пьет жидкость, ему свойственную, полезную для жизни и роста его, а все непригодное удаляет; или подобны любому животному, знающему сродную ему пищу, отыскивающему все, что отвечает природе его, и покидающему все противное, ибо всякая любовь питается только тем, что ей сродно: любовь ко злу ищет лжи, а любовь к благу – истины.

Мне случалось видеть, что добрые, простые духи хотели наставить дурных в истинах и благе; но последние бежали вдаль и, прибыв к своим, бросались с наслаждением на всякую ложь, сродную с их любовью. Я видел также, что добрые духи беседовали между собой об истинах, а другие слушали их с удовольствием; дурные же, бывшие тут, ничего не слушали и даже будто не слышали.

В мире духов являются пути или дороги, ведущие в небеса, в ад, в разные общества. Добрые духи ходят только небесными путями, и притом ведущими именно в общество, состоящее в благе их любви; иных путей они даже не видят. Напротив, злые духи идут только путями преисподней, направляясь к обществам, состоящим во зле любви их, а прочих путей не видят, а если б и видели, то никогда не захотели бы по ним идти. Такие пути в мире духов суть действительные (*reales*) видимости, соответствующие истинам или лжи; вот почему в Слове Божиим пути и дороги имеют это значение. Этими данными опыта доказывается, что прежде было сказано по заключению рассудка, т. е. что каждый человек после смерти есть своя любовь и своя воля; воля в этом смысле – не что иное, как любовь.

480. II. *Человек после смерти навеки пребывает таким, каков он есть по воле своей и по господствующей в нем любви.* В этом я убедился также по множеству опытов. Мне дано было беседовать с людьми, жившими за две тысячи лет, чья жизнь описывается в истории и потому известна. Оказалось, что они еще и поныне сами на себя похожи и точно таковы, какими описаны, т. е. что они все те же по любви своей, из которой и по которой образовалась вся жизнь их.

Были тут и другие, жившие веков за семнадцать, также известные по истории; были и жившие за четыре века и за три, словом, в разные времена, с которыми также дано мне было говорить. И оказалось, что и поныне в них властвует та же любовь или чувство (*affectio*), с одной только разницей, что удовольствия любви их превращены были по закону соответствий.

Мне сказано было ангелами, что жизнь властвующей любви во веки веков ни в ком не изменяется, потому что всякий человек есть своя олицетворенная любовь, а следовательно, изменить ее в духе – значило бы лишить его своей жизни или погасить ее в нем. Мне сказана была и причина этому, а именно: после смерти своей человек не может более преобразовываться, как в миру, наукой, потому что последняя внешняя основа (*planum*) в человеке, состоящая из познаний или наклонностей природных, уже покоится и более не отверзается как принадлежность плотская, а не духовная (см. н. 464).

Между тем на этой внешней основе, как дом на основании своем, держится все внутреннее, свойственное разуму или духу. Вот почему человек пребывает навеки неизменно таким, какова была в миру жизнь его любви. Ангелы весьма дивятся невежеству людей, которые не знают, что каждый человек именно таков, какова господствующая любовь его, и что многие верят, будто могут спастись непосредственным милосердием Господним и одной верой, каков бы кто ни был по жизни своей; дивятся тому, как они не знают, что милосердие Господне может

быть только посредственное, что оно состоит в том, чтобы быть руководимым Господом как в мире, так и после того, в вечности; что живущие не во зле руководятся этим милосердием; наконец, не знают, что вера есть стремление к истине, истекающее от небесной любви, источник которой – Господь.

481. III. *Если человек живет в любви небесной и духовной, то он будет в небесах; если же в любви плотской и мирской, без любви небесной и духовной, то он будет в аду.* В этом убедился я, видя и зная многих, вознесенных на небеса и кинутых в преисподнюю. Первые жили по небесной и духовной любви, вторые в любви плотской и мирской. Небесной любовью называется, если кто любит благо, прямоту и правду не из каких-либо видов, а ради самого блага и правды и затем по любви исполняет это на деле. Отсюда и происходит жизнь по благу, прямоте и правде, т. е. жизнь небесная. Кто любит качества эти ради их самих и прилагает их к делу или живет по ним, тот любит Господа больше всего, потому что всякое благо от Него, и любит ближнего, ибо это благо и есть тот ближний, которого должно любить.

Напротив, плотской любовью называется та, которая любит благо, прямоту и правду не ради их самих, а ради себя (по самотности), потому что качества эти могут служить для достижения славы, почестей и богатств. Такая любовь не видит Господа и ближнего во благе, прямоте и правде, а видит в них только себя самое и мирское, наслаждаясь обманом; а благо, прямота и правда ради обмана есть зло, лукавство и неправда, что и любят такие люди.

Так как любовь каждого определяет жизнь его, то все люди при самом явлении их после смерти в мир духов подвергаются дознанию, каковы они, и соединяются с обществами духов, состоящими в такой же любви. Живущие в небесной любви приобщаются к братствам небесным, а живущие в любви телесной – к адским. По прошествии первого и второго состояния те и другие разобщаются, так что более не видятся и не знаются; это делается потому, что каждый превращается в любовь свою не только по внутренним началам своим относительно духа, но и по внешним относительно лица, тела, речи – так что всякий становится образом любви своей даже и по наружности. Предавшиеся любви плотской являются там неуклюжими, мрачными, темными, безобразными; напротив, живущие в любви небесной принимают образ живой, светлый и вообще прекрасный. Те и другие весьма различны по духу и по мыслям: живущие в небесной любви разумны и мудры; живущие в любви плотской тупы и даже почти малоумны.

Кому дано бывает видеть внутренние и внешние начала помышлений и чувств у людей, живущих в небесной любви, тот видит внутренние начала эти как бы в ярком свете или пламени, а внешние – как бы в разноцветных, радужных оттенках. Внутренние же начала тех, что живут в плотской любви, кажутся черными, как бы замкнутыми от света, иногда как бы темно-огненными, если такой человек был внутренне лукав и злобен. Внешность же их мрачного света и печального вида. Скажем при этом, что внутренние и внешние начала души и духа (*mentis et animi*) в духовном мире соизволением Господним являются видимо зрению. Живущие в плотской любви ничего не видят в небесном свете, небесный свет для них непроницаемая тьма; напротив, адский свет, подобный огню от горящего угля, для них яркий свет. Кроме того, внутреннее зрение их от небесного света до того помрачается, что наводит на них безумие, вследствие чего они и бегают от этого света, забываясь в провалы и пещеры, коих глубина отвечает степени лжи их по злу. Напротив, живущие в небесной любви видят все тем яснее и в более прекрасном виде и тем разумнее и с большей мудростью постигают истины, чем глубже и выше возносятся в небесный свет.

Пребывающие в плотской любви никак не могут жить в небесном тепле, которое есть небесная любовь, а живут только в жару адском, который есть любовь к жестокости противу непотворствующих, презрение к другим, вражда, ненависть, месть; вот услада и утеха такой любви, и, находясь в ней, духи эти живут жизнью своей, вовсе не ведая, что такое делать кому добро по добру и ради самого добра, умея только делать добро по злу и ради зла. Живущие

во плотской любви не могут дышать на небесах, если туда попадает злой дух, он начинает задыхаться как человек, лежащий при смерти.

Напротив, живущим в небесной любви тем свободнее дышать и тем полнее чувствовать жизнь, чем далее углубляются в небеса. Из этого ясно, что небесная и духовная любовь образует в человеке небеса, потому что все, что есть небесного, заключается в этой любви а что, напротив, плотская и мирская любовь, без небесной и духовной, образует в человеке ад, потому что все, что есть адского, вмещается в такой любви. Явствует за сим, что в небеса возносится тот, в ком есть любовь небесная и духовная, а в преисподнюю идет тот, в ком одна любовь плотская и мирская без небесной и духовной.

482. IV. *Одна вера, сама по себе, не остается в человеке-духе, если она не основана на небесной любви.* Это было доказано мне таким множеством опытов, что если б я описал все, что по сему поводу видел и слышал, то наполнил бы целую книгу. Могу свидетельствовать, что в живущих одной плотской и мирской любовью, без небесной и духовной, нет никакой веры и быть ее не может. В них может быть только знание или убеждение в какой-нибудь истине, вследствие того, что она служит любви их. Несколько таких духов, считавших самих себя крепкими в вере, призваны были к истинно верующим, и по открытию между ними сообщения оказалось, что в первых нет никакой веры, да и сами они впоследствии сознались, что вера только в истину и в Слово не может называться верой, а в истинной вере тот, кто любит истину по любви небесной, и притом хочет и исполняет ее на деле, по внутреннему влечению. При сем было показано, что убеждения мнимо верующих подобны зимнему свету, в котором нет тепла, вследствие чего земля, объятая стужей, коснеет под снегом. Как только луч небесного света коснется мнимого света такой веры по убеждению, то последний не только гаснет внезапно, но и настают такие потемки, в коих не видать друг друга. В то же время и внутреннее начало таких духов омрачается так, что они вовсе лишаются разума и безумствуют во лжи. Посему от них отбираются все истины, известные им из Слова и учения церкви и называемые ими своей верой, а вместо этого придается им ложь, отвечающая злу их жизни, ибо всякий неволей должен прибывать в любви своей или чувствах, а вместе с тем и в соответствующей тому лжи. Истины же, противные лжи их по злу, становятся тогда для них ненавистными и презренными, почему и откидываются. Могу свидетельствовать по всем опытам своим о быте небесном и адском, что исповедовавшие по учению своему одну голую веру, а сами жившие во зле все без исключения попадают в ад. Я видел, как многие тысячи таких духов были туда низвергнуты, о чем сказано было в книжечке моей *О Последнем суде* и разрушенном Вавилоне.

483. V. *Остается после смерти любовь на деле, т. е. собственно жизнь человека.* Это следует как разумное заключение из всего объясненного мной на основании опыта и из сказанного выше о делах и поступках. Любовь на деле – это дела и поступки.

484. Заметим, что все почти дела и поступки относятся к жизни нравственной и гражданской, а следовательно, к прямодушию и правде, равно к правосудию и нелицеприятию. Прямодушие и правда относятся к жизни нравственной, а правосудие и нелицеприятие – к быту гражданскому. По источнику любви, от которого они истекают, дела эти бывают небесные или адские. Дела жизни нравственной и гражданской называются небесными, если делаются по небесной любви, т. е. во имя Господа, а что делается во имя Господа, то и благо. Дела и поступки жизни нравственной и гражданской называются адскими, если делаются по адской любви, а что делается по адской любви, т. е. по любви к себе и к миру, то делается самим человеком от себя и, следовательно, есть зло, потому что человек сам по себе, или собь его, есть одно только зло.

Наслаждение каждого по роду жизни его превращается после смерти в соответствующее

485. В предшествующем показано было, что преобладающее чувство, или господствующая любовь, остается при каждом на вечные времена. Теперь объясним, что наслаждение этой любви обращается в другое, соответствующее, т. е. природное превращается в отвечающее ему духовное. Это доказывается тем, что, покуда человек в земном теле своем, он живет в природном мире; покинув же тело это, он переходит в духовный мир и облекается в духовное тело. Выше объяснено было уже, что образ ангельский есть образ человеческий в совершенстве своем и что человек после смерти в таком же образе, но тело его духовное (не вещество, а субстанция, *substantiale*) (см. н. 73–77, 453–460). Равно объяснено было, что такое соответствие духовного с природным (н. 87–115).

486. Все наслаждения человека принадлежат господствующей в нем любви или от нее зависят, ибо человеку приятно то только, что он любит, и всего более наслаждается он тем, что всего более любит, т. е. предметом господствующей любви своей. Наслаждения эти различны: их вообще столько же, сколько родов (видов) господствующей любви, следовательно, столько же, сколько есть людей, духов и ангелов, ибо господствующая любовь одного никогда не бывает во всех отношениях одинакова с любовью другого. Поэтому и нет двух лиц вполне одинаковых, ибо лицо есть образ духа каждого, а в духовном мире оно есть образ господствующей в каждом любви.

Наслаждения каждого, в частности, также бесконечно различны, и никогда одно какое-либо наслаждение его не может вполне уподобиться другому, хотя бы оно и следовало за другим одновременно или они были бы совместны и одновременны; во всяком случае не могут они быть одни и те же. При всем том, однако, все, в частности, наслаждения одного человека, все им любимое относится к одной главной любви его, которая и называется господствующей. Все они вместе образуют эту любовь и составляют с ней одно целое. Так точно и все наслаждения вообще относятся к одной главной и господствующей любви: на небесах – к любви к Господу, в преисподней – к любви к себе, или себялюбью.

487. В какие именно духовные наслаждения превращаются после смерти природные наслаждения каждого, это узнать можно только по науке соответствий, которая вообще учит, что нет природного предмета, которому бы не отвечал предмет духовный, а в частности указывает, что именно и чему отвечает. Поэтому знающий науку эту может познать состояние свое после смерти, лишь бы знал господствующую любовь свою и какое место она занимает в той главной и общей царствующей любви, к которой, как перед этим объяснено было, относится всякая прочая любовь или чувство. Но покуда кто сам пребывает в себялюбии, тот не может узнать господствующей любви своей, потому что любит только свое, собь свою, какова бы она ни была, называя зло свое благом, а ложь, которая потворствует этому злу и утверждается в нем, – истиной. Конечно, такие люди могли бы узнать все это от других, более мудрых людей, которые видят то, чего первые видеть не могут, но и это ими не делается, потому что они до того исполнены себялюбия, что отвергают всякое слово разумного человека. Напротив, живущие в небесной любви принимают наставления и видят через истины эти врожденное зло свое, когда к нему влекутся, ибо истины обнаруживают зло.

По истинам, истекающим из блага, всякий может видеть зло и согласную с ним ложь, но никто не может из зла или по злу познавать добро и истину. Причина этому та, что ложь по злу – потемки и духовно соответствует тьме, поэтому живущие во лжи по злу слепы и не только не видят того, что в ярком свете, но бегают от света, как совы. Напротив, истины по благу – свет и духовно отвечают свету (см. н. 126–134), поэтому живущие в истине по благу

видят все, и глаза их отверзты, верно различая, что свет, что тьма. Во всем этом мне дано было убедиться опытом.

Ангелы небесные видят и слышат в себе всякое зло и ложь, если в них что-либо такое временами возникает; видят также зло и ложь, в которых живут духи в мире духов, приобщенные к преисподней. Но сами духи эти не могут видеть своего зла и лжи, они вовсе не понимают, что значит благо небесной любви, что совесть, что прямота и правда, если не извращать все это в свою пользу; не понимают, что значит быть руководимым Господом, а отвергают все это как небылицу. Все это говорится, чтобы человек исследовал самого себя, познал бы из наслаждений своих свою господствующую любовь, а по ней, насколько сумеет применить к этому науку соответствий, познал бы состояние свое после смерти.

488. Хотя из науки соответствий и можно видеть, каким образом утехи жизни каждого превращаются после смерти в соответствия свои, но как и сама наука эта пока в безгласности, то я объясню это несколькими примерами. Все живущие во зле и утвердившиеся во лжи против истин церкви, в особенности же отвергающие Слово, избегают небесного света, прячутся и скрываются в пещерах с мрачными выходами и в щелях скал, потому что любили ложь и ненавидели истину. Такие пещеры и расселины, как и самые потемки, отвечают лжи, а свет – истине; утеха этих духов состоит в том, чтобы жить в таких местах, им противно и несносно жить в открытом поле. Точно так же поступают те, чьей усладой было скрытно ставить сети и строить втайне козни. Эти духи также живут в норах и пещерах, и притом до того темных, что они друг друга не видят, а, сходясь по углам, друг другу нашептывают в уши; вот в какое состояние обращается утеха любви их.

Кто прилежно изучал науки, но с одной только целью, чтобы прослыть ученым, а потому и не образовал этим путем разума своего и наслаждался тщеславно обширностью сведений памяти своей, тот любит места печальные и избирает их гораздо охотнее, чем тучные поля и сады; пески отвечают такой бесплодной учености.

Изучавшие догматы церковные, своего и других исповеданий, но не прилагавшие их к жизни избирают места каменистые, заваленные булыжником, а мест обработанных и плодородных избегают, ненавидя их.

Кто признавал во всем только природу, а не Творца или кто все приписывал своему разуму, притом различными уловками достиг почестей и богатств, тот предается в будущей жизни употреблению во зло Божественного порядка, чародейству и в этом находит высшую утеху жизни.

Кто Божеские истины искажал, прилагая их к страстям (*affectio*) своим, тот любит места, упитанные животной мочой, потому что она отвечает утехам такой любви.

Грязно скупые, скряги, живут в погребках или подвалах, среди свиного помета и зловоний от дурного пищеварения.

Жившие в одних плотских наслаждениях, в роскоши и неге, обжоры и сластоедцы, угождавшие желудку своему, полагая в этом высшее наслаждение, любят в той жизни помет и кал, равно места накопления его. Это обращается в усладу их потому, что такое наслаждение есть духовная нечистота: такие духи избегают места опрятные, не загаженные нечистотами, потому что они им неприятны.

Кто искал и находил утеху свою в разврате (*adulterio*), живет и там в таких же домах, где все грязно, гадко и омерзительно. Такие жилища по ним, а от семей или домов нравственных они бегают, даже обмирают, приближаясь к ним, почитая первым наслаждением жизни расстраивать супружества. Кто страстно предавался мести и через это стал лют и жесток, тот любит близость падали и трупов и живет в таких преисподнях и т. д.

489. Напротив, утеха людей, живших в любви небесной, обращается в небесные соответствия, происходящие от небесного солнца и света его, а этот свет представляет зрению такие предметы, которые внутренне исполнены Божественного начала. Происходящие от этого явле-

ния поражают внутренность духа ангелов и в то же время внешность, или телесные чувства, их; а как Божеский свет, или Божественная истина, от Господа исходящая, влияет на дух их, отверзтый небесной любовью, то и во внешности проявляется все то, что отвечает любви их.

Выше было показано, что все видимое на небесах соответствует внутреннему состоянию ангелов, вере и любви их, а стало быть, и разуму и мудрости (см. н. 170–176 об изображениях и видимостях на небесах и н. 265–275 о мудрости небесных ангелов). Начав подкреплять доводы эти примерами опыта для лучшего объяснения истин, излагаемых на основании одних отвлеченных начал, сделаю и здесь то же и скажу несколько слов о тех небесных уладах или радостях, в которые превращаются утехи природные, земные для людей, живших здесь в небесной любви.

Кто любил Божеские истины и Слово внутренним влечением, или по одной любви к истине и ради ее, тот в том мире живет среди яркого света в местах возвышенных, как бы на горах, под вечным сиянием небесного света, не зная вовсе наших потемок или ночного мрака. У них и вечная весна, и им вокруг представляются нивы, жатвы, виноградники. В жилищах их каждая вещь блестит и сияет, как ценные камни; окна просвечивают, как хрусталь. Таковы утехи зренья их, но они внутренне превращаются в уладу духовную по соответствию с божественно небесными предметами; чтимые и любимые истины Слова отвечают жатвенным нивам, виноградникам, ценным камням, окнам и хрусталу.

Далее те, что учение церкви по Слово тотчас прилагали к делу, поступают в самые внутренние небеса, или тайник небесный (*intimo coelo*), и более других пребывают в уладе мудрости. Во всех предметах они видят Божественное начало, они видят и сами предметы, но в то же время соответствующие им Божеские начала влияют на дух их и наполняют его блаженством, поражающим все чувства их, почему в глазах их все будто улыбается, играет и живет (см. н. 270).

Кто любил науки и через них возделывал умственные способности свои, обогащая таким образом разум свой, и притом признавая Божественное начало, у того наслаждение наукой и утеха разумом на том свете превращаются в уладу духовную, в познание благ и истин. Такие духи живут в садах, где цветники и луга красиво распределены и окружены рядами деревьев, образующих крытые ходы и гульбища; деревья и цветы ежедневно изменяются. Вид всего этого служит утехой для духа вообще, а разнообразие в частности беспрестанно обновляет это удовольствие. Как все явления эти отвечают началам Божественным, а любующиеся ими обладают наукой соответствий, то они и наживают всегда новые познания, чем совершенствуется духовный рассудок их. Все радости и утехи эти даются им потому, что сады, цветники, лужайки, клумбы и деревья отвечают науке и познаниям, а затем и разумению. Кто по убеждению все относил к Божеству, а природу сравнительно почитал мертвой и только орудием для достижения духовных целей, тот пребывает в свете небесном, и все видимое им при этом свете сияет. В этом блеске видятся все цвета и оттенки света и с уладой немедленно поглощаются внутренним зрением наблюдателей; вся домашняя утварь их как бы алмазная и разливает такой же свет.

Мне сказано, что и стены палат их будто хрустальные, светлые и прозрачные, а внутри их являются как бы текущие представительные образы небесных предметов в бесконечном разнообразии. Все это основано на том, что прозрачный блеск отвечает просвещенному от Господа разуму, с устранением всякой тени от природной веры и любви к природному. Теперь понятно, почему говорилось о посетивших небеса, что они видели никем не виданное, слышали (по данному им постижению Божественности явлений этих) то, что покуда ничье ухо не слыхивало.

Кто ничего не делал скрытно, а всегда желал, чтобы все помыслы его были гласны, насколько жизнь гражданская это допускает, тот за то, что мыслил по-Божески, об одном прямом и правом, является на небесах с лицом, сияющим от света, и в лице его свет этот являет все чувства и мысли, так сказать, в образе. В речах же и действиях своих люди эти как бы сами

являются образами любви и чувств своих; таких людей любят там более прочих. Во время речи их лицо их несколько помрачается, но зато после все, что было высказано ими, является на лице их в полной ясности своей. Все, что окружает таких духов, отвечает состоянию внутренних начал их и является в таком виде, что всякий ясно постигает значение и знаменование этих предметов.

Духи, которые в жизни любили действовать скрытно, бегают от первых, едва завидя их, и, кажется, будто уползают от них, как змеи. Кто считал разврат (adulterium) скверностью и жил в непорочном супружестве, преимущественно перед прочими обретается в порядке и в образе небес, а потому и в полной красоте и вечно юношеском возрасте. Наслаждения любви его невыразимы и растут во веки веков: на эту любовь влияют все улады и утехы небес, ибо она исходит из союза Господа с небесами и церковью и вообще из союза благ и истин; союз же этот образует небеса как в целом, так и в частности в каждом ангеле (н. 366–386). Внешние наслаждения подобных духов таковы, что их словами описать невозможно. Вот, для примера, немного о соответствии наслаждения духов, живущих в небесной любви.

490. Из этого видно, что улада или утеха всякого после смерти обращается в соответствие свое, а сама любовь остается вовеки, как, например, любовь супружеская, любовь к правде, прямоте, благу, истине, любовь к наукам и знаниям, к разуму и мудрости и проч. Из такой любви истекают, как ручьи из своего источника, улады или утехы, которые также остаются при человеке, но растут и возвышаются до высшей степени, переходя из наслаждений природных в духовные.

О первом состоянии человека после смерти

491. До перехода в небеса или преисподнюю человек после смерти своей должен пройти через три состояния: первое – состояние внешности его, или внешнее; второе – состояние внутренности его, или внутреннее; третье – приуготовительное. Эти три состояния человек проходит в мире духов. Иные, впрочем, не проходят через эти состояния, а прямо либо восходят в небеса, либо нисходят в ад.

Прямо в небеса восходят духи возрожденные, приуготовившиеся к небесам еще на земле. Кто до того возродился и приуготовился, что нуждается только в отбрасывании вместе с телом природной грязи, тот прямо ангелами возносится в небеса; я видел вознесенных на небеса час спустя после смерти их.

Люди внутренне коварные, а внешне добрые для одного вида, т. е. питавшие злобу свою лукавством и надевавшие для этого личину добродушия как средство обмана, тотчас после смерти бросаются в преисподнюю. Я видел таких людей, низринутых тотчас после смерти в ад, и, между прочим, одного самого коварного и лукавого, летевшего туда стремглав; другие падали иначе, смотря по состоянию. Иные тотчас заключаются в пещеры и этим отделяются от мира духов, они попеременно выпускаются оттуда и снова ввергаются в заключение. Это те люди, которые злобно преследовали других под гражданскими предложениями. Но, вообще, весьма немногие идут, подобно этим, прямо в путь, а большая часть духов удерживаются в мире духов и там по законам Божественного порядка приуготовляются для небес или для ада.

492. В первое состояние, т. е. внешности, человек вступает тотчас после смерти своей. У каждого человека относительно духа своего есть внешность и внутренность. Внешностью духа человек приспособляет здесь тело свое, особенно лицо, речь и телодвижения, к общественной жизни. Внутренность же духа его состоит из того, что собственно принадлежит воле и помыслам его и что редко изобличается лицом, речью и движениями тела, потому что человек привыкает с малости выказывать приязнь, радушие и откровенность, а помыслы воли своей таит. Таким образом, всякий по привычке ведет жизнь нравственную и гражданскую во внешности,

каков бы он ни был по внутренним началам. По этой привычке человек сам едва ли когда знает о своих внутренних началах и даже редко о них заботится.

493. Первое состояние после смерти весьма близко к мирскому, потому что человек остается во внешности своей и даже похож на себя лицом, речью и нравом (*animus*), а стало быть, и нравственной и гражданской жизнью. Поэтому он и полагает, что все еще продолжает ту же мирскую жизнь, если только не обратит должного внимания на все встречаемое и на внушения ангелов, сказавших ему при восстании его, что он теперь дух (н. 450). Таким образом, одна жизнь продолжается в Другой, и смерть служит только переходом.

494. По всему этому прибывшего из здешнего мира новичка друзья его и вообще бывшие знакомые тотчас узнают не только по лицу и по речи, но и по жизненной сфере его, когда они к ней приближаются. Если на том свете кто-либо думает о другом, то представляет себе мысленно наружность его, а с тем вместе и разные обстоятельства его жизни; от этого мысленно призываемый является в лике своем, как бы привлеченный. Таков порядок в духовном мире, потому что там сообщаются мысленно, а расстояний в смысле природного мира нет (н. 191–199). Поэтому все вновь прибывающие на тот свет или в ту жизнь узнаются друзьями, родными и знакомыми, беседуют с ними и дружат снова по мирской приязни.

Я много раз видел и слышал радость вновь прибывших, нашедших там старых друзей своих, равно и удовольствие последних при этой встрече. Супруги всегда отыскивают друг друга и радуются свиданию, они даже остаются в сожительстве более долгое или короткое время смотря по удовольствию сожительства в миру. Если же они не были соединены истинной супружеской любовью, т. е. союзом духовным по небесной любви, то вскоре опять расходятся, а если супруги по духу были вовсе разнородны и внутренне противны друг Другу, то между ними возникает открытая вражда и нередко драка. При всем том они не разлучаются до вступления во второе состояние, о чем говорится ниже.

495. Итак, жизнь вновь прибывших духов мало разнится от жизни в миру, они притом ничего почти не знают о посмертной жизни своей. Равно нет у них правильного понятия о небесах и преисподней, кроме того разве, что могли заключить из буквального смысла Слова и из проповедей, на этом же смысле основанных. Поэтому они, надивившись, что видят себя и там в телесном образе и со всеми чувствами, с какими жили на земле, что даже видят подобные предметы, выражают желание узнать, что такое небо и ад и где они. Друзья наставляют их о быте вечной жизни и водят их по разным местам и в различные общества, иногда по городам, по садам и райским насаждениям, показывая им великолепные зрелища, услаждающие внешность, в которой духи эти пребывают. Затем они попеременно впадают в прежние земные мысли свои о состоянии души после смерти, о небесах и аде и напоследок изъявляют негодование, что ничего об этом не знали и что даже сама церковь этого не знает.

Все почти жаждут проведать, попадут ли они на небеса. Многие надеются, что должны попасть, потому что жили в свете по нравственным и гражданским законам, не размыслив, что злые и добрые иногда живут в свете по внешности одинаково. Они равно делают другим добро, посещают храмы, слушают проповеди, молятся, но не ведают, что внешние действия и внешнее богопочитание сами по себе вовсе ничтожны, а важно состояние внутренних начал, из которых внешнее истекает. Из числа многих тысяч едва ли один знает, что такое внутренние начала человека и что в них заключаются небеса и церковь. Они еще менее того понимают, что внешние дела таковы, каковы намерения и помышления, которые зависят от любви и веры. Даже при наставлении они не понимают, чтобы помыслы и хотения что-нибудь значили, а сущностью считают то, что говорится и делается. Такова большая часть людей, приходящих ныне на тот свет из христианского мира.

496. Добрые духи делают дознание над новичками, каковы они, на что есть разные способы, потому что в этом первом состоянии злые одинаково с добрыми произносят истины и делают добро, как объяснено было выше, – т. е. потому, что они, равно с прочими, жили во

внешней нравственности, подчиняясь общему порядку и законам, чем старались заслужить славу людей правдивых и правосудных: лицемерие даровало им почести и богатства. Но злые духи узнаются особенно тем, что жадно прислушиваются ко всякой беседе о внешности, а о внутренних началах человека, т. е. об истинах и благах церкви и небес, хотя и слушают, но без внимания и удовольствия. Другой признак: они часто обращаются к известной стороне света (по соответствию) и, покинутые одни, идут по этим направлениям. То и другое обращение к известной стороне лицом и шествие по ведущим туда путям обнаруживает господствующую любовь.

497. Все прибывающие из мира духи связаны уже с каким-либо обществом небес или ада, но связаны по внутренним началам, а внутренние начала человека закрыты, покуда он сам во внешности. Наружность прикрывает и скрывает внутренность, особенно у живущих во внутреннем зле, но впоследствии, во втором состоянии духа, внутренность становится явной, потому что открывается, а внешность, напротив, усыпляется.

498. Это первое состояние человека после смерти длится для иных по нескольку дней, для других по месяцам или даже целый год, но уже редко дольше одного года. Разница эта у каждого зависит от степени однородства внутренности его с внешностью. Внешность и внутренность каждого должны совпадать и составлять одно, почему никому и не дозволено в мире духов мыслить и хотеть одно, а говорить и делать другое. Там каждый должен быть образом любви или чувств своих, а потому и одинаков по внутренним началам своим и по внешности. Вследствие этого внешность духа прежде всего разоблачается и приводится в должный порядок, чтобы служить внутренним началам соответствующим средством или основой (plano) действия.

О втором состоянии человека после смерти

499. Второе состояние человека после смерти именуется состоянием внутренних начал, или внутренним, потому что он переходит тогда во внутренний, или духовный, быт свой, в жизнь по воле и помыслам, а внешность, в которой пребывает он в продолжение первого состояния, усыпляется. Всякий, кто обратит внимание на жизнь человека, на речи и дела его, убедится, что во всяком человеке есть внешность и внутренность, или внешние и внутренние цели и помыслы. Это видно из следующего: в гражданской жизни всякий думает о другом, судя по тому, что слышал и знал о нем по слухам или в беседах, но никто не станет высказывать ему в лицо такого рода убеждения свои, а обращается с ним вежливо и прилично, как бы дурно о нем ни думал. Так в особенности поступают лицемеры и льстецы, которые говорят и делают совсем не то, что думают и чего хотят; также ханжи, беседующие о Боге, о небесах, о спасении души, об истинах церкви, о благе отечества и о ближнем как бы по вере и по любви, между тем как они сердцем веруют совсем в иное и любят только себя самих. Из этого следует, что мысли бывают двойные, внешние и внутренние; что согласно первым люди говорят одно, а согласно вторым чувствуют совсем иное.

Те и другие мысли раздельны, и человек остерегается, чтобы внутренняя мысль его не перешла во внешнюю и как-нибудь не обнаружилась. Человек создан так, чтобы внутренние помышления его по соответствию составляли одно и то же со внешними; они и составляют одно у людей, живущих в добре, потому что они помышляют и говорят только о добре. Но у людей, живущих во зле, внутренние помыслы разнятся от внешних, потому что такие люди помышляют о зле, а говорят о добре. У них порядок извращен, добро снаружи, а зло внутри, — почему зло и господствует над добром, подчиняя его себе, как раба, который служит ему только средством для известных целей согласно любви его. При такой цели добра на словах и на деле ясно, что добро в людях этих вовсе не есть добро, потому что оно заражено злом, хотя по внешности своей и в глазах людей, не знающих внутренних побуждений, оно и принимает вид

добра. Иное дело, если человек сам живет в добре: тут порядок не извращен; добро течет из внутренних помыслов во внешние и таким образом переходит в речи и дела. Для этого порядка человек создан: тогда внутренние начала духа его пребывают в небесах и в небесном свете; а как небесный свет есть Божеская истина, исходящая от Господа, или есть сам Господь в небесах (н. 126–140), то такие люди руководятся Господом. Все это сказано здесь для объяснения, что у человека есть мысли двух родов: внутренние и внешние, что те и другие между собой различны. Под мыслями здесь разумеется также воля, из которой помыслы исходят, потому что никто не может размышлять без участия воли своей. Ясно теперь, что понимается под состоянием человека внешним и внутренним.

500. Когда говорится о воле и помыслах, то под волей разумеются также чувства и любовь, а затем и всякая утеха и наслаждение этих чувств и любви, ибо они относятся к воле как к своему подлежащему: чего человек хочет, то, стало быть, и любит, то считает утехой и усладой своей; и наоборот, что человек любит, чем тешится и услаждается, того и хочет. Мыслями в этом случае называется все то, чем человек оправдывает и утверждает чувства свои или любовь свою; мысль есть не что иное, как вид или образ воли, или наружное проявление ее. Образ этот устанавливается различными приемами (анализисами) рассудка, происходящими из духовного мира и свойственными духу человека.

501. Надо знать, что человек вполне таков, каковы внутренние начала его, а не таков, какова внешность его отдельно от внутренних начал, потому что внутренние начала человека – дух его, а жизнь человека – жизнь этого духа, которым живет и тело. Поэтому человек и остается навеки таким, каковы внутренние начала его. Внешность же, как принадлежащая телу, после смерти отпадает, а часть ее, прилипающая к духу, усыпляется, служа только как бы основой для внутренних начал, как объяснено было выше в главе о памяти, остающейся после смерти. Из этого следует, что именно составляет собь человека и что затем не есть собь его; т. е. у дурных людей все внешние помыслы, как они сказываются в речах, и внешняя воля, какова она в поступках, не составляют соби их, но то, что принадлежит внутренним мыслям и воле человека.

502. По миновании первого состояния, о котором сказано выше, т. е. состояния внешности, человек-дух вступает во второе – в состояние внутренних начал своих, или внутреннее, т. е. в состояние внутренней воли своей и помыслов по ней, в котором был и в миру, когда мыслил сам по себе, свободно, без всякого стеснения. В состояние это он впадает бессознательно, не замечая того, как бывало и в миру, когда, сосредоточив внутрь внешние помыслы, на которых основана речь, он пребывал в одних внутренних помышлениях. Впадая в такое состояние, человек-дух пребывает в себе и в самой жизни своей, ибо свободное мышление по своим чувствам есть собственно жизнь человека, есть сам человек.

503. В этом состоянии дух мыслит вполне согласно с волей своей, а стало быть, и по чувствам или по любви своей, и потому помыслы его и воля сливаются в одно, и до такой степени в одно, что в нем почти незаметно мыслей, а видно только, что он желает или хочет. То же делается, если он говорит, с той разницей, что тут заметно какое-то опасение, как бы не проговориться, не обнаружить помыслов воли, потому что эта осторожность по привычке в мирской, гражданской жизни также вошла в хотение или волю его.

504. В состояние это приводятся все без изъятия люди после смерти своей, потому что оно свойственно духу их. Первое же состояние есть быт духа человека в общежитии, а потому и не есть настоящее, собственное состояние его. Что это первое после смерти, или внешнее, состояние человека, о котором сказано было выше, не есть настоящее, собственное состояние его, ясно по многим доводам, а именно: дух не только мыслит, но и говорит по чувствам своим, ибо сама речь вытекает из этих последних, как объяснено в главе о речи ангелов (н. 234–245).

Человек в миру мыслил точно тем же порядком, когда входил в себя; он тогда не размышлял при помощи телесной речи, а просто будто видел все перед собой, и притом видел в

течение одной минуты гораздо более, чем мог бы рассказать в полчаса. Что внешнее состояние не есть собственное состояние человека или духа его, явствует также из того, что, будучи здесь в обществе, человек беседует по правилам жизни нравственной и гражданской; причем внутреннее мышление управляет внешним, как иногда человек управляет человеком, наблюдая, чтобы все условия вежливости и приличия были соблюдены. Это ясно еще из того, что человек, размышляя в себе самом, обдумывает, как ему говорить и поступать, чтоб нравиться, войти в дружбу или в расположение и милость другого. Для этого он придумывает чуждые ему самому средства и, стало быть, действует противно внутренней, собственной воле своей. Ясно после этого, что состояние внутреннее, в которое ставится дух, есть собственное состояние его, а следовательно, и подлинное, собственное состояние человека, куда он жил в миру.

505. Если дух находится во внутреннем состоянии своем, то он для всех открыто является таким, каким человек был в миру, потому что действует уже по внутренней воле, или по соби, своей. Кто был добр по внутренним началам своим, тот действует разумно и мудро, даже разумнее, чем на земле, потому что отрешен от плотских вещей и вообще от всего земного, помрачавшего видение как бы облаком. Бывший во зле действует, напротив, глупо и безумно, даже безумнее, чем на земле, потому что воле его дан полный простор, ничем не стесняемый. В миру такой человек был здрав умом во внешности и этим средством мог принимать личину разумного человека, но коль скоро внешность эта отнята, то безумие обнаруживается. Злой, притворно принимающий внешность доброго человека, подобен сосуду, снаружи гладкому и блестящему, между тем как в нем, под крышкой, собраны всякого рода нечистоты; к нему применяются слова Господа: *Уподобляйтесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мат. 23. 27).

506. Все жившие на земле в добре и по совести, а стало быть, признававшие Божественное начало и любившие Божеские истины, а в особенности прилагавшие их к делу, будучи приведены в состояние внутренних начал своих, как бы внезапно пробуждаются от сна или будто выходят из-под тени на солнце, ибо они тогда мыслят при помощи небесного света, следовательно, по внутренней мудрости, и поступают по благу, следовательно, по внутреннему чувству своему. Небесное начало влияет на помыслы и хотение их и, сообщая их с ангелами небесными, разливает внутри их усладу и блаженство, которого они прежде не знавали. Они тогда признают Господа и чтут Его самой жизнью своей, потому что, перейдя во внутреннее состояние, они живут настоящей, свойственной им жизнью (см. н. 505). Они признают и чтут Господа по свободной воле своей, потому что свобода принадлежит внутреннему чувству. Таким образом, они удаляются от благочестия внешнего и обращаются к благочестию внутреннему, в котором и состоит истинное богопочитание. Таково состояние христиан, живших по закону Слова; но противно этому состояние тех, что жили на земле во зле и у которых не было совести, вследствие чего они отрицали все Божественное, ибо все живущие во зле внутренне отрицают Божественное начало, хотя внешне и думают, что не отрицают, а признают его. Но признавать Божество и жить во зле – одно другому противоположно. Такие люди, войдя на том свете в состояние внутренних начал своих, по речам и поступкам своим со стороны кажутся помешанными, потому что дурные наклонности вовлекают их в преступления, ведут к презрению других, к обидам, поношениям, ненависти, мести. Они вымышляют коварства иногда с таким лукавством и злобой, что с трудом верится, какая злонамеренность может скрываться в человеке. Они тогда находятся в состоянии полной свободы действий по помыслам воли своей, потому что отрешены от внешности, которая неволила и обуздывала их в миру; словом, хотя они считали себя умнее и мудрее всякого, тем не менее они лишены рассудка, потому что в земной их жизни рассудок пребывал не во внутренних началах их, а в одной только внешности. По этим причинам такие духи из второго состояния своего приводятся попеременно и на короткое время снова в первое состояние, или в быт внешний, и с тем вместе в памяти их повторяются предшествовавшие речи их и поступки. Иные стыдятся и сознаются, что безум-

ствовали, другие не знают никакого стыда, еще иные негодуют, что им нельзя оставаться навсегда в состоянии внешности (как в миру). Но этим последним объясняется, чем бы они наконец сделались, если бы постоянно пребывали в этом состоянии, а именно: что они бы продолжали скрытно строить козни свои и совращать простых сердцем и верой, принимая обманчивую личину блага, прямоты и правды, а затем погубили бы целиком и самих себя, потому что внешность их наконец воспламенилась бы таким же огнем, как и внутренние начала, что и уничтожило бы всю их жизнь.

507. Когда духи пребывают в этом втором посмертном состоянии, то являются точно такими, какими были по внутренним началам своим в миру, оглашая сверх того все, что скрытно делали и говорили, потому что они тогда, не стесняясь внешним, открыто говорят и даже пытаются делать то же самое, не опасаясь огласки, как бывало на земле. Они в это время также приводятся к личным состояниям зла своего, чтобы они явились ангелам и добрым духам в истинном виде своем, каковы суть. Таким образом, скрытное становится явным и тайное разоблачается, по словам Господа: *Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то у слышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях* (Лук. 12. 2, 3). *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда* (Мат. 12. 36).

508. Каковы дурные духи в этом состоянии, нельзя рассказать вкратце: всякий безумствует по-своему, по своим страстям, а их много. Поэтому я и намерен упомянуть здесь только о некоторых особенностях, из которых можно сделать заключение о прочем.

Любившие сами себя больше всего, а в службе и должностях гонявшиеся только за почестями, долг же свой исполнявшие не ради долга, а на утеху свою, ради славы, – чтобы прослыть более достойными перед прочими и наслаждаться славой почестей, – такие духи, придя во второе состояние, бывают глупее всех прочих, ибо насколько кто сам себя любит, настолько он удаляется от небес, а насколько кто далек от небес, настолько же он далек от разума и мудрости. Если же к себялюбию присоединялось еще коварство, а знатность достигалась происками, то такие духи приобщаются к самым дурным, предаются чародейству, т. е. извращению и употреблению во зло Божественного порядка, и такими средствами мучают и томят всякого, кто не хочет им подчиниться. Они строят козни, предаются делам ненависти, сгорают нетерпением мести и жаждут свирепствовать против всякого, кто им не поддается. Всему этому предаются они настолько, насколько толпа злых духов этому способствует, и наконец замышляют, как бы взять им небеса приступом и разорить их либо, поселясь там, быть признанными за богов. Вот до какой степени доходит их безумие.

Те из людей этого разбора, которые принадлежали к римско-католическому вероисповеданию, безумнее всех прочих: они убеждены, что небеса и ад им подвластны и что могут отпустить грехи по произволу; они присваивают себе все Божественное и называют себя Христом. Это убеждение в них так сильно, что оно влиянием своим поселяет беспокойство в душе других и помрачает ее даже до болезненного чувства. Эти духи почти одинаковы в обоих состояниях, но во втором вовсе лишены рассудка. О безумии их и последующей участи говорится в сочинении *О Последнем суде и разрушенном Вавилоне*. Кто мироздание приписывает природе и потому, если не словами, то сердцем, отрицает Божественное начало, а затем и все относящееся к небесам и церкви, тот собирает себе подобных в одно толпище, которое из среды своей называет Богом всякого, кто только лукавее прочих, воздавая ему на самом деле Божеские почести.

Я видел сборище таких духов, обожавших чародея, державших совет о силах природы и поступавших при этом до того бессмысленно, что походили на скотов в образе человека. Между ними были люди знатные, сановные и даже такие, которых почитали в миру учеными и мудрыми. Тому подобное бывает и с другими.

Из этих немногих примеров можно заключить, каковы вообще те, чьи внутренние начала духа закрыты к небесам, что бывает у всякого, кто признанием Божества и жизнью в вере не принял никакого небесного влияния. Всякий может рассудить сам по себе, каков бы он был, если бы при таких внутренних качествах ему можно было делать, что он хочет, не опасаясь ни кары законов, ни самой смерти, ни какой-либо внешней неволи, как-то: боязни утратить добрую славу, лишиться почета, выгод, доходов, а с тем вместе и наслаждений. При всем том безумие таких духов обуздывается Господом, чтобы оно не могло перейти за пределы должной службы или пользы, ибо даже и такие духи несут службу на общую пользу, а именно: добрые духи видят в них, что такое зло, каково оно и что выходит из человека, отказавшегося от руководства Господня. Служба или польза от них еще и та, что они собирают всех себе подобных в одну толпу, отделяя их от добрых духов; также, что истины и блага, которые дурными людьми притворно выказываемы были во внешности, от них отбираются, а сами они остаются в своем житейском зле и во лжи этого зла, готовясь в преисподнюю, ибо никто не заключается в ад прежде, чем поставлен будет в житейское зло свое и в отвечающую ему ложь, почему никому и не позволяется там разделять дух свой, т. е. мыслить и говорить одно, а хотеть другое. Там всякий вынужден мыслить ложь согласно злу своему и говорить ложь согласно злу этому, притом то и другое по свободной воле, т. е. по собственной любви своей и согласно утехе или наслаждению ее, так же точно, как человек делает это духом своим на земле, когда помышляет в себе по внутреннему влечению, потому что воля человека есть самый человек, а мысль может быть им в той только степени, в какой она согласуется с волей; воля есть и природа или нрав человека. Поэтому пребывать в воле своей – значит быть в своей природе, во нраве своем и, наконец, в жизни своей (по роду ее), так как жизнь человека согласуется с природой его, и после смерти он пребывает таким, какой нрав или природу он усвоил себе жизнью на земле. Этого нрава недобрый дух уже не в силах исправить или изменить, как на земле, путем размышления или понимания истины.

509. Находясь во втором состоянии, злые духи часто бывают под строгим наказанием, потому что впадают во всякого рода зло или преступление. Кары эти в мире духов разнородны, на личность или звание при этом не обращается никакого внимания: будь король, будь холоп – все одно. Всякое зло неминуемо вслед за собой приносит и кару; то и другое связано нераздельно, а потому кто во зле, тот и под наказанием. Никто, однако, не наказывается там за зло, содеянное здесь, а за преступления, в которые впадает там; но, в сущности, все равно сказать, что там карают за зло, содеянное в миру, или наказывают за зло, содеянное в той жизни, ибо всякий после смерти продолжает жить на том свете своей земной жизнью и, стало быть, остается и в своем зле, своих грехах. Выше было объяснено, что человек и там бывает таков, каким был в телесной жизни своей (н. 470–484). Кара там необходима потому, что в этом состоянии, кроме страха наказаний, нет иного средства для обуздания зла: убеждения и наставления бессильны, страха законов и опасения утраты доброй славы нет, ибо своеволие по природе своей таково, что ничем не может быть подавлено или сломано, кроме кары. Но добрые духи никогда не наказываются, если и делали что-либо дурное в этой жизни, потому что они там не впадают снова во зло свое. Мне также дано быть знать, что зло их иного рода или свойства: в них не было умысла против истин или закоснелости, а только наследственное зло от родителей, которому они и предавались по слепой страсти, когда находились в состоянии внешности, раздельной от внутренних начал.

510. Каждый присоединяется к тому обществу, в каком был дух его еще в мирской жизни, ибо всякий человек по духу своему связан с каким-либо обществом, адским или небесным: злой с адским, добрый с небесным, о чем говорится в н. 438. Дух сближается с обществом своим постепенно и наконец входит в него. Злой дух, будучи в состоянии внутренних начал своих, постепенно обращается к своему обществу и наконец направляется прямо туда еще до окончания этого (второго или внутреннего) состояния. При окончании же его злой дух сам

бросается в преисподнюю к ровням и товарищам своим. Само действие это представляется зрителю, будто кто падает вниз головой и вверх ногами. Видимость эта основана на том, что дух этот находится в превратном порядке, любя адское и откидывая небесное. Иные злые духи в этом втором состоянии попеременно входят в ад и опять оттуда выходят, но в этом случае они не кажутся падающими стремглав, как духи, над которыми совершенно опустошение (*vastatio*), о которых сказано выше. Само общество, в котором они состояли по духу своему, еще будучи в миру, показывается им, когда они бывают во внешности, чтоб они знали, что находились в аду еще в земной жизни своей, – в состоянии, однако, не вполне адском, но которое уподоблялось более быту мира духов. Об этом быте сравнительно с адским будет сказано ниже.

511. В этом втором состоянии совершается отделение злых духов от добрых, тогда как в первом состоянии, покуда дух во внешнем быту своем, все перемешаны вместе, как на земле: злые с добрыми и добрые со злыми. Иначе бывает, когда дух уже перенесен во внутренний быт свой и предоставлен нраву своему и воле. Отделение добрых от дурных делается различно, обыкновенно же, не говоря о прочих способах, таким образом: злые духи обходят те общества, с которыми они входили в сношение по добрым мыслям и чувствам своим, когда были еще в первом (внешнем) состоянии, и которые они обманывали внешностью своей, стараясь выказаться добрыми; большей частью носятся они в обширной окружности и всюду показываются добрым духам, чтобы эти видели, каковы они, при взгляде на них добрые духи отвращаются, а затем и сами посетители их, т. е. дурные духи эти, отворачиваются от них лицом в ту сторону, где находится их адское общество, т. е. куда им окончательно должно прибыть.

О третьем состоянии человека после смерти, которое есть состояние наставления для поступающих в небеса

512. Третье состояние человека после смерти, или духа его, есть состояние наставления. Оно свойственно только тем, которые идут в небеса и делаются ангелами, а идущих в ад не касается, потому что они не могут принять никакого наставления. Поэтому для этих последних второй быт или состояние есть также и третье, которое оканчивается тем, что они сполна обращаются к любви своей и, следовательно, к адскому обществу, живущему в одинаковой с ними любви. Далее, они хотят и мыслят по этим чувствам, т. е. по адской любви, а потому и хотят одно зло и помышляют одну ложь: вот услада и утеха их, ибо это согласно с их любовью. Вместе с тем они уже явно отрекаются от всякого блага и истины, хотя прежде и принимали то и другое, но только в виде средства на услугу своим страстям.

Добрые же духи приводятся через второе состояние в третье, в приуготовительный быт, для наставления и поступления в небеса, ибо никто не может быть иначе приспособлен в небожители, как познанием благ и истин, т. е. наставлением. Никому без этого не дано познать, что такое духовное благо и истина и что такое противоположные им зло и ложь.

Что такое благо и истина гражданские и нравственные и что зовется правдой и прямотой, это человек может узнать и в миру, потому что там есть гражданские законы, которые учат, что такое правосудие, и есть общество, в котором человек научается жить по законам нравственным, относящимся к прямоте и правде. Но познанию духовных благ и истин учат не на земле, а в небесах. Конечно, человек может знать их из Слова и из учения церкви, основанного на Слове, но они не могут слиться с самой жизнью его, покуда он внутренними началами духа своего не вознесется в небеса.

Человек тогда живет в небесах, когда, признавая Божественное начало, живет в правде и в прямоте ради того, что так повелевает Слово Божие, т. е. живет в правде и прямоте ради Божественного начала, а не ради себя самого и мира. Но поступать так никто без наставления не может: он должен знать для этого, что есть Бог, есть небеса и ад, есть посмертная жизнь; что Бога должно любить более всего, а ближнего – как самого себя; что должно веровать в Слово,

ибо оно Божественно. Без знания и признания всего этого человек не может мыслить духовно, а без мыслей этих не может и хотеть этого. Чего человек не знает, того не может думать, а о чем не думает, того не может и хотеть.

Если же человек захочет благ и истин, то небеса влияют на него, т. е. Господь через небеса влияет на жизнь человека, ибо Господь влияет на волю человека, а через нее и на помышления его; через оба же пути эти – на самую жизнь его, так как вся жизнь человека состоит из воли и мыслей. Из этого следует, что духовному благу и истине поучаются не от мира, а от небес и что никто не может быть приуготовлен для небес иначе как посредством наставления.

Насколько Господь влияет на чью-либо жизнь, настолько же Он и наставляет человека, ибо настолько же Он воспламеняет волю его любовью к истинам и просвещает ум его на их постижение. В той же мере отверзаются и внутренние начала человека и в него вносятся небеса; и, наконец, в той же мере Божественное и небесное начало влияет на правдивые дела его нравственной жизни и на праведные дела его гражданской жизни, возвышая дела эти в духовную степень, потому что человек исполняет их тогда по началу Божественному и ради него. Прямота и правда нравственной и гражданской жизни, если они истекают из такого источника, являются уже как последствия духовной жизни, ибо сущность всякого последствия зависит от действующей причины: какова причина, таково и следствие ее.

513. Наставлением вообще занимаются ангелы разных обществ, особенно ангелы сторон северных и южных, потому что эти ангельские общества состоят в разуме и мудрости по познанию благ и истин. Места наставлений этих расположены к северу и весьма различны; они устроены и отделены по родам и видам небесных благ, чтобы все и каждый могли быть наставляемы по наклонностям своим и по способностям. Места эти простираются вокруг на огромные пространства. Туда переносятся Господом для наставления добрые духи по проживании ими второго состояния в мире духов, но не все. Принявшие уже на земле хорошее наставление прямо готовятся Господом в небеса, куда возносятся другими путями: иные тотчас после смерти своей, другие после краткого пребывания с добрыми духами для очищения и удаления грубых помыслов и чувств, принятых на земле по мирским понятиям о почестях и богатствах. Иные прежде подлежат опустошению (*vastatio*)¹⁰, что делается под ступнями, в месте, именуемом исподней землей. Иные при этом сильно страдают, а именно люди, усвоившие себе ложные убеждения, хотя и жившие по добру. Ложные убеждения глубоко укореняются, а, не рассеяв их, человек не в силах понять и усвоить себе истину, потому что не видит ее. Впрочем, об этом опустошении и о способах к тому говорилось уже в сочинении *Тайны Небесные*.

514. Все в местах наставления живут порознь, и каждый внутренними началами своими связан с тем небесным обществом, куда предназначен; а как небесные общества устроены по небесному образу (см. н. 200–212), то и места наставлений принимают тот же образ; поэтому при обзоре их с небес они являются как бы небесами же, но в уменьшенном виде. Они простираются в длину от востока на запад, а в ширину от юга на север, но ширина по виду короче длины.

Порядок там вообще таков: впереди размещены умершие младенцами, воспитанные наставниками в небесах до юношеского возраста и перенесенные затем Господом в эти места для учения. За ними находятся умершие в полном возрасте и жившие в мире в любви к истине и благу. За ними мусульмане, жившие в доброй нравственности, признававшие одно Божеское начало и чтившие Господа первым пророком; отрекаясь от Магомета, в котором не видят, наконец, никакой пользы, они обращаются к Господу, поклоняются Ему, признают Его Божественность и тогда наставляются в христианском учении. За ними, еще далее к северу, места наставления различных языческих народов, живших в добре по вере своей, приобретших этим нечто вроде совести и поступавших право и прямо не ради законов гражданских, а ради зако-

¹⁰ Т. е. отделению и отстранению от себя всего не сродного небесам.

нов веры, которые чтились ими свято и нерушимо. Все эти люди по научению легко обращаются к признанию Господа, ибо они хранили в сердце своем то убеждение, что Бог не есть существо невидимое, а, напротив, видимое в образе человека. Таких народов более, чем всех прочих, и лучшие из них – жители Африки.

515. Но не все наставляются одинаковым образом и одним и тем же небесным обществом. Воспитанные с самого младенчества своего в небесах получают в наставники ангелов внутренних небес, потому что не упитались ложью из ложных учений веры и не загрязнили духовной жизни своей грубой привязанностью к мирским почестям и богатствам. Умершие уже взрослыми обычно поступают в учение к ангелам низших небес, более им сродным, чем ангелы высших, потому что у последних мудрость внутренняя, которую духи эти еще не имеют возможности постичь. Мусульмане же поучаются ангелами, бывшими единоверцами своими, обращенными в христианство, а язычники – своими ангелами.

516. Наставления даются там согласно учению, взятому из Слова, а не по одному только Слову Божию без учения или науки. Христиан учат по учению небесному, во всем согласному с внутренним смыслом Слова; остальных же, как мусульман и язычников, наставляют учением, доступным их понятиям, которое тем только отличается от учения небесного, что учит духовной жизни посредством жизни нравственной, согласной с хорошими догматами веры их, по которой они жили на земле.

517. Способ учения на небесах тем разнится от земного, что сведения или познания там передаются не памяти, а прямо жизни. Память духов заключается в самой жизни их: они принимают и усваивают себе все, что согласно с их жизнью, а отвергают и еще менее усваивают все неподходящее, ибо духи суть олицетворения любви или чувств и находятся в человеческом образе, чувствам этим подобном. Вследствие этого любовь к истине всегда внушается им для службы жизни, и Господь заботится о том, чтобы каждый любил службу, согласную со свойствами и способностями своими; эта любовь еще усиливается надеждой стать со временем ангелом. А как всякая служба на небесах относится к службе общественной, т. е. к царству Господнему, общему отечеству ангелов, и как всякая частная и особенная служба тем выше, чем более и ближе относится к службе общественной, то всякая частная и особенная служба, виды которой бесчисленны, именуется благой и небесной. Для этого-то в каждом духе любовь к истине так соединяется с любовью к службе, что составляет одно; через это истина переходит в службу (в дело) и сами истины, которым поучаются духи, становятся истинами службы (дела). Вот каким образом поучаются ангельские духи, готовясь к небесам.

Любовь к истине, прилагаемой к службе (к делу), вселяется различными способами, частью вовсе неизвестными на земле; особенно же посредством изображения такой службы, что делается в духовном мире на тысячи ладов, и притом доставляет такое удовольствие, что проникает человека от самой внутренности духа его до самой внешности тела его и таким образом проникает его всего. Через это дух как бы весь обращается в службу свою и, приходя в свое общество, куда он вводится посредством этих наставлений, обретается в своей жизни, если только исполняет свою службу. Из этого ясно, что познания, т. е. внешние истины, никого не вводят в небеса, а делает это сама жизнь, т. е. жизнь службы, как следствие этих познаний.

518. Были духи, принесшие с собой убеждение, что они должны войти в небеса предпочтительно перед прочими, потому что славились ученостью, хорошо изучили Слово и учение церкви и считали себя мудрыми. Они разумели себя под словами пророка Даниила: *И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, во веки, навсегда* (12. 3). Но прежде всего сделано было над ними дознание, в одной ли только памяти их заключаются познания их или в самой жизни. Духи, оказавшиеся в подлинной любви к истине, ради службы, отрешенной от всего телесного и мирского, т. е. ради службы духовной, приняты были по должном наставлении в небеса, и им дано было понять, что именно сияет на небесах, т. е. Божеская истина, которая там есть свет небесный в службе или деле. Им показано

было, что служба эта есть основа (planum), которая приемлет лучи этого света и отражает их разноцветным блеском.

Противное бывает с людьми, чьи познания заключались в одной только памяти, посредством которой они приобрели себе способность рассуждать об истинах и доказывать те из них, которые были произвольно приняты ими сперва за первые начала, а потом и за сами истины, хотя бы они и были ложные. Такие люди, как несколько не жившие в небесном свете, а в надменной самоуверенности, убеждены, что, превосходя других ученостью, они должны поступить в небеса, где ангелы будут им служить. Вследствие этого, чтоб разубедить таких духов в их надменной уверенности, их возносили к первому, или низшему, небу, вводя в какое-либо ангельское общество. Там, при самом входе, влиянием небесного света зрение их начало меркнуть, рассудок мешался и наконец дыхание прерывалось, как у людей умирающих. А почувствовав небесное тепло, т. е. небесную любовь, они страдали внутренними муками. Поэтому они были оттуда удалены и затем наставлены в том, что не познания образуют ангела, а сама жизнь, приобретаемая познаниями, потому что познания или сведения сами по себе находятся вне небес, а жизнь, основанная на познаниях, внутри небес.

519. Когда духи через данные им в описанных местах наставления уже готовы к небесам, – что совершается в короткое время, ибо они в духовном быту своем легко и много зараз постигают, – тогда облакаются они в ангельские одежды, обычно белые, как бы тонкополотняные. После того они направляются по пути, идущему вверх, к небесам, и передаются ангелам, охранителям этих небес; затем принимаются другими ангелами и вводятся в различные общества, где познают различного рода наслаждения, и, наконец, каждый переносится Господом в свое общество; это также делается различными путями, и нередко весьма окольными. Пути эти неведомы ни одному ангелу, а самому только Господу. По прибытии каждого в свое общество внутренние начала его отверзаются, и как они вполне согласуются с внутренними началами ангелов этого общества, то вновь прибывшие тотчас узнаются и с радостью принимаются.

520. К этому я прибавлю нечто замечательное о путях или дорогах, ведущих от помянутых мест к небесам и по которым вводятся туда ангелы-новички. Дорог этих восемь, по две из каждого места наставления; одна из них подымается на восток, другая на запад; идущие в небесное царство Господне вводятся туда по восточному пути, а назначенные в духовное царство – по западному. Четыре дороги, ведущие в небесное царство, являются как бы украшенными масличными и другими плодовыми деревьями, а ведущие к духовному царству усажены виноградом и лавром. Это основано на соответствии: виноград и лавр отвечают любви к истине и службам ее, а маслина и плодовые деревья – любви к добру и службам ее.

Никто не может сподобиться царства небесного по одному только непосредственному милосердию Господню

521. Не получившие должного наставления о небесах, о пути к ним и о небесной жизни человека полагают, будто прием в небеса есть дело одного только милосердия к верующим и тем, за кого ходатайствует Господь, или будто небеса доступны только по благодати или милости Божией; что, стало быть, всякий человек без изъятия может быть спасен по благоусмотрению Господню. Иные же думают, что даже и самые обитатели преисподней могут быть спасены. Но люди такого мнения ничего не понимают о человеке, который вообще весь таков, какова жизнь его; а жизнь его такова, какова любовь его не только по внутреннему началу своему, но воле и разуму, но и по внешности своей, по телу или образу: телесный образ не что иное, как внешний вид или образ, в котором внутренние начала его проявляются на деле, почему и весь человек есть представитель любви своей (н. 363). Люди эти не ведают, что тело живет не от себя и не собой, а духом своим; что дух человека есть любовь или чувства его, а духовное тело не что иное, как любовь эта в человеческом образе, в котором и является он после смерти

(н. 453–460). Кто всего этого не знает, тот может полагать, что спасение человека зависит от одного только благоизволения Божиего, называемого милосердием и благодатью (*gratia*).

522. Но прежде объясним, что именно должно разуметь под Божиим милосердием. – Это есть чистое милосердие ко всему роду человеческому во спасение его; оно одинаково и постоянно ко всякому человеку и никогда ни от кого не отступается, поэтому всякий, кто только может быть спасен, спасается. Но никто не может быть спасен иначе как Божескими средствами, показанными Господом в Слове. Божественные средства эти именуются Божескими истинами, они учат, каким образом человек должен жить во спасение свое; ими Господь ведет человека к небесам и посредством их насаждает в нем небесную жизнь. Это Господь одинаково творит всякому, но Он может насадить небесную жизнь в том только, кто воздерживается от зла, ибо иначе зло препятствует.

Итак, насколько человек удерживается от зла, настолько Господь по единому и чистому милосердию своему руководит им Божественными средствами своими; руководит от самого младенчества до конца жизни на этом свете и далее в вечности. Вот что понимается под именем Божеского милосердия; из чего и ясно, что милосердие Господне есть чистое милосердие, но не непосредственное, т. е. не такое, которое могло бы спасти всякого, как бы кто ни жил, – по одному благоусмотрению.

523. Господь никогда и ничего не делает вопреки порядку, потому что Он сам есть порядок. Божеская истина, исходящая от Господа, образует собой порядок, а Божеские истины суть законы этого порядка, по которым Господь водит человека. Поэтому спасение человека по непосредственному милосердию было бы противно Божественному порядку и, следовательно, противно Божественному началу вообще. Божественный порядок образует в человеке небеса, которые он извратил в себе жизнью, противной законам этого порядка, т. е. противной Божеским истинам. К этому-то порядку человек возвращается снова по чистому милосердию Господню и по законам порядка: насколько человек возвращается к нему, настолько он приемлет в себя небеса, а кто небеса в себя приемлет, тот и сам в них входит. Из всего этого следует опять то же, т. е. что Божеское милосердие есть милосердие чистое, но не непосредственное, не произвольное.

524. Если б люди могли быть спасаемы непосредственным милосердием, то были бы спасаемы все без изъятия, даже и сущие в аду; мало того, тогда бы не могло быть и самого ада, потому что Господь есть само милосердие, сама любовь, само благо. Вследствие этого противно Божественности Его говорить, что Он мог бы спасти всех, но не спасает; ведомо из Слова, что Господь хочет спасения всех и каждого, а не гибели.

525. Многие из христианского мира, являясь на тот свет, приносят с собой убеждения, что могут быть спасены непосредственным милосердием, о котором и привыкли молиться. При испытании их обнаружилось, что, по их убеждению, сподобиться небесного царствия – значит быть туда допущенным и что всякий, кому дозволяется вступить туда, наслаждается небесным блаженством. Очевидно, они вовсе не понимали, что такое небеса и небесное блаженство; им объяснили, что вход в небеса никому от Господа не воспрещен и что не только все, если желают, могут быть туда допущены, но что даже они вольны там оставаться. Затем желающие свободно туда допускались, но на самом рубеже встречал их поток небесного тепла, т. е. любви, в которой пребывают ангелы, и лучи небесного света, т. е. Божеской истины; от этого на них напала такая тоска, что они подвергались вместо ожидаемого блаженства адским мукам. Пораженные этим, они спешно бросались вон и, таким образом, живым опытом познавали, что никому не может быть дано небесное царство по одному милосердию.

526. Я нередко беседовал об этом с ангелами, говоря, что многие живущие в мире во зле утверждают, рассуждая о небесах и вечности, будто достичь небесного царства – значит быть допущенным туда по единому милосердию. Этому веруют особенно те, что веру почитают единым путем и средством к спасению. Они по началам веры своей не обращают внимания

на жизнь и на дела любви (что составляет саму жизнь), т. е. не ищут, кроме веры, никаких других средств, которыми Господь мог бы поселять в них небеса и соделывать их способными к принятию небесного блаженства.

Отвергая, таким образом, всякое деятельное средство к достижению желанной цели, такие люди, как неизбежное следствие принятого ими начала, должны утверждать, что человек поступает в небеса по одному только милосердию, к которому склоняется Бог-Отец по предстательству сына. На все это ангелы мне отвечали, что им известна необходимость такого догмата из принятого начала о спасении единой верой как догмата главного, но что такое ложное учение никак не может быть проникнуто небесным светом. Оно есть причина того невежества, в котором ныне находится церковь относительно понятий о Господе, о небесах, о посмертной жизни, о небесном блаженстве, о сущности любви и благостыни; вообще о благе и союзе его с истиной, а стало быть, и о самой жизни человека; о том, что она такое и откуда; что мысли сами по себе никогда и ни в ком не образуют жизни, а воля и дела ее с участием в этом мыслей настолько, насколько сами они согласуются с волей; что, следовательно, вера образует жизнь только в той мере, насколько сама вера истекает из любви. Ангелы соболезновали, что такие люди не ведают вовсе, что одной веры самой по себе и быть не может, потому что вера без своего источника, без любви, есть одно только знание или какое-то убеждение под видом веры (н. 482); убеждение, которое не усваивается жизнью человека, а остается вне ее, ибо оно вовсе отделяется от человека, если не свяжется с его любовью.

Далее ангелы говорили, что люди, принявшие такое превратное убеждение о существенном средстве к спасению души, поневоле должны верить в непосредственное милосердие, ибо они понимают и видят по природному здравому смыслу, что отрешенная от всего вера не составляет жизни человека, ибо таких же мыслей и убеждений могут быть и люди самой дурной жизни; вследствие чего им и приходится верить, что добрые и злые одинаково могут быть спасаемы, лишь бы они в смертный час с полным упованием беседовали о предстательстве Господнем и об сказуемом вследствие того милосердии. Ангелы утверждали, что пока не видели еще ни одной души, которая бы, несмотря на дурную земную жизнь свою, была принята в небеса по непосредственному милосердию, сколько бы такие люди ни толковали в мире о таком убеждении или уповании своем, как называли они веру в высшем значении. На вопрос об Аврааме, Исааке, Иакове, Давиде и апостолах, не были ли они приняты в небеса по непосредственному милосердию, ангелы отвечали: ни один из них, а каждый по делам жизни своей в миру; знаем, где они теперь, и знаем, что они там не в большем уважении, чем и все прочие. Если же о них с особым почетом упоминается в Слове, то потому только, что под их именами во внутреннем смысле разумелся сам Господь: под именем Авраама, Исаака, Иакова – Господь по Божественности своей и его Божественная человечность; под именем Давида – Господь относительно Божественной царственности своей; под апостолами – Господь в отношении к Божеским истинам. Затем они сказали, что при чтении человеком Слова они вовсе не думают об этих личностях, потому что сами имена эти не доходят до небес, а вместо них понимается Господь в тех значениях, как выше объяснено. Поэтому и в Слове Божиим, хранимом на небесах (н. 259), мужи эти нигде не поименованы, так как Слово это есть внутренний смысл того Слова, которое у нас на земле.

527. Могу подтвердить по множеству опытов, что невозможно даровать небесную жизнь тому, кто жил наперекор ей на земле. Иные полагали, что легко примут после смерти Божеские истины, услышав их от ангелов, и что, уверовав в них, изменят род жизни и затем будут приняты на небеса. Это было испытано над многими, бывшими в такой уверенности, и допущено было для того, чтоб убедить их, что после смерти нет покаяния. Иные из них при этом опыте понимали истины и, по-видимому, принимали их, но лишь только они обращались к жизни по любви своей, то отбрасывали истины эти и даже начинали говорить против них; иные тотчас же отвращались от них, не желая и слышать их. Другие требовали, чтобы жизнь по любви

или страстям, принятая в миру, была отнята у них и на место ее дана была жизнь ангельская, небесная; и это сделано было над ними по соизволению, но как только жизнь по любви была у них отнята, то они тотчас падали, будто мертвые, без чувств и более собой не владели.

Этими и подобными опытами внушено было простым, но добрым духам, что жизнь человека не может измениться после смерти и что дурная, или адская, жизнь не может быть превращена в добрую, или ангельскую, а всякий дух от головы до пятки таков, какова любовь его, т. е. какова его жизнь, и что превратить ее в противоположную – значит уничтожить этого духа вовсе. Ангелы объявили, что легче превратить сову в голубку или филина в райскую птичку, чем адского духа в небесного ангела. Что человек после смерти остается таким, каким был по жизни на земле, – см. н. 470–484. Из всего этого ясно следует, что никто не может быть принят на небеса по непосредственному милосердию.

Не столь трудна, как полагают, жизнь, ведущая к небесам

528. Иные полагают, что вести жизнь, приводящую человека в небеса, называемую жизнью духовной, весьма трудно. Люди эти слышали, что человек должен отказаться от мирского, от так называемых похотей плотских и телесных, и жить духовно, т. е., как они понимают, что все светское должно быть откинута, особенно богатства и почести; что должно постоянно предаваться благочестивым помышлениям о Боге, о спасении души, о вечности, проводить все время в молитвах, в чтении Слова и спасительных книг. Это они называют отречением от света и жизнью духовной, не плотской. Но мне дано было познать многими опытами и беседами с ангелами, что это совсем не так, что, напротив, отрекающиеся от мира и живущие духовно по этому способу готовят себе жизнь печальную, не способную к принятию небесного блаженства, потому что жизнь каждого остается при нем навсегда. Чтобы приспособить себя к небесной жизни, человек, напротив, должен жить в миру, в должностях, занятиях и сношениях с людьми, возвышаясь к духовной жизни посредством жизни нравственной и гражданской. Иначе не может образоваться в человеке духовная жизнь или дух его – приготовиться к небесам; а жить одной только внутренней жизнью, не живя в то же время и внешней, значило бы жить в доме, выстроенном без основания, – почему он либо садится, либо, трескаясь, расседается, либо клонится туда и сюда и разрушается.

529. Если разобрать жизнь человеческую разумным взглядом, то оказывается, что она тройка: духовная, нравственная и гражданская – и что каждая из жизней этих различна. Есть люди, живущие одной гражданской жизнью, устранив и нравственную, и духовную; другие живут жизнью нравственной, но не духовной; а иные – жизнью гражданской, нравственной и духовной. Последние живут жизнью небесной, а первые все – жизнью чисто мирской, с устраниением небесной. Из этого следует прежде всего, что духовная жизнь не разделяна с жизнью природной, или мирской, но что первая соединена со второй, как душа с телом, и что если бы разделить их, то это, как сказано выше, уподобилось бы жилищу в доме без основания, ибо жизнь нравственная и гражданская есть деятельность жизни духовной; к последней относится всякое благое желание воли (*velle*), к первым – исполнение его на деле. Если же отделить одно от другого, то духовная жизнь будет состоять в одних только размышлениях и в разговоре, а воли не будет, потому что ей нет опоры; между тем воля-то и образует всю сущность духовного человека.

530. Из последующего можно убедиться, что не столь трудно жить небесной жизнью, как обычно полагают. Кто же не может жить должной гражданской и нравственной жизнью, когда всякий с самого детства знакомится с ней и она внушается ему? И почти всякий человек, дурной или добрый, живет этой жизнью, потому что всякий желает прослыть честным и правдивым; почти всякий по внешности старается поступать откровенно и справедливо, и до того, что кажется прямым и правдивым от души и будто действует по самой прямоте и правде. Так же

точно должен жить духовный человек, что на деле ему не труднее, чем человеку природному, с той только разницей, что духовный человек верует в Божественное начало и живет честно и правдиво не только ради законов гражданских и нравственных, но и ради законов Божеских. Кто при исполнении дел своих мыслит о законах Божеских, тот сообщается через это с небесными ангелами и по мере того, что он так поступает и мыслит, соединяется с ними; через это самое отвергается его внутренний человек, который сам по себе и есть человек духовный. Если же человек таков, то он приемлется и руководится Господом, сам того не зная; тогда прямота и справедливость его, хотя и относятся к жизни нравственной и гражданской, исходят из духовного источника, а жить в прямоте и правде по духовному источнику – значит жить так ради самой прямоты и правды, или жить так по сердцу. Правда и прямота такого человека по внешнему явлению своему ничем не отличаются от правды и прямоты людей природных, даже дурных и адских, но по внутренним началам своим свойства эти совсем различны: люди дурные действуют правдиво и праведно только ради себя и ради мира, и потому если б не опасались законных взысканий, утраты доброй славы, почестей, выгод и самой жизни, то стали бы действовать несправедливо и неправдиво, не боясь ни Бога, ни законов Божеских. Их не удерживают никакие внутренние узы, и потому если бы можно было безопасно плутовать и мошенничать, воровать и грабить, то они делали бы это с большим удовольствием. Истина эта проявляется на том свете, где внешность отнимается, а внутренность каждого открывается на вечную жизнь (см. н. 499–511). Действуя тогда без всяких внешних уз, без страха законов, без опасения утраты славы, чести, богатства и самой жизни, такие люди в поступках своих безумны, а над прямотой и правдой насмеваются. Напротив, жившие в прямоте и правде ради законов Божеских, отрешась от внешности и оставшись при внутренних началах своих, действуют мудро, потому что сообщаются с небесными ангелами, от которых и получают мудрость свою. Из всего этого следует, что человек духовный по жизни гражданской и нравственной может действовать одинаково с человеком природным, лишь бы внутренними началами, т. е. волей и помыслами, был в союзе с Божеством.

531. Законы жизни духовной, гражданской и нравственной даны нам и в 10 заповедях: в трех первых – законы жизни духовной, в трех последующих – законы жизни гражданской, в четырех последних – законы жизни нравственной.

Чисто природный человек во внешности своей живет по тем же правилам, что и человек духовный: он также поклоняется Божеству, посещает храмы, слушает проповеди, смотрит благочестиво; он не убийца, не вор, не блудник; не лжесвидетельствует и не обирает своего товарища. Но так он поступает ради себя самого и чтобы показать себя таким миру; внутренность же его вовсе не походит на этот внешний образ, потому что он сердцем отрицает Божество, при изъявлении богопочитания ханжит и сам про себя смеется святости церкви, считая ее только уздой для черни. Такой человек вовсе отлучен от небес и, не будучи духовным человеком, не может быть ни нравственным, ни гражданским. Не убивая в буквальном смысле, он, однако, ненавидит всякого противника и горит мезтью этой ненависти. Если б он не был связан гражданскими законами и внешними узами и вообще страхом кары, то решился бы и на убийство; а как в нем есть эта страсть, то он и убивает беспрестанно. Если он не распутничает, то в сущности все-таки блудник, потому что считает это дозволенным и делает каждый раз, когда считает возможным и безопасным. Он также не крадет, но в душе все-таки вор, потому что жаждет чужого богатства и считает лукавство и коварные проделки дозволенными; таким же образом он ведет себя и относительно заповедей жизни нравственной: не лжесвидетельствует, не пожелай добра ближнего твоего.

Таков всякий человек, отрицающий Божественное начало, у которого совесть не основана на вере. Такие люди обнаруживаются в загробной жизни при лишении их внешности своей и оставлении при одной внутренней жизни: будучи отрешены от небес, они действуют заодно с преисподней, почему туда и приобщаются.

Совсем иначе бывает с теми, кто, признавая всем сердцем Божественное начало, в делах своих следует Божеским законам и живет согласно первым трем и всем остальным десяти заповедям: они, утратив внешность и оставшись при одной внутренней жизни, становятся более разумными, чем были на земле. Когда они вступают во внутреннюю жизнь свою, то как бы внезапно переходят из-под тени на солнечный свет, от невежества – к мудрости, из жизни скучной и печальной – к жизни блаженной, потому что они живут тогда в Божественном начале, а стало быть, и в небесах. Все это сказано здесь для объяснения, каков один человек и каков другой, хотя оба они по внешней жизни одинаковы.

532. Всякому понятно, что мысли направляются туда, куда направлены намерения, или к цели, которую человек хочет достигнуть. Мышление есть внутреннее зрение и, подобно ему, обращается туда и останавливается там, куда человек его направляет. Если внутреннее зрение, или мышление, обращено к мирскому и на нем останавливается, то рождаются мысли мирские; если оно обращается человеком на себя и на почет свой, то мысли рождаются плотские; если же к небесам, то и мысли бывают небесные. Поэтому, обращаясь к небесам, мысли поднимаются; обращаясь к себе, к человеку, отрываются от небес и погружаются в телесное; а обращаясь к миру, также уклоняются от небес и растекаются на том, что перед глазами. Намерение человека, стремление его, есть следствие любви его или чувства, поэтому любовь эта и направляет внутреннее зрение, или мышление, к известному предмету, а именно: себялюбие направляет мысли к себе самому и к своему, любовь к миру направляет их к мирскому, любовь небесная к небесам. Поэтому и можно видеть, в каком состоянии внутренние начала духа человека, коль скоро известна его любовь: кто любит небеса, у того внутренние начала обращены к небесам и сверху открыты; кто любит мир и себя самого, у того внутренние начала сверху замкнуты, а извне открыты.

Из этого можно заключить, что если внутренние начала человека сверху замкнуты, то человек не может видеть предметов небес и церкви, и они для него в непроницаемой тьме; а что во тьме, то либо отвергается, либо вовсе не постигается. Поэтому кто любит себя и мир больше всего и у кого затем внутренние начала сверху замкнуты, тот сердцем отрицает Божеские истины; если же он говорит о них на память, то сам ничего не понимает, судя о них как о предметах мирских и телесных. Таких людей занимает только то, что доступно пяти чувствам, и одним этим они услаждаются; сюда принадлежит много грязного, развратного, кощунственного и преступного. И подобные мысли не могут быть удалены от них, потому что тут не может быть никакого небесного влияния на дух их, который, как объяснено уже, сверху замкнут.

Стремление, или намерение, человека, направляющее внутреннее зрение или мышление его, есть воля его: чего человек хочет, к тому он стремится, а к чему стремится, о том мыслит. Если он стремится к небесам, то туда же направляет и помыслы свои, а с ними и весь дух свой, который, таким образом, находится в небесах, и затем он глядит на все мирское как бы сверху вниз. Поэтому человек, у которого внутренние начала духа его открыты, может видеть в себе зло и ложь, ибо они расположены как бы под духовным его началом. И наоборот, человек, у которого нутро закрыто, не может сам видеть зло свое и ложь, потому что он не выше их, а, так сказать, погряз в них сам. Из этого видно, откуда дается человеку разум и мудрость и откуда безумие; равно видно, каков человек должен быть после смерти, когда ему предоставляется хотеть и мыслить, а затем действовать и говорить согласно с внутренними началами своими. Все это объясняется здесь для того, чтобы ведома была разница между внутренним и внешним человеком, хотя бы один и казался подобным другому.

533. Понятно теперь, что жить небесной жизнью не столь трудно, как полагают: для этого только необходимо при появлении в мыслях чего-либо противного прямоте и правде, хотя бы душа к тому и стремилась, помнить и помышлять, что этого делать не должно, как дела, противного Божеским заповедям. Если человек приучится к такому размышлению и оно обратится в привычку, то он мало-помалу соединяется с небесами, и по мере этого союза отвер-

заяются внутренние начала духа его. Насколько же начала эти отверзаются, настолько видит и отличает он все противное прямоте и правде, а насколько он это видит, настолько зло и ложь могут быть удалены и рассеяны, но никакое зло не может быть удалено, если его не видишь и не знаешь. В такое состояние всякий может войти по своей свободной воле, потому что всякий мыслит по своей воле; и, будучи однажды наставлен на путь этот, человек наитствуется Господом на всякое благо: ему дается не только видеть зло, но и не хотеть его, и наконец оно становится ему противным. Вот что понимается под словами Господа: *Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мат. 11. 30). Но должно заметить, что трудность таких помыслов возрастает, как равно и затруднение противостоять злу, по мере того как человек делает зло по воле, по любви. От этого зло обращается в привычку, человек сам его уже не видит и наконец, полюбив его, наслаждается им, извиняет его и утверждает в нем всякого рода ложными рассуждениями; он считает зло не только дозволенным, но называет его благом. Это, впрочем, случается с тем только, кто в юношеском возрасте, очертя голову, мечется в пропасть зол и в то же время сердцем отрекается от Божественного начала.

534. Однажды представилась мне дорога, ведущая в рай и в ад. Это была широкая дорога, пролежавшая влево, или на север; множество духов шли по ней, а на некотором расстоянии, там, где дорога оканчивалась, виднелся большой камень, за которым путь расходился надвое, налево и направо. Налево шла дорога тесная, узкая и вела через запад на юг, к небесному свету; дорога направо была широка, просторна и вела наискось вниз, в преисподнюю. Сначала все шли одним общим путем до камня на распутье, а там разделялись: добрые сворачивали влево на узкую дорогу к небесам, злые, не видя камня на распутье, падали через него и ушибались, а вскочив на ноги, спешили далее бегом по широкой дороге прямо в ад. Мне объяснено было значение этого видения: общий широкий путь, по которому одинаково и вместе идут добрые и злые, беседуя дружески и не представляя на вид никакого различия, изображает всех людей, живущих по внешности одинаково в прямоте и правде и потому не различаемых на вид; камень распутья, или угольный, через который падали злые, спеша бегом по пути в преисподнюю, изображает Божескую истину, отвергаемую людьми, обратившимися к преисподней; а в высшем значении камень этот представляет Божественную человечность Господа; поэтому видящие и признающие Божескую истину и Божественность Господа направляются по небесному пути. Из этого также следует, что злые и добрые по внешности идут одним и тем же путем и что одному это нисколько не труднее, чем другому. Но признающие сердцем Божественное начало, особенно же христиане, признающие Божественность Господа, направляются к небесам, а не признающие – к преисподней.

Помышления людские, исходящие из намерения или воли, представляются на том свете путями, дорогами, которые принимают иносказательный вид, во всей точности отвечающий помыслам и замыслам, и каждый человек идет своей дорогой согласно помыслам и намерениям своим; поэтому духи относительно качеств и помыслов своих легко узнаются по путям, которыми идут. Все сказанное здесь поясняет Слова Господа: *Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мат. 7. 13, 14). Путь жизни узок не потому, что труден, а потому что немногие находят и торят его, как сказано было выше. Камень угольный в конце общей широкой дороги, откуда распутье идет в две противные стороны, объясняет Слова Господа: *Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла. Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется* (Лук. 20. 17, 18). Камень – Божеская истина; камень Израильский – Господь в Божественной человечности; строители – люди церкви; глава угла – распутье; падать и разбиваться – отрицать и гибнуть.

535. Мне дано было беседовать на том свете с людьми, удалившимися от мирских сует ради благочестивой, святой жизни; также с людьми, налагавшими на себя по обету страдания разного рода, полагая, что этим отрешаются от мира и обуздывают плоть. Большая часть из

них, осудив себя по привычке к жизни унылой, печальной и удалясь от жизни любви (*charitas*), для которой необходимо оставаться в миру, не могла быть присоединена к ангелам; жизнь этих последних – радостная и блаженная, состоящая вся из добрых дел, из дел благодетельности. Кроме того, жившие в миру такой отвлеченной жизнью воспаляются заслугами своими, непрерывно жаждут небес и почитают небесное блаженство должной себе платой или наградой, вовсе не понимая сущности небесного блаженства. Если они затем переносятся в среду ангелов соучастниками их радостей, т. е. блаженства бескорыстного, не в виде награды и заслуги, а состоящего в исполнении долга и обязанностей и в блаженстве по мере сделанного добра, то дивятся, видя вовсе не то, что ожидали; не будучи в состоянии насладиться таким блаженством, они удаляются, присоединяясь к своим, жившим одинаково с ними на земле. Жившие во внешнем богопочитании, постоянные посетители храмов и всегдашние богомольцы, отягчавшие душу свою печалью, и притом всегда много думавшие о себе в чаянии большого уважения и почета, даже святости после смерти, на том свете не находятся на небесах, потому что они все это делали ради себя самих и оскверняли Божеские истины, утопляя их в себялюбии. Иные из них так безумны, что почитают себя богами, почему и поступают к подобным себе в преисподнюю. Другие лукавы и коварны, а потому идут и в ад лукавых; это именно те, что посредством хитрых происков притворной жизни соблазняли толпу, чтившую в них Божественную святость. В таком состоянии многие из числа святых римского исповедания; со многими дано мне было беседовать, и вся жизнь их в миру и после того была мне показана.

Все это объясняется здесь для убеждения, что жизнь, ведущая к небесам, не есть жизнь отвлеченная от мира, но жизнь в миру и что богомольная жизнь без деятельной жизни любви (*charitatis*), которую можно найти только в миру, не ведет к небесам; а ведет к ним жизнь деятельной любви, т. е. прямое, честное и правосудное исполнение всякой должности или обязанности, всякого дела и сношения с людьми по внутреннему и, стало быть, небесному началу; из этого начала истекает такая жизнь, когда человек поступает прямо и честно ради Божественных законов. Жизнь эта немноготрудна, а тяжела, напротив, отрешенная от деятельной любви жизнь богомола, которая, сверх того, настолько же удаляет от небес, насколько, по мнению людей, должна бы вести к ним.

Об аде

Господь управляет адом

536. Когда выше говорилось о небесах, везде было показано, что Господь есть Бог небес (в особенности см. н. 2–6) и что, таким образом, все управление небесами принадлежит Господу. А как отношение небес к аду и ада к небесам такое, как между двумя противоположными, друг против друга действующими началами, от действия и воздействия которых происходит равновесие, в котором все прочее должно существовать, – то вот почему для содержания всего существующего в равновесии необходимо, чтобы тот, кто управляет одной частью, управлял и другой, ибо если тот же самый Господь не сдерживал бы порывов ада и не укрощал его неистовств, то равновесие бы нарушилось, а с ним и все остальное.

537. Скажу прежде несколько слов о равновесии. Известно, что когда два начала взаимно действуют друг против друга и действие и напор с одной стороны равны воздействию и сопротивлению с другой, то обе силы, по случаю равенства своего, уничтожаются, и тогда обе они могут быть движимы по произволу третьей силы, ибо когда два начала вследствие равного противодействия лишаются всякой силы, то сила третьего начала делает все, и так легко, как если б не было никакого сопротивления. Таково равновесие между небесами и адом; однако это не такое равновесие, как бы между двумя состоящими особами, силы которых равны между собой, но это равновесие духовное, т. е. лжи и истины, зла и добра: ад постоянно дышит (*spirat*) ложью, происходящей от зла; небеса же постоянно дышат истиной, происходящей от блага. Вследствие этого духовного равновесия человек находится в свободе мысли и воли, ибо все, что человек мыслит и волит, относится или ко злу и потому ко лжи, или к добру и потому к истине. Следовательно, когда он в равновесии, он свободен или допустить и принять зло, а потому и ложь, идущую от ада, или допустить и принять добро, а потому и истину, идущую с небес. Каждый человек содержится в этом равновесии Господом, потому что Господь управляет и небесами и адом. Но для чего человек посредством равновесия содержится в свободе и зачем Божественным всемогуществом не отняты от него зло и ложь и не исполнен он одним благом и истиной – это будет сказано ниже, на своем месте.

538. Мне несколько раз дано было постичь, как сфера лжи, происходящей от зла, вытекала из ада. Это было как бы постоянное усилие уничтожить всякое благо и всякую истину, усилие, сопровождавшееся гневом и как бы яростью вследствие неудачи; усилие состояло в особенности в том, чтобы разрушить и уничтожить Божественность Господа потому, что от Него исходит всякое благо и всякая истина. Из небес же, напротив, я постигал, как вытекала сфера истины, исходящей от блага; эта сфера укрощала ярость усилия, возникавшего из ада, и следствием этого было равновесие. Я постигал, что сфера, вытекавшая из небес, происходила от одного Господа, хотя она и казалась как бы исходящей от ангелов небесных. Она потому постигалась исходящей от одного Господа, а не от ангелов, что каждый ангел на небесах признает, что несколько блага и несколько истины не принадлежит ему самому, а что все исходит от Господа.

539. В духовном мире вся сила принадлежит истине по благу, ложь же, исходящая от зла, совершенно бессильна. Всякая сила принадлежит истине, исходящей от блага, потому что само Божественное начало на небесах есть Божественное благо и Божественная истина и что Божественному началу принадлежит всякая сила; а ложь, исходящая от зла, совершенно бессильна, потому что всякая сила принадлежит истине, исходящей от блага, и что во лжи от зла нет этой истины несколько. Вследствие того всякая сила принадлежит небесам, а в аду нет ее вовсе, ибо каждый на небесах обретается в истине по благу и каждый в аду обретается во лжи по злу:

никто не допускается в небеса, если он не живет в истине по благу, и никто не ввергается в ад, если он не во лжи по злу. Что это так, видно в главах, в которых говорилось о первом и третьем состоянии человека после смерти (см. н. 491–520); а что всякая сила принадлежит истине, исходящей от блага, это видно в главе о могуществе ангелов на небесах (см. н. 228–233).

540. Итак, вот каково равновесие между небесами и адом. Обитатели мира духов находятся в этом равновесии, ибо мир духов занимает середину между небесами и адом; потому и все люди на земле содержатся в таком же равновесии, ибо Господь управляет людьми на земле посредством духов, находящихся в мире духов; об этом будет сказано ниже в особой главе. Такое равновесие не могло бы существовать, если б Господь не управлял как небесами, так и адом и не умерял ту и другую сторону: иначе ложь, исходящая от зла, брала бы верх и заражала простых, добрых духов, которые находятся на последних границах небес и которые могут быть легче соращены, чем ангелы; таким образом, погибло бы равновесие, а с ним и свобода в людях.

541. Ад, равно как и небеса, разделяется на общества, и даже на столько обществ, сколько их на небесах, ибо у каждого общества на небесах есть противоположное ему общество в аду, и это вследствие равновесия. Но общества в аду различаются по разного рода злу и происходящей от него лжи, потому что небесные общества различаются по благам и истинам своим. Что у каждого блага есть противоположное ему зло и у каждой истины противоположная ей ложь, это можно знать из того, что нет вещи, которая бы не относилась к чему-либо противоположному; что из этой противоположности узнаются вещи относительно качеств и степеней своих и что на этом основано вообще понимание и ощущение (*sensatio*). Вот почему Господом постоянно предусматривается, чтоб у каждого небесного общества было свое противоположное в аду и чтоб между ними было равновесие.

542. Если ад делится на столько же обществ, сколько их на небесах, то, следовательно, и адов столько же, сколько небесных обществ, ибо каждое небесное общество образует небеса в малом виде, вследствие чего и каждое общество в аду есть ад в малом виде. Как вообще трое небес, так вообще и три ада: низший противоположен самым внутренним, или третьим, небесам; средний противоположен средним, или вторым, небесам; и высший, который противоположен последним, или низшим, небесам.

543. Скажу также в нескольких словах, каким образом Господь управляет адом. Ад вообще управляется общим влиянием (*affluxus*) Божественного блага и Божественной истины, от небес идущим и которым общее усилие адское умеряется и удерживается; и, сверх того, особенным влиянием каждых небес и каждого небесного общества. В частности же ад управляется ангелами, которым поручено смотреть за адом и умерять его кичение и буйство; иногда ангелы даже посылаются туда и присутствием своим умирят его. Но вообще все находящиеся в аду управляются страхом, который в иных врожден и привит еще здесь; но как этот страх недостаточен и мало-помалу пропадает, то они управляются страхом наказаний – им в особенности они воздерживаются от зла: наказания в аду многочисленны, иные легче, другие тяжелее, смотря по сделанному злу. Вообще над другими духами поставляются самые злые, которые, превосходя прочих коварством и хитростью, могут наказаниями и страхом содержать их в повиновении и покорстве; но сами начальники эти не смеют преступать назначенных им границ. Должно знать, что единственное средство сдерживать насилие и ярость жителей ада есть страх казни, – другого средства нет.

544. До сих пор верят в мире, что во главе ада стоит дьявол, который сперва был создан ангелом света, а после восстания своего вместе с сонмищем своим был ввергнут в ад. Это верование вышло из того, что в Слове говорится о дьяволе и сатане и также о Люцифере и что в этих изречениях Слово было понято в буквальном его смысле, меж тем как тут под дьяволом и сатаной разумеется ад. Под дьяволом – тот ад, который позади и в котором находятся самые злые духи, называемые злыми гениями; а под сатаной – тот ад, который впереди и в котором

находятся духи не столь злые и называемые просто злыми духами. Под Люцифером понимаются духи, принадлежащие Вавилону, т. е. те, что мечтают о распространении господства своего даже до самых небес. Что нет никакого дьявола, которому бы ад был подвластен, это ясно из того, что все находящиеся в аду, равно как и все находящиеся на небесах, происходят от рода человеческого (см. н. 311–317); и еще из того, что от самого создания мира до нынешнего дня там находятся мириады мириад духов, из которых каждый есть дьявол в той самой степени, насколько он, живя на земле, сам стал таким, идя против Божественного начала.

Господь никого не ввергает в ад, но это делается самим духом

545. В некоторых людях укоренилось понятие, что Господь отвращает лицо свое от человека, отметаает его от себя и в гневе своем за соделанное им зло низвергает его в ад. Иные идут еще далее и думают, что Бог наказывает человека и делает ему зло. Люди утверждают в этом понятии вследствие буквального смысла Слова, в котором находятся подобные выражения, не ведая, что духовный смысл Слова, объясняющий смысл буквальный, совершенно от него отличен и что, следовательно, настоящее учение церкви, основанное на духовном смысле Слова, учит другому, а именно тому, что никогда Бог не отвращает лица своего от человека и не отвергает его от себя; что Он никогда никого не ввергает в ад и не гневается. Равно и всякий человек, чей ум при чтении Слова хоть несколько озарен, постигает это из одного того, что Бог есть само благо, сама любовь и само милосердие, что само благо не может никому сделать зло и что сама любовь и само милосердие не могут отвергнуть человека, ибо это было бы противно самой сущности милосердия и любви, а следовательно, и противно самому Божественному началу. Поэтому люди с умом озаренным (*ex mente illustrata*) ясно постигают, читая Слово, что Господь никогда не отвращается от человека, а если не отвращается, то поступает с ним по благу, по любви и по милосердию, т. е. что Он желает ему блага, любит его и милосердствует о нем. Из этого люди эти видят также, что буквальный смысл Слова, в котором находятся подобные выражения, заключает в себе смысл духовный, согласно которому должны быть объяснены те выражения, которые в буквальном смысле своем приспособлены были к пониманию человека и согласованы с его первоначальными и общими понятиями.

546. Человек озаренный видит, кроме того, что благо и зло суть два противоположные начала, и столь же противоположные, как небеса и ад; что всякое благо идет с небес, а всякое зло из ада; а как Божественное начало Господа образует небеса (см. н. 7-12), то от Господа нaitствует на человека одно только благо, а из ада одно зло; что, таким образом, Господь постоянно отклоняет человека от зла и наклоняет его к добру, а ад постоянно склоняет его ко злу. Если б человек не находился между тем и другим, он был бы лишен всякого мышления и всякой воли, и еще более всякой свободы и всякого выбора, ибо человек одарен всем этим вследствие равновесия между добром и злом. Поэтому если б Господь отвратился от человека и человек был бы предоставлен одному злу, то он и не стал бы более человеком. Из этого ясно, что Господь нaitствует благом на всякого человека, как на злого, так и на доброго, но с той разницей, что злого человека Он постоянно отклоняет от зла, а доброго человека постоянно склоняет к добру и что причина такой разницы в самом человеке, ибо он приемник.

547. Из этого видно, что человек делает зло по влиянию ада, а добро по влиянию от Господа. Но как человек думает, что он все делает сам от себя, то и зло, которое он делает, принадлежит ему как собственное, из чего следует, что виной своего зла сам человек, а никак не Господь: зло в человеке есть ад в нем, ибо все равно сказать – зло или ад. Итак, если сам человек – виной своего зла, то, следовательно, он сам собой ввергается в ад, а не Господом; Господь так далек от этого, что Он освобождает человека из ада, как только человек не хочет и не любит более оставаться в своем зле. Вся воля и вся любовь человека после смерти его остаются при нем (н. 470–484): кто хочет и любит зло на земле, тот хочет и любит то же самое

зло и в той жизни и не терпит, чтоб его тогда разлучали с ним; поэтому человек, находящийся во зле, привязан к аду и духом своим действительно пребывает в аду, а после смерти своей ничего большего не желает, как быть там, где его зло. Из этого следует, что человек после смерти сам собой ввергается в ад, а не Господом.

548. Скажу также, как это делается. Когда человек вступает в ту жизнь, он сначала принимается ангелами, которые оказывают ему всевозможные услуги, говорят с ним о Господе, о небесах, об ангельской жизни и поучают его истинам и благам. Но если человек, тогда уже ставший духом, таков, что он еще в мире слышал о том же, но сердцем отрицал или презирал это, то, несколько поговорив с ними, он желает оставить их и ищет, как бы уйти; когда ангелы замечают это, они оставляют его. После некоторого пребывания с другими, он наконец присоединяется к тем, которые живут в одинаковом с ним зле (см. н. 445–452). Когда это совершается, он тогда отвращается от Господа и обращается лицом к аду, с которым он был соединен еще на земле и в котором находятся все живущие в одинаковом с ним зле. Из этого ясно, что Господь влечет к себе каждого духа посредством ангелов и небесного наития, но что духи, находящиеся во зле, совершенно тому противятся, отрываются, так сказать, от Господа и злом своим как бы на веревке влекутся в ад. А если они таким образом влекутся и, по любви ко злу, поддаются влечению, то ясно, что они сами и по доброй воле ввергаются в ад. В мире не верят, чтобы это было так, вследствие понятия, составившегося здесь об аде, и даже в той жизни тем, которые не находятся в аду, кажется, будто это совершается таким же образом. Но иначе кажется это тем, кто сам ввергается в ад, ибо они идут туда добровольно; и те, которые вступают туда с горячей любовью ко злу, даже будто бросаются вниз головой и вверх ногами. Вследствие такой видимости другим кажется, что они ввергаются в ад силой Божественной (см. подробности об этом в н. 574). Из всего этого можно теперь видеть, что Господь никого не ввергает в ад, но что каждый ввергается туда сам, не только покуда он живет на земле, но даже и после смерти, ставши духом, как и прочие.

549. Господь по Божественному естеству своему, которое есть благо, любовь и милосердие, не может поступать одинаково с каждым человеком, потому что разного рода зло и ложь этому препятствуют и не только ослабляют, но и отталкивают Его Божественное наитие. Зло и ложь подобны черным тучам, которые становятся между солнцем и оком человека, скрывая от него блеск и ясность света; солнце же постоянно силится разогнать противостоящие тучи и в это время с разных сторон, то тут, то там, бросает на человека хоть несколько света. Точно так и в духовном мире: солнце там есть Господь и Его Божественная любовь (н. 116–140); свет есть Божественная истина (н. 126–140); черные тучи – это ложь, происходящая от зла; око есть разум. Насколько кто находится там во лжи по злу, настолько он окружен тучей, черной и густой по степени своего зла; из этого сравнения можно видеть, что Господь постоянно присущ каждому, но приемлется различно.

550. Злые духи в мире духов строго наказываются с той целью, чтоб они, страшась наказаний, воздерживались от зла. При этом кажется, будто и наказываются они Господом, но тем не менее ни одно наказание не идет от Господа, а все они происходят от самого зла, потому что зло до того соединено со своей карой, что одно с другим не может быть разлучено. Адское сонмище ничего большего не желает и не любит, как делать зло и в особенности налагать наказания и мучить, а потому и делает зло и подвергает наказаниям каждого, кто не находится под охраной Господа. Когда зло совершено кем-нибудь от злого сердца, что устраняет всякую защиту (*tutela*) со стороны Господа, тогда злые духи нападают на виновного и наказывают его. Это может быть несколько пояснено преступлениями и наказаниями их в здешнем мире, где они также неразлучно соединены: здесь для каждого преступления или зла закон определяет наказание, вследствие чего кто совершает преступление, тот подвергается и наказанию; разница только в том, что в мире зло может быть сокрыто, меж тем как в той жизни это невозможно. Из этого легко убедиться, что Господь никому не делает зла и что в той жизни точно

так же, как и здесь, царь, судья и закон не причины тому, что наказывается виновный, ибо никто из них не был причиной зла, совершенного преступником.

Все жители ада обретаются во зле и потому во лжи по любви к себе и к миру

551. Все жители ада обретаются во зле и потому во лжи, и нет там никого, кто бы находился в то же время во зле и в истине. Большая часть злых людей в мире знакомы с истинами духовными, т. е. с истинами церкви, ибо в детстве они учились им, потом узнавали их из проповедей и чтения Слова и вследствие того сами говорили о них. Даже некоторые из них, умея говорить от имени истины с притворным чувством и поступать при этом искренне, как бы по вере духовной, умели заверять других, что они в душе христиане. Но те из них, которые внутренне думали против этих истин и от зла, мысленно желаемого, воздерживались только ради гражданских законов, славы, чести и выгод, все эти люди, по сердцу злые, обретаются в истине и потому в благе только по действиям тела, а не духа. Поэтому когда в той жизни их внешнее откидывается, а внутреннее, духу их принадлежавшее начало раскрывается, то они вполне обретаются во зле и во лжи, а нисколько не во благе или в истине. Ясно, что истины и блага эти как познания научные пребывали в одной памяти их и что они только извлекали их оттуда, когда говорили о них или когда выказывали добро свое, как бы исходящее от любви и веры духовной. Когда подобные духи предоставляются своему внутреннему началу и, следовательно, своему злу, они не могут более произносить истин, но говорят одну ложь, потому что они говорят по злу своему, а говоря по злу, невозможно высказывать истину, ибо тогда дух есть не что иное, как свое зло; от зла же исходит одна ложь. Каждый злой дух, прежде чем быть ему ввергнутым в ад, приводится в это состояние (см. н. 499–512); это называется совлечься, отщепиться (*vastari*) истин и благ. Это совлечение есть не что иное, как введение (*immissio*) во внутреннее начало человека, т. е. в собь, или, наконец, в самый дух его (см. об этом н. 425).

552. Когда человек после смерти приходит в это состояние, он уже более не дух, кажущийся человеком (*homo spiritus*), как это было в первом его состоянии, о котором говорилось выше (н. 491–498), но он подлинно становится духом; ибо настоящий дух лицом и телом соответствует внутренним, духу (*animi*) принадлежащим началам и, следовательно, внешний образ его есть отпечаток его внутренних начал. Таков дух после первого и второго состояния, о которых говорилось выше: в это время, смотря на него, тотчас узнаешь не только по лицу и телу, но и по речи и движениям его, каков он. Будучи тогда в себе самом, он не может быть в ином месте, как с подобными себе.

В духовном мире все чувства и происходящие от них помыслы всячески общаются, поэтому дух как бы от себя самого влечется к себе подобным, ибо он влечется тогда своим чувством и удовольствием этого чувства. Он даже сам обращается в ту сторону, ибо он тогда вдыхает в себя жизнь свою или дышит свободно, чего не бывает с ним, когда он обращается в другую сторону. Должно знать, что в мире духовном общение с другими совершается посредством обращения лица, и что живущие в сходной любви постоянно обращены друг к другу лицом, и что это бывает всегда, как бы тело их ни вращалось (см. н. 151). Вот отчего происходит, что все адские духи обращаются в противную от Господа сторону, ко тьме и мраку, которые в духовном мире занимают место солнца и луны природного мира; и что, напротив, ангелы обращаются к Господу как к небесному солнцу и луне. Из этого теперь видно, что все живущие в аду находятся во зле и потому во лжи и что они обращены к своим любовям.

553. Все духи в аду, рассматриваемые при некотором свете небесном, предстают в образе своего зла, потому что каждый из них есть изображение своего зла; ибо в каждом внутреннее и внешнее составляют одно, и внутреннее видимо проявляется во внешнем, т. е. в лице, теле, речи и движениях. Таким образом, при первом взгляде можно узнать, какого они свойства.

Вообще их (внешние) образы выражают презрение к другим, угрозу тем, кто не почитает их, различного рода ненависть и мщение. В этих образах злость и жестокость проглядывают из внутренних начал, но, когда другие их хвалят, почитают и поклоняются им, лицо их изменяется, и в нем выражается как бы радость от удовольствия. Невозможно описать в немногих словах, чем кажутся все эти образы, ибо ни один из них не подобен другому. Только между теми, которые в одинаковом зле и которые поэтому находятся в одном адском обществе, есть общее сходство, вследствие которого, как бы от общего источника, все лица этого общества кажутся несколько схожими. Вообще их лица ужасны и, подобно трупам, лишены жизни: у некоторых они черны, у других огненны, подобно факелам; у других безобразны от прыщей, нарывов и язв; у весьма многих лица не видать, а вместо него что-то волосатое и костлявое, у других торчат только одни зубы. Тела их точно так же уродливы, и речь их звучит как бы гневом, ненавистью или мщением, ибо каждый из них говорит по своей лжи, и звук его голоса отвечает злу его, – словом, они все суть образы своего ада.

Мне не было дано видеть, каков образ самого ада вообще; мне только было сказано, что как небеса в совокупности изображают (referat) одного человека (н. 59–67), так и ад в совокупности изображает одного дьявола и также может представиться в виде одного дьявола (см. н. 544). Но мне часто дано было видеть, каков образ ада в частности, или отдельных адских обществ, потому что при отверстиях, ведущих к ним, или при так называемых вратах ада, обыкновенно является чудовище, в котором виден образ, общий всем жителям этого ада; причем и лютость их изображается в жестоких и свирепых действиях, о которых нечего упоминать.

Следует, однако, знать, что адские духи кажутся такими только при небесном свете, но что между собой они кажутся людьми. Божественным милосердием Господа допущено, чтобы они между собой не казались столь противными, как перед ангелами, но эта видимость обманчива, потому что если только несколько небесного света проникнет к ним, то их человеческие образы превращаются в чудовищные, которые, как было сказано выше, им действительно принадлежат, ибо при небесном свете все показывается тем, что оно есть в себе самом. Вот почему они бегут от небесного света и обращаются к своему, более грубому свету (lumen), который кажется как бы светом от раскаленных углей, а иногда как бы светом от пылающей серы; но и этот слабый свет превращается в совершенную темноту, когда его коснется хоть один луч небесного света. На этом основании сказано, что ад находится во тьме и мраке, а тьма и мрак означают всякого рода от зла исходящую ложь, такую именно, которая находится в аду.

554. Из усмотрения этих чудовищных образов адских духов, которые все, как было сказано выше, выражают презрение к другим, угрозы против тех, которые не почитают и не уважают их, ненависть и мщение, направленные против тех, которые им не благоприятствуют, мне стало ясно, что все они вообще суть образы любви к себе и любви к миру и что разное зло, которое они, в частности, изображают, происходит от этих двух видов любви. Мне также было сказано с небес и, кроме того, доказано несколькими опытами, что эти оба рода любви, т. е. любовь к себе и любовь к миру, царствуют в аду и образуют (faciant) его, что любовь к Господу и любовь к ближнему царствуют на небесах и образуют их и что, наконец, эти оба рода любви, как адской, так и небесной друг другу диаметрально противоположны.

555. Вначале я дивился тому, что любовь к себе и любовь к миру до того дьявольские и что живущие в этих любовях являются на вид такими чудовищами. Потому что в мире мало думают о любви к себе, а более о той внешней напыщенности духа, которая называется гордостью и которая, будучи видима для глаза, одна и принимается за любовь к себе. А та любовь к себе или то самолюбие, которое таким образом не выказывается, почитается в мире душой жизни; им человек побуждается к занятию должностей и службе, и если он не ищет в них чести и славы, то говорят, что дух его коснеет. Разве не говорят: кто сделал что-нибудь хорошего, полезного и достопамятного, если не с той целью, чтоб снискать почет и славу между людей или стать высоко во мнении других? Откуда, говорят, происходит это стремление, если не от пыли

любви к славе и чести и, следовательно, от любви к себе? Из этого следует, что в мире неизвестно, что любовь к себе, рассматриваемая в себе самой, есть та любовь, которая царствует в аду и образует в человеке ад. Вследствие чего я сперва скажу, что такое любовь к себе, а затем – что от этой любви как от общего источника истекает всякого рода зло и всякого рода ложь.

556. Любовь к себе состоит в том, чтоб желать добра себе одному, а не другим, и даже не церкви и не отечеству или какому человеческому обществу, если и тут опять не ради себя самого; или еще в том, чтоб делать добро другим ради почести и славы для себя самого. Если человек не видит этих выгод в службе, которую он несет, то он внутренне говорит себе: что мне в этом? для чего я буду это делать? какая мне от этого польза? – и затем бросает свое дело. Из чего ясно, что кто предан любви к себе, тот не любит ни церкви, ни отечества, ни общества и никакой службы, а лишь себя одного. Его удовольствие есть только удовольствие своей любви, а так как удовольствие, от любви происходящее, составляет саму жизнь человека, то, следовательно, его жизнь есть жизнь самого себя (*vita sui*), а жизнь самого себя есть жизнь, происходящая от соби человека, а собь человека есть в себе самой не что иное, как зло.

Кто любит самого себя, тот любит и своих, т. е. детей и внуков своих, и вообще всех тех, кто составляет с ним одно и которых он называет своими. Любить тех и других значит то же самое, что любить себя, ибо такой человек видит их в себе и себя в них; в числе тех, кого он называет своими, находятся и все те, которые его хвалят, почитают и уважают.

557. Из сравнения с небесной любовью можно видеть, в чем состоит любовь к себе. Небесная любовь состоит в том, чтобы любить службу ради службы или благо ради блага; и человек несет эту службу и творит это благо для церкви, для отечества, для общества и для сограждан своих. Это значит любить Бога и любить ближнего, потому что всякая служба и всякое благо исходят от Господа и составляют того ближнего, которого мы должны любить. Но кто любит службу и благо ради себя самого и выгоды, тот любит их не иначе как слуг, за то, что они ему служат. Из этого следует, что живущий в любви к себе хочет, чтоб церковь, отечество, человеческое общество и его сограждане служили ему, а сам не хочет служить им; он ставит себя выше их, а их ставит ниже себя. Поэтому насколько кто предан любви к себе, настолько он удаляется от небес, ибо он настолько же удаляется от небесной любви.

558. Далее: насколько кто живет небесной любовью, состоящей в том, чтоб любить всякого рода службу и благо и проникаться сердечным удовольствием, когда творишь их ради церкви, отечества, человеческого общества и сограждан, настолько тот человек ведется Господом, ибо в этой любви пребывает сам Господь и сама она исходит от Господа. Напротив того: насколько кто живет в любви к себе, состоящей в том, чтобы нести службу и творить благо для самого себя, настолько тот ведется самим собой, а насколько человек ведет сам себя, настолько он не ведется Господом. Из этого следует и то, что чем более кто любит себя, тем более он удаляется от Божественного начала, а следовательно, и от небес. Вести себя самому – значит быть ведомым своей собью, а собь человека есть не что иное, как зло, ибо его наследственное зло состоит в том, чтоб любить себя более Бога и мир более небес. Человек погружается в собь свою и затем в свое наследственное зло всякий раз, как он видит себя во благе, которое он творит, ибо он тогда смотрит от блага к себе, а не от себя к благу, почему и видит в этом благе свой образ, а не какой-либо образ Божества. Что это так, я убедился в этом и по опыту: есть злые духи, чьи жилища находятся в средней области между севером и западом, под небесами, и которые обладают искусством погружать добрых духов в свою собь и, следовательно, в разного рода зло; для этого они погружают их в мысли о себе самих, действуя при этом или открыто, лестью и почитанием, или тайно, направляя их чувства к себе самим; по мере того как они работают над этим, они отвращают от небес лица добрых духов, затемняя вместе с тем их разум и вызывая из соби их разного рода зло.

558bis. Что любовь к себе противоположна любви к ближнему, это можно видеть по происхождению и сущности той и другой. Любовь к ближнему в тех, что живут в любви к себе,

начинается с себя; они говорят, что каждый есть сам себе ближний, и от себя как от центра они идут к тем, которые образуют с ними одно, убавляя круг смотря по степени, в которой другие соединены с ним любовью. Находящиеся вне этого сближения считаются за ничто, а те, что действуют против них и против их зла, почитаются врагами, хотя бы они и были людьми мудрыми, честными, искренними и правдивыми. Напротив того, духовная любовь к ближнему начинается от Господа, и от Господа как от центра идет ко всем тем, которые соединены с Господом любовью и верой, и простирается к ним по качеству любви и веры в них. Из этого ясно, что любовь к ближнему, начинающаяся с человека, противоположна любви к ближнему, начинающейся с Господа, и что первая исходит от зла, ибо исходит от себя человека, меж тем как вторая исходит из блага, ибо исходит от Господа, который есть само благо. Ясно и то, что любовь к ближнему, происходящая от человека и его себя, – плотская, а любовь к ближнему, исходящая от Господа, – небесная. Словом, любовь к себе в том человеке, который ей предан, образует голову, а небесная любовь ноги, на которых он стоит и которыми он даже попирает ее, если только она не нужна ему; вот отчего происходит, что низвергающиеся в ад, кажется, будто опрокидываются туда головой вниз, а ногами вверх (см. н. 548).

559. Любовь к себе такова, что чем более ей послабляется, т. е. чем более ей отпускаются внешние узы, т. е. страх закона и налагаемых им наказаний, страх потерять доброе имя, честь, выгоду, должность или жизнь, тем более она усиливается и наконец доходит до желания не только владычествовать над всей землей, но и над небесами, и даже над самим Божеством; ни пределов, ни конца она не знает. Такова страсть, которая скрывается в каждом человеке, живущем в любви к себе, хотя она и не обнаруживается в мире, где человека удерживают те узы, о которых было сказано выше. Что это так, всякий может видеть из действий царей и сильных мира сего, которые, не зная таких преград и уз, идут на чужие области и по мере успеха завладевают ими, стремясь к беспредельной славе и могуществу. Это же самое еще яснее доказывает Вавилон нынешнего времени, который простер свое Господство даже до небес, всю Божественную власть Господа присвоил себе и постоянно стремится идти далее. Когда такие люди после смерти своей приходят в ту жизнь, они становятся совершенно против Божества и небес и переходят на сторону ада. См. об этом небольшое сочинение *О Последнем суде и разрушенном Вавилоне*.

560. Вообразите себе общество, состоящее из таких людей, что каждый любит только одного себя, а других только в той мере, насколько они с ним составляют одно, – и увидите, что любовь их та же, что между ворами, которые между собой обнимаются и зовут друг друга друзьями, покуда действуют заодно, а как только расходятся и не признают своего начальства, нападают друг на друга и режутся. Если рассмотреть их внутренние начала или заглянуть в их дух, окажется, что они полны непримиримой друг к другу ненависти, что они внутренне смеются над всем, что честно и правдиво, и даже над Божеством, которое они отбрасывают как вещь пустую; это становится еще виднее из подобных обществ в аду, о которых будет сказано впоследствии.

561. Внутренние начала мыслей и чувств тех людей, что более всего любят самих себя, обращены к ним самим и к миру, т. е. в противоположную сторону от Господа и небес; поэтому они полны всякого рода зла, и Божественное начало не может влиять на них, ибо, как только оно начинает влиять, оно погружается в их помыслы о себе самих, оскверняется и в то же время погружается в разное зло, от их себя происходящее. Вот отчего все такие люди смотрят в той жизни в противоположную от Господа сторону, по направлению к тому центру тьмы, который занимает там место здешнего солнца и совершенно противоположен небесному солнцу, т. е. Господу (см. н. 123). Тьма же означает зло, а здешнее солнце любовь к себе.

562. Разное зло, свойственное тем, кто живет в любви к себе, состоит вообще в презрении к Другим, в зависти, в неприязни к тем, которые не благоприятствуют им, во вражде, которая от того возникает, во всякого рода ненависти, мщениии, хитрости, обмане, немилосердии и

жестокости. Что касается веры, то они не только питают презрение к Божеству и к Божественным началам, т. е. к истинам и благам церкви, но и полны гнева против них. Когда же человек становится духом, гнев этот превращается в ненависть, и тогда он не только терпеть не может, чтоб говорили перед ним о Божественных предметах, но он даже пылает ненавистью против всех тех, кто признает Божественное начало и поклоняется ему.

Я говорил с одним духом, который в мире был из числа сильных и необыкновенно любил себя. Когда он услышал, что я говорю о Божестве, и в особенности когда я произнес имя Господа, он до того пришел в ярость от ненависти, что пылал желанием убить Его. Этот же самый дух, когда узы любви его послаблялись, желал быть дьяволом, чтоб он мог по любви своей к себе постоянно наваждать небеса. Это же самое желание выражается многими из тех, что принадлежат к римско-католическому исповеданию, когда они, перейдя в ту жизнь, замечают, что всякая власть принадлежит Господу, а у них нет ее нисколько.

563. Я увидел на западной стороне, к югу, несколько духов, которые говорили, что, живя в мире, они занимали высокие должности, вследствие чего теперь заслуживают предпочтение перед другими и должны ими повелевать. Ангелы исследовали, каковы они были внутри, и нашли, что они в мирских должностях своих имели в виду не службу свою, а самих себя и что, следовательно, они предпочитали себя службе. Но так как они сильно желали и домогались того, чтоб повелевать другими, то им дано было занять место между духами, которые совещались о предметах высокой важности. Тогда оказалось, что они вовсе не могли ни внимательно рассуждать о делах, про которые шла речь, ни видеть предмет внутренне, в себе самом; что они говорили, не думая о службе, вещи, но по соби своей; и, кроме того, что они хотели действовать, как им заблагорассудится смотря по личной приязни. Поэтому они были отставлены от этой должности и отправлены искать себе другую в ином месте. Они продолжали далее путь свой к западу и кое-где были приняты, но им везде было сказано, что они мыслят только о себе самих и ни о чем, кроме как о себе, что, следовательно, они глупцы и только подобны плотским чувственным духам. Поэтому они были отсылаемы отовсюду, куда бы они ни приходили; а несколько времени спустя их увидели в крайней бедности просящими милостыню. Из этого мне стало ясно, что живущие в любви к себе, хотя в пылу любви своей и кажутся в мире, будто говорят мудро, но что тем не менее они говорят так только из памяти, а не по какому-либо свету рассудка. Вот почему в той жизни, когда содержащемуся в их природной памяти не позволено более воспроизводиться, они становятся глупее других – по той в особенности причине, что они отлучены от Божества.

564. Господство бывает двоякого рода: одно принадлежит любви к ближнему, другое любви к себе. Эти оба рода господства в сущности совершенно друг Другу противоположны. Кто господствует из любви к ближнему, тот всем желает блага и ничего так не любит, как службу и, следовательно, служить другим (служить другим значит желать блага другим и нести службу для церкви, отечества, общества или сограждан); вот в чем состоит любовь и сердечное наслаждение этого человека. Поэтому, когда он занятием почетных должностей возвышается над другими, он радуется, но не ради самой должности, а ради тех высоких служб, которые тогда он может исполнять в большем количестве; таково господство на небесах. Тот же человек, напротив, который господствует по любви к себе, никому не хочет блага, как только самому себе; службы, которые он несет, исполняются им только из видов чести и славы, которые одни и признаются им службами. Он служит другим ради того только, чтоб ему служили, чтоб его почитали и чтоб господствовать, он домогается высоких должностей не ради добра, которое он должен принести отечеству и церкви, но ради того, чтобы быть на виду и в славе и затем наслаждаться своим сердечным удовольствием. Любовь к господству остается в каждом и в той жизни. Те, что властвовали по любви к ближнему, получают власть и на небесах, но тогда не они господствуют, а службы, которые они любят; а когда господствуют службы, то и господство принадлежит Господу. Напротив, те, что в мире властвовали из любви к себе, перейдя

в ту жизнь, занимают там в аду самые низкие должности. Я видел людей могущественных и властвовавших в мире из любви к себе, брошенных среди самых низких существ ада, и даже некоторых среди тех, что живут там в помойных ямах (*latrina*).

565. Что же касается любви к миру, то эта любовь не в той же степени противоположна небесной любви, потому что не такое зло скрывается в ней. Любовь к миру состоит в том, чтоб желать каким-нибудь средством стяжать себе чужое имущество, полагая сердце свое в богатстве и допуская, чтоб мир отвлекал и отвращал дух от любви духовной, т. е. от любви к ближнему и, следовательно, от небес и Божества. Впрочем, эта любовь разнообразна: иные любят богатства, чтоб через них подняться к почестям, которые одни любимы; иные любят почести и высшие должности, чтоб приобретать богатства; иные любят богатства для различных служб, доставляющих им здесь удовольствия; другие любят богатства для одних богатств, такова любовь скупых и т. д. Цель, с которой любишь богатства, называется службой, и эта цель, или служба, определяет качество любви, ибо любовь такова, какова цель, для которой действует человек; все остальное служит ему только средством.

Что такое адский огонь и скрежет зубов

566. Что такое вечный огонь и скрежет зубов, которым обрекаются по Слову те, что находятся в аду, едва ли ныне кому известно, потому что человек, не зная духовного смысла Слова, все, что читал в нем, принимал буквально. Вот почему иные под словом «огонь» понимают вещественный огонь, иные – страдания вообще, иные – угрызения совести, а иные – что об этом огне сказано было для того только, чтоб внушить ужас ко злу. А под скрежетом зубов иные понимали действительно такой скрежет, другие же только ужас, который мы чувствуем, слыша скрежет зубов. Но кому ведом духовный смысл Слова, тот может знать, что такое вечный огонь и скрежет зубов. В Слове Божиим, в каждом слове и в каждом речении его, есть духовный смысл, ибо Слово внутри (*in sinu*) духовно; а духовное не иначе может быть понятно выражено человеку как природным образом, потому что человек живет в мире природном и мыслит по тем предметам, которые находятся в этом мире. Итак, вслед за этим будет сказано, что такое вечный огонь и скрежет зубов, которым подвергаются или которыми мучаются после смерти своей злые люди или дух их, который тогда находится в духовном мире.

567. Начало тепла двоякое: одно от небесного солнца, т. е. от Господа, другое от земного солнца. Тепло, исходящее от небесного солнца, т. е. от Господа, есть тепло духовное, которое в сущности своей есть любовь (см. н. 126–140); тепло же, происходящее от солнца нашего мира, есть тепло природное, которое в сущности не есть любовь, а только служит приемником духовного тепла или любви. Что любовь в сущности своей есть тепло, это видно из того, что дух, а затем и тело согреваются присутствием любви, даже согласно ее степени и качеству. Это явление совершается в человеке точно так же зимой, как и летом, и подтверждается таким же явлением в крови. Что тепло природное, исходящее от земного солнца, служит приемником теплу духовному, это видно из теплоты телесной, которая возбуждается теплотой духа и как бы заменяет ее; в особенности это видно из действия вешнего и летнего тепла на всякого рода животных, которые ежегодно в эту пору возвращаются к любви своей (*in amores redeunt*): не то чтоб это тепло исполняло их любовь, но оно располагает их тела к воспринятию того тепла, которое и на них наитствует из духовного мира, ибо духовный мир влияет на природный, как причина на последствие.

Кто думает, что любовь животных порождается природным теплом, тот весьма ошибается, потому что наитие идет от духовного мира на природный, а не от природного мира на духовный, и всякая любовь, как принадлежность самой жизни, духовна. Равно кто думает, что в мире природном хоть что-нибудь существует без наития из духовного мира, тот одинаково ошибается, потому что все природное живет и существует только в силу духовного начала.

Все зародыши растительного царства также зачинаются от наития из духовного мира; природное же тепло в вешнюю и летнюю пору только располагает семена в их природных формах, наливая и вскрывая их, чтобы таким образом наитие из духовного мира как причина могло бы проявить в них свое действие.

Все предшествующее сказано, чтобы было известно, что тепло двоякого рода, духовное и природное; что духовное тепло исходит от небесного солнца, а природное тепло от земного солнца; что наитие первого на последнее и затем их совместное действие производят те явления, которые в мире нашем видимы для глаза.

568. Духовное тепло в человеке есть тепло его жизни, потому что в сущности оно есть любовь, как и было сказано выше: это самое тепло и разумеется в Священном писании под словом огонь; любовь к Господу и любовь к ближнему под небесным огнем, а любовь к себе и любовь к миру под адским огнем.

569. Огонь, или любовь адская, происходит от того же начала, от которого происходит и огонь, или любовь небесная, т. е. от небесного солнца, или Господа, но этот огонь становится адским через тех, которые принимают его. Ибо всякое наитие, сходящее из духовного мира, изменяется смотря по тому, как оно принимается, или смотря по образам, в которые оно сходит; точно так, как это бывает с теплом и светом, происходящими от здешнего солнца. Действием этого тепла на леса и травы развивается растительность, разливающая сладкое благоухание, но это же самое тепло, действуя на падаль и извержения, производит гниль и зловоние. Таким же образом и свет, происходящий от того же солнца, производит в одном предмете цвета прекрасные и привлекательные, а в другом некрасивые и противные. Это же самое повторяется с теплом и светом, происходящими от небесного солнца, т. е. от любви. Когда тепло, или любовь, наитствует оттуда на благо, находящееся в добрых людях и духах и также в ангелах, то оно оплодотворяет это благо; когда же это тепло, или любовь, наитствует на злых, то производит обратное действие, ибо зло душит или извращает его.

Таким же образом и небесный свет, влияя на истины блага, рождает разумение и мудрость, а влияя на ложь зла, превращается в безумие и разного рода фантазии. Таким образом, его действия везде согласны с образом его принятия.

570. Адский огонь, будучи не чем другим, как любовью к себе и к миру, есть, следовательно, и всякая страсть (cupido), принадлежащая этой любви, потому что страсть есть любовь в ее постоянном действии (in suo continuo): что человек любит, он того и желает постоянно. Страсть есть также и удовольствие, потому что, когда человек получает любимое или желаемое, он находит в этом удовольствие; его душевное наслаждение не от другого источника.

Итак, адский огонь есть страсть и удовольствие, истекающие от этих обоих видов любви как от своих источников. Виды зла, принадлежащего этой любви, суть презрение к другим, неприязнь и вражда к тем, которые нам не благоприятствуют; зависть, ненависть и мщение, а потому насилие и жестокость; относительно же Божества, отрицание и потому презрение, осмеяние и поругание всех самых священных, к церкви относящихся предметов; это самое после смерти, когда человек становится духом, обращается в гнев и ненависть против них (см. н. 562).

Так как эти виды зла постоянно дышат желанием уничтожить и умертвить тех, кого люди этого зла почитают за врагов своих и против которых они пылают ненавистью и мщением, то и удовольствие их жизни состоит в желании уничтожать и убивать противников своих, а когда они этого не могут, то в желании портить, вредить им и свирепствовать против них. Вот что разумеется под огнем в Слове, когда речь идет о злых людях и об аде. Чтоб подтвердить это Словом, я приведу оттуда несколько изречений: *Ибо все они – лицемеры и злодеи, и уста всех говорят нечестиво. При всем этом не отвортится гнев Его, и рука Его еще простерта. Ибо беззаконие, как огонь, разгорелось; пожирает терновник и колючий кустарник, и пылает в чащах леса, и поднимаются столбы дыма. Ярость Господа Саваофа опалит землю, и народ*

сделается как бы пищею огня; не пощадит человек брата своего (Ис. 9. 17–19); И будет земля его горящею смолою. Не будет гаснуть ни днем, ни ночью; вечно будет восходить дым ее (34. 9, 10). И покажу знаменья на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма (Иоил. 2. 30). Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей (Мал. 4. 1). Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов... и, видя дым от пожара ее, возопили. И дым ее восходил во веки веков (Откр. 18. 2,18; 19. 3). Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя (9. 2). И изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей (9. 17, 18). Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере перед святыми Ангелами и пред Агнцем (14. 9,10). Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце; и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной (16. 8, 9), Оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою (19. 20; 20.14,15; 21. 8). Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь (Мат. 3. 10; Лук. 3. 9). Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие. И ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов (Мат. 13. 41, 42, 50). Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (25. 41). Богатый в аду сказал Аврааму: ибо я мучусь в пламени сем (Лук. 16. 24). В этих изречениях и многих других под огнем разумеется страсть, происходящая от любви к себе и любви к миру, а под дымом, исходящим от огня, разумеется ложь, исходящая от зла.

571. Так как адский огонь означает страсть делать зло от любви к себе и к миру и эта страсть свойственна всем жителям ада (см. предыдущую главу), то от этого и происходит, что, когда ад раскрывается, виднеется что-то огненное с дымом, как это бывает при пожаре; густой огонь виден в том аду, где царствует любовь к себе, а с пламенем – в том аду, где царствует любовь к миру. Когда ад закрыт, этого огня не видать, а на его месте виднеется что-то темное, как бы сгущенный дым; но внутри ада огонь этот все-таки горит, что можно заметить по жару, который оттуда выходит и который иногда походит как бы на жар от горящих после пожара остатков, а иногда как бы на жар от раскаленного горна или от горячего пара жар кой бани. Когда жар этот влияет на человека, он возбуждает в злых людях ненависть и мщение, а в больных – бред.

Такой огонь, или такое тепло, чувствуется людьми, живущими в любви к себе и к миру, потому что дух их, даже покуда они живут на земле, невидимыми узами привязан к тому аду, где царствует такая любовь. Должно, однако, знать, что живущие в аду не находятся в огне, но что огонь есть только одна видимость, ибо они не чувствуют там никакого жжения, а только жар, как бывало и прежде в мире. Огонь же видится по соответствию, потому что любовь соответствует огню, а все, что представляется в духовном мире, представляется там по соответствию.

572. Должно знать, что этот огонь, или это адское тепло, переходит в сильный холод, когда небесное тепло влияет на него. Когда это случается, тогда жители ада дрожат, как бы в ознобе, и вместе с тем внутренне мучаются. Это происходит оттого, что они по духу своему совершенно противоположны Божественному началу и что небесное тепло, т. е. Божественная любовь, уничтожает в них адское тепло, т. е. любовь к себе, а вместе с этим и самый огонь их жизни. Вот откуда тот холод, озноб и мучение, которым подвергаются адские духи; при таком холоде они оставляются и в глубоком мраке, от которого понятия их приходят в помешательство и помрачение. Но это бывает редко, и только в том случае, когда их возмущения выходят из должных границ и требуют усмирения.

573. Так как и под адским огнем разумеется всякая страсть делать зло от любви к себе, то под этим же огнем разумеются и адские мучения, потому что у адских жителей страсть, порождаемая этой любовью, состоит в том, чтоб вредить всем тем, кто не почитает их и не поклоняется им; и чем сильнее тогда гнев их, и чем сильнее вследствие того их ненависть и жажда мщенья, тем страстнее желают они свирепствовать против недоброжелателей своих.

Когда подобная ярость загорится во всех членах одного общества и их не сдерживают никакие внешние узы, как-то: страх закона или потеря доброй славы, чести, выгоды и жизни, тогда каждый по влечениям своего зла кидается на другого и по мере сил своих завладевает им; желает и других подчинить своей власти, а против тех, которые не поддаются ему, с удовольствием свирепствует. Это удовольствие до того нераздельно от властолюбия, что идет с ним рядом, ибо удовольствие вредить нераздельно от вражды, ненависти, зависти, мщенья и других качеств, которые, как было сказано выше, нераздельны от властолюбия.

Все ады состоят из таких обществ, вследствие чего каждый дух в сердце своем питает ненависть к другим и по мере ненависти и сил своих предается жестокостям. Эти жестокости и причиняемые ими страдания также разумеются под адским огнем, ибо суть последствия господствующих там страстей.

574. Выше было сказано (н. 548), что злой дух бросается в ад по собственной воле своей, поэтому я в нескольких словах скажу, каким образом это происходит, несмотря на то что его в аду ожидают такие мучения. Из каждого ада распространяется особенная сфера от страстей, свойственных его жителям. Когда эта сфера чувствуется духом, в котором господствует та же самая страсть, она проникает в его сердце и наполняет его удовольствием, ибо страсть и удовольствие страсти составляют одно; всякий находит свое удовольствие в том, чего желает. Вследствие этого дух этот и обращается к этому аду и по удовольствию сердца своего желает там остаться. Он еще не знает о тех мучениях, которые ожидают его в аду, но и те, что знают их, все-таки желают остаться там: никто в духовном мире не может устоять против своих страстей, потому что страсть человека принадлежит его любви, любовь – его воле, а воля – его природе или нраву; живет же там всякий по своему нраву. Вследствие чего, когда дух по доброй воле своей или с полной свободой прибывает в свой ад или входит туда, он сначала принят как друг и потому уверен, что находится между друзей, но это продолжается всего несколько часов: меж тем рассматривают, в какой степени он хитер и силен. После того начинают нападать на него (*infestare*), что совершается различным образом, и постепенно с большей силой и жестокостью. Для этого его заводят внутрь и в глубь ада, ибо чем далее внутрь и вглубь, тем духи злее. После нападений начинают мучить его жестокими наказаниями и не оставляют это до тех пор, покуда несчастный не станет рабом. Но как там попытки к восстанию беспрестанны, вследствие того что каждый хочет быть больше других и пылает к ним ненавистью, то возникают новые возмущения. Таким образом, одно зрелище сменяется другим: обращенные в рабство освобождаются и помогают какому-нибудь новому дьяволу завладеть другими, а те, которые не поддаются и не слушаются приказаний победителя, снова подвергаются разным мучениям, – и так далее постоянно. Вот в чем состоят адские мучения, называемые адским огнем.

575. Что же касается скрежета зубов, то под этим должно понимать постоянные споры и состязания между разными видами лжи (*falsorum*) и, следовательно, между теми духами, что живут в этих родах лжи. К этим спорам и состязаниям присоединяются презрение к другим, вражда, осмеяние, издевка, богохульство, которые точно так же причиняют разного рода жестокие схватки, ибо каждый ратует за свою ложь и говорит, что это истина. Эти споры и состязания слышны вне ада, как бы скрежет зубов, и даже переходят в действительный скрежет, когда истина наитствует на них с небес. В таком аду живут все те, что признавали природу и отвергали Божество, а в самом глубоком – все те, что утвердились в таком понятии. Так как они нисколько не могут принять в себя небесного света и, затем, хоть сколько-нибудь видеть истину внутри самих себя, то они большей частью плотски и чувственны, т. е. верят в то только,

что видят глазами и осязают руками. Поэтому всякий обман чувств есть для них истина, а из этого возникает новый спор. Их споры потому слышны как бы скрежет зубов, что всякая ложь в духовном мире издает звук, подобный скрежету, и что зубы соответствуют как последним, низшим, началам в природе, так и последним, т. е. чувственно-плотским, началам в человеке. Что в аду есть скрежет зубов, см.: Мат. 8. 12; 13. 42, 50; 24. 51; 25. 30; Лук. 13. 28.

О коварстве и ужасных ухищрениях адских духов

576. Кто мыслит внутренне и несколько знаком с отправлениями своего духа, тот может видеть и понять, как велико превосходство духа над человеком, ибо человек может в уме своем в одну минуту передумать, сообразить и заключить гораздо более, чем выразить в полчаса словами или на письме. Из этого видно, насколько человек превосходит себя, когда он действует одним духом своим (*in spiritu*), и насколько, следовательно, он будет выше, когда станет вполне духом; ибо то, что мыслит в нем, есть дух, а тело есть только орудие, через которое дух передает мысли свои письмом или речью. По этому самому человек, ставший после смерти своей ангелом, обладает разумением и мудростью несказанной в сравнении с тем разумением и мудростью, с которыми он жил на земле. Когда он жил в мире, дух его был привязан к телу и через это находился в мире природном, поэтому то, что он и мыслил тогда духовно, переходило (*influxit*) в понятия природные, которые сравнительно с духовными обыкновенно грубы и темны. Эти понятия вовсе не вмещают тех бесчисленных предметов, которые принадлежат духовному мышлению, а если что в них и вмещается, то это облекается в густую тьму, порождаемую мирскими заботами. Совсем иное дело, когда дух отрешается от тела и приходит в свое духовное состояние, что случается, когда он переходит из природного мира в духовный, который есть его собственный. Из вышесказанного ясно, что тогда состояние его, относительно мыслей и чувств (*affectio*), несравненно выше его предшествующего состояния и что, следовательно, мысли ангельские содержат в себе то, что не может быть ни высказано, ни передано и что поэтому не может войти в природные мысли человека, – хотя каждый ангел и родился и жил человеком, и тогда не казалось ему, чтобы в нем было более мудрости, чем в другом подобном ему человеке.

577. Сколь много мудрости и разума в ангелах, столь же много коварства и хитрости в адских духах. Степени одинаковы, потому что дух человека, отрешаясь от тела, предается или своему благу, или своему злу; ангельский дух предается своему благу, а адский дух своему злу. Ибо всякий дух, как образ любви своей, есть и образ своего блага или своего зла, что уже не раз было сказано и доказано. Следовательно, как ангельский дух мыслит, хочет, говорит и действует по своему благу, так точно и адский дух мыслит и действует по своему злу: мыслить, хотеть, говорить и действовать по своему злу значит мыслить, хотеть, говорить и действовать от полноты зла. Иначе было, когда дух этот жил еще в теле: тогда зло, принадлежащее духу человека, сдерживалось узами, которые на каждого человека налагаются законом, расчетом, честью, славой и страхом потерять их; поэтому духовное зло его не могло прорваться и объявиться, каким оно было само по себе. Кроме того, зло, принадлежавшее духу человека, таилось тогда и скрывалось под личиной честности, искренности, справедливости и любви (*affectio*) к истине и благу; все это человеком исповедовалось устами и выказывалось в делах ради мира, а зло под этой внешностью до того было затаено и укрыто во тьме, что сам человек едва знал, что в духе его столько коварства и хитрости и что, следовательно, он был уже в себе тем дьяволом, которым он становится после смерти. Когда дух его предоставляется самому себе и своей природе, тогда обнаруживается в нем такое коварство, что оно превосходит всякое вероятие: зло его тогда проявляется на тысячу ладов; иное такого рода, что нет слов ни на каком языке, чтоб описать его.

В чем оно состоит, мне дано было многими опытами узнать и увидеть, потому что мне дано было Господом в одно и то же время быть духом в мире духовном, а телом в мире природном. Я могу засвидетельствовать, что коварство злых духов так велико, что едва один случай из тысячи может быть описан; могу также засвидетельствовать, что без покровительства Господня ни один человек никогда не мог бы спастись от ада, потому что при каждом человеке столько же адских духов, как и небесных ангелов (см. н. 292–293).

Господь же не может хранить человека, если человек не признает Божественного начала и не живет жизнью веры и благостыни, ибо в противном случае, отвращаясь от Господа, он обращается к адским духам и, следовательно, дух его исполняется адским коварством. Тем не менее Господь постоянно отвращает человека от зла, которое он в сообществе таких духов постоянно, так сказать, прилагает или притягивает к себе. Отвращает же его Господь если не внутренними, совести принадлежащими узами, которых он не признает, когда отвергает Божественное начало, то по крайней мере узами внешними, т. е., как было сказано выше, страхом закона и его наказаний, страхом лишиться выгоды, чести или славы. Такой человек хотя, правда, и может быть отклонен от зла посредством удовольствий любви к себе и страхом потери их, но не может быть приведен к духовному благу, ибо по мере того, как он к нему приводится, он придумывает хитрости и обманы, представляясь и притворяясь, будто делает добро по правде и справедливости, желая убедить в этом других и, следовательно, обмануть их. Эта хитрость прибавляется ко злу духа его, придает ему образ (format) и делает его тем злом, каким оно и есть по природе своей.

578. Самые худшие из всех духов те, которые жили во зле, происходившем от любви к себе, и которые вместе с тем внутренне поступали обманчиво, потому что обман (dolus) проникает глубже в мысли и намерения, заражает их ядом и, следовательно, уничтожает всякую духовную жизнь в человеке. Большая часть этих духов живут в аду, находящемся позади, и называются гениями; тут их удовольствие состоит в том, чтобы делаться невидимыми, летать, подобно призракам, около других и внушать им тайно зло, которое разливается вокруг них, как яд змеиный. Те же, которые не были обманщиками и не насыщались злыми хитростями, но были, однако, во зле по любви к себе, также находятся в аду, позади, но не в столь глубоком. Те же, напротив, которые жили во зле по любви к миру, находятся в аду, который впереди, и называются духами: зло, которым они полны, не такого рода, т. е. это не такая ненависть и жажда мщения, как у тех, которые жили во зле по любви к себе, – следовательно, в них нет ни такого коварства, ни такой хитрости; вот почему и ад их не так жесток.

579. Мне дано было на опыте узнать, каково коварство так называемых гениев: они действуют и влияют не на мысли, а на чувства (affectio), они замечают и чувствуют их, как собака чует зверя в лесу; как только они замечают добрые чувства, они тотчас обращают их в дурные, направляя и склоняя их чудным образом посредством удовольствий самого человека; и так тайно, и с таким лукавым искусством, что он ничего об этом не знает, потому что они с таким же искусством устраняют в человеке всякую мысль об их вмешательстве – без этой предосторожности он заметил бы их действие. Место их пребывания в человеке – затылок. Эти гении, будучи в мире, принадлежали к числу тех людей, которые обманом завладевали умами (animos) других, направляя их и убеждая посредством удовольствий их чувств и страстей. Однако Господь отстраняет этих гениев от того человека, на преобразование которого есть надежда, ибо они таковы, что не только могут уничтожить совесть, но даже возбудить в человеке то наследственное его зло, которое иначе оставалось бы сокрытым. Поэтому, чтоб человек не вовлекался в такое зло. Господом предусмотрено, чтоб этот ад был совершенно замкнут, а когда какой-нибудь человек, который по нраву своему есть такой гений, приходит после смерти своей в ту жизнь, он тотчас же ввергается в этот ад. Эти гении, когда они рассматриваются по обманам и ухищрениям своим, кажутся змеями.

580. Каково коварство адских духов, видно из их ужасных ухищрений, которые столь многочисленны, что одно исчисление их наполнило бы книгу, а описание потребовало бы несколько томов; эти ухищрения почти все неведомы в мире. Один из видов их состоит в злоупотреблении соответствий, другой – в злоупотреблении последних степеней Божественного порядка, третий – в сообщении и влиянии (внушении) мыслей и чувств, вращаясь около человека (*per conversiones*), глядя на него и действуя или через других духов на расстоянии, или прямо через посланных от себя; четвертый – в действии посредством фантазий; пятый – в том, что они как будто выходят из себя и через это заявляют свое присутствие там, где их нет; шестой вид состоит в притворствах, уверениях и обманах. Дух злого человека по отрешении своем от тела сам приходит к этим ухищрениям, потому что они присущи природе того зла, которому он тогда предается. Этими ухищрениями жители ада мучают друг друга, но как все эти приемы, кроме притворств, соблазнов и обманов, неизвестны в мире, то я и не буду описывать их здесь в подробности как потому, что они останутся непонятными, так и потому, что они мерзки (*nefanda*).

581. Адские мучения допускаются Господом, потому что зло не могло бы иначе быть сдержано и подавлено. Единственное средство удерживать и укрощать его и равно обуздывать адское сонмище – страх наказания; другого средства нет. Без страха кары и мучения зло перешло бы в ярость и все бы рушилось (*dispergeretur totum*), как царство на земле, в котором бы не было ни закона, ни кары.

О виде, местоположении и множестве адов

582. В духовном мире, или в том мире, где живут ангелы и духи, видны те же предметы, как и в природном мире, в котором живут люди, и до того те же, что по внешнему виду нет между ними никакой разницы. Там видны равнины и горы, холмы и скалы, с долинами между ними; также и воды и многое другое, что на земле. Но тем не менее все эти предметы духовного происхождения, поэтому и видимы они только для духов и ангелов, а не для людей, которые живут в природном мире; духовные существа видят предметы духовного происхождения. Вот почему человек никак не может видеть глазами своими предметов, находящихся в духовном мире, если ему не дано быть в духе или покуда он сам после смерти не станет вполне духом. В свою очередь, ангелы и духи ничего не могут видеть в природном мире, если только они не находятся с таким человеком, которому дано говорить с ними, ибо глаза человека приспособлены к принятию света природного мира, а глаза духов и ангелов – к принятию света духовного мира, хотя на вид глаза тех и других совершенно одинаковы.

Что таков духовный мир, этого не может понять человек природный, и тем паче человек чувственный, т. е. тот, который верит только тому, что видит своими телесными глазами и осязает своими телесными руками, – следовательно, тому только, что он понял (*hausit*) зрением и осязанием; вот на чем основано его мышление, поэтому и мысли его вещественны, а не духовны. Вследствие такого сходства духовного мира с природным человек после смерти своей едва замечает, что он не в том мире, где он родился и который он покинул; по этой же причине смерть называется иногда переходом из одного мира в другой, ему подобный. О таком сходстве между тем и другим миром – см. что было сказано выше об изображениях и видимостях на небесах (н. 170–176).

583. В высших областях духовного мира находятся небеса, ниже их – мир духов, а под тем и Другим – ад. Небеса невидимы (*pop apparent*) для духов, находящихся в мире духов, разве только в том случае, когда открыто в них внутреннее зрение. Иногда же они бывают видимы как бы легкий туман (*nimbi*) или светлые облачки: это происходит оттого, что небесные ангелы находятся в более внутреннем состоянии относительно разума и мудрости и, следовательно, вне зрения тех, что находятся в мире духов. Те духи, которые живут в долинах

и равнинах, видят друг друга, но когда они тут разделяются, что случается при вступлении их в жизнь внутренних начал своих, тогда злые духи не видят добрых; добрые же духи хотя и могут видеть их, но отвращаются от них, а дух, отвернувшись, делается невидим.

Что же касается адов, то их не видно, потому что они закрыты; только входы, называемые воротами, бывают видны в то время, когда они растворяются для пропуска таких же духов, как адские. Все врата, ведущие к адам, открываются со стороны мира духов, и ни одни не открываются со стороны небес.

584. Ады есть везде: как под горами, холмами и скалами, так и под равнинами и долинами. Отверстия или врата, ведущие к адам, которые расположены под горами, холмами и скалами, кажутся на вид провалами или расселинами в скалах, из которых иные широки и просторны, другие тесны и узки и почти все обрывисты. Все они, когда смотришь на них, кажутся темными и мрачными, но адские духи, находящиеся внутри, видят свет, который похож как бы на свет от раскаленных углей. Глаза их приспособлены к принятию такого света вследствие того, что, живя в мире и отрицая Божественные истины, они были относительно их во тьме, а относительно лжи, утверждая ее, были как бы в свете (*lumine*); вот почему у них образовалось такое зрение и свет небесный кажется им тьмой, так что, когда они выходят из пещер своих, они ничего не видят. Из этого стало для меня как нельзя яснее, что настолько человек приходит к небесному свету, насколько он признает Божественное начало и утверждает в том, что относится к небесам и церкви; и обратно, что настолько он приходит к адской тьме, насколько отрицает Божественное начало и утверждает в том, что противно относящемуся к небесам и церкви.

585. Отверстия или врата, ведущие к адам, находящимся под равнинами и долинами, на вид различны: некоторые подобны тем, которые находятся под горами, холмами и скалами; другие подобны пещерам или норам; третьи подобны пропастям и пучинам; иные похожи на болота, а некоторые – на озера стоячей воды. Все они сверху закрыты и открываются только в то время, когда злые духи низвергаются туда из мира духов. Когда они открываются, оттуда изрыгается как бы огонь с дымом, как это бывает на пожаре, или как бы пламя без дыма, или как бы сажа, вылетающая из раскаленного горна, или как бы туман или темная туча. Я узнал, что адские духи не видят и не чувствуют этого огня, дыма и пр., потому что среди всего этого они как бы в своей атмосфере и, следовательно, в удовольствии своей жизни. Это происходит оттого, что эти вещи соответствуют злу и лжи, в которых они живут, а именно: огонь – ненависти и мщению; дым и сажа – лжи, от тех зол происходящей; пламя – злу любви к себе, а туман и густое облако – лжи, от этого зла происходящей.

586. Мне также дано было заглянуть в ады и видеть, каковы они внутри, ибо, когда Господу угодно, духи и ангелы, находящиеся сверху, могут зрением проникнуть в самую глубину адов и рассмотреть, каковы они, несмотря на то что они закрыты; таким же образом и мне дано было видеть их внутри. Иные ады показались мне на вид как бы пещерами или вертепами в скалах, сперва направляющимися внутрь, а потом вкось или отвесно в глубину. Некоторые ады показались мне как бы норами и берлогами диких зверей в лесу; другие – как бы сводчатыми пещерами и подземными ходами, какие бывают в рудокопнях, с углублениями внутрь.

Большая часть адов в три яруса: верхние кажутся внутри темными, потому что тут адские жители во лжи своего зла; нижние же ярусы кажутся огненными, – потому что тут духи живут в самом зле. Тьма соответствует лжи, происходящей от зла, а огонь самому злу. В самом глубоком аду живут те, что внутренне поступали по злу, а в менее глубоком – те, что поступали так более внешним образом, т. е. по лжи от зла.

В некоторых адах виднеются как бы развалины домов и городов после пожара – тут живут и скрываются адские духи. В менее жестоких адах виднеются как бы плохие избышки, иногда сплошь наподобие города, с улицами и площадями: в этих домах обитают адские духи, предаваясь постоянно ссорам, распрям, дракам и истязаниям; на улицах и площадях совершается

воровство и грабеж. В иных адах только одни распутные, отвратительные на вид дома, полные всякого рода нечистот и извержений. Есть там и темные леса, в которых адские духи скитаются, как дикие звери, и в которых также есть подземные пещеры, служащие местом убежища для преследуемых. Есть там и пустыни, в которых нет ничего, кроме песка и бесплодия; кое-где тут попадаются крутые скалы с пещерами, а иногда и хижинки: в эти пустынные места выгоняются из ада те, что перенесли крайние муки, в особенности те, что в мире превзошли других искусством обмана и вымыслом хитростей; такова напоследок их жизнь.

587. Что же касается местоположения адов в частности, никто этого не может знать, даже ангелы на небесах; это ведомо одному Господу. Но их общее местоположение известно по сторонам света, в направлении которых они находятся, потому что ады относительно сторон света расположены, как и небеса; стороны же света распределяются в духовном мире по роду любви.

Все стороны света начинаются на небесах от Господа как солнца, т. е. от востока; а как ады противоположны небесам, то их стороны света начинаются с противоположной стороны, т. е. с запада (см. об этом главу о четырех сторонах света на небесах, н. 141–153). От этого происходит, что ады на западной стороне самые жестокие и ужасные, и тем более жестоки и ужасны, чем они более удалены от востока. В этих адах находятся те, что в мире жили в любви к себе и потому в презрении к другим, во вражде к тем, которые им не благоприятствовали, в ненависти и мщении против тех, кто не почитал их и не поклонялся им. В самых отдаленных местах этих адов находятся те, которые, принадлежа к так называемому римско-католическому вероисповеданию, желали, чтобы им поклонялись как богам, и вследствие того возгорались ненавистью и мщением против всех, не признававших их права над человеческой душой и над небесами; они и после смерти своей исполнены того же духа, т. е. той же ненависти и страсти мщения против тех, которые противятся им. Их величайшее удовольствие в жестокостях, но в той жизни эти страсти обращаются против них самих, потому что в этих адах их, которыми полна вся западная сторона, каждый неистовствует против того, кто не признает в нем Божественной власти; но об этом будет сказано более в сочинении *О Последнем суде и разрушенном Вавилоне*.

Каким образом ады расположены в этой стороне, этого знать нельзя, кроме того разве, что самые жестокие из них простираются по краям к северной стороне, а менее жестокие к южной; таким образом, жестокость адов убывает от северной стороны к южной и также постепенно к востоку. На востоке находятся те, которые были высокомерны и не верили в Божественное начало, но которые, однако, не предавались ни такой ненависти, ни такому мщению, ни таким обманам, как те, что находятся в самых глубоких местах западной стороны.

В настоящее время в восточной стороне нет адов; те, что были тут, перенесены в переднюю часть западной стороны. Ады в северной и южной стороне многочисленны; в этих адах находятся те, что, живя на земле, предавались любви к миру и потому разного рода злу, как-то: неприязни, вражде, утайке, краже, хитрости, скупости, немилосердию. Самые жестокие ады этого разряда на северной стороне, а менее жестокие на южной; жестокость их увеличивается по мере приближения их к западной стороне и по мере отдаления их от южной.

Позади адов западной стороны темные леса, в которых злые духи скитаются, как дикие звери. Есть также леса и позади адов северной стороны; но позади адов южной стороны находятся пустыни, о которых только что говорилось выше. Вот все, что можно сказать о местоположении адов.

588. Что же касается их многочисленности, то их столько же, как и ангельских обществ на небесах, потому что каждому небесному обществу соответствует по противоположности адское общество. Что небесные общества многочисленны и что они все различаются по благам любви, благостыни и веры – см. об этом главу об обществах, из которых состоят небеса (н. 41–50), и главу о необъятности небес (н. 415–420).

То же самое можно сказать и об адских обществах; они различаются по роду зла, благу противоположного. Всякое зло, как и всякое благо, бесконечно разнообразно. Этого не могут понять те, которые имеют одно только простое понятие о каждом зле, например о презрении, о вражде, о ненависти, о мщении, об обмане и тому подобном. Но да будет ведомо, что каждое такое зло содержит в себе столько особенных оттенков (*differentias*) и затем каждый из них столько новых особенных или частных оттенков, что целой книги было бы недостаточно для их исчисления.

Ады так отчетливо и по порядку расположены, согласно оттенку каждого рода зла, что ни в чем не может быть большего порядка или отчетливости; из этого можно видеть, что ады бесчисленны, возле или вдали друг от друга, смотря по различию видов зла вообще, в частности и в особенности. Есть также ады под адами; некоторые из них сообщаются между собой посредством проходов, но большая часть из них – посредством испарений, и это делается точно так же по сходству одного рода и вида зла с другим.

Как велико число адов, мне дано было узнать из того, что они находятся под каждой горой, под каждым холмом, под каждой скалой и также под каждой равниной и долиной духовного мира и что они под ними простираются в длину, ширину и глубину. Одним словом, все небеса и весь мир духов как бы снизу вырыты, (*excavati*), и под ними сплошной ад. Вот что можно сказать о многочисленности адов.

О равновесии между небесами и адом

589. Для существования чего бы то ни было необходимо, чтобы все было в равновесии; без равновесия нет ни действия, ни воздействия, потому что равновесие имеет место между двух сил, из которых одна действует, а другая воздействует; состояние покоя, происходящее от одинакового действия и воздействия, называется равновесием.

В природном мире есть равновесие во всем и в каждой вещице; также и в самих атмосферах, в которых низшие слои воздействуют и сопротивляются, насколько верхние действуют и нажимают. В природном мире есть также равновесие между теплом и холодом, между светом и тьмой, между сухим и влажным; средняя температура есть равновесие. Есть также равновесие и во всех предметах всех трех царств природы, т. е. ископаемого, растительного и животного, потому что без равновесия в них ничего не живет (*existit*) и не существует (*subsistit*); везде есть как бы усилие, действующее с одной стороны и как бы воздействующее с другой.

Всякое бытие (*existentia*), или всякое проявление (*effectus*), совершается в равновесии (*fit in equilibrio*), но совершается вследствие того, что одна сила действует, а другая дает на себя действовать, или что одна сила, влияя, действует, а другая принимает и должным образом уступает. В природном мире то, что действует и воздействует, называется силой и усилием (*conatus*), но в духовном мире то, что действует и воздействует, называется жизнью и волей; там жизнь есть живая сила, а воля – живое усилие, само же равновесие называется свободой. Таким образом, духовное равновесие, или свобода, образуется и существует между благом, которое действует с одной стороны, и злом, которое воздействует с другой; или между злом, которое действует с одной стороны, и благом, которое воздействует с другой.

В добром человеке равновесие образуется между благом, которое действует, и злом, которое воздействует; а в злом человеке равновесие образуется между злом действующим и благом воздействующим.

Духовное равновесие образуется (*est*) между благом и злом вследствие того, что все, принадлежащее жизни человека, относится ко благу или ко злу и что воля служит тому приемником.

Есть также равновесие между ложью и истиной, но это равновесие зависит от равновесия между добром и злом. Равновесие между истиной и ложью подобно равновесию между светом

и тьмой, которые действуют на предметы растительного царства только по мере присутствия в них тепла и холода. Что свет и тьма сами по себе ничего не производят, а что тепло действует через них, это можно видеть из того, что зимой есть такой же свет и темнота, как и весной.

Сравнение истины и лжи со светом и тьмой основано на соответствии, ибо истина соответствует свету, ложь – тьме, а тепло – благу любви; кроме того, духовный свет есть истина, духовная тьма есть ложь, а духовное тепло – благо любви. См. об этом главу, в которой говорилось о свете и тепле на небесах (н. 126–140).

590. Между небесами и адом существует постоянное равновесие: из ада постоянно дышит и возникает усилие делать зло, а с небес постоянно дышит и нисходит усилие делать добро. Среди этого равновесия находится мир духов, который занимает середину между небесами и адом (см. н. 421–431).

Мир духов находится в этом равновесии вследствие того, что всякий человек после смерти своей приходит сперва в мир духов и содержится тут в таком же точно состоянии, в каком он был и на земле, что не могло бы делаться, если б не было тут полного равновесия. При таком только равновесии все духи могут быть рассмотрены относительно качеств своих, ибо они тогда предоставлены той же свободе, которой они пользовались и на земле; духовное равновесие как для человека, так и для духа есть свобода, как уже и было сказано выше (н. 589). Ангелы на небесах узнают качество свободы каждого духа через сообщение его внутренних чувств (*affectio*) и происходящих от них помышлений. Это качество становится видимо для ангельских духов из того пути, по которому идут находящиеся в мире духов; добрые духи идут по путям, которые ведут к небесам, а злые духи по путям, которые ведут к аду. Пути в том мире являются в действительности, поэтому пути в Слове означают истины, ведущие к благу, а в противоположном смысле – ложь, ведущую ко злу; поэтому также выражения: идти, ходить, ехать – означают в Слове преуспеяние (*progressiones*), или ход и развитие жизни. Мне неоднократно дано было видеть такие дороги и как свободно духи ходили по ним смотря по внутренним чувствам своим и происходящим от них помышлениям.

591. Зло постоянно дышит и подымается из ада, а благо постоянно дышит и опускается с небес, потому что каждый человек окружен духовной сферой, которая исходит и вытекает из жизни его внутренних чувств и порождаемых ими помышлений. А как такая сфера жизни исходит от каждого человека, то она исходит и из каждого небесного и из каждого адского общества, следовательно, и из всех обществ вместе, т. е. из всех небес и из всего ада. Благо исходит (*effluat*) от небес, потому что все там живут во благе, а зло исходит из ада, потому что все там живут во зле. Все благо, текущее с небес, исходит от Господа, ибо все ангелы на небесах отклоняются (*distinentur*) от своей соби и содержатся в соби Господней, которая есть само благо; меж тем как все духи, живущие в аду, находятся в своей соби, а собь каждого есть не что иное, как зло и вследствие того ад. Из этого видно, что равновесие, в котором содержатся ангелы на небесах и духи в аду, не подобно равновесию в мире духов. Равновесие ангелов соразмерно тому, насколько они хотели быть во благе или насколько жили в нем, будучи на земле, и, следовательно, насколько зло было для них противно; равновесие же духов в аду соразмерно тому, насколько они хотели быть во зле или насколько жили в нем, еще будучи в мире, а следовательно, и насколько они были сердцем и душой против блага.

592. Если б Господь не управлял как небесами, так и адом, то никакого бы не было равновесия, а без него не стало бы небес и ада, потому что все в мире, как в природном, так и в духовном, содержится равновесием: всякий человек с рассудком может постичь, что это так; если положить весу только с одной стороны, ничего не положив с другой, разве не погибнет та и другая? То же самое было бы и в духовном мире, если б благо не воздействовало против зла и не сдерживало постоянно его восстаний. Если б это не делалось единственно Божественным началом, то погибли бы небеса и ад, а с ними и весь род человеческий. Я сказал: «Если б это не делалось единственно Божественным началом», потому что собь каждого ангела и духа есть

не что иное, как зло (см. н. 591); вследствие чего никогда ни один дух и ни один ангел не могут противиться злу, постоянно дышащему из ада, ибо по соби своей они все клонятся к нему. Из этого ясно, что если б Господь не управлял один как небесами, так и адом, то никто бы не мог спастись. Кроме того, все ады действуют как одна сила, ибо все роды зла в аду совокупны, как все роды блага на небесах; а противиться всем адам, которые бесчисленны и действуют вместе против небес и против всех там живущих, возможно одному только Божественному началу, единственно от Господа исходящему.

593. Равновесие между небесами и адом уменьшается и увеличивается смотря по числу пришельцев небес и ада, а их ежедневно прибывают туда многие тысячи. Ни один ангел не может ни ведать, ни постигать уменьшения или увеличения равновесия, ни сдерживать или равнять чаши весов. Один Господь может это делать, потому что Божественное, от Господа исходящее начало вездесуще и везде видит, где что-нибудь колеблется; ангел видит только то, что возле него, и даже не замечает в себе (*percipit in se*) того, что делается в его обществе.

594. Каким образом на небесах и в аду все так расположено, что все там, как вообще, так и в частности, находятся в своем равновесии, это может быть несколько видно из того, что было выше сказано и показано о небесах и об аде, а именно из того, что все небесные общества расположены в величайшем порядке смотря по благам и по родам и видам благ, а все адские общества по злу и различным родам и видам зла; далее из того, что под каждым небесным обществом есть противоположно соответствующее ему адское общество и что из этой противоположной ответственности происходит равновесие. Поэтому Господь и предусматривает постоянно, чтоб адское общество, находящееся под небесным, не возымело над ним верх, а если оно начинает осиливать, то оно разными средствами удерживается и приводится к должному равновесию. Эти средства многочисленны; из них упомяну только о некоторых: они состоят или в более сильном присутствии Господа, или в более тесном сообщении и соединении одного или нескольких обществ с другими; или в том, чтоб отбросить в пустыню излишек адских духов, или в том, чтоб переселить нескольких адских духов из одного ада в другой; или в том, чтоб находящихся в аду привести в порядок, что также делается различными средствами; или в том, чтоб скрыть некоторые ады под более плотным и грубым кровом, или еще в том, чтоб их опустить на большую глубину, – не говоря о других средствах и тех, которые употребляются в находящихся над ними небесах. Все это было сказано, чтоб можно было хоть немного постичь, что Господь один предусматривает, чтоб везде было сохранено равновесие между благом и злом и, следовательно, между небесами и адом, ибо на таком-то равновесии зиждется спасение всех на небесах и на земле.

595. Должно знать, что ады постоянно нападают на небеса и стараются уничтожить их, а что Господь постоянно охраняет небеса, отвращая их жителей от зла, исходящего от соби, и содержа их во благе, исходящем от Него самого. Мне часто дано было постигать вытекающую из ада сферу, – она вся состояла из усилий уничтожить Божественное начало Господне, а следовательно, и небеса. Я также видел иногда вскипания (*ebullitiones*) некоторых адов: это были усилия, чтоб себя освободить и все уничтожить. Небеса же, напротив, никогда не нападают на ад, потому что Божественная, от Господа исходящая сфера есть постоянное усилие спасти всех; а как находящиеся в аду не могут быть спасены, потому что они погружены во зло и противятся Божественному началу Господню, то, по возможности, возмущения и свирепства их подавляются и укрощаются, чтоб они, восстав друг на друга, не перешли должных границ; и на это также есть бесчисленные средства, зависящие от Божественного всемогущества.

596. Небеса разделяются на два царства: небесное и духовное (см. н. 20–28). Подобным образом и ад разделяется на два царства: одно из них противоположно небесному царству, а другое духовному. Противоположное небесному царству находится на западной стороне, и живущие тут называются гениями; другое же адское царство, духовному противоположное, находится в северных и южных сторонах, и живущие тут называются духами. Все находящи-

еся в небесном царстве живут в любви к Господу, а все находящиеся в аду, противоположном этому царству, живут в любви к себе; все находящиеся в духовном царстве живут в любви к ближнему, а все находящиеся в аду, противоположном этому царству, живут в любви к миру. Из этого мне стало ясно, что любовь к Господу и любовь к себе противоположны, как любовь к ближнему и любовь к миру. Господом постоянно предусматривается, чтоб из ада, противоположного небесному царству Господню, ничего не влияло (*effluat*) на тех, кто находится в духовном царстве: если б это случилось, то духовное царство погибло бы; а почему – см. выше н. 578, 579. Вот в чем состоит то и другое общее равновесие, нарушение которого постоянно Господом предотвращается.

Человек свободен вследствие (*per*) равновесия между небесами и адом

597. Выше говорилось о равновесии между небесами и адом и было показано, что это равновесие есть равновесие между благом, исходящим от небес, и злом, исходящим от ада, что, следовательно, это есть духовное равновесие, которое в сущности своей есть свобода, потому что оно находится между благом и злом и между истиной и ложью и что эти вещи духовны. Вот почему иметь возможность хотеть благо или зло, мыслить истину или ложь и выбирать одно перед другим – есть та свобода, о которой здесь говорится. Эта свобода предоставлена Господом каждому человеку и никогда у него не отнимается. Хотя она по происхождению своему принадлежит не человеку, а Господу, от которого она исходит, тем не менее она вместе с жизнью дается человеку как нечто свое (*sicut suum*), и это с той целью, чтобы человек мог преобразоваться и спастись; без свободы же не может быть никакого преобразования и никакого спасения. Всякий, кто только одарен рассудком, видит, что человек свободен мыслить благо или зло, искренно или неискренно, справедливо или несправедливо; что он свободен говорить и поступать хорошо, честно и справедливо, но не свободен поступать нехорошо, нечестно и несправедливо вследствие законов духовных, нравственных и гражданских, которыми внешний человек его связан. Из этого ясно, что дух человека, т. е. то, что в нем мыслит и хочет, одарено свободой; но что внешнее в человеке, т. е. то, что говорит и действует, не свободно, если только не согласно с законами духовными, гражданскими и нравственными.

598. Человек не может преобразоваться, не будучи свободным, потому, что он рождается во зле всякого рода, которое, чтобы спастись человеку, должно быть от него удалено. Но удалено оно быть не может, если человек не видит его в себе, не сознает его, не перестает хотеть его и, наконец, не гнушается его: тогда только зло удаляется. Этого не могло бы быть, если б сам человек не находился как во благе, так и во зле, потому что посредством блага он может видеть зло, но посредством зла не может видеть блага. Духовное благо, о котором человек может мыслить, им узнается еще с детства из чтения Слова и слушания проповедей, а благо нравственное и гражданское узнается им живя в мире. Вот почему, во-первых, человек должен быть свободен; во-вторых же, потому, что человеку присваивается только то, что делается им по внутреннему чувству (*affectio*), принадлежащему любви. Много другое, правда, может войти в дух его, но собственно только в мысль, а не в волю его, – а что не входит в саму волю человека, то не становится его собственностью, потому что мысль извлекает все свое из памяти, а воля извлекает все свое из самой жизни. Никогда нет свободы в том, что не исходит от воли или, что то же, от чувства, принадлежащего любви. Все, что человек хочет и любит, он делает свободно, из чего следует, что свобода человека и чувство, любви или воле его принадлежащее, составляют одно. Итак, человеку дана свобода на то, чтоб он мог любить (*affici*) истину и благо, дабы таким образом истина и благо могли стать его собственностью. Словом, все, что не входит в человека свободно (*in libero*), не остается в нем, потому что оно не принадлежит его любви или его воле, а что не принадлежит его любви или его воле, то не принадлежит его духу, ибо сама

сущность (*esse*) духа человеческого есть любовь или воля; сказано любовь или воля, ибо что любит человек, то он и хочет. Вот причины, по которым человек не может преобразоваться, не будучи свободным.

599. Для того чтоб человек был свободен и мог через это преобразоваться, он соединен – относительно духа своего – с небесами и адом, ибо при каждом человеке есть адские духи и небесные ангелы. Через адских духов человек находится в своем зле, а через небесных ангелов он находится во благе, исходящем от Господа; таким образом, он находится в духовном равновесии, т. е. в свободе. Что адские духи и небесные ангелы находятся при каждом человеке, это видно в главе о соединении небес с родом человеческим (н. 291–302).

600. Должно знать, что соединение человека с небесами и адом не непосредственное, но посредственное через духов, которые находятся в мире духов; эти-то духи находятся при человеке, но при нем нет ни одного духа из самого ада или из самих небес. Через злых духов, находящихся в мире духов, человек соединяется с адом, а через добрых духов, находящихся в том же мире духов, он соединяется с небесами, вследствие этого мир духов и занимает среднее место между небесами и адом и образует тут между ними равновесие. Что мир духов есть среднее место между небесами и адом – см. об этом главу о мире духов (н. 421–431); а что тут самое равновесие между небесами и адом – см. об этом предшествующую главу (н. 589–596). Из этого теперь видно, откуда происходит человеческая свобода.

601. Скажу еще несколько слов о духах, приставленных (*adjuncti*) к человеку. Целое общество может сообщаться с другим обществом или с одним духом, где бы он ни был, через посланного от себя духа; этот дух называется посланцем (*subjectus plurium*). Точно так и соединение человека с обществами на небесах и с обществами в аду совершается через духов, приставленных к человеку из мира духов.

602. Должно под конец упомянуть о врожденном человеку понятии (*de insito*) о жизни его после смерти – понятии, образующемся вследствие небесного на него наития: несколько духов из простого народа и жившие в мире во благе веры были приведены в то духовное состояние, в котором они жили на земле, что, если Богу угодно, может быть сделано с каждым, и тогда было показано, в чем состояло их понятие о состоянии человека после смерти. Вот что сказали эти простые духи: когда разумные люди (*intelligentes*) спрашивали нас в мире, что думаем мы о нашей душе после земной ее жизни, мы отвечали им, что не знаем, что такое душа. Что же вы думаете, продолжали они, о вашем состоянии после смерти? Мы отвечали им, что будем жить как духи. Тогда они спросили: что же, по-вашему, дух? Мы отвечали: дух есть человек. На вопрос их: откуда мы это знаем? – ответ наш был: мы знаем это потому, что оно так есть. Разумники дивились, что такая вера живет в народе, а что в них ее нет. Из этого ясно, что в каждом человеке, не отлученном от небес, есть врожденное понятие (*insitum*) о жизни его после смерти. Это врожденное понятие не от иного источника, как от наития с небес, т. е. от Господа через небеса и через тех духов, которые в мире духов приставлены к человеку. Это понятие свойственно тем, в ком свобода мышления не подавлена ранее принятыми, потом утвердившимися понятиями (*principiis*) о душе человеческой вроде тех, что она только одна мысль или какое-либо одушевленное начало, местопребывание которого в теле; меж тем как душа есть только жизнь человека, а дух есть самый человек. Земное же тело, в которое он облечен на земле, есть только орудие, посредством которого дух этот, т. е. самый человек, приспособляясь к миру природному, действует в нем.

603. Все, что в этом сочинении сказано о небесах, о мире духов и об аде, покажется темным для тех, кто не находит удовольствия в познании истин духовных, но ясным для тех, кто находит в этом удовольствие, и в особенности для тех, кто любит (*sunt in affectione*) истину ради истины, т. е. за то, что она есть истина, ибо все, что человек любит, входит вместе со светом в понятия духа его, в особенности же когда любимый предмет – есть истина, ибо всякая истина есть свет.